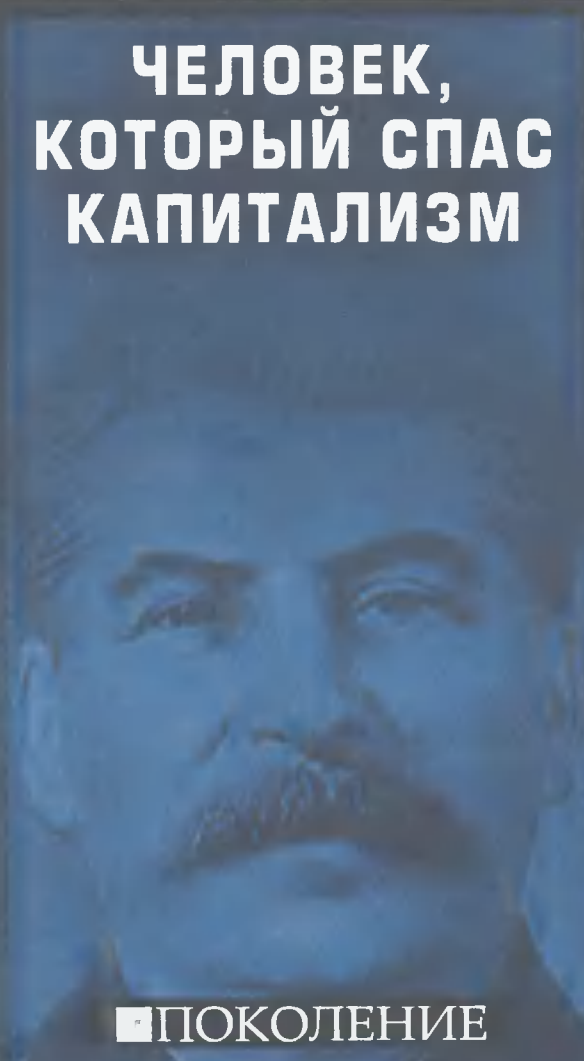

Л ь ю и с. Е.

КАПЛАН

СТАЛИН

**ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ СПАС
КАПИТАЛИЗМ**

 ПОКОЛЕНИЕ

СТАЛИН

**ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ СПАС
КАПИТАЛИЗМ**

GOD BLESS YOU JOE STALIN

**The Man Who
Saved
Capitalism**

Lewis E. Kaplan

**Algora Publishing
New York**

ЛЬЮИС Е. КАПЛАН

СТАЛИН

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СПАС КАПИТАЛИЗМ

Перевод с английского Р.Оганяна

Москва

■ ПОКОЛЕНИЕ

2007

УДК [32+33] (73)"19"+94(470:73)"19"

ББК 63.3(2)631-64+65.9(7Coe)-18+66.3(7Coe)+66.4(2Poc),9(Coe),3
К 20

Каплан Льюис Е.

К 20 **СТАЛИН. Человек, который спас капитализм / Пер. с англ.
Р. Оганяна. — М.: Поколение, 2007. — 352 с.**

ISBN 978-5-9763-0064-4 (рус.)

ISBN 0-87586-464-3 (англ.)

ISBN 0-87586-466-X (англ.)

Заголовок глубокого и блестящего исследования Льюиса Каплана, звучащий несколько провокационно, может заставить подозревать автора в стремлении привлечь внимание читателя любой ценой. Однако в действительности автор отнюдь не склонен к дешевым спецэффектам — для него несомненна роль Сталина как важнейшего фактора усиления и широкого распространения рыночной экономики. Деятельность знаменитого диктатора, считает он, навсегда изменила формы капитализма и методы их реализации, что в свою очередь привело к невероятному и невиданному процветанию США и части остального мира. В своей книге Льюис Каплан показывает механизмы политических и экономических решений руководства США во второй половине XX века. Пружинами, приводящими в действие американскую государственную машину, оказываются ответы на поступки Иосифа Сталина. Как следует из рассуждений Каплана, даже после смерти Сталина США продолжали бороться с тем образом будущего, который родился у него в голове. В качестве главной движущей силы истории автор рассматривает экономические интересы целых стран и отдельных людей — сливаясь и пересекаясь между собой, они создают течения и водовороты глобальной политики.

УДК [32+33] (73)"19"+94(470:73)"19"

ББК 63.3(2)631-64+65.9(7Coe)18+66.3(7Coe)+66.4(2Poc),9(Coe),3

ISBN 978-5-9763-0064-4 (рус.)

ISBN 0-87586-464-3 (англ.)

ISBN 0-87586-466-X (англ.)

Copyright © 2006 by Algora Publishing
All rights reserved.

© Оганян Р.Р., перевод, 2007

© Амигтон Е.Л., художественное
оформление, 2007

© ООО «Издательство «Поколение», 2007

*Моей жене Кэролин,
без советов которой и внимательного участия
в работе создание этой книги было бы невозможным*

Содержание

Введение	9
Глава 1. Эволюция Всемогущего Доллара.....	23
Глава 2. Удивительная экономика США	57
Глава 3. По ту сторону Добра и Зла: другой портрет Иосифа Сталина	75
Глава 4. Противоречия государственного социализма	107
Глава 5. Начало «холодной войны» — президентство Трумэна....	117
Глава 6. «Холодная война» на нейтральной передаче — президентство Эйзенхауэра	155
Глава 7. Расширение «холодной войны» — президентство Кеннеди	199
Глава 8. «Великое общество» — президентство Линдона Джонсона	229
Глава 9. Республиканец-отступник — президентство Никсона....	253
Глава 10. Фрустрация — президентство Форда и Картера	269
Глава 11. Америка в наступлении — президентство Рейгана	291
Глава 12. Окончание «холодной войны» — президентство Джорджа Буша-старшего	309
Эпилог: Исчезнувший след	319
Приложения	334
Рекомендованная литература.....	349

Введение

На рубеже веков капитализм сотворил свое первое чудо XX века, многомиллиардную корпорацию United States Steel. И сегодня, благодаря усилиям американского банкира Дж. П. Моргана и необходимой поддержке магната сталелитейной индустрии Эндрью Карнеги, Америка остается главной капиталистической державой мира. Объемы продаж корпорации United States Steel на сегодня превышают дефицит государственного бюджета США в 1900 году. Еще сто с небольшим лет назад миллиард долларов был всего лишь условной суммой, в которой может измеряться заоблачная «голубая» мечта американского бизнесмена. А сегодня активы фирмы Билла Гейтса, одного из основателей компании Microsoft, оцениваются более чем в 50 миллиардов долларов. В настоящее время существует более 300 долларовых миллиардеров по данным журнала Forbes (на 2007 год по всему миру их около 900 человек, по данным того же источника. — *Прим. пер.*). По данным исследовательской компании TNS, число «домохозяйств» с доходом более 1 миллиона долларов превышает в США 8 миллионов, без учета стоимости их частных жилых домов.

Если добавить эти цифры к состояниям европейских богачей, разжиревших на нефтяных потоках арабских шейхов Персидского залива, и к холдингам российских олигархов, которые получили свое богатство в результате «приватизации» бывшего имущества Советского Союза, то получится ошеломляющая сумма. Откуда пришло это несметное богатство, исчисляющееся в десятках триллионов долларов? Может, тут помог некий дух с волшебной лампой Аладдина? Или, вопреки здравому смыслу, усилия одного человека смогли создать такой впечатляющий капитал?

Не правы будут те, кто воспримет заголовок этой книги за проявление иронии, желание подорвать какие-либо устои и так далее. Нет. Эта книга написана о человеке, который навсегда изменил формы капитализма и методы их реализации, что, в свою

очередь, привело к невероятному и невиданному процветанию США и части остального мира.

Если допустить подобное предположение, то это поставит под вопрос коллективный разум, здравый смысл в целом. Однако повторим еще раз: коллективный разум существует лишь до тех пор, пока его не опрокинут. Но, в конечном счете, история есть изложение цепи неких событий, иногда простодушно перевранных, иногда нет, но в целом соответствующее тому необходимому порядку, в котором ученые их размещают, чтобы понять, что же вообще произошло. Проследить за прошедшими событиями не представляет особого труда, поскольку у историков есть физические данные (имеются в виду не только документальные, археологические изыскания, но и радиоуглеродный метод установления возраста предметов и геолого-химические исследования слоев культурных пород. — *Прим. пер.*). Нет, именно интерпретация полученных данных часто является причиной ошибок историков. В конечном счете объективность теряется, потому что победитель наконец откладывает меч и берется, условно говоря, за перо.

Сегодня Иосифа Сталина описывают как диктатора, правившего Советским Союзом железной рукой ради своей цели — возникновения социалистического государства под властью (или хотя бы в интересах) некоего пролетариата. На самом деле это была попытка правящей клики, возглавляемой Сталиным, создать новое общество, в котором понятие «экономической справедливости» будет превосходить по значимости то, что на Западе называется моралью.

И это есть фундаментальная ловушка марксизма. Вместо использования плодов труда многих некоторыми немногими предполагается их (плодов) распределение по справедливости среди всех для достижения общего благосостояния народа. Это была попытка Карла Маркса и других перехватить струю течения европейского романтического движения на рубеже XVIII—XIX веков, направить ее в русло философского понимания (и придать этому соответствующую базу). Или же это был воинственный клич французской революции, с ее знаменитым лозунгом «свобода, равенство, братство», которому придали оболочку германской детерминистской философии.

Это звучало достаточно романтично и необычно, чтобы привлечь небольшую часть тогдашней интеллигенции, которая вос-

приняла (мессианский по сути) призыв Маркса к социальной (и экономической) справедливости. Это испугало буржуазию того времени, поскольку этот новый пророк «Ветхого Завета» предрекал неизбежность такого переворота в жизни.

Это не книга о Марксе, который и сегодня еще в некоторых академических кругах считается авторитетным ученым. Нет, эта книга написана о Сталине, о его взглядах на Советский Союз и на мир капитализма, в окружении которого происходил этот эксперимент по созданию «социалистического» общества. Здесь не преследуется цель критиковать или оправдывать его действия, в книге сделана попытка оценить действия этого человека в определенной перспективе последствий. Если посмотреть на Сталина таким образом, можно будет понять, почему уже после полувека после его смерти сохранился неизгладимый отпечаток на современном обществе — пусть отчасти и стертый неумолимым временем — в результате его деятельности. Возглавив стремление людей попасть из России в землю обетованную, он привел в движение все народы на земле. В отличие от Маркса, который сейчас выглядит лишь теоретиком, упрощенно рассматривающим мир вещей, Сталин был прагматиком. Он создал нечто, не существовавшее ранее, — жизнеспособное социалистическое государство.

Маркс предрекал, что приход пролетариата к политической власти неизбежен, а Сталин понял, что только сила может принести желаемые результаты. Жестоко-честный и отчасти циничский взгляд на вещи был воспринят внешним миром как разнузданное варварство. По мнению Сталина, насилие было необходимо, чтобы социалистическая экономика достигла расцвета. Но он не имел ни времени, ни желания ждать, пока пролетариат осознает уготованную ему участь. Как он потом обронит в разговоре с писателем Джоном Гантером, «миллион смертей — это статистика. Одна смерть — это трагедия».

По мнению тех на Западе, кто резко критически относился к Сталину, и тех, кому удалось выжить в условиях советской системы, созданной им, это был человек, абсолютно лишенный морали. Никто не хотел принять мысль, что его целью было создание новой породы людей, лишенных «самости», которые будут способны постепенно обучиться подчинять свои желания и личностное своеобразие общественной пользе в целом. Именно так

Маркс описывал людей будущего в своих произведениях, а Сталин решил воплотить это в реальности.

Он увидел себя, после смерти Ленина, единственным оставшимся дееспособным большевиком, который может внести порядок в царящий хаос. Российская империя, которой теперь управляли большевики, объединила совершенно разные народы, различные культуры, религии, языки и обычаи. И он был уверен, что только ему суждено справиться с этой невероятно сложной задачей, поскольку он хорошо знал эту множественность, эту дробность культуры страны. Если удастся великий эксперимент по созданию социалистического государства из того несчастного наследия, что осталось от прогнившего царского режима, то тогда первейшей задачей станет объединение этих разрозненных и порой враждебных национальностей в великую Россию, где, однако, всем будет позволено сохранять важнейшие элементы своей национальной идентичности. Сталин был по национальности грузином и прекрасно знал о центробежных силах, которые могли разорвать Советский Союз еще прежде, чем он создаст прочную основу для развития.

Великие люди обычно не ожидают, что власть преподнесут им «на блюдечке с голубой каемочкой». Не стоит заблуждаться — когда историки лет через сто станут обсуждать век двадцатый, Сталина назовут, пожалуй, самым значительным политиком своего времени. Что же до сегодняшних суждений, когда некогда могущественная империя оказалась выброшенной на свалку истории, то Сталина оценивают лишь по невероятным жестокостям во времена его правления — по отношению к гражданам СССР и стран-союзников. Его достижения похоронены под толстым слоем исторической пыли. А ведь всего за примерно пятнадцать лет, начиная со второй четверти XX века, была создана мощная индустриальная империя. Бесплатное образование стало доступным даже в отдаленных уголках огромной по территории страны. Бесплатная медицинская помощь также стала доступна всем гражданам. А высшее образование не только не требовало оплаты, а строилось на основе выплаты учащимся стипендий. Наконец, всякий трудоспособный человек имел право гарантированно получить работу.

Вот за такое небольшое время одна из самых отсталых стран Европы получила шанс стать современным государством. Мос-

ковское метро, открытое в 1936 году, было самым лучшим в мире. Плотины с гидроэлектростанциями обеспечивали миллионы людей электроэнергией. Совершить подобный «подвиг Геракла» в короткое время — о, для этого потребовалась строгая дисциплина. И те, кто только пытался противиться этой системе, были раздавлены. Он мог бы сказать: «Вам не сделать революцию в шелковых перчатках». Да, затем последовала гибель миллионов так называемых «кулаков» на Украине, которые противились осуществлению государственной программы коллективизации их частных хозяйств. В Советском государстве вся власть сосредотачивалась в правительстве. Маркс, в своем романтическом представлении о социализме, мог называть пролетариат правящим классом. Но в Советском Союзе правили Сталин и те, кто сумел избежать его чисток.

И здесь — ахиллесова пята всякого почитаемого или внушающего ужас вождя. Пока он жив, он может поступать, как посчитает нужным, не обращая внимания на возможные вопросы по поводу этого. Но когда он, не терпевший никакой оппозиции в период правления, покидает сцену, там образуется вакуум, который практически невозможно заполнить. Сокрушая всяческую оппозицию своему режиму, Сталин оставил после себя только последователей, но не лидеров, и они оказались не способны самостоятельно мыслить. Политбюро было в своем роде «уан-мэн-шоу», театром одного актера.

Для западного человека непросто понять его статус. Ведь он был не человеком, а человеко-Богом. Буквально почти из ничего он выковал современную державу. Да, он сделал это посредством массового устрашения и жестокостей. Но мощь его власти позволила Советскому Союзу после Второй мировой войны стать второй по силе ведущей державой на земном шаре. В Политбюро каждый шаг, предпринятый его наследниками, оценивался в сравнении с тем, как поступил бы Сталин в аналогичных обстоятельствах. Он продолжал оставаться вполне живым призраком. Хрущев был отстранен от власти членами Политбюро из-за того, что они считали, будто он подвержен «волютаризму», бросая вызов Соединенным Штатам во время Кубинского ракетного кризиса. Они не принимали во внимание, что США были вынуждены в ответ убрать свои ракеты из Турции, в качестве равноценного обмена *quid pro quo*. Но Сталин

никогда не делал прямых выпадов против США в их полушарии (все Западное полушарие, в соответствии с доктриной Монро, еще во второй половине XIX века было объявлено зоной стратегических интересов США. — *Прим. пер.*). Сталин всегда применял некие заменяющие средства, если хотел противодействовать колоссу Америки. Подход к ведению «холодной войны», заложенный Сталиным еще в 1950-е годы, мумифицировался, словно в капсуле времени. В отличие от китайского стратега Дэн Сяопина, который вовремя распознал ограниченность возможностей социалистической экономики, наследники Сталина поддерживали заданный курс до последнего, пока режим не рухнул.

Принцип «враг моего врага — мой друг» объясняет суть несправедливого альянса между Советским Союзом, Соединенными Штатами и Британией, который имел место во время Второй мировой войны. В тот момент нужно было отбросить идеологию. В те страшные дни 1943 года, когда судьба Европы зависела, похоже, от способности Советской армии¹ остановить германскую армию, до того казавшуюся непобедимой, образ Сталина как безжалостного диктатора был забыт. И Голливуд, и пресса взяли на себя задачу реабилитировать Сталина. Буквально за ночь он стал Дядюшкой Джо, с неизменной трубочкой в уголке рта, защитником свободы и демократии. Вероятно, Сталин немало позабавился такому своему образу. Он ведь прекрасно знал, что до вторжения нацистов в Советский Союз его портрет зачастую висел бок о бок с портретом Гитлера.

Говоря о подписании советско-германского Пакта о ненападении и последующем разделении Польши в 1939 году, Уинстон Черчилль скажет радиослушателям, что не может описать Россию, поскольку «это головоломка, окутанная тайной и помещенная в загадочную оболочку». Да, Черчилль был великолепным оратором, но, несмотря на эту его броскую фразу, не было ничего загадочного в поведении Советского Союза. Это была единственная социалистическая страна в мире. Здесь была отменена частная собственность (на средства производства. — *Прим. пер.*)

¹ Советская Армия — термин, заменивший в феврале 1946 года название Красная Армия; под ним понимаются все виды Вооруженных Сил СССР, кроме ВМФ.

и признаны недействительными все внешние долги, сделанные при царском режиме. Эту огромную державу исключили из процесса в момент Мюнхенского кризиса 1938 года, когда Чехословакию просто пустили по ветру. И это Гитлер, опасавшийся войны на два фронта, как в 1914 году, инициировал советско-германский Пакт о ненападении. Сталин принял это предложение, поскольку понимал, что Советскому Союзу нужно еще время для перевооружения, прежде чем нацистская военная машина обрушится на Россию. Конечно, ни Сталин, ни Черчилль не ожидали, что французская армия рухнет так быстро, в течение всего шести недель настоящей войны.

Лицемерие старо как мир. В Ялте президент Франклин Рузвельт, британский премьер-министр Черчилль и Сталин будут поднимать тосты за вечную дружбу. Эти три человека будут причастны к созданию Организации Объединенных Наций, и пять ведущих стран в ней станут отвечать за поддержание мира во всем мире. Согласившись с такой жесткой формулировкой, три Больших Человека продолжали снова и снова поднимать бокалы друг за друга.

Следующим вопросом в повестке встречи стояла судьба Германии и Австрии, с учетом предстоящей безоговорочной капитуляции Германии. При этом, соглашаясь на совместную четырехстороннюю оккупацию общего врага, Германии, при участии французских подразделений, которые уже поддерживали действия американских и британских союзников (не считая «Нормандия-Неман», которая воевала с территории и под руководством СССР. — *Прим. пер.*), реальные зоны оккупации будут определяться территориями, занятыми союзниками и Советской армией. Это было уступкой со стороны Советского Союза, поскольку основные промышленные районы Германии располагаются в тех зонах, которые предполагалось отдать под оккупацию западным союзникам. Единственное, чего еще добился Рузвельт от Сталина, — это обещания начать войну с Японией в Маньчжурии сразу же после окончания войны в Европе. В качестве возмещения этой уступки Рузвельт согласился на то, чтобы Советский Союз аннексировал Курильские острова и Сахалин (южную часть. — *Прим. пер.*) и присоединил к Советской империи. Русская кровь не должна быть пролита напрасно. Вызвало ли это соглашение новый тост этих трех глав держав, неизвестно.

Оказалась в подчинении территория Польши, уже занятая советскими войсками. Хотя Черчилль и Рузвельт пытались заручиться от Сталина обещанием провести в Польше свободные выборы, тот держался твердо. В феврале 1945 года военная ситуация в Европе все еще была шаткой и неясной. И так продолжалось до тех пор, пока не Гитлер не покончил с собой в своем берлинском бункере, а германские генералы не согласились на безоговорочную капитуляцию.

У Сталина не было ни малейшего желания разрешить свободные выборы в Польше. Он прекрасно знал о ненависти поляков к России, которая питалась многими веками, не говоря уже о том, что масла в огонь подлила и оккупация страны германскими и советскими войсками в 1939 году. При свободных выборах население поддержало бы довоенное польское правительство, которое находилось в изгнании в Великобритании, а вовсе не выдвинутого Советским Союзом кандидата. Что было еще важнее для Сталина и о чем не знали его новоявленные друзья — это то, что ему было известно о скором создании в США атомной бомбы. Советские агенты проникли и в Лос-Аламос, и в Нью-Мексико, где происходила сборка бомбы, и посылали сообщения в Кремль. Сталин знал также, что и Рузвельт, и Черчилль намеренно скрывают эту информацию от него. На то могла быть одна причина. Они надеялись предотвратить приобретение Россией аналогичного оружия.

Так что Дядя Джо сидел там, среди этих двух представителей высшего класса своих стран, поддерживая важность свободы и демократии во всех только что освобожденных странах. И это Черчилль отметил, еще в начале войны: «Я не для того стал премьер-министром короля, чтобы присутствовать на ликвидации его империи». Были еще и Соединенные Штаты, которые дали независимость Филиппинам после почти полувека господства над этой страной, а также отстаивая диктаторов в Центральной и Южной Америке для защиты корпоративных интересов.

Вот небольшой отрывок из перевода страшноватой и по-своему значительной книги Грегори Дугласа «Шеф гестапо Генрих Мюллер. Дневники», откуда переводчик того симулякра для дополнительной иллюстрации приводит суждения сбежавшего на Запад Генриха Мюллера о политике США, в связи с действиями генера-

ла Мак-Артура (здесь и далее переводчиком избрана такая форма транслитерации фамилии американского генерала MacArthur, хотя в литературе встречается и следующая: Макартур):

«...Он точно так же бездействует. У них с Рузвельтом были очень странные отношения, и нам известно, как генерал любил деньги. И примерно в этот период он получил полмиллиона наличными от правительства Филиппин. Никто не знает, за что. Рузвельт эвакуировал из Манилы одного Мак-Артура, оставив всех остальных на растерзание японцам. Мы знаем, что Рузвельт боялся Мак-Артура, а генерал как-то сказал, что Рузвельт никогда не скажет правды, если сумеет обойтись ложью.

И вот мы видим повторение 1941 года.

Я спрашиваю: если ЦРУ такое умное и имеет достаточный бюджет, чтобы оплачивать своих шпионов по всему миру, тогда каким образом они или военная разведка в Токио могли проморгать передвижения крупных войск Северной Кореи? Ведь такие вещи не делаются в полной темноте, в конце концов.

Все в ЦРУ склонны винить кого угодно, кроме себя. Мы, те немногие, кто предвидел возможные сталинские действия, теперь чувствуем превосходство над теми, кто раньше старательно избегал нас как чумы.

Вернулся президент очень растерянный и нервный. Будет ли крупная война или только ограниченная агрессия? В любом случае Сталин не на того человека напал. Сейчас он пытается свести с Трумэном счеты за свое поражение при блокаде Берлина, когда Иосиф потерял лицо в глазах всего мира.

Нет, у Иосифа этот прием больше не сработает. Трумэн страшен в своей решимости и гневе, и он вступит в бой гораздо быстрее, чем Иосиф. Сталин любит блефовать, а Трумэн — нет».

Для Сталина подобный язык переговоров был бессодержательным. Еще до начала большой войны независимость и демократия в Польше уже не существовала. Это же относилось и к другим странам Восточной Европы, где правящие режимы стали союзниками гитлеровской Германии.

Да, история повторяется с иронией (или в виде фарса), но все это не вполне соответствует событиям, которые последовали за смертью Сталина. В своем желании распространить советскую систему на Западную Европу ему пришлось бы привести в движение фундаментальные и беспощадные силы, которых до тех пор не мог предвидеть капитализм. И всякий раз, как Сталин пытался достичь своей цели, Соединенные Штаты ему противодействовали. Сегодня эти тогдашние взаимоотношения расцениваются как начало «холодной войны». Так относятся к этому в исторических книгах в США. Советский Союз выступал провокатором, а Соединенные Штаты были простодушной и невинной жертвой. По сути, это было подсознательным желанием Америки всегда противиться какому-либо противодействию, исходит оно от коммунистов или еще от кого-нибудь. И именно это привело к «холодной войне». Но если брать Соединенные Штаты, то война не всегда была «холодной». В ходе войны в Корее погибло около 33 тысяч американцев, а во Вьетнаме, где война продлилась дольше, — около 58 тысяч. Еще более абсурдным является тот факт, что официально Соединенные Штаты не находились в состоянии войны ни с одной из этих стран. Такова была особенность «холодной войны». Соединенные Штаты оказались вынуждены отчаянно бороться против призрака коммунизма. И весь народ был настолько увлечен этим противостоянием, что иногда доходил до грани истерии.

Это был вызов Сталина Западу. Он попытался инициировать конфликт между СССР и США, но удерживать его в тех рамках, откуда невозможно было вырваться — до тех пор, пока Советский Союз не рухнул. Как будто бы он писал сценарий мировой истории на вторую половину XX века, а правящие элиты и в США, и в Советском Союзе вынуждены были играть предписанные им роли. В самом начале 1946 года, через полгода после окончания войны с Японией, Сталин в своем послании к ЦК Коммунистической партии сообщил, что Советскому Союзу в ближайшие годы придется «потуже затянуть пояса» в экономическом смысле, чтобы подготовиться к предстоящей войне с Соединенными Штатами.

Выдавая столь мрачные пророчества людям, которые еще не оправились от четырех лет самой кровопролитной в истории человечества войны, Сталин следовал заветам Маркса. Его аргументация

была следующей. В условиях практически полностью некоммунистического мира, который находится притом в состоянии близком к полному банкротству, разогретая капиталистическая экономика США не будет иметь достаточных рынков сбыта. С окончанием войны началось стимулирование производства гражданских товаров, и в первые года четыре после войны экономика США будет успешно наполнять пустые «трубопроводы» в своей стране. Однако после их заполнения, как это случилось перед Великой депрессией, единственным спасением для экономики Штатов может быть военная агрессия. Следовательно, Советскому Союзу следует подготовиться к такому повороту событий. Вместо производства столь необходимых потребительских товаров, советскому народу нужно сделать все, чтобы дать отпор этим планам Соединенных Штатов. Иначе говоря, советской экономике нужно оставаться на военном режиме функционирования, чтобы предотвратить возможные авантюры со стороны США. Самой главной задачей у СССР было создание атомной бомбы, для достижения военного паритета с США. После смерти Сталина в течение почти сорока лет его наследники придерживались той же линии. И только когда президент Рональд Рейган, не слушая советов своих высококолых и осторожных консультантов, затеял стратегическую оборонную инициативу, названную в прессе с издевкой «Звездными войнами», Советский Союз оказался в таком положении, что уже не мог сохранить военный паритет с Соединенными Штатами, не угробив собственную экономику. В результате произошла попытка переворота против Горбачева, которая провалилась, а затем водружение на трон Ельцина в попытке собрать «крошки со стола».

Если Сталин испытывал своего рода паранойю в отношении намерений Америки, это вовсе не было лишено оснований. По ложному мнению Сталина, да и Ленина, коммунистическое будущее для страны должно было прийти еще при жизни существующего поколения. Одно дело, однако, когда Сталин не пропускал мимо ушей предупреждения Черчилля о грядущем германском вторжении — у Черчилля были веские причины провоцировать войну между Германией и Советским Союзом. А совсем другое дело, когда Сталин не принял во внимание сообщение собственного агента из Токио, Рихарда Зорге. В результате последовала невероятная катастрофа. Две трети советских военно-воздушных сил были уничтожены прямо на аэродромах.

Ни одна из советских дивизий не была в состоянии полной готовности к бою. Значительная часть индустрии, которую Советский Союз создавал в течение пятнадцати лет, была уничтожена в считанные дни, первые дни войны. Нет, Сталин не страдал паранойей в 1946 году. Он был сконцентрирован на мысли о том, насколько Советский Союз был близок к военному поражению.

Была ли «холодная война» неизбежной, как прогнозировал Сталин? В определенном смысле да, была. Две оставшиеся в мире крупнейшие военные державы, СССР и США, смотрели на послевоенный мир сквозь разные линзы. Союзничество во время войны было не более чем браком по расчету, что касается этих двух стран. Принятие резолюции о создании Организации Объединенных Наций, где каждый из постоянных членов Совета Безопасности имел право вето, было не чем иным, как еще одним примером подобного коварного заигрывания. Более того, Сталин не питал особых иллюзий. Капиталистические страны были внутренне враждебны идеям социализма по целому ряду причин. Первое, и самое важное: социализм представлял альтернативу их собственному устройству. Во времена Великой депрессии, еще до Второй мировой войны, в капиталистических странах была колоссальная безработица, тогда как в Советском Союзе была полная занятость. Другая причина состояла в почти религиозной вере Сталина в то, что социалистическое будущее неминуемо для любой капиталистической страны. Следовательно, лидеры капиталистических стран будут бороться за отстаивание своих существенных интересов в рамках собственной системы. Сталин предполагал, что по мере возрастания внутреннего благосостояния СССР произойдет выравнивание условий жизни в этом социалистическом сообществе с капиталистическими странами, что послужит дополнительным фактором угрозы для капиталистических обществ с их эксплуатацией.

А теперь посмотрим на другую сторону монеты — Соединенные Штаты расценивали экспансию коммунизма как угрозу для собственной экономической безопасности. Ведь всякая страна, которая оказывалась в орбите влияния коммунизма, переставала быть рынком сбыта для товаров из США. Капитализму для успеха необходимо постоянно расти. Этот факт стал очевиден в ходе Великой депрессии, когда Соединенные Штаты и другие

капиталистические страны ввели дискриминационные ввозные тарифы для защиты своих производителей. Соглашения в Бреттон-Вудсе, запланированные разрушить торговые барьеры путем замены золота на доллар в расчетах, не были приняты Советским Союзом и его союзниками. Если бы коммунисты продвинулись дальше в Европу, это еще намного сузило бы возможности американской торговли, построенной на долларе. Смысл американской послевоенной политики был меньше связан с вопросами политических прав и свобод, чем с экономическими возможностями для американского бизнеса.

Вплоть до 4 октября 1957 года США, имея в наличии обширный арсенал атомных вооружений и средств их доставки, считали себя в достаточной безопасности под защитой противовоздушной обороны. Однако в этот день первый спутник взмыл в космос и кружил на орбите 98 минут, и тут Соединенные Штаты осознали, насколько все серьезно. Для ученых запуск спутника означал открытие двери в космическую эру. А для военных это значило прежде всего воплощение их самых жутких страхов, а именно — создание баллистического оружия. В последние годы Второй мировой Гитлер запустил ракеты V-1 и V-2 на Британию. Эти ракеты были относительно примитивны и не могли поразить строго определенные цели, а иногда даже не взрывались при попадании, но они наводили ужас на гражданское население. Самым кошмарным было то, что от этих германских ракет не существовало никакой защиты. Теперь, с созданием спутника, стало ясно, что возникает военный потенциал межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками, которые могут поражать неожиданные цели. Огромные океаны, которые раньше защищали Соединенные Штаты, теперь вдруг сузились до размеров обычной ванны. Итак, наступил момент поворота. Москва и Ленинград оказывались такими же уязвимыми, как Нью-Йорк и Вашингтон.

Результатом стало военное соревнование двух стран, иногда выходящее за рамки логики. Одна страна изобретала более совершенное оружие — и тотчас в ответ другая сторона придумывала еще более совершенное. Хотя уже было ясно, что обе стороны способны многократно уничтожить друг друга. Но если в Соединенных Штатах инновации в военных технологиях могли вполне найти себе применение и в гражданской

промышленности, в Советском Союзе, с его строго разграниченной экономикой, таких шансов на проникновение в гражданский сектор экономики у военных технологий не было. За исключением сферы обороны, советская экономика была в застое весь период «холодной войны». Неудивительно, что, когда Владимир Путин унаследовал президентство России от Ельцина, он заявил, что экономика России ничуть не лучше, чем экономика страны третьего мира (не совсем точная цитата. — *Прим. пер.*).

И наконец, Америка владела абсолютным оружием, недоступным для Советского Союза, — Всемогущим Долларом. Благодаря Бреттон-Вудским соглашениям доллар использовался как официальное платежное средство во всем мире. Все другие валюты соизмерялись с долларом. Цена доллара могла колебаться в отношении других валют, однако он оставался стандартом в денежных расчетах. Получив эту уникальную функцию в мировом денежном обращении, количество долларов в реальном обращении или в депозитах стало неопределимым аргументом. Это позволило Соединенным Штатам наращивать огромный дефицит с торговыми партнерами, и финансирование национальных интересов составило в результате более 8 триллионов долларов. Именно из-за этой уникальной ситуации США способны были годами тратить огромные суммы на оборону, а граждане этой страны жили в самых комфортных условиях.

Когда Советский Союз разделился на разные государства, накопившийся колоссальный внешний долг взяла на себя Россия, крупнейшее государство, в крайне стесненных финансовых обстоятельствах. Неспособность увеличивать производство внутреннего валового продукта поставила рубль в опасное положение. Теперь, пытаясь превратить свою экономику в капиталистическую, необходимо было играть по правилам других капиталистических стран. Все долги засчитывались в привязке к доллару. Есть старая немецкая поговорка, которая гласит: «Золото правит миром». Советский Союз проиграл «холодную войну» — это было страшной неудачей. Если перефразировать другую поговорку — «ни пушек, ни масла». В отличие от Всемогущего Доллара, который мог быть в обращении в любом месте, ценность рубля оказалась ограничена лишь полувеком «холодной войны». Да, пожалуй, немецкая поговорка во многом верна: деньги вращают мир. Или же мир вращается вокруг денег...

Глава 1.

Эволюция Всемогущего Доллара

«Каждый день я преклоняю колени и благодарю Бога за Всемогущий Доллар в моем кошельке...» — так говорила моя покойная мать.

Да, жаль этот несчастный доллар. Его кидали в стирку, комкали, им поджигали сигары, его подделывали и девальвировали, ему пытались составить конкуренцию с помощью евро, и все-таки он не превзошел золото царя Мидаса, во всяком случае, в глазах многих людей (по древнегреческому преданию, каппадокийский царь Мидас имел мечту — чтобы все, чего касаются его руки, обращалось в золото. Боги услышали его пожелания. Но в результате он умер от голода. — *Прим. пер.*). Да, пусть за шестьдесят лет износа в стиральных машинах современной экономики доллар потерял примерно 90 процентов своей первоначальной стоимости, он все равно остается некой стандартной величиной, от которой отталкиваются при измерении своей ценности другие валюты. Стоимость основных активов мира, начиная от барреля нефти — и кончая свиной вырезкой; расчетный материал при разделе крупнейших в мире активов; доллар был понятным средством платежа в мире наркобаронов и торговцев нелегальным оружием; и до сих пор доллар является общепринятой валютой мафии; перед ним преклонялись лидеры компартий точно так же, как современные капиталисты; он овеществлял все, что считалось добром и злом Соединенных Штатов, поскольку он настолько же всемогущ, как и Америка.

Кто считает экономическую науку ничтожной, не так уж далеко от истины. Чтобы поддержать энтузиазм экономистов, каждый год одному или двум из них присуждают Нобелевскую премию, чтобы облегчить их фрустрацию (фрустрация — в данном случае тоска по недостижимому. — *Прим. пер.*). Огромные графики

и таблицы с цифрами распространяются правительствами разных стран, которые показывают экономическое развитие стран в прошлом, но определить будущий экономический курс страны оказывается невозможным. Самым броским примером стало предсказание экономистов в бюджетном комитете конгресса в 2000 году, где говорилось о десятикратном драматическом сокращении дефицита бюджета США в предстоящие десять лет. А уже через год те же самые экономисты проектировали намного больший дефицит и на много лет вперед. Усама бен Ладен... Кто сделал его элементом американской экономики? Наверняка он не появлялся на «радарх» экономистов, а? А как рассудить о Войне Судного дня, после которой цена сырой нефти взлетела, вызвав инфляцию во всем мире? Или взять Дэн Сяопина, который начал движение экономики Китайской Народной Республики к капитализму? Тем самым он ведь произвел революционный переворот в революции Мао Цзэдуна и направил коммунистический Китай по Новому Курсу, который сегодня меняет экономику мира в целом. Число внешних обстоятельств, резко меняющих экономику страны или целого мира, поистине бесконечно, что делает экономические прожекты столь пустыми и неточными. По сути дела, экономисты заслуживают скорее жалости, чем упреков.

В 1942 году, когда шансы союзников были минимальны; когда германские войска стояли под Москвой и Ленинградом; когда японцы захватили всю восточную Азию и уничтожили значительную часть американского флота в Пёрл-Харборе; когда войска генерала Эрвина Роммеля в Африке были уже готовы захватить Каир, — в этот момент в Вашингтоне состоялась весьма необычная встреча между Джоном Мейнардом Кейнсом, ведущим экономистом в мире, и Гарри Декстером Уайтом, вторым секретарем Казначейства Соединенных Штатов¹. Цель встречи состояла в том, чтобы определить, какая валюта сменит золото

¹ Уайт, как выяснилось впоследствии, был агентом на службе у Советского Союза. Это он разработал план будущего Германии, который был представлен Рузвельту его боссом, секретарем Казначейства Генри Дж. Моргантау. Это план предусматривал разделение Германии и ее промышленности на части и сведение ее экономики к сельскому хозяйству. Это он, вопреки возражениям Кейнса, настаивал, чтобы Советский Союз был участником Бреттон-Вудской конференции в 1944 году, где были определены основы будущей экономики мира. Когда его призывали в Белый дом

в расчетах по международной торговле, когда Германия и Япония будут побеждены. Казалось бы, эта встреча выглядела весьма преждевременной, но это лишь для тех, кто сомневался в исходе войны. Поскольку таких сомнений не испытывал ни президент Франклин Рузвельт, ни премьер-министр Уинстон Черчилль, задача этой встречи была очень важна и для Соединенных Штатов, и для Великобритании.

Всего за год перед началом Второй мировой войны экономики и Великобритании и Соединенных Штатов все еще испытывали глубокое влияние всемирной депрессии, которая последовала после краха на нью-йоркской фондовой бирже в 1929 году. Только война восстановила полную занятость, но то, что получилось из всего проекта, нельзя расценивать как продуктивный результат. Нельзя считать мобилизацию целого поколения молодых людей в вооруженные силы как средство решения проблемы безработицы. И если бы не принять какой-то план послевоенного устройства мира, то экономическая депрессия, которая привела к развитию фашизма, могла и снова привести к ненавистному варианту — коммунизму.

Кейнс и Уайт в принципе соглашались относительно понимания причин Великой депрессии. Золотой стандарт, установленный в 1870 году и открывший ворота свободной торговле между странами, был изрядно ослаблен четырьмя годами Первой мировой войны. Никто из участников войны не предвидел столь длительной схватки. Да и никто не был готов по финансовым возможностям к тому, чтобы предпринять столь длительную, дорогостоящую и бесплодную авантюру. В результате бумажные деньги, которые печатались в расчете на военную конкуренцию, вымыли истинное золотое обеспечение этих валют. И задача Кейнса и Уайта состояла в том, чтобы найти валюту, которая сможет заменить золото.

в Комитет по расследованию антиамериканской деятельности в 1948 году, он отрицал всяческую причастность к работе на Советский Союз. Через два дня он удивительным образом скончался от сердечного приступа. Когда Уиттакер Чамберс раскрыл свои знаменитые «Бумаги Пампкина», из которых следовало обвинение Альгера Хисса, среди документов были и такие, где упоминался Гарри Декстер Уайт. Документы Венона, раскрытые в 1995 году, также подтвердили предположения Чамберса. — *Прим. пер.*

Что собой представлял золотой стандарт? Это была неофициальная, произвольно принятая измерительная норма для расчетов между основными индустриальными странами, и она привязывала стоимость валют к британскому фунту стерлингов. Учитывая, что за один фунт стерлингов давали пять долларов США, они могли быть в любой момент обменены на соответствующее количество золота. Поскольку Британия была безусловно самой богатой страной в мире и владела наибольшими золотыми запасами, было естественно, что именно валюта этой страны станет базисом, от которого будут отсчитывать ценность валют других стран. В принципе, считалось, что любая страна или национальный банк должны обладать определенным процентом золотого запаса в отношении выпущенной денежной массы. Конечно, золото не в буквальном смысле обменивалось при национальной или международной торговле. Оно было всего лишь «страховочной сеткой», которая подтверждала кредитоспособность страны или банка.

После поражения Франции в 1870 году германские победители в добавление к аннексии Эльзаса и части Лотарингии ввели французскому правительству требование о репарациях в размере 5 миллиардов золотых франков. До тех пор, пока эти репарации не будут выплачены, оккупационные германские войска должны были оставаться на французской земле. Сделав заем у Британии, Франция сумела в короткий срок погасить счета по репарациям. Для германской экономики это было чудом — теперь ее экономика, ранее основанная на серебряном стандарте, могла перейти на золотой, а значит, присоединиться к клубу избранных наций, куда входили Британия, Франция и Соединенные Штаты. Случались небольшие спады в 1890-х годах и в самом начале XX века, но они всегда имели небольшую продолжительность, и экономики ведущих мировых держав отступали под этим натиском.

Но не такова была ситуация в конце Первой мировой войны. Победившие союзники наивно предполагали, что побежденная Германия пополнит их богатства своим золотом. Эти ожидания были абсурдны. Германские золотые запасы были в худшем состоянии, чем у союзников по Антанте. После произведения первой выплаты Германию постиг дефолт. По условиям договора, подписанного новосозданной Веймарской республикой, фран-

цузские и бельгийские войска оккупировали основной промышленный район Германии — Саар и Рурский бассейн. Без дохода от этих богатейших регионов германская экономика вошла в пике. Поскольку не было возможности экспорта и даже удовлетворения внутренних нужд страны, германскому Казначейству оставалось только печатать бумажные деньги. Чем больше их печаталось для выплаты жалования государственным служащим, тем больше денег требовалось. Инфляция стала такой бешеной, что порой немцы платили за покупки в продуктовых магазинах резиновыми шинами, набитыми обесцененными германскими марками (не совсем юному российскому читателю можно о таких вещах не рассказывать, проходили. — *Прим. пер.*). Напуганные тем, что страна может призвать на помощь социалистическое правительство, чтобы выйти из финансовой катастрофы, собрались банкиры из Соединенных Штатов, Британии и Франции с целью предпринять шаги для сохранения Веймарской республики. По предложению американца Чарльза Дауэса золотые резервы этих стран были использованы для стабилизации германской марки. Выплаты по репарациям были снижены и сроки их продлены до тех пор, пока германская экономика встанет на ноги (реструктуризация долга. — *Прим. пер.*). В 1929 году план Дауэса был заменен планом Янга, в котором репарации сократили еще более существенно, в отчаянной попытке спасти экономику Германии.

В период после Первой мировой войны союзники-победители высокомерно считали, что их экономики могут игнорировать утечку золотых запасов из-за четырехлетней войны. Англия, Франция и Италия задолжали деньги Соединенным Штатам. Америка, хотя и воевала в течение всего полутора лет, накопила долг в 22 миллиарда долларов. Казначейство США ожидало возврата долгов. В свою очередь, казначейства Франции, Британии и Италии ожидали получения германских репараций, чтобы покрыть свои внутренние и внешние задолженности. И за послевоенное десятилетие оркестр играл веселые марши. В ревущие 20-е в Америке это была эпоха мошенников, сухого закона и бутлегеров. В Лондоне, Париже, Берлине никогда еще не было так весело и беззаботно. В 1927 году, когда Британия заявила о своем желании вернуться к довоенному золотому стандарту, США и Франция последовали этой логике событий, цены акций на нью-йоркской

фондовой бирже стали стремительно расти. По мере этого росли аппетиты не только вкладчиков из США, но также и зарубежных инвесторов. К финансовым воротилам присоединились обычные люди, которые вообразили, что их сейчас озолотят с головы до пят. В 1929 году волшебный пузырь, столь непрочный, лопнул, и это запустило мировую экономическую депрессию.

Британия стала первой страной, которая отказалась от золотого стандарта в 1931 году, через два года за ней последовали Соединенные Штаты, а в 1935 году — Франция. Международная торговля, которая была бастионом капитализма, почти полностью истощилась. Британия ввела ограничения на торговлю со странами Содружества (Британского). В 1931 году конгресс США принял закон Хоули—Смита по ввозным пошлинам, который оградил промышленность США от дешевого импорта. В отсутствие свободной торговли экономики всех стран дрогнули. Инвестиции прекратились, промышленники пытались свести концы с концами путем увольнения рабочих. Весь гламурный шик «ревущих 20-х» оказался пустышкой. Без золотого стандарта и без беспрепятственного экспорта странам пришлось теперь опираться лишь на собственную валюту для стимулирования экономики. Все участники Второй мировой войны собирались оплачивать свои военные расходы бумажной валютой. К концу войны все страны, вовлеченные в войну, оказались банкротами, за исключением Соединенных Штатов.

Но не это было проблемой, что стояла перед Кейнсом и Уайтом. Их встреча преследовала цель определить, что же может стать заменой золоту в послевоенном мире? Золото! Ах, разве что-нибудь может заменить золото? Начиная от золотого тельца в Ветхом Завете и до царя Мидаса в греческой мифологии золото расценивалось как квинтэссенция, как самый существенный металл для человеческой деятельности. С незапамятных времен золотой обод знаменовал собой ту связь, которая соединяет женское сердце с мужчиной, с которым она вступает в брак. Искусственное создание золота было мечтой алхимиков. Оно признается и почитается всеми народами мира. За исключением платины, которая редко используется в обращении, золото оставалось металлом, относительно которого измеряется всякая иная валюта. И вот теперь эти два человека предприняли попытку выбрать валюту, которую принимали бы во всем мире взамен золота.

Когда эти двое исследовали — каждый по-своему — тот распавшийся на куски мир некогда процветавшей коммерции, они поняли: нет способа снова собрать вместе разбитую чашку. Оба — и Кейнс, и Уайт — были полны решимости найти формулу, которая позволила бы миру капитализма снова вернуться к тем прекрасным временам до 1914 года. Ключевым моментом было восстановление после войны той системы, которая еще раз дала бы возможность вести международную коммерцию. Исходя из такого допущения, оба они задавались вопросом: какие же валюты способны играть такую роль? Подразумевая разгром Германии и Японии, было ясно, что их валюты будут лишены ценности. Вся Европа, за исключением четырех нейтральных государств — Швеции, Швейцарии, Испании и Португалии, — была теперь в руках Германии. Но их валюты тоже не представляли собой ровно ничего. Что касается Великобритании и ее партнеров по Содружеству, то ведение длительной войны неминуемо поставило бы их в тяжелое финансовое положение. Советский Союз самоизолировался от Запада в период между войнами, но, судя по тому ущербу, который понесла экономика страны, если бы даже страна выжила, то оказалась бы на грани финансового краха.

Единственная экономика, не раздавленная войной, — это была экономика Соединенных Штатов. Она не только стала своеобразным арсеналом для союзников, но, с учетом природного потенциала и людских ресурсов и несмотря на возможные понесенные потери, она единственная в мире способна была выйти из войны жизнеспособной. Исходя из этого, Уайт заключил, что международным валютным стандартом должен стать доллар, как фунт стерлингов служил таковым вплоть до Первой мировой войны. Остальные валюты будут измеряться относительно доллара. Кейнс, со своей стороны, опасаясь слишком большой мощи, которую это придаст Соединенным Штатам после войны, возражал. Его концепция состояла в том, чтобы создать Центральный мировой банк, в котором каждая страна-участница (и) должна обладать определенной долей золотого запаса, в соответствии со своими предвоенными экономическими возможностями. Этот банк будет выпускать международную валюту, которую он назвал Bancor, комбинация из французских слов «банк» и «золото». У Кейнса был мировой авторитет, которого не имел Уайт,

но простые факты говорили о том, что без поддержки Соединенных Штатов никакая финансовая система в послевоенном мире не будет работать. Доллар был предназначен судьбой стать официальной валютой в послевоенном мире, и все остальные валюты должны были быть привязаны к нему.

Но оставалось одно досадное препятствие. Какова истинная цена доллара? Ее следовало измерять в чем-то осязаемом, чтобы доллар был принят в качестве официальной торговой валюты в мире. Когда подобную роль выполнял перед Первой мировой войной фунт стерлингов, его цена была привязана к определенному весу золота. Да, старая цена золота могла исчезнуть, смятая в порошок произошедшими войнами, но этот металл сохранял свое символическое достоинство. После долгих споров решили, что соотношение будет таким — 35 долларов за тройскую унцию золота. Иными словами, раз доллар будет исходным стандартом для определения стоимости любой валюты, избыток долларов можно будет продавать за золото по этому курсу. Царь Мидас, одним словом, может оставаться на своем троне.

Решение утвердить доллар взамен фунта стерлингов было шагом в верном направлении. Но более сложной проблемой стало восстановление свободной торговли между странами в послевоенном мире. Оба переговорщика не знали толком, до какой степени вторжение союзных войск в Европу разрушит инфраструктуру Франции, Бельгии, Голландии и Германии. Не могли они знать и о том, в какой степени нацисты «обобрали» промышленную инфраструктуру завоеванных ими стран. Вынужденные работать «с чистого листа», они были принуждены ограничиться только предположениями об условиях послевоенного мира. По их мнению, две вещи были необходимы, если будет возрождена свободная торговля. Необходим Всемирный банк, куда страны могли бы обращаться за кредитами, чтобы поставить свою экономику на ноги. В дополнение необходим Международный валютный фонд, который мог бы вмешиваться для стабилизации национальных валют, что является обязательным условием для международной торговли. У этих новых организаций были разные функции. Следовательно, у каждой будет и свой Совет управляющих для руководства действиями.

Концепция Всемирного банка и Международного валютного фонда (ВМФ), которые будут снабжать деньгами страны для вос-

становления их экономики и восстановления торговли путем поддержки слабых валют, была блестящей; внешне благородный жест, который в действительности означал привязку стран-должников к странам-кредиторам. Но капитализация этих двух новых образований была нереалистичной. Мировой банк и ВМФ должны были иметь капитала по 10 миллиардов долларов каждый. Когда средства от всех стран, участвующих в проекте, будут взяты наконец на депозит, цели еще не будут достигнуты. Предполагалось, что представители 44 стран в июле 1944 года соберутся в курортном местечке Бреттон-Вудс, штат Нью-Хэмпшир, чтобы обсудить и принять план экономического и финансового восстановления экономики после войны в Европе и в Азии. По настоянию Уайта Советский Союз также прислал своих представителей на эту международную конференцию.

Когда планы в отношении Всемирного банка и ВМФ были озвучены Кейнсом и Уайтом, единственным пунктом возражения у присутствующих делегатов стал вопрос о размерах вкладов каждой страны, необходимых для достижения нужного уровня капитализации. Никто из делегатов не озаботился структурой руководящих органов этих организаций, назначением директора или президента. Никто из миноритарных стран-вкладчиков не обеспокоился и тем, что страны, вложившие большую часть средств в фонды, будут ведь иметь и право решающего голоса при их распределении.

Размер участия каждой страны в данных фондах подразумевал, что доля будет определяться пропорционально предвоенным уровнем валового национального продукта в них. 25 процентов доли будет внесено золотом или долларами, а остальная часть — в национальной валюте, по ее курсу к доллару. Если золотого запаса у страны недостаточно — то тогда 10 процентов в золоте и остальное в долларах. После долгих препирательств относительно количества золота, предписанного внести разным странам, представители стран-участниц наконец пришли к согласию. Самая большая доля предоставлялась от США, затем, по нисходящей, Британии, Советскому Союзу, Китаю и Франции, иначе говоря, пяти членам Совета Безопасности ООН (см. Приложение, табл. 1 и 2). Эти золотые авуары должны были храниться в Форт-Ноксе, штат Кентукки, и могли частично извлекаться, если страна имела положительный платежный баланс

с США, выраженный в долларах. Одновременно все валюты привязывались к доллару. Поскольку доллару предстояло остаться единственной валютой международного обмена, сравнительная ценность национальной валюты страны не обязательно должна была соответствовать стоимости этой валюты на внутреннем рынке страны.

Например, в послевоенной Франции официальный курс франка был установлен на уровне 349,49 франка за доллар. На международном валютном рынке, где курс национальных валют определяется тем, сколько товаров и услуг можно приобрести на нее, франк стоил уже 500 долларов. Тем не менее внутри самой Франции банки должны были обменивать франки именно по установленному правительством курсу. По меньшей мере, это была несовершенная система, да от нее и не ожидали другого. Кейнс и Уайт ожидали, что по мере роста послевоенной экономики будут сделаны необходимые поправки.

Однако в 1946 году Кейнс умирает. В 1948-м, через два дня после допросов в Антикоммунистическом комитете, где он отрицал свою причастность к коммунистам, Уайт умирает от сердечного приступа. Ни один из них не предвидел реакцию Советского Союза и его союзников. После того как было достигнуто соглашение по квотам, ни Советский Союз, ни Польша, ни Чехословакия не присоединились ни к одной из финансовых организаций, поскольку «железный занавес» уже опускался. В тот исторический момент Вашингтону должно было быть ясно, что Советский Союз совершенно не заинтересован в сотрудничестве с капиталистическими странами, ни в рамках займов, ни в рамках международной торговли. Можно сказать, что в действительности «холодная война» была затеяна в 1944 году в Бреттон-Вудсе. Сталин рассматривал и Всемирный банк, и ВМФ как капиталистические организации, создаваемые для разрушения противников. С его точки зрения, капиталистическая система должна была потерпеть неудачу, а следовательно, нет нужды участвовать в финансовых провалах этой мрачной системы.

Фундаментальная слабость исходной концепции Всемирного банка и ВМФ была в том, что здесь не учитывалась степень ущерба, нанесенного экономикам европейских стран в результате пятилетней войны. От Атлантики до Урала (на самом деле

до Волги. — *Прим. пер.*) континент лежал в руинах. Не только была разрушена предвоенная инфраструктура, но и многие миллионы людей покинули свои дома, насиженные места. То, что не случилось всемирной катастрофы, как после Первой мировой войны, можно считать просто чудом. Сдавленная между Красной Армией и германской армией, Восточная Европа погрузилась в прострацию. В отличие от 1918 года немцы получили войну у самых дверей своих домов. Авиация союзников превратила главные города Германии в руины. Берлин, который ожесточенно защищали гитлеровские части войск СС с боями за каждый дом, был разворочен. Не намного лучше обстояли дела и в странах, которые союзные войска освобождали от германской оккупации. По всей Франции были видны следы страшных бомбежек. Хотя Париж особенно не пострадал, но вот древний город Страсбург испытал на себе опустошающие бомбардировки.

Концепция Всемирного банка, направленная на предоставление кредитов для подъема экономики пострадавших от войны стран, выглядела логичной только на бумаге. Но если перейти к делу, то она была абсурдной. По здравому смыслу, кредиты влияют в хорошо идущий бизнес, а не в тот, который нуждается просто в «переливании крови» ради выживания. Наконец, Кейнс и Уайт не знали, что Советский Союз, тогда военный союзник, рассматривал расстроенную экономику европейских стран как возможность местным коммунистическим партиям взять легитимный контроль над послевоенными правительствами. Кейнс и Уайт задумали план игры со старой колодой карт, примерно 1918 года, когда только Бельгия и часть северо-восточной Франции находились под германской оккупацией. А в 1945 году Франция не только целиком оказалась под ударами наступающих союзников и обороняющихся немцев, но и большинство портов на атлантическом побережье испытали большие разрушения.

В предвоенной Европе Советский Союз был в изоляции, отчасти намеренно, отчасти потому, что экономика стран капитализма находилась в состоянии коллапса. В самые первые годы после войны СССР станет активным игроком на европейской сцене. Поскольку Советский Союз и его новоприобретенные страны-союзники остались вне долларовой зоны торговли,

коренные интересы страны шли вразрез с теми целями, которые предусматривали Всемирный банк и ВМФ. Сталин видел в почти полном коллапсе западной экономики прекрасный шанс распространить коммунизм на Запад. Хотя Коминтерн растворился за годы войны, поскольку в тот момент СССР и западные союзники боролись против общего врага, но по окончании конфликта он возродился под новой «шапкой» — Коминформ. И снова коммунистические партии получали директивы непосредственно из Москвы. Роль местных компартий заключалась в том, чтобы затруднить, насколько возможно, восстановление экономики Западной Европы. Если бы Сталин остался безучастным и нейтральным, капитализм в Европе мог умереть собственной смертью без наполнения американскими вливаниями средств. Но Сталин был нетерпелив. Видя плачевное состояние экономики этих стран, он полагал, что потребуется всего несколько лет, чтобы социализм одержал победу в этих государствах без всякого обращения к силе. Но теперь, когда валюты стран Западной Европы были привязаны к доллару, они все оказались в многостороннем и долгосрочном «брачном союзе». Это было одним из крупнейших достижений договоренностей в Бреттон-Вудсе. Принимая во внимание, что доллар является единственной крупнейшей и платежеспособной валютой в мире, европейцы — будь то социалисты, центристы или правые — вынуждены были признать весомое значение доллара, если хотели выживания для своих экономик.

По странной иронии истории человечества, социализм, система, призванная подорвать капитализм изнутри, вместо этого вновь гальванизировала его и привела к развитию в новом и непредсказуемом направлении. Чтобы сдержать распространение коммунизма насколько это возможно, Соединенные Штаты были готовы к тому, чтобы предать основной принцип капитализма — сохранять баланс бюджета. Оправданием такого поведения служит то, что США находились в состоянии войны. Это была война, еще невиданная в истории человечества. Она продлилась почти полвека, и при этом стороны не вступали в прямое военное противоборство друг с другом. И во времена Берлинской блокады, и в корейской и вьетнамской войнах Соединенные Штаты воевали против «заменителей», «суррогатов» Советского Союза.

Что касается Сталина, то он, подобно Кейнсу и Уайту, играл старой колодой карт. Он предполагал, как и американские либеральные экономисты, что капитализм станет функционировать по Хойлу. Когда насытятся внутренние потребительские рынки в США, предложение превзойдет спрос. По теории Маркса, после такого бума последует спад. В отсутствие внешних рынков сбыта для американской продукции последуют массовые увольнения рабочей силы в США. Согласно Марксовому подходу, разработанному еще в середине XIX века, это и есть законы свободно развивающегося рынка. Если бы Сталин действовал иначе в непосредственный период после войны, он мог бы оказаться победителем. Но он оставался в плену марксистских доктрин и не замечал реальности.

Некоторые американцы сразу после окончания Второй мировой войны были готовы еще сомневаться в отношении Советов. Предстоял сияющий новый мир. Советский Союз, за годы войны понесший колоссальные потери, вряд ли смог бы вступить в новую войну. Более того, СССР согласился вступить в ООН и в качестве члена Совета Безопасности согласился поддерживать мир во всем мире. Американцы пытались доверять, но выглядело это со стороны как полная наивность. Многие упускали из виду, что СССР был не просто одной из стран с иначе устроенной экономикой, нежели в США. Сталин и другие члены Политбюро были стойко привержены мысли о распространении коммунистической идеологии. Они исходили из убежденности в том, что Америка обратится к агрессии, чтобы поддерживать свое влияние в мире. Именно экономические неудачи капитализма привели к возвышению Адольфа Гитлера в Германии, Бенито Муссолини в Италии и Хидеки Тохо в Японии и к последующей катастрофической войне. Именно нарастающая слабость капитализма привела к Первой мировой войне.

Поскольку история имеет свойство повторяться, была более чем явственной возможность того, что терпящая неудачи капиталистическая экономика в Америке прибегнет к той же схеме действий. Это и было содержательным смыслом речи Сталина перед Центральным комитетом компартии в январе 1946 года. Советская система представляла собой нечто большее, чем государственный социализм. Людей готовили к тому, чтобы они были готовы умереть, тем самым приближая приход нового и справедливого

мира. И только коммунизм, как считалось, обладает ключами к этому новому Царству Небесному на земле. Америка расценивала «холодную войну» как результат агрессивных действий Советов; Советский Союз расценивал Америку как агрессора, намеренного разрушить социалистическую систему.

Только по прошествии времени, в ретроспективе, можно понять так называемую «холодную войну». Обе стороны полагали, что рано или поздно их соперничество приведет к прямому столкновению и что внушительное военное превосходство может стать лучшей защитой. А раз обе стороны верили в это, дальше все было естественно. С обеих сторон действующие системы вооружений постоянно совершенствовались, до тех пор пока обе стороны не стали способны многократно истребить друг друга. И в этом длительном, на протяжении нескольких десятилетий, процессе рождался Всемогущий Доллар. Никто не предполагал его появления на мировой сцене, и меньше всего американское правительство. Но и появление его случилось не вдруг. А единственное, что было ясно из объявления президентом Ричардом Никсоном отмены золотого эквивалента доллара, было то, что резервы в «буфете» Форт-Нокса уже изрядно истощились. И тут доллар, кусок бумаги, вдруг занял уникальное место в истории.

Царь Мидас наконец умер, как только затронуты были интересы мировой торговли. Страны, желавшие создать свой золотой запас, должны были покупать его на открытом рынке. Золото уже не могло играть ту роль, что и в прошлом, но оно не исчезло. Когда-то приравненное к цене 35 долларов за тройскую унцию, оно мигмом взлетело в заоблачные выси, достигнув 850 долларов, а затем постепенно снизившись до средней цены в 350 долларов. Из-за повышенной цены золотые разработки, ранее закрытые за нерентабельностью, были снова возобновлены. Дилеры по золоту и серебру накинулись на этот возрождающийся рынок. Некоторые экономисты считали, что международная торговля умрет, если золото перестанет играть свою прежнюю роль. В мире уже вращалось столько долларов, что никакого золота мира не хватило бы на их возмещение. Судьба золота была решена с ростом цен на нефть в 1970-х годах. Неуклонное повышение странами ОПЕК цен на баррель нефти — от 3 долларов в 1973 году до 40 долларов — вызвало последующую инфляцию, и это значило оконча-

тельные похороны золота. Теперь нефть называли не иначе, как «жидкое золото» (Приложение, рис. 1).

Страны, которые в большой степени были ответственны за исчезновение золотого стандарта, были вчерашние противники Америки — Германия и Япония. Ни одна из них не присутствовала на Бреттон-Вудской конференции, поэтому вплоть до конца 1940-х годов их валюта не была привязана к доллару. А потом политика Трумэна была направлена на то, чтобы уберечь эти страны от коммунистов и изменить их политическую систему в сторону демократического правления. Эти двойственные предложения шли рука об руку. На первый взгляд труднее было реформировать политическую систему Японии, которая никогда в своей истории не знала демократии ни в каком виде. Поручить это дело генералу Дугласу Мак-Артуру, который принимал официальную капитуляцию Японии, было блестящим ходом. Не нажимая на обвинения японского императора в военных преступлениях, Мак-Артур вполне мог найти общий язык с японцами. По существу, Мак-Артур стал «кардиналом Ришелье» вновь сформированного правительства.

Вот небольшой отрывок из перевода странной и по-своему значительной книги Грегори Дугласа «Дневники Мюллера», откуда переводчик этого симулякра для дополнительной иллюстрации приводит сведения ушедшего на Запад шефа гестапо Генриха Мюллера о финансовой подоплеке взаимоотношений Рузвельта и Мак-Артура.

«Мне сказали, что первоначально за идеей переворота стояли банк Моргана, химическая компания «Дюпон», Бернард Барух и американская армия в лице Мак-Артура. Этот генерал, которого Рузвельт панически боялся, сейчас стал де-факто императором Японии: Рузвельт ухитрился удалить его из страны и сделать его командующим так называемой армией Филиппин. Генералу положили большое жалованье и дали титул фельдмаршала, только бы он оставался подальше от США.

Замысел переворота, как сказал мне Энглтон, заключался в том, что военные арестуют Рузвельта и поместят его в тюрьму, назначается правящий госсовет, под руководством Мак-Артура, которого негласно поддерживают крупные банки.

Наверно, генералу такой план пришелся бы по душе, но вместо него в конечном счете выбор пал на другого генерала. Мак-Артур был начальником штаба и действующим офицером, а на замену ему подобрали офицера в отставке, с безупречной карьерой, но мало что соображавшего.

Этот заговор не особенно держали в секрете, ведь стоит кому-нибудь в Вашингтоне проболтаться, как весть тут же облетает всю столицу. Здесь просто не может быть никаких тайн.

Так что о заговоре стало известно Гүверу, он примчался к Рузвельту с этим известием и так его напугал, что того вытошнило вчерашним обедом. Это было сделано правильно, потому что переворот не мог быть успешным, конечно, но зато план его действительно существовал и Гүвер мог это доказать. Старый генерал признался, что ему действительно было сделано предложение, но он отказался участвовать. А не донес он якобы потому, что не поверил в реальность такого плана, а кроме того, хотел собрать побольше информации.

С таким же обманным маневром я столкнулся в Германии после 20 июля [день покушения на Гитлера. — *Прим. пер.*]. Фромм, к примеру, не участвовал в осуществлении заговора, но знал о нем и надеялся на его успех. Гитлер велел его расстрелять, но только после того как сам Фромм велел расстрелять Штауфенберга. Я очень возражал против этого, поскольку предпочел бы, чтобы Ш. [Штауфенберг] сперва почирикал у меня в кабинете.

В результате заговор провалился. Мак-Артура путем взятки вынудили покинуть страну, а потом Р. [Рузвельт] через посредство людей из филиппинского правительства передал ему огромную сумму денег, чтобы Мак-Артур не защищал эту страну при вторжении японцев. Э. [Энглтон] говорит, что Мак-Артур отказался дать приказ тяжелым бомбардировщикам атаковать японцев после их нападения на Америку в 1941 году. Думаю, тогда Мак-Артур получил свой миллион, и Рузвельту пришлось эвакуировать его вместе со штабом на судне. И больше никого.

Э. [Энглтон] вспоминает, что Р. [Рузвельт] очень боялся генерала. Я сказал, что мы расстреливали таких людей без особых затруднений.

Р. был трусом. Человек, который всем врал, пытался быть для всех лучшим другом, а потом всех предавал, как Борджиа. Рузвельт был бы превосходным византийским императором.

Заговорщики не были наказаны, но эта попытка имела катастрофические последствия: Рузвельта потянуло в объятия коммунистов, в которых он увидел силу, способную защитить его от других подобных заговоров».

Призвали экспертов из США и с их помощью написали новую конституцию. Но еще раньше, чем все это дало свои плоды, была введена совершенно новая валюта. Замысел Мак-Артура состоял в том, чтобы не позволить множеству японцев, оставшихся в Шанхае и наживших несправедливым способом немалые капиталы, обратить их в доллары. Но новой иене все же надо было иметь привязку к доллару для возобновления международной торговли Японии. Когда Китай оказался в руках коммунистов в 1949 году, рост и мощь японской экономики снова приобрели важное значение (для США). В стратегическом смысле теперь Япония (вместо Филиппин) стала первой линией обороны Америки в Тихоокеанском регионе.

По мере того как японская экономика постепенно стала расти, благодаря вливаниям американских долларов от оккупационной армии, субвенциям и поступлению передового технологического оборудования из США, новоизбранное демократическое правительство Японии сочло, что нет смысла привязывать иену к доллару, поскольку набирала обороты гражданская экономика. Более того, целеустремленность и энергия, некогда позволившие японцам создать современную военную машину, теперь были направлены в русло производства продукции на экспорт. В противоположность предвоенной эпохе, когда японская экономика была сосредоточена на дешевых товарах, теперь произошел поворот ровно в обратном направлении и основная ставка была сделана на выпуске дорогой продукции. Американские производители телевизоров и другой электроники увидели отличный шанс в сборке своих изделий руками японцев, поскольку оплата труда здесь была во много раз ниже, чем в США. Японцы очень быстро схватывали суть технологии, и если сперва они производили телеэлектронику для внутреннего потребления, то очень скоро перешли на экспорт. Это касается и фотоаппаратов, которые не только

копировали немецкие модели, но даже превосходили их. Несмотря на растущее положительное сальдо в торговле с США, Центробанк Японии не пытался привязать курс иены к доллару. Напротив, «лишние» доллары использовались для закупки золота. К концу 1960-х годов японские марки телевизоров и фотоаппаратов стали домашними любимцами в Америке. Отчасти японское продвижение в этой технологии было результатом усилий компании «Сирс энд Робак», крупнейшего розничного продавца в США в те годы, которая использовала дешевый труд японских рабочих при производстве телевизоров для своей сети магазинов.

То же самое можно сказать и о Германии. Хотя оккупационные власти запоздали с конвертированием старой немецкой марки в новую, предположительно привязанную к доллару, но, как только они сделали это, германская экономика пошла в гору. По иронии судьбы, именно это конвертирование привело к Берлинской блокаде. Конечно, план Маршалла сыграл главную роль в оживлении германской экономики. Успешный экспорт немецких «фольксвагенов», в качестве недорогой «второй машины» для семьи, наряду с восстановлением знаменитой германской химической и лакокрасочной промышленности, создал все тот же дисбаланс в торговле с Соединенными Штатами. Как и японцы, немцы не предпринимали никаких попыток привести цену марки в соответствие с ее реальной стоимостью. Вместо этого Центробанк Германии целенаправленно накапливал все большее количество золота в своих авуарах. Быстрое восстановление японской и германской экономик, начавшееся в конце 1950-х и достигшее пика в 1960-е годы, что сопровождалось утечкой и истощением золотого запаса Америки, не осталось незамеченным. Президент США Дуайт Эйзенхауэр предупреждал своего «наследника» Джона Кеннеди об этой проблеме. К сожалению, никакой президент не мог регулировать утечку золота. Внешняя политика США была строго ориентирована на поддержку демократии в Германии и Японии, и сильная экономика этих стран могла гарантировать, что они не свернут с нужного пути.

«Холодная война» занимала умы всех администраций США. Когда Соединенные Штаты взяли курс на политику сдерживания коммунизма по всему миру, это стало выше размышлений о других аспектах будущего США. Консервативные республиканцы, окружавшие Эйзенхауэра, возможно, считали, что госу-

дарственная честь должна быть превыше вопроса о смене президентов, но потенциальная угроза со стороны Советского Союза воспринималась вообще как вопрос жизни и смерти. Благодаря плану Маршалла Соединенным Штатам удалось уберечь Италию и Францию от власти коммунистических партий. Но зато успех доморощенной революции на Кубе, всего в 90 милях от побережья Флориды, поверг Америку в паранойю по поводу всемирной коммунистической угрозы ее безопасности. Эйзенхауэр также предупреждал Кеннеди о возможной победе коммунистов в Лаосе, в Конго и, возможно, в Алжире. Так называемая «теория домино» возникла не в администрации Кеннеди, она зародилась в администрации Эйзенхауэра. Мир был в состоянии сердечного приступа, колониализм распадался, что открывало путь к победе коммунистов. И руководство обеих политических партий Америки убедило себя, что и сегодня и завтра политикой Америки может быть только предотвращение распространения коммунизма в какой-либо точке Земли.

Именно эти соображения направляли американскую политику против Советского Союза. Американские политики были убеждены, что русские обязательно участвуют в деле, при любом приходе к власти коммунистов в любой стране мира. Но русские не поддерживали свержение режима Батисты Фиделем Кастро, а решение Кастро построить социалистическую экономику также было принято не под влиянием СССР. Также русские были ни при чем в победе коммунистов в Китае. Да, Россия вооружала северных вьетнамцев для войны против французов, но Вьетнам уже был единой страной под управлением Хо Ши Мина после Второй мировой войны, до тех пор пока Трумэн не позволил французам взять обратно свою бывшую колонию. Ни Кеннеди, ни Линдон Джонсон не хотели посмотреть в прошлое, чтобы понять, как США втянулись во вьетнамский кошмар. Именно следование политике сдерживания и сверхвооружения вело к росту бюджетного дефицита во времена Кеннеди — Джонсона, а вместе с этим растущий государственный долг ослаблял доллар и усиливал отток золота из Америки.

Когда в 1969 году в Белом доме оказался Никсон, национальный долг, оставленный Кеннеди и Джонсоном и отражающий последствия крупнейшей для США сухопутной войны во Вьетнаме, возрос уже до 76 миллиардов долларов, или почти в четыре раза

больше, чем долг в 20 миллиардов, накопленный при Трумэне и Эйзенхауэре. И в отличие от времен Трумэна и Эйзенхауэра, когда валовый национальный продукт (ВНП) вырос в два с половиной раза, Кеннеди и Джонсон обеспечили только 63-процентный прирост, с 529 до 868 миллиардов. Воинственные выкрики республиканцев о том, что нация не может позволить себе и пушки и масло, были бы справедливы только в случае, если вы вкладываете оружие в руки солдат. Но основные затраты во время войны во Вьетнаме ушли на содержание более чем 500-тысячного контингента американских войск на расстоянии 10 000 миль от Америки. Американские солдаты во Вьетнаме могли обогатить определенный сорт вьетнамок, однако они ничего не делали для увеличения валового продукта в США. И хотя Никсон начал вывод войск в 1969 году, закончив его в 1973 году при заключении окончательного мирного договора с Северным Вьетнамом, дефицит очень существенно возрос, добавив 101 миллиард долларов к объему государственного долга. Это были сочетанные долги, допущенные тремя президентами, которое привело к снижению стоимости доллара по отношению к другим валютам и к утечке золота из Казначейства США.

Не только оборонные расходы порождали бюджетный дефицит. Возрастающие затраты на «Великое общество» Джонсона начинали забирать все больше средств, если взглянуть на статью расходов на «человеческие ресурсы», куда входили здравоохранение, образование, соцобеспечение и другие социальные расходы. В 1967 году, когда программы Джонсона «Великое общество» только начинались, военные расходы составили 71,4 миллиарда долларов, а на социальные программы ушло 51,3 миллиарда. В 1971 году социальные расходы превзошли военный бюджет и продолжали расти. Особенно это очевидно в 1971 году, когда расходы на оборону составили 78,9 миллиарда долларов, а на социальные статьи — 91,9 миллиарда (см. Приложение, табл. 4). Десять лет спустя социальные расходы превышали военные уже более чем в два раза. Когда США отказались от золотого стандарта, они смогли позволить себе и оружие, и горы масла, говоря фигурально. Это Всемогущий Доллар платил за растущие цены на нефть, за военные расходы и за социальные программы «Великого общества». Это была новая форма капитализма. Правительство больше не изыскивало средства на товары и услуги,

которое предоставляло своим гражданам. Теперь эту функцию выполнял растущий национальный долг.

При взгляде на первые годы непосредственно после Второй мировой войны может показаться трудным точно оценить события, произошедшие за последующие сорок пять лет. Безусловно, никто не мог предположить тогда, что Всемогущий Доллар сыграет такую роль в подготовке гибели Советского Союза. Доллар США занял уникальное положение, вследствие чего золото стало средством накопления. США, властелин доминирующей мировой валюты, могли позволить себе огромные дефициты при полной безнаказанности. По мере того как объем долларов в обращении возрастал, финансовые позиции Америки становились все прочнее. На первый взгляд такой результат был противоречием. Без золота цена доллара по отношению к другим валютам снижалась. Начиная с 1971 года общий торговый баланс Америки стал отрицательным и оставался таковым, за редкими колебаниями, и до современности (см. Приложение). Даже с отрегулированной стоимостью немецкой марки и японской иены, обе этих страны продолжали экспортировать в США больше, чем импортировали из США.

Когда в 1973 году возник нефтяной кризис с ОПЕК и цена нефти взлетела к небесам, когда непосильный дефицит оказывал уже огромное воздействие на экономику США, долгосрочный негативный эффект от возрастания цен на нефть оказал намного худшее влияние на экономику Западной Европы и Японии. Помимо инфляционного эффекта, который возник и в США, он привел к наводнению мира миллиардами долларов. Определенную долю этого неожиданного богатства страны ОПЕК вложили в недвижимость в США и в Европе. Другую часть выделили на модернизацию своих стран. Но основная часть этих средств предназначалась для инвестирования в предпринимательство — как у себя в стране, так и за рубежом. Теперь доллар США стал вездесущ. В этом и состояла его вышеупомянутая мощь. Его стоимость против других валют могла падать, но в мире было уже столько долларов, что никак нельзя было заменить этот монетарный стандарт.

В тот момент вряд ли кто-то осознавал значимость доллара. Резкий рост цен на нефть не только вызвал беспрецедентное инфляционное давление на экономику, но и страшно подстегнул

рост национального долга США. Начиная с 1974 года и до 1981 года, когда были введены обязательные стандарты мощности автомобилей и монополия ОПЕК была поколеблена, национальный долг вырос с 483,9 миллиарда до 994,8 миллиарда долларов, более чем в два раза. В то же время ВВП вырос с 1,4 триллиона до 3,1 триллиона, что примерно соответствует степени роста дефицита. Критики скажут, конечно, что этот рост ВВП был в большой мере результатом инфляции. Но ведь и напротив — инфляция тоже, по обратной связи, увеличивала дефицит. Тем не менее рост цен на нефть и сопутствующая инфляция оказали глубокое воздействие на экономику США: социальное обеспечение, сбережения и кредитные учреждения, а также на тройку ведущих производителей автомобилей.

В сравнении с другими индустриальными странами газолин в США был относительно дешев. Вплоть до послевоенного расширения экономики добыча нефти в США вполне удовлетворяла спрос на местном рынке и не требовалось обращаться к импорту топлива. Семь Сестер, эти крупнейшие американские нефтеразработчики и переработчики нефти, которые контролировали более чем 90 процентов мировой добычи нефти, сумели удержать низкой внутреннюю цену на нефть в США, и существовала жестокая конкурентная борьба производителей за долю на рынке внутри страны. В Японии и Европе, где отсутствовало внутреннее производство нефти и где на дорогах бегало намного меньше машин, газолин был не просто намного дороже, он еще и облагался различными налогами соответствующими правительствами. В результате японские и европейские автопроизводители сосредоточились на создании автомобилей, которые потребляли бы меньше бензина на километр пути. И по этому пути японские и европейские машины совершенствовались на протяжении многих лет. В отличие от Детройта, где производители тешились разнообразием интерьера выпускаемых автомашин и цветами окраски, японцы предоставляли меньше выбора. Более-менее гармонизированный с внешней окраской автомобиля цвет салона — вот и все, что мог получить потребитель. Лидеры «Большой тройки» остались слепы к этой угрозе. Если бы производители автомобилей призадумались, что произошло с производством телевизоров и фотокамер, они смогли бы прореагировать. Вместо этого они тешили себя рассуждениями о том, что люди в Амери-

ке никогда не соблазняются такими марками авто, как «тойота», «хонда» или «ниссан». Они не учли, что уже подросло новое поколение, не помнящее войны, для которого Япония вовсе не выглядит военным противником.

Высшие чины в автомобильной промышленности США были так далеки от реальности, что не видели сексуальной революции, которая произошла в течение 1960—1970-х годов. Несмотря на успех «Плейбоя», тираж которого достиг 5 миллионов и выше, детройтские автопромышленники отказывались помещать рекламу в журнале непристойного характера. В бизнесе глянцевого журнала, если вы отказываетесь рекламироваться, вы теряете доверие. В течение десяти лет на страницах «Плейбоя» рекламировались только иностранные автомобили. Из-за этого отношения американских производителей к рекламе, сопряженного с нежеланием разрабатывать экономичные малолитражки, японские производители захватили 20 процентов американского автомобильного рынка. Рейган ввел лимит в 20 процентов на импорт японских машин, но в ответ японцы стали открывать заводы в самих США и в результате сегодня имеют треть автомобильного рынка, а модель «тойота-камри» на протяжении нескольких лет является самой продаваемой в Америке машиной. Далее японцы последовали германскому примеру и проникли также и на рынок шикарных машин, нанеся тем самым серьезный удар по «кадиллаку», «линкольну» и «бьюику».

Неразворотливость высших руководителей в отношении иностранной конкуренции не ограничивалась только автомобильной индустрией. К концу Второй мировой войны, когда остальной мир лежал в руинах, базовые американские отрасли индустрии не испытывали существенной конкуренции, разве что со своими отечественными производителями. Более того, в результате депрессии на протяжении ряда лет перед войной не предпринимались попытки обновить производственное оборудование. Вследствие этого фирмы, которые занимались поставками оборудования для базовых отраслей и имели новые разработки, исчезли с радаров бизнеса, за исключением буквально нескольких. Те немногие корпорации, которые искали пути модернизировать свое оборудование, были весьма ограничены в выборе. Еще более тревожным был тот факт, что существующие корпорации из-за их естественного монополизма

не видели особых резонов развивать и предлагать новые варианты прежних предложений. А с другой стороны, в Западной Европе (которая начинала с нулевой точки, но с обновленной инфраструктурой, благодаря плану Маршалла) и в Японии (поскольку Китай оказался во власти коммунистов и Япония стала первой линией обороны на Тихом океане) развивались новейшие технологии в машиностроении. Следовательно, оборудование, используемое на сталелитейных или текстильных предприятиях, намного превосходило образцы, которые применялись в Соединенных Штатах. И это касалось многих отраслей промышленности. К 1960-м годам японцы доминировали в производстве кафеля, британцы — в четырехцветной технологии печати, немцы — в оборудовании для текстильной и прядильной промышленности. Если в свое время американская промышленность была на переднем крае технического прогресса, экспортируя свое оборудование для вторичного использования, теперь многие компании в США для обновления своих мощностей стали прибегать к импорту оборудования для своих предприятий.

Когда президентом в 1981 году стал Рональд Рейган, экономический кризис, вызванный взлетевшими ценами на нефть, был в самом разгаре. Благодаря введенным стандартам CAFE (стандарт средней общей экономии топлива) и растущему количеству экономичных японских автомобилей, потребление нефти в США стало снижаться. Когда нефтяной кризис миновал, Рейган обратил свое внимание на экономику США, которая находилась в глубоком спаде, в результате инфляции и решения Федерального банка повысить проценты с целью уменьшить вливание в народ денежной массы. Самое знаменательное, что экономисты из всех лагерей — сторонники больших трат, кейнсианцы, монетаристы и приверженцы золотого стандарта — явно игнорировали тот факт, что основным фактором, подстегивающим инфляцию, была растущая цена на нефть. Нефть использовалась не только для транспорта и обогрева жилища, но стала также важным сырьем в таких базовых отраслях индустрии, как производство пластика и искусственных волокон. Где бы ни использовались продукты из пластика, а они уже использовались везде, цена нефти отражалась в стоимости конечного продукта. То же самое касалось и искусственных волокон, которые применялись для производства текстиля, обоев или ковров.

вых покрытий. Нефть использовалась и при производстве пестицидов для сельскохозяйственных нужд. Когда цена нефти упала примерно до 20 долларов и ниже за баррель, а потом за короткое время — вообще до 10 долларов за баррель, влияние инфляции на экономику исчезло. Федеральный банк ответил снижением ссудного процента, и с введением размашистых рейгановских снижений налогов экономика возродилась. Много было шума насчет теории «экономики предложения», как это называли ее противники, «экономики вуду» (экономика предложения — экономическая теория, согласно которой для борьбы с инфляцией нужно увеличить предложение товаров, а для стимулирования их производства необходимо увеличить капиталовложения и снизить налоги. Экономика предложения исходит из того, что рост налогов, эффект «налогового клина» и чрезмерная «зарегулированность» экономики отрицательно сказываются на стимулах к труду, осуществлению инвестиций и инноваций, а также на готовности людей брать на себя предпринимательский риск. — *Прим. пер.*). Как и все экономические теории, она формировалась в вакууме академических кабинетов. Тут не было достаточного понимания драматических изменений, какие произошли с ОПЕК. Она столь же примитивна, как и кейнсианская теория или постулаты «монетариста номер один» из всех нобелевских лауреатов по экономике, Мильтона Фридмана. Сила капитализма увеличивается, и растет продуктивность. Как относиться к этому росту — на этот вопрос у теории «экономики предложения» был свой ответ. Эта теория базировалась на модели, изложенной в трудах Жан-Батиста Сэ (французский журналист и предприниматель (1765–1832). — *Прим. пер.*). Первоначально бывший предпринимателем и владельцем текстильной фабрики, а затем ставший профессором экономики в Коллеж де Франс, Сэ проявил себя одновременно прагматиком и теоретиком. Однако Сэ создавал свои теории на основе опыта Франции самого начала XIX века, когда французский капитализм только еще выпутывался из пеленок. Что заинтересовало сторонников теории «экономики предложения» в трудах Сэ — это его возражение против всякого вмешательства государства в экономику и убежденность в том, что инвестиции в производство товаров есть движущая сила успешной экономики. По мнению Сэ, если происходит перепроизводство

потребительского продукта, инвестирующий капитал необходимо переместить в ту отрасль, где может быть сформирован спрос. Применение концепции Сэ начала XIX века к бурно развивающейся индустриальной экономике конца XX века было абсурдной задачей. Во времена Сэ единственной сложившейся индустрией во Франции было производство текстиля. Для французов, чье представление об индустрии заканчивалось на производстве тканей, было важным, что при перенасыщении рынка хлопковыми тканями стоит развивать производство тканей из шерсти или шелка. Для современного же текстильного оборудования это уже не имело особого значения.

Экономические теории Сэ были отброшены во времена Великой депрессии и заменены теорией Кейнса о необходимости проведения государством «накачки» национальной экономики путем создания дефицита бюджета. Кейнс также считал, что если экономика поднялась на ноги, то государству теперь следует отступить и дать дорогу частному сектору экономики. С избранием Рейгана наступило время для того, чтобы последователи Сэ заняли свое место под солнцем. В их интерпретации теорий Сэ, ключ к экономическому росту состоял в освобождении частного капитала от конфискации в пользу государства (высокими налогами на корпоративные и личные доходы) — для его свободного использования в рыночном пространстве. Если одним махом сократить налоги, то высвобожденный капитал пойдет в старые и новые сферы бизнеса, создавая там рабочие места и увеличивая тем самым налогооблагаемую базу через возрастающую занятость. Конгресс, где большинство составляли демократы, несмотря на возражения своего левого крыла, провел в жизнь рейгановские сокращения налогов. Как и предсказывали приверженцы «экономики предложения», экономика не только восстановилась, но и вошла в фазу роста и процветания. В 1984 году на следующих президентских выборах Рейган победил везде, кроме штата Миннесота, родного штата кандидата от демократов. В то же время Рейган намерен был увеличивать расходы на оборону и дал ход разработке системы космической защиты страны от баллистических ракет. Она была названа «стратегическая оборонная инициатива», а в шутку ее называли «Звездными войнами» те, кто не верил в ее реальность или не одобрял растрату денег на ее разработку. Одновременно и траты на

социальные нужды также раздували расходы федерального бюджета. Несмотря на увеличивающиеся доходы от налогов, национальный долг продолжал вызывать беспокойство. За восемь лет президентства Рейгана общий национальный долг вырос с 909 миллиардов долларов до 2,6 триллиона! Параллельно этому, ВВП вырос от 2,7 триллиона до 5 триллионов долларов. Другими словами, все повторилось в точности как во времена Форда и Картера, когда инфляция вышла из-под контроля. Эврика! Это было почти полной копией «раздувания экономики» во времена Великой депрессии, когда рост дефицита компенсировался увеличением ВВП. В период между 1933 и 1941 годами и долг, и ВВП выросли примерно в два раза (см. Приложение, табл. 6).

Эта «экономика предложения» порождала и процветание и дефицит, который производился правительством. Программы «Великого общества» Джонсона оказывали существенное влияние на экономику. Вдобавок к растущим расходам на медицинские программы (Medicare и Medicaid) общие затраты на здравоохранение также росли, поскольку средняя продолжительность жизни американцев возрастала. Хотя за счет федеральных налогов на газолин удалось построить шесть больших шестирядных автострад между штатами, Департаменту транспорта приходилось оплачивать их ремонт. Департамент здравоохранения, образования и социальной защиты рос как на дрожжах. Федеральное правительство накачивало экономику за счет возрастающего дефицита, тратя деньги не только на оборону, но и на социальные проекты, включая предвыборные расходы конгрессменов и сенаторов.

Концепция «экономики предложения» была применена в форме резкого сокращения налогов в 1981 году. Давая больше денег в руки потребителя, можно было стимулировать рост экономики. Это отразилось на ВВП, где потребительские расходы составляли уже 72 процента от всего объема. К несчастью, предсказанный рост национального производства не имел места. Вместо этого все больше и больше сфер бизнеса в США медленно, но постоянно наращивали снабжение своего производства за счет иностранных поставок, чтобы оставаться конкурентоспособными и рентабельными. Когда Сэ постулировал свою теорию в начале XIX века, это он не принял во внимание.

Впервые «рынок быков» на нью-йоркской фондовой бирже в послевоенную эру возник в конце 1950-х годов (на биржевом жаргоне «быки» обозначают брокеров, которые играют на повышение, в отличие от «медведей», которые играют на понижение курса акций; именно поэтому на фронтоне здания нью-йоркской фондовой биржи помещена скульптура, изображающая борющихся медведя и быка. — *Прим. пер.*). Эта эра продолжалась на протяжении 1960-х и до начала 1970-х годов, когда Казначейство США отменило золотой стандарт, и доллар был пущен в свободное плавание на международном валютном рынке. Настало время «медведей» на рынке, и силы этому процессу добавил нефтяной кризис. А рынок «быков» начался с революции в сфере электроники. Изобретение транзисторов, а затем создание микросхем драматическим образом изменили характер производства радио, телевизоров и других электронных приборов. Это привело также к устремлению индустрии США в зарубежные страны базирования, поскольку базовую цену применения новых технологий составляла цена труда. Но транзисторы и микросхемы, какими бы революционными ни казались они инвесторам с Уолл-стрит, побледнели в сравнении с внедрением персональных компьютеров и Интернета, которые провели человечество в Эру Информации, изменившую сами способы коммуникации между людьми.

Рынок «быков» просуществовал почти два десятилетия, после чего пузырь лопнул, и Уолл-стрит взяла передышку перед очередным подъемом. Но еще когда сформировался первый рынок «быков», в финансовом сообществе возникла инновация, которая по-своему была более революционной для изменений в экономике США, чем внедрение микросхем или Эра Информации.

Введение механизма фондового опциона, сначала для высших руководителей компаний, а затем постепенно и для руководителей среднего звена, изменило все поведение американского бизнеса (фондовый опцион — предоставление сотрудникам корпораций права выкупать акции их компании по льготной, иногда очень сильно заниженной цене. — *Прим. пер.*). До введения этой системы в конце 1950-х годов высшие менеджеры отчисляли налоги до 91 процента от общего дохода. После сокращения налогового бремени при Кеннеди и Джонсоне в 1950 году эта цифра составляла уже 70 процентов. С другой

стороны, если бы льготные акции были обналичены, они были бы обложены налогом от 20 до 50 процентов, и это позволило бы руководителю уволиться, унося немалый куш «из гнезда».

При рейгановском снижении налогов эти 50 процентов были увеличены до 60. Рынок «быков» в 1960-е годы стремился к отметке 1000 (по индексу Доу—Джонса. — *Прим. пер.*), с сопутствующим ростом котировок корпоративных акций важность фондового опциона превысила для высших руководителей все остальные соображения. При покупке акций других компаний повышалась их биржевая стоимость, в том числе и тех, которые находились в собственности руководителей. Негативная сторона заключалась в том, что руководители компаний не собирались использовать свои барыши на модернизацию предприятий, поскольку это вряд ли отразилось бы на цене их пакета акций.

Деньги, собранные покупаемой корпорацией, будь эта сделка совершена за живые деньги или акции или в комбинации, облагались налогом как приобретенный капитал, а главные руководители становились бы весьма богатыми людьми. Приобретающая корпорация видела бы рост цены своих акций, что отражалось бы и на стоимости «слитой» собственности. В течение развития рынка «медведей» в 1970-е годы эта тенденция в направлении слияний и приобретений несколько замедлилась. Но с появлением персональных компьютеров и дальнейшим развитием Эры Информации и нового «рынка быков» эта тенденция возобновилась еще с большей силой. Воистину, Эра Информации — неточное обозначение. С самого момента внедрения IBM занялась мощными компьютерами и приобрела почти мировую монополию на их использование, изменился сам характер обмена информацией. Оптовые торговцы и производители смогли отслеживать продвижение своих изделий. Выяснилось, насколько бессмысленно публиковать данные вручную, нежели чем в электронном виде. Оказалось, что расчеты и аналитику можно получить с молниеносной скоростью, что открывало новые пути для математических теорий, новых успехов в науке и технологиях, включая использование роботов вместо ручного труда. Сам по себе персональный компьютер только облегчил наступление этого нового времени.

В этом случае венчурный капитал играл основную роль в доставке этих инноваций на рынок. Но Интернет и сопутствующие

коммуникации создавались за счет расходов правительства, и они предусматривали единый огромный рынок для компьютеров и их программного обеспечения. Это федеральное правительство выделяло средства для штатов и городов. Это федеральное правительство финансировало ликвидацию последствий стихийных бедствий — ураганов, землетрясений или наводнений. Ничто из этих непомерных расходов не стало бы возможным без Всемогущего Доллара. Частный капитал не мог поддержать национальный долг. Участвовать в этом могли только центральные банки стран-кредиторов, они способны были позволить себе такую роскошь. Учитывая количество избыточных долларов, которыми они владели, у них не оставалось альтернативы. Если бы правительство США объявило дефолт по своим платежам, это погубило бы экономику США, но также и экономику всего остального мира. Единственный элемент, недостающий в этом балансе, — как эти центральные банки накапливают доллары? Нефтедобывающие страны, безусловно, были наводнены долларами, но как быть со странами Западной Европы, Японией и, начиная с 1986 года, Китаем?

Трансформация экономики США от одного типа, приспособленного к производству, к другому типу, зависящему от услуг, происходила в течение более чем сорока лет. Истоки этого процесса можно найти в «холодной войне» и сдерживании коммунистической экспансии, сначала в Восточной Европе, а затем и в Азии. К 1960-м годам экономики этих стран уже восстановились после военных потерь. Их инфраструктура была работоспособна. Следующим шагом должно было стать создание их собственных валютных резервов. Поскольку доллар был официальным средством международных коммерческих платежей, необходимо было накапливать доллары, ведь золото исчезло как средство платежа. За исключением короткого послевоенного периода, крупнейшим потребительским рынком для экспорта были, да и сейчас остаются, Соединенные Штаты. С большим и подвижным населением, эта страна была притягательна для любой другой страны, желающей экспортировать свою продукцию. Это и наиболее конкурентоспособная страна в отношении розничной торговли. В отличие от Европы и Японии, где были созданы ограничения для конкуренции, в Соединенных Штатах с их философией свободного предпринимательства розничная торговля не знала пре-

град для роста. Возникновение системы скидок революционизировало дистрибуцию и мерчандайзинг в США. Создание супермаркета и практическое исчезновение оплаты труда продавцов в системе самообслуживания радикальным образом изменили положение на розничном рынке. Смысл скидок был сфокусирован только на факторе цены, а когда доходило до продажи, то не требовалось обслуживания покупателя, все было гарантировано производителем, — и такая система имела преимущество перед обычными магазинами с их высокими затратами на труд работников.

К концу 1970-х годов магазины распродаж и скидок стали важнейшим фактором в продажах одежды, мебели, обуви, игрушек, чемоданов и т.д. Как и гиганты оптовой торговли, Sears и J. S. Penny, они пополняли свои запасы за рубежом, особенно в восточных странах. Одновременно с возникновением магазинов распродаж появилась идея специализированных «рядов» с одеждой, мебелью, обувью, игрушками и т.д. И там точно так же пополнение товаров шло во многом из стран Дальнего Востока. В отличие от традиционных магазинов такого типа, которые покупали товар у производителя, здесь эти «ряды» или «цепи» действовали напрямую, устраняя из процесса посредника. С усовершенствованием транспортных средств стало возможным доставить товар в нужную точку за сутки. В то же время за счет компьютерного или факсового сообщения можно было поддерживать моментальный контакт с любым из зарубежных предприятий. Американские производители, особенно те, которые входили в систему профсоюзов, вскоре ощутили себя неконкурентоспособными.

К началу 1980-х годов рынок одежды претерпел резкую трансформацию. Обыкновенный магазин и независимый специализированный магазин — обе эти формы торговли вытеснялись из бизнеса или же были вынуждены консолидироваться, объединяться в более крупные образования. Производители, которые ориентировались на этих продавцов, также были вытеснены из бизнеса. Отечественное производство одежды было практически полностью переключено на Восток. В результате отечественные производители сырья и переработчики также оказались не у дел. За ними последовало вытеснение производителей искусственных волокон. Исчезновение трудоемких производств привело не только к сокращению численности занятых

в американской промышленности, но и к изменению самой концепции свободной торговли, что было поддержано обеими политическими партиями. Хотя организованный труд энергично сопротивлялся свободной торговле, видя в этом угрозу для политической потенции рабочих, ничего тут было не поделать. Профсоюз работников сталелитейной промышленности сделал попытку. Но результатом их желания предотвратить сокращение рабочих мест при внедрении инноваций, способных сделать отечественную сталь более конкурентоспособной, стал крах перед лицом более дешевого импорта. Профсоюз работников автомобильной промышленности был более прагматичен. Столкнувшись с конкуренцией со стороны «непрофсоюзных» местных японских, а затем германских производителей, пришлось смириться с тем, что «Большая тройка» часть деталей для автомобилей покупала за рубежом, для того чтобы американские автомобили оставались конкурентоспособными в соревновании с иностранными производителями. В результате маленькие и средние города в штатах Огайо и Мичиган, которые в свое время поставляли комплектующие на заводы «Большой тройки», оказались в положении, когда их фабрики заброшены, а хорошо оплачиваемая работа под покровительством профсоюзов — уже в далеком прошлом.

Открытие капиталистических предприятий в Китае, где наибольшее в мире количество дешевой рабочей силы, еще более усилило оскудение трудоемких отраслей американской индустрии. Но точно так же произошло и с другими отраслями, где предприниматели также искали дешевую рабочую силу. За исключением корпорации Dell, крупнейшего в мире американского производителя персональных компьютеров, другие производители компьютеров, принтеров и различных периферийных устройств собирали их в странах Дальнего Востока. Ускорял истощение отечественного рынка труда растущий уровень слияний и поглощений компаний, что вело к сокращению штата и, следовательно, к увеличению прибыльности. Эта трансформация и консолидация торгового и производственного секторов экономики США вела к большей производительности и эффективности. В то же время рос сектор экономики услуг, благодаря программам «Великого общества», начатым Линдоном Джонсоном. В этом гений американского капитализма. Бывший когда-то цен-

тром мировой промышленности, он отказался от этой роли, не создавая экономического кризиса. Этот переход был неизбежен, раз доллар стал господином в мировой торговле. И отрицательный торговый баланс в торговле США с другими странами приводил к тому, что в центральных банках этих стран накапливались доллары, которые тем самым поддерживали растущий государственный долг США. С образованием Северо-Американского соглашения свободной торговли (NAFTA) в середине 1990-х Соединенные Штаты быстро создали негативный платежный баланс с Мексикой, параллельно с тем, как американские производители передвинули свои сборочные предприятия поближе к границе с Мексикой. Это продолжающееся стремление индустрии перемещать свои предприятия туда, где имеется намного более дешевая рабочая сила, вызвало непредвиденные последствия для американского потребителя. Если некогда инфляция казалась серьезной проблемой, к концу 1990-х годов она практически исчезла (см. Приложение, табл. 7).

Использовать долг для стимулирования роста — эта мысль относит нас еще к исходным принципам капиталистической теории. Но капитализм не имеет никаких принципов, кроме как извлечение прибыли. Вся его сила заключается в умении приспособливаться к новым обстоятельствам. Когда Кейнс и Уайт решили в 1944 году, что доллар будет официальной валютой международной торговли, они не имели ни малейшего представления, как «холодная война» между Соединенными Штатами и Советским Союзом драматически изменит экономику США. Капитализм меньше ограничен идеологией, чем коммунизм. В его гибкости кроется его гений. Если роста нужно достигнуть за счет долга, пусть будет так. Но простой факт состоит в том, что вы не можете вернуться к исходной точке. Государственный долг будет расти и расти, так же как и долг корпораций, перечисленных в списке главных корпораций («голубых фишек») на нью-йоркской фондовой бирже. Благодаря Всемогущему Доллару, эта новая форма капитализма будет продолжать и дальше развиваться.

Есть «чистолюи», особенно среди экономистов, но также и среди политиков, которые считают растущий национальный долг бедствием. Члены конгресса, в частности, рассматривают растущий дефицит как груз, который ляжет на плечи детей

и внуков, но одновременно те же самые представители тратят государственные деньги на свои перевыборы. Власти городов и штатов жалуются, что федеральные власти обязывают их участвовать в оплате здравоохранения, образования и других социальных служб, хотя ведь по конституции им положено самим сохранять свой бюджетный баланс. Игнорируется тот факт, что все они по самое горло в долгах из-за выпуска безналоговых долговыхременных кредитных обязательств. Так что не только федеральное правительство живет за счет Всемогущего Доллара, но и штаты и местные власти. Европейский союз, который имеет ныне свою валюту евро, выпущенную в 1999 году, внезапно столкнулся с тем, что не может справиться с падающим долларом, из-за чего американский экспорт становится дешевле, а европейский — дороже. Это все верно, но такое развитие событий не очень существенно повлияло на торговый баланс со странами Евросоюза. Соединенные Штаты все еще импортируют больше, чем экспортируют в три ведущие страны Евросоюза — Германию, Францию и Великобританию.

Те, кто придерживается пессимистических взглядов на будущее экономики США, упускают из вида один простой факт. Нравится это миру или нет, мы все находимся в одной лодке. Нет валюты, способной заменить доллар. Триллионы долларов находятся в обращении, и еще триллионы появятся в ближайшие годы. Более того, экономики других стран настолько интегрированы в экономику США, благодаря доллару, что это заставляет их поддерживать растущий долг США. Альтернативой может быть только коллапс всей экономики мира. По сути дела, именно это делает доллар всемогущим.

Глава 2.

Удивительная экономика США

Экономика США парадоксальна. Это страна, которая на протяжении более чем трех последних десятилетий постоянно наращивала дефицит торгового баланса. Валюта продолжала обесцениваться. В этой когда-то самой мощной индустриальной стране мира сейчас ведущее значение приобрел сектор услуг. Национальный долг превысил 8 триллионов и продолжает расти каждый год. Население, и мужчины и женщины, больше всего другого интересуется спортом (разве что за исключением еще секса). Система образования в стране, в сравнении с другими развитыми странами, находится почти в самом низу списка. И все же США остаются мировой супердержавой, военной и экономической, и ее экономика продолжает оставаться машиной, которая тянет за собой экономики других стран. Население имеет самые высокие стандарты жизни в мире, а ее массовая культура преобладает во многих других странах мира.

Разве удивительно, что подобные противоречия вызвали появление многих последователей Кассандры, которые продолжают предсказывать упадок этой империи США? В 1980-е годы они делали ставку на Японию и К^о, как вероятного преемника США. К 2000 году это место занял Европейский союз, который активно проникал в Восточную Европу и имел собственную валюту евро. Учитывая превосходящее население и больший общий ВВП, представлялось, что Европа низведет США до положения второразрядной экономической державы и это лишь вопрос времени. Преувеличенная оценка процветания Европейского союза кроется в том, что возросший ВВП во многом есть результат присоединения новых членов. Это и высокая безработица в Германии и Франции, странах-учредительницах, которая колеблется около уровня в 10 процентов. Эта безработица не только задерживает экономический рост, но и демонстрирует отток финансовых

ресурсов из указанных стран, поскольку они стремятся сохранить определенные стандарты жизни для безработных. Что же касается расширения Европейского союза на Восточную Европу, то во многом это следствие усилий Германии и Франции эксплуатировать менее развитые экономики этих стран. Евросоюз не собирается поддерживать Соединенные Штаты как ведущую силу в мировой экономике. Европейцы больше думают об экономической безопасности, чем о лидерстве.

Сегодня «кассандры» ухватились за идею, что главная угроза исходит от Китая и Индии, с их потенциалом роста, где имеется огромное и достаточно образованное население. Сегодня, когда лидеры этих стран пришли к пониманию важности свободного рынка, пессимисты прогнозируют такой рост этих экономик, который сделает Соединенные Штаты карликом по сравнению с ними. Администрация и конгресс поспешили ответить вливанием финансов и упорядочением системы образования в США. Поставьте побольше компьютеров в каждый класс. Повышайте уровень преподавательского состава. Поднимите стандарты для перехода преподавателей на более высокий уровень. Сократите количество учащихся в классах. Этот упор на предпочтение количества качеству игнорирует исторические реалии. В течение XIX и XX веков американцы сделали больше открытий, которые послужили улучшению качества жизни и развитию экономики, чем все остальные страны мира, вместе взятые. Именно эта креативность характеризует удивительную американскую экономику (см. также Encarta.msn.com; search: notable inventions). Нет лучшего примера, как лидерство американцев — и молодых и пожилых — в подготовке Эры Информации и передаче ее миру, не только через Интернет, но также за счет микросхем и программного обеспечения персональных компьютеров. Мир слушает музыку через посредство iPod. Деловая деятельность отслеживается по таблицам Microsoft Excel. Использует Google как первейший источник информации. Без лидерства и заинтересованности США Эра Информации могла бы и не наступить.

Влияние Соединенных Штатов на культуру и экономику каждой страны огромно. Английский язык, а в большинстве случаев американский его вариант, является, как правило, вторым языком. Но нет соразмерного по масштабам ответного культурного или экономического движения, которое бы воздействова-

ло на американское общество или на какое-либо иное. Да, существует единый мир валютного обмена и царства основных активов, но, помимо этих двух сфер международного бизнеса, центр и культурной и экономической механики мира находится в Соединенных Штатах. Америка — крупнейший рынок потребительских товаров, не говоря уже о прочем. Европа преуспела в создании союза европейских народов, но ее массовая культура остается американской. И если американская экономика схватит легкую простуду, как в 2001 году, то люди от Брюсселя до Нью-Дели слягут с тяжелой лихорадкой.

Уникальность экономики США и зависть к ней объясняются обстоятельствами, сопутствовавшими ее развитию. Что отличало ранних американских поселенцев от англичан и других европейцев — это открытость новому и непривычному миру, где не действуют ограничения, созданные европейской цивилизацией на протяжении многих столетий. В то же время первые колонисты принесли с собой весь тот опыт, который они взяли из своей родной страны. Впервые в истории новое общество создавалось на основе всех достижений и немногих недостатков, которые достались от общества прошлого. Тогда как в Англии все земли принадлежали наследникам своих предков, в колониях земля была доступна всем. На родине общество было разделено на классы, на новых землях такого порядка изначально не существовало. Вдобавок, в колониях люди были независимы от управляющих лиц. Эти обстоятельства, в сочетании с доступностью разнообразных ресурсов, и стали двумя факторами, которые обусловили форму экономического развития страны и, соответственно, политическую систему, которая выстроилась на ее основе.

Классовые различия (не зависящие от благосостояния) были намного меньше в новом обществе, а цель достижения богатства была открыта для всех, кто был способен на это. В Америке, как и в Англии, земля означала богатство. Хотя аборигенное население занимало значительную часть этой земли, но, если говорить о ранних колонистах, «кто силен, тот и прав». Подобно древним израильтянам, вторгшимся в Ханаан и поддержанным Иеговой в стремлении освободить место для богоизбранного народа, так и колонисты взялись изгнать эти племена индейцев, которые не желали уступать своих земель.

Продолжая традицию зреть в корень и двигаться на Запад, американцы и сегодня более открыты для нового, чем кто-либо иной. Многие американцы любят перемены. И, соответственно, они терпеть не могут внешнего диктата. Уникальные характеристики американцев — индивидуализм, нетерпимость ко всяческим ограничениям, мобильность и жажда богатства — объясняют различия в развитии экономики США и европейских стран. В Америке (среди белых) не было классовых различий. Это ошеломило Алексиса де Торквилля. В этой стране всегда были богатые и бедные, но в то же время общество позволяло продвижение человека вверх. В ранний период американской истории богатство могло быть приобретено в результате захвата земель или удачной морской торговли. Феномен американской революции можно проследить до тех первых поселенцев, которые жаждали поселиться на новых землях и завоевать еще и, соответственно, приобрести богатство.

Британский лейтенант-губернатор Роберт Дивидди, в сотрудничестве с богатыми виргинскими плантаторами, профинансировал первую попытку Джорджа Вашингтона заявить претензии на земли по ту сторону Аппалачей, где властвовала Франция. Это спровоцировало войну с Францией и в конечном счете привело к удалению Франции из Северной Америки. Британцы, исходя из обладания значительной территорией, простирающейся от гор Аппалачи до Миссисипи, пытались удержать колонистов от освоения новых земель, полагая, что так может возникнуть нация более мощная, нежели британская (исходная). Но американцам освоить всю эту землю было под силу. Для сдерживания «авантюристов» британцы отрядили армию в 10 тысяч солдат, но затем потребовали, чтобы американцы платили за содержание этих солдат. В первое время 13 различных колоний имели общий интерес — захват и эксплуатация огромной и неосвоенной территории. Но Джордж Роджер Кларк с 175 вооруженными пограничниками и при содействии французских поселенцев выбили британцев с этих территорий и обеспечили там власть Соединенных Штатов в мирном договоре, который был заключен в конце войны (Война за независимость. — *Прим. пер.*). Герцог Веллингтон, знаменитый британский национальный герой и победитель Наполеона при Ватерлоо, сделал жесткое суждение о том, что Америка

слишком большая страна, чтобы ее завоевать, и закончил войну 1812 года.

Те, кто занимался морской торговлей, были не менее агрессивны, чем те, кто захватывал земли в своем стремлении к обогащению. Еще до начала революционной войны они нарушали все правила, установленные британским Адмиралтейством, которое запрещало торговать иностранными изделиями на Карибах. Контрабанда стала стилем жизни, и он иногда приводил к личному успеху. Для британцев такое отношение к закону ради личного обогащения было неприемлемым. Когда Британия была владычицей морей и не нуждалась больше в грабительских налетах на испанские галеоны, она считала, что во всех колониях преклонят голову перед ее величием. В британском обществе каждый знал свое место и жил соответственно. В американских колониях приобретение богатства стало превалировать над британской традицией или обычаем. Возможно, бессознательно, но это было как обрыв пуповины с матерью-родиной, почти в физиологическом смысле. Хотя эти колонии были отделены друг от друга географически, экономически, различались в климатических условиях и религиозных особенностях жителей, у них было одно общее — свобода. Британцы дали им свободу создать свое собственное общество. Поэтому они (американские колонии) и не были колониальными владениями в строгом смысле этого слова. Нельзя было считать их и протекторатом, поскольку они имели свои финансы, самостоятельно вели собственное хозяйство, за исключением некоторых ограничений в торговле. Поэтому они были очень недовольны вводом прямого налогообложения, что и привело в конечном счете к американской революции. Для парламента и вообще для британского истеблишмента колонисты были скверными ребятами, которых нужно хорошенько отшлепать. А американцы-колонисты, которые прожили здесь больше ста пятидесяти лет, чувствовали себя достаточно зрелыми, чтобы обойтись без строгого плуны. Аналогия вполне зримая. Американские торговцы задумали бойкот импорта британских товаров как знак протеста против Закона о гербовом сборе (Stamp Act). Когда он в конечном счете был отменен, британцы послали в Нью-Йорк письмо с тонкими дипломатическими маневрами.

Подобные ранние примеры стремления американцев к богатству и независимости от авторитетов могут охарактеризовать и рост экономики этой страны. В бесклассовом обществе единственным различием (между классами) могло стать богатство. Хотя революция была совершена людьми из различных сфер жизни, американский истеблишмент, находившийся поневоле на острие революции, вовсе не жаждал установления демократии. Только состоятельные люди были отобраны для того, чтобы ехать в Филадельфию и составить там конституцию для всей нации. Их побудительным мотивом было создать систему, которая предотвратила бы установление демократии.

Соединенные Штаты были основаны в виде республики, и особая роль сената, члены которого назначались государственными органами, заключалась в блокировке возможных эксцессов со стороны исполнительной ветви власти или палаты представителей (конгресса). Это очевидное противоречие между свободным обществом, где каждый человек имел бы равные права со своим соседом, и созданием правительства, которое охраняло бы имеющих богатство от не имеющих его, было намерено опущено в Декларации о независимости. Знаменитая фраза Джефферсона «право на жизнь, свободу и стремление к счастью» взята из трудов английского философа Джона Локка, и она не содержит слова «имущество», которое было сознательно удалено из оригинального текста. На то были существенные причины. Большинство колоний были собственностью короля Англии. И американская конституция должна была закрепить эту стратегическую недомолвку в пользу Джефферсона. Частная собственность должна была быть в этой стране столь же священна, как и Британии, но с одним большим отличием. Британия была замкнутым обществом, где всякая земля уже находилась в чьем-то владении. Чтобы сохранить такой порядок вещей, земли оставались в нетронутom состоянии в плане владения ими, не дробились на более мелкие участки, в Британии действовало право перехода земельной собственности одному (первому) наследнику. В новом мире, где существовали огромные незаселенные пространства, нужды в таком законе не было, учитывая возможности колонистов по приобретению новых и новых земель.

Каким образом создавались состояния в этом новом обществе, было несущественно. Стоило человеку обрести богатство, он становился членом клуба успешных американцев, которые считали себя оплотом республиканской формы правления.

Миллионеры стали особым знаком Америки, особенно те, кто начинал с гроша в кармане и приобрел несметные богатства. В представлении среднего американца человек пусть с самым примитивным образованием, но которому дано непреодолимое стремление к успеху, может сделать большое состояние. Новых богачей привлекала Уолл-стрит, где делались новые и новые состояния — и терялись. Деньги приравнялись к власти, и коррупция проникла в государственные учреждения и судебную систему. Миф о том, что в Америке улицы выложены золотыми брусками, был внедрен в массовое сознание прозаическими творениями наподобие Хорейшио Альгера, где раз за разом он рассказывал о том, как из нищих становятся богачами. Они публиковались в большом количестве в конце XIX века. Для людей просвещенных эти произведения могли казаться грубыми подделками, но сотни тысяч людей, если не миллионы иммигрантов, зачитывались этими историями и верили в них. В каждой из них, так или сяк, рассказывалось о том, как бедный юноша сделался богатым за счет добродетельности, дисциплины и тяжелого труда. Для юных иммигрантов, впервые изучающих новый язык, эти книги были источником вдохновения и побуждения. Они подталкивали многих к достижению успеха в жизни; другие проводили свою жизнь, обогащая своих работодателей. Однако надо заметить, что воровские нувориши в основном делали свое состояние не столько на ограблении своих бедных сограждан, а на обмане и вымогательстве по отношению к таким же, как они, жадным жуликам.

При постоянном притоке иммигрантов по окончании Гражданской войны в стране не развивалось сколько-нибудь сильного профсоюзного движения. Американская Федерация труда, организованная Сэмюэлом Гомперсом, состояла из союзов ремесленников и не подразумевала направленности труда против капитала. По существу, это в большей степени было содружество людей одних занятий, чем движение рабочих активистов. До тех пор, пока конгресс в начале 1920-х годов не принял законы, строго ограничивающие иммиграцию, особенно из Восточной и Северной

Европы, лидеры рабочего движения страдали от ужасного обстоятельства — а именно бесконечного притока рабочей силы, готовой трудиться за меньшие деньги и большее время. Только когда этот поток был перекрыт, стало возможным организовать рабочих.

Промышленная революция, произошедшая в Соединенных Штатах, начиная с прокладки железных дорог, продвинула страну на позиции лидирующей мировой индустриальной державы. Численность населения намного превышала таковую в любой из европейских стран. От Восточного побережья до Тихого океана открывались огромные возможности. Даже в бывших штатах Конфедерации, которые оставались в дремотном застое во времена, когда Север и Запад испытывали необычайный экономический рост, появились люди, создавшие практически монопольное производство сигарет, со временем заменивших жевательный табак и сигары. Это был период изобретений, что и отличало Соединенные Штаты от других стран. Каждая сфера этого огромного и не заполненного пока пространства требовала особого подхода. Это могла быть простая домохозяйка, которая изобрела колючую проволоку, чтобы скот не уходил в поля и не терялся там. Америка была страной, которая вновь и вновь изобретала себя заново. К началу XX века прежде сельскохозяйственное общество превратилось в нацию огромных и перенаселенных городов. Одни сельские парни, которые сделали состояние после Гражданской войны, уступили место другим деревенским парням, вроде Генри Форда, который разработал концепцию конвейера и за счет мощи своего интеллекта смог платить своим рабочим столько, сколько было немыслимо в то время, и его рабочие могли себе позволить купить автомобили собственной сборки!

Появилось новое племя миллионеров, которые посвятили себя развитию индустрии в большей степени, чем манипуляциям вокруг железных дорог и биржевых акций. Американская индустрия расширялась и затвердевала одновременно. Конкуренция была жестокой, и в конечном счете более сильные компании пожирали менее успешных соперников. Возникновение крупнейшей в мире корпорации United States Steel произошло в результате десятков слияний малых производителей стали. Тот же процесс повторится через несколько десятилетий с автомобильной промышленностью.

Все подобные слияния происходили в меньшем масштабе и в Британии и Западной Европе. Но существовало два отличия между этими процессами по две стороны Атлантики. В Старом Свете, в Европе, по причине отсутствия притока массовой иммиграции, рабочие организовывались в профсоюзы. Из этих профсоюзов впоследствии вырастет социалистическое движение, нацеленное на поднятие жизненных стандартов рабочего класса.

В Соединенных Штатах не существовало сходного политического движения. Благодаря политике «открытых дверей» для иммигрантов, здесь всегда был огромный запас дешевой рабочей силы. Даже попытка организовать независимых фермеров удалась только на короткий срок.

Другим важным различием этих двух миров была разница в жизненных стандартах. При всей эксплуатации, американский рабочий приносил «в дом» в среднем больше, чем европейский. Это различие и позволяло американской экономике расти быстрее, чем в европейских странах. Относительное экономическое благополучие тоже играло важную роль в свертывании профсоюзного движения и недоразвитии социалистических организаций. Для иммигрантов, прибывающих в Штаты из Европы, в последнее время — особенно из Восточной и Южной, стандарты жизни в новой стране казались настоящим чудом по сравнению с теми условиями, в которых они находились у себя на родине. За исключением немногих интеллектуалов, идея о том, что труд эксплуатируется капиталом, никогда не посещала их мозг. Любой человек, мужчина или женщина, мог найти работу, если желал работать. Большинство из них были малообразованны и простодушны. Некоторые даже проявили достаточный идиотизм, чтобы вложить свои сбережения в акции или тому подобную обманную дребедень, в надежде обогатиться без особого труда. И все равно, пока работа была доступна для всех, Америка казалась лучшей страной в мире.

Крах рынка акций в 1929 году и Великая депрессия привели к последующей безработице, которая потрясла устои этой сытой американской мечты. Теперь многим показалось, что безудержный индивидуализм и навязчивый оптимизм ушли в прошлое навсегда. Впервые с момента возникновения страны большая часть населения была напугана и растеряна. Капитализм по принципу «пусть идет как идет», выработанный этой

крупнейшей экономикой мира, уже не выглядел ответом на жизненные вопросы.

Настало время если не менять систему, то реформировать ее. Новый Курс, поддержанный научными экспертами, привезенными новоизбранным президентом Рузвельтом в Вашингтон, многие в прошлом могли бы назвать революцией. С поддержкой нового демократического большинства в конгрессе, которое так же было не уверено в будущем, как те, кто их избирал, они механически штамповали все законы, предложенные администрацией. Пусть критики Нового Курса говорили, что он якобы ведет страну к социализму, но в новой программе вовсе не проглядывалось подобных устремлений. Законодательный пакет, предложенный Рузвельтом с его присными, был призван лишь облегчить чуму, которая поразила фермеров и неорганизованных рабочих, а также обеспечить им на будущее «спасательный жилет». Это была поддержка отпускных цен для фермеров; минимальный размер оплаты труда; возможность профсоюза торговаться с администрацией предприятий за свои права; социальная обеспеченность для пожилых и нетрудоспособных; наконец, использование государственных средств для обеспечения занятости за счет вовлечения людей в значимые проекты — это были усилия по стимулированию экономики за счет наращивания дефицита, но одновременно по созданию справедливых экономических условий для тех, кому не очень повезло. В глазах старого истеблишмента это выглядело настоящим социализмом, для тех же, кто шел в первых рядах реформ, это было необходимым противоядием от переклестов капитализма по принципу «пусть идет как идет», который властвовал экономикой США с самого момента возникновения страны.

Первые нововведения администрации Рузвельта были революционными в том смысле, что открывали двери для организации рабочих в профсоюзы, которые смогут договариваться с работодателями от их имени. Субсидирование сельского населения, то есть фермеров. Поддержка пожилых людей и инвалидов. Наконец, введение регулирующих правил на финансовых рынках путем создания Комиссии по обеспечению безопасности обмена.

И в то же время Новый Курс Рузвельта вовсе не был столь революционным, каким его считала старая гвардия республикан-

цев. Скорее, это была ароматизированная экономика по Кейнсу, введенная для того, чтобы остановить экономическое падение, и эта методика возникла еще до кончины золотого стандарта и заключалась в накачивании издыхающей экономики деньгами за счет государственных расходов. В 1930-е годы свободная торговля практически исчезла, потому что каждая страна пыталась охранить от конкуренции ту промышленность, которая оставалась. И вот в 1938 году снова возникла массовая безработица, когда администрация Рузвельта решила, что экономика США воспрянула настолько, что можно сократить государственные расходы и уменьшить бюджетный дефицит, чтобы снова дать дорогу свободному рынку. Это было самое преддверие Второй мировой войны в Европе, и здесь последовало создание военной машины США, что и положило конец депрессии. К моменту победы в 1945 году, после четырех лет процветания для большинства простых американцев, депрессия уже казалась каким-то экономическим казусом. Америка имела денег больше, чем когда-либо.

К концу Второй мировой войны конгресс подарил 16 миллионам мужчин и женщинам, служившим когда-то в армии, особый и щедрый Билль о правах, по которому каждому вышедшему в отставку ветерану полагались несколько сот долларов и возможность продолжения обучения. Кроме того, конгресс гарантировал кредиты на дом вплоть до 90 процентов от стоимости недвижимости. Это должно было сыграть решающую роль. Вчерашние ветераны, получив диплом, станут завтрашними инженерами, учеными, врачами, юристами и бизнесменами. В конце 1940-х и в начале 1950-х годов диплом о высшем образовании значил гораздо больше, чем в наши дни. Сделав высшее образование доступным более широкому слою населения, можно было перераспределить потоки средств и придать дополнительную гибкость классовой структуре экономики. «Верхний средний класс» вскоре вырос с нескольких процентов до более чем 20 процентов населения. Что более важно, профессиональные сферы, ранее закрытые для всех, кроме англосаксов, теперь стали пополняться разными этническими группами. Разнообразие должно было послужить взрыву творчества за счет «перекрестного опыления» идеями из разных групп населения и расширения базы социального участия.

Повсеместная нехватка умеренного по ценам жилья, последствие Великой депрессии, оставляла огромную брешь, которую необходимо было заделать. В Нью-Йорке этот вопрос был решен двумя вернувшимися с войны ветеранами, братьями Левитт. В их подходе к жилищному строительству они отвергли исторически сложившиеся образцы. Вместо того чтобы подавать уже построенные дома, они применили принцип конвейерной сборки Генри Форда, позволяющей массовую убыстренную сборку, поэтому под закупленную землю на заказ клиента изготавливался домик из стандартных комплектующих, привозился и устанавливался. Это делалось в соответствии с определенной (и ограниченной, конечно) ассортиментной линейкой производителя. Скупив тысячи акров земли на Лонг-Айленде, штат Нью-Йорк, по доллару за акр (1 акр = около 40 соток. — *Прим. пер.*), они спроектировали серийный дом, на площади участка около четверти акра (то есть 10 соток), полностью оборудованный готовой кухней и удобствами. Такой дом с двумя спальнями, одним санузелом и гостиной послужил прототипом для еще 7 тысяч таких домов, которые строились одновременно. Затраты времени на сборку дома были минимизированы. А за счет использования одних и тех же элементов экономия при массовых продажах была гигантской. Использование труда не членов профсоюза также снижало себестоимость, поскольку это позволяло избегать профсоюзных норм по времени создания каждого проекта. Рекламные полосы в газетах объявляли о продаже готовых к заселению домов с двумя спальнями и со всеми удобствами, по невероятной цене всего в 7500 долларов.

Миграция городских жителей в пригороды, которой дало сигнал создание городка Левиттауна, впоследствии трансформировала экономику США. Где селились люди, там тут же возникала розничная торговля — сначала на развалах, потом в больших магазинах, наконец в больших торговых рядах с несколькими отделами и системой доставки. В конечном счете, учитывая дешевизну земли и растущую рабочую силу в непосредственной близости, корпорации последовали этой логике. Фермеры-трактористы вдруг увидели, что их земля, которая едва-едва приносила им доход на скромную жизнь, при продаже может принести такой доход, который им светит за всю жизнь тяжелого труда! И если до войны предместья с их особняками

расценивались как место для богатых, то теперь здесь поселились и люди среднего достатка. Для растущего среднего класса эти предместья стали единственным шансом для построения семьи. Мало-помалу небольшие города стали расширяться все дальше и дальше за бывшую городскую черту. Даллас и Хьюстон в Техасе, когда-то неразличимые на карте точки, вдруг превратились в миллионные города. То же самое верно и для Финикса или даже Лас-Вегаса. Лос-Анджелес, папаша этих новшеств, учитывая благоприятный климат, продолжал расползаться. Автомобильную промышленность ждал бум, поскольку каждой семье теперь требовалось два авто. Необходимо было обустроить автотрассы и другие дороги, чтобы привести их в соответствие с возросшим потоком транспорта. Можно сказать, что мобильность американцев возросла вдвое через век после того, как они заняли весь континент от Восточного до Западного побережья.

Перемещение из города в предместья изменило и лицо индустрии одежды. Обыденная жизнь в предместьях была неформальной. Не было здесь улиц с магазинами, а женщины садились в машину, чтобы поехать на шопинг в торговый центр или отвезти детей в школу. В ходу стали слаксы и джинсы. Если только человек не был членом местного элитного клуба, он одевался как хотел. Мужчины стали носить в добавление к джинсам еще и шорты, когда находились на своем участке у дома. За несколько десятков лет принятая форма одежды в ресторанах и даже церквях городских предместий уже во многом не требовала никаких особых правил. Даже на рабочем месте допустимая форма одежды стала более вольной. Сексуальная революция 1960-х и 1970-х еще более разрушила представления о необходимости формальности в одежде. С изобретением колготок родилась и мини-юбка, а пояс для чулок стал анахронизмом (кроме сексуальных излишеств, где его используют и по сей день. — *Прим. пер.*). Его практический смысл — удерживать чулки — стал абсурдным. Постепенно изменения в дресс-коде США стали распространяться на страны Европы и другие развитые страны.

Развитие предместий вызвало также сдвиги в розничной торговле, в форме возникновения супермаркетов. Соединение множества пищевых товаров под одной крышей не только позволило рационализировать движение транспорта, но и навело

на мысль об идее самообслуживания. Постепенно и в большой степени устранялась необходимость в продавцах, поскольку все купленные товары оплачивались на кассе. Это же вызвало и появление магазинов скидок, которые подавили традиционных розничных продавцов.

Розничная торговля в США — это изобретение, постоянно склонное заново изобретать себя. Многие современные гиганты торговых розничных сетей начинали развиваться в середине 1970-х и в 1980-е годы. Первый складской клуб The Price House, который был предназначен предоставить невообразимые скидки для малого бизнеса и ресторанов, стимулировал создание Sam's Club и BJ's, с огромным набором предложений и широкой клиентурой. В 1970-е годы возникли также магазины типа category killers (или полностью покрывающие ту или иную категорию товаров), они располагались в огромных зданиях, с большим паркингом и складами. А перед этим возник феномен Home Depot — или «домашнего склада». Предназначенные для рукастых мужчин, они предоставляли возможность купить «все для дома», чтобы потом самому все свинтить, прибить и вкопать, включая деревья, цветы и т.д., по очень выгодным ценам. Вдобавок, если домовладелец хотел, чтобы эту работу выполнил профессионал, Home Depot предоставлял проверенных подрядчиков и гарантировал качество работ. Это революционизировало бизнес «все для дома». Примерно в тот же период другой изобретатель — Circuit City (или «Проводка в городе») — приложил ту же идею к продажам электроники. Эффективность и низкая цена были главными знаками недавних успехов розничных продаж. В процессе развития эти колоссы постепенно вытесняют независимых торговцев.

Рост экономики США, будь то на уровне производства или розничных продаж, предопределен долгом. Большинство корпораций, перечисленных в списке нью-йоркской фондовой биржи, растут лишь за счет того, что накапливают долги, выпуская акции. Если бы их заставить оплатить цену их акций наличными деньгами, по текущей биржевой цене, они не способны были бы сделать это без обращения к займам, которые повергли бы их в новые долги. Следовательно, без постоянной задолженности американского потребителя, на чью долю приходится около 70 процентов всего ВВП, экономика испытает

коллапс. До начала 1970-х годов основные долги потребителей состояли в закладе на дом, на автомобиль и в некоторых случаях — на какие-то особые украшения, мебель или ковры. Все ограничения по кредиту устранились с введением единой кредитной карточки. За последующие тридцать лет потребительские кредиты выросли настолько, что превысили ВВП.

Ранняя история кредитной карты начиналась с товаров для «достойной жизни». Специализированные магазины высокого уровня выпускали кредитные карты для своих лучших клиентов, с платой в конце месяца. Компания Masy's вышла на рынок с еще более смелой задумкой: ее клиенты могли депонировать деньги на счет в банк Masy's и брать деньги со счета для своих покупок. В начале 1950-х годов концепция кредитных карт распространилась и на дорогие рестораны, как в США, так и в Европе, вместе с созданием Diners Club International (Международный клуб ужинающих). Чтобы выдержать конкуренцию с этой структурой, компания American Express, уже занимавшая ведущие позиции в Европе со своей системой «аккредитивов» (travelers checks), выпустила свою собственную кредитную карту, которая вскоре превзошла «ужинающих» по значимости. «Американ экспресс» обслуживала отели и рестораны и предлагала свою карту как письменное свидетельство о сделанных расходах. В 1958 году вице-президент Бэнк оф Америка (Bank of America) решил поэкспериментировать с картой своего банка, предназначенной для избранных клиентов. Этот опыт оказался настолько успешным, что многие другие банки последовали этому примеру. Все эти кредитные карты предоставляли лишь определенное удобство и предусматривали оплату счетов в конце месяца.

В 1970 году произошло новое потрясение, связанное с изобретением магнитной пленки. Благодаря этой пленке информация о кредите могла храниться и передаваться в электронном виде. Другая группа изобретателей сумела сделать так, что собранные данные могли немедленно передаваться на центральный терминал, где они могли быть прочтены и обработаны. Чтобы достичь этого, нужно было поставить аппараты для считывания в каждый магазин, откуда можно было бы платить по карте. Все это привело к развитию системы банковских кредитных карт, которые массовый потребитель мог держать в своем бумажнике. Интерес банка для присоединения к этой системе

заклучался в том, что таким образом потребитель получал все больший и больший кредит. Наличие кредитных карт от нескольких разных банков увеличивало размеры возможного кредита. Если по одной карте потребитель имел 500 долларов кредита, то по трем — уже 1500. Кроме того, поскольку держатели карт оплачивали только 10 процентов пени за сумму перерасхода на каждую карту на каждый месяц, они непроизвольно стремились тратить больше, чем первоначально намеревались.

Эта способность тратить и тратить вскоре выразилась в возрастании потребительских расходов. От 67 процентов ВВП эти расходы возросли постепенно до 72 процентов ВВП. Когда авиакомпания American Airlines ввела скидку на частые полеты (в одну точку), банк Citicorp увидел в этом нововведении возможность для расширения своей клиентской базы. По договоренности с авиакомпанией всякий доллар с их карты мог быть потрачен на оплату подобного дисконтного (скидочно-го) билета.

Экономика США проявляет удивительную гибкость в приспособлении к меняющимся условиям. Из-за своей исключительности эта экономика имела все возможности для создания своей собственной формулы успеха. Она состояла, с одной стороны, из независимости индивидуума; с другой — из мобильности и свободы передвижения; и с третьей — можно назвать это безудержной целеустремленностью. Для первых колонистов всегда было завтра, если сегодня не оправдало надежд. И в результате, мало-помалу, границы раздвигались, создавая пространство для развития, и вот из этого расширения и развития возникла сложная и разнообразная система экономики.

Когда Джефферсон описывал цели новой нации как «жизнь, свобода и стремление к счастью», это отражало тот путь, который руководители американской революции видели для развития именно экономики страны. Политическая система, возникшая затем, была подогнана под потребности защиты экономики давно уже существующих поселений колонистов. Политическая система США была отражением экономической жизни. Только с наступлением Великой депрессии с огромной безработицей система, похоже, дала сбой. Начиная с рузвельтовского Нового Курса и далее федеральное правительство взяло на себя главную роль в развитии экономики. Несмотря на ограничения и балан-

сы, которые приняли к экономике, она оставалась все такой же, выросшей из того старинного уклада американских «колоний». Не было никаких препятствий для продвижения человека вверх и накопления богатства. Конечно, богатым легче стать еще более богатыми, и расстояние между самыми богатыми и самыми неимущими только возрастало. В конце XIX века был человек, который знал, как использовать возможности, — это Джон Рокфеллер, который сумел достичь господства на рынке сырой нефти путем скупки всех нефтеперегонных предприятий. В конце XX века подобным образцом стал Билл Гейтс, который достиг господства на рынке программного обеспечения для персональных компьютеров.

Такие возможности для успеха соблазняли американцев на инновации. Хотя сегодняшняя экономика США направлена в основном на сферу обслуживания, американцы все еще ищут счастья в производстве. Американская экономика подверглась большим изменениям с момента высадки первых поселенцев на этих берегах четыреста с лишним лет назад. И постоянной необходимостью для этих людей было приспособливать свое хозяйство, свою экономику к меняющимся обстоятельствам. В этом состоит отличие американской экономики от экономик других стран. С самого своего возникновения американская экономика была делом продвижения вперед. И ее единственной традицией было накопление богатства.

Глава 3.

По ту сторону Добра и Зла: другой портрет Иосифа Сталина

Когда Рональд Рейган провозгласил Советский Союз «империей зла», он стал первым американским президентом, который выразил это соображение в такой примитивной форме, однако в то время многие американцы уже приучены были думать именно так. Либералы, которые считали Рейгана опасным «ястребом», опасались, что он может превратить «холодную войну» в горячую и нажать на «спусковой крючок» взаимного уничтожения двух супердержав. Но если бы Иосиф Сталин услышал это, он перевернулся бы в своем саркофаге. Но при этом он улыбнулся бы и возразил: это выпады посредственного голливудского актера, теперь ставшего лидером процветающего буржуазного общества, находящегося на грани коллапса. Для Сталина слова «добро» и «зло» были всего лишь инструментами, которые использует капиталистическая элита для сохранения своей власти над обществом.

Только если отбросить в сторону рассуждения о добре и зле, можно понять истинный образ Сталина. Всякое действие, которое он предпринимал, было нацелено на то, чтобы стереть остатки буржуазного общества, где богатый эксплуатирует рабочих, для того чтобы шире распахнуть двери в более «равное» коммунистическое общество. Точно так же спокойно он смотрел на уничтожение тех, кто думал иначе. Для воссоздания общества заново по новым лекалам требовались тотальная и непреклонная дисциплина и полное повиновение. Если бы он позволил обсуждать лидерство в этой ситуации, это в лучшем случае привело бы к замешательству и ступору.

Западные демократии стали первым примером. Когда Гитлер провел свои войска в Рейнскую область, в нарушение Версальского договора, во французском парламенте обсуждали,

надо ли посылать войска в ответ, чтобы выдворить немцев. В конечном счете Франция ничего не предприняла, и Гитлер почувствовал, что у него развязаны руки для перевооружения Германии. Кроме того, он подтвердил (хотя бы в глазах Генштаба германской армии), что он хорошо понимает поведение Франции и что Германия может продолжить нарушать и другие пункты Версальского договора.

Если бы Сталин позволил дебаты между членами Политбюро, не был бы создан пятилетний план развития («пятилетка») и Советский Союз никогда не смог бы создать такую индустрию, которая подняла страну на ноги и позволила победить вермахт. И на сегодняшний день, когда значительная часть архивов бывшего Советского Союза открыты, на Западе по-прежнему не понимают Сталина. Есть основательная причина для этого. Западные люди меряют его в координатах своей системы. Но слова «добро» и «зло», которые составляют необходимый багаж западного человека, для Сталина ничего не значили. Он считал их анахронизмом иудеохристианской теологии, где человек не признается хозяином своей судьбы, а является лишь творением воображаемого Бога. Слова «добро» и «зло» были призваны обозначать в человеческом понимании божественные мысли и представления этой воображаемой фигуры. На протяжении веков церковные учреждения немало попользовались этими словами для сохранения своей власти над душами людей. Когда Карл Маркс называл религию опиумом для народа, он описывал способ, каким христиане, иудеи, мусульмане и другие ставили веру превыше знания и склонны были принимать внушаемые им догматы, нежели размышлять самим. Сталин предпринял все усилия для того, чтобы изгнать религию из Советского Союза. Она таила в себе опасность двойственности. Она бросала вызов высшему авторитету государства. Сталин считал религиозные организации еще одним пережитком буржуазного мышления, что было контрреволюционным.

Студенты, изучающие советскую историю, хорошо знают общее описание ранних лет Сталина. Он восемь лет проучился в школе в городе Гори, после чего поступил в духовную семинарию в Тифлисе, ныне Тбилиси, столица Грузии. Будучи семинаристом, он попал под влияние марксизма и начал свою карьеру революционера. После того как его исключили из семинарии

за попытки создать профсоюзы рабочих, проработав короткий период простым служащим, он полностью посвятил себя революционной работе, вступив в нарождавшуюся социал-демократическую партию. Он семь раз арестовывался царской полицией и был отправлен в Сибирь, но всякий раз ему удавалось в конечном счете бежать. Самое длительное его заключение было с 1913 по 1917 год. А до того он встречался с Владимиром Лениным, лидером большевистской фракции РСДРП, на конгрессах в Финляндии, Стокгольме и Лондоне. Однако он остался низовым функционером партийного аппарата до тех пор, пока не спланировал и не помог осуществить громкое ограбление в Тифлисе, которое обеспечило партию необходимыми финансовыми средствами. В 1912 году Ленин ввел его в Центральный комитет большевистской партии, и перед тем, как провести четыре года в сибирской ссылке, он редактировал партийную газету «Правда». После побега из ссылки в 1917 году он возобновил редакторскую работу в газете и принял активное участие в революционной (Гражданской) войне как политкомиссар.

Русская революция была взрывом переполненного паром котла, который шипел уже долгое время. В феврале 1917 года рухнула монархия и было сформировано Временное правительство. Страна находилась в кризисе, истощенная трехлетней войной. И все же, возможно из-за отсутствия открытых дебатов, никаких решений не принималось. Ленин вступил словно в вакуум и захватил власть в ноябре, при поддержке Петроградского Совета. Одним из самых заманчивых обещаний Ленина было дать мужикам землю их отсутствующих помещиков — для личного пользования. Это могло показаться странным для правительства, устремленного к социализму, но Ленин прежде всего был прагматиком. Как он определил свою новую экономическую политику (НЭП) в 1921 году, это был необходимый шаг назад, который должен потом позволить два шага вперед. В отличие от Гражданской войны в Америке, которая затронула в основном Юг, в России Гражданская война охватила всю огромную империю — от Польши до Сибири. Это была долгая и кровавая битва, и даже победители оказались истощены настолько, что им требовалась передышка. Однако, в отличие от французских революционеров, Ленин с самого начала знал,

в каком направлении нужно развивать революцию. Новое правительство, сформированное им с соратниками, должно было превратить Союз Советских Социалистических Республик в коммунистическое государство, когда сотрутся шрамы, нанесенные Гражданской войной. В этой диктатуре пролетариата будет одна партия, Коммунистическая, а управление партией будет находиться в руках Политбюро, которое возглавлял Ленин.

Основная проблема, с которой столкнулись члены Политбюро после удара, пережитого Лениным в 1923 году, — это вопрос о наследнике Ленина. До поры до времени вопрос оставался подвешенным. К январю 1924 года, когда Ленин умер, страна уже во многом восстановилась от потерь, нанесенных Гражданской войной. Теперь настало время применять на практике марксистско-ленинскую доктрину и социализировать экономику. Два ведущих кандидата, ни одного из которых Ленин не приветствовал как своих наследников, были Лев Троцкий, который провел Красную Армию¹ сквозь сражения Гражданской войны и был в свое время министром иностранных дел, и Сталин, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии, который отвечал за функционирование низового аппарата партии. Существует несколько причин, почему Ленин отказался назвать желаемого наследника. Он сделал революцию, по существу, собственноручно, на свой страх и риск. Это он настоял на том, чтобы Советский Союз создавался как федерация социалистических республик. Он отражал нападки некоторых своих соратников, готовых принять сторону меньшевиков и других отщепенцев партии, за тем исключением, если они соглашались служить делу большевистской партии. Он боролся против русофилов, стремившихся подчинить себе партийный аппарат. Перед тем как его поразил последний удар, парализовавший его, он успел оставить документ, где указано направление, в котором необходимо следовать Коммунистической партии. Ленин, как многие люди блестящего ума, испытывал ревность к своему детищу и не был уверен, придется ли кому-нибудь по плечу его пиджак, говоря фигурально.

На первый взгляд, выбор должен был пасть на Троцкого. Умнейший человек, подвижный, прекрасный оратор, способный

¹ Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА), с 1918 по 1946 год официальное название Советской Армии.

зажечь аудиторию, великолепный администратор, он был ведущим военачальником Ленина в годы Гражданской войны, главноверхом Красной Армии. Но он сам себе вредил. Еще в своих ранних публикациях он выражал сомнение, что социалистическое государство может быть создано в такой отсталой стране, как Россия, которой сперва надлежало превратиться в процветающую буржуазную нацию. Даже после того, как германской компартии не удалось захватить власть в 1923 году, когда экономика была в полном истощении от страшной инфляции, он все еще верил, что если Советский Союз покажет пример будущего социализма, то ему последуют и более экономически развитые страны. Был еще один фактор, препятствовавший выбору Троцкого в качестве преемника: это его пренебрежительное отношение к другим членам партийной иерархии и даже к самому Ленину. Хотя Ленин восхищался Троцким, но он понимал, что если власть попадет к нему, то Троцкий придаст революции во все не ту форму, какой ее видел Ленин.

Сталин, со своей стороны, представлял другую проблему. Конечно, он был не слишком хорошим администратором. Ленин назначил его Генеральным секретарем партии с целью реорганизовать и рационализировать бестолковую бюрократию, возникшую в послевоенные годы. Задача была провалена, и Ленин упрекал его за это. Но Сталин написал программу включения национальных сообществ в систему Советского Союза. Это было ясным пониманием проблем, требующих решения, и именно это могло стать основой ленинского плана федерального государства. Во время Гражданской войны Сталин был политкомиссаром, в задачи которого входило надзирать за бывшими царскими офицерами, перешедшими на службу в Красную Армию. И Сталин был намного более верным последователем той линии развития партии, которую предусматривал Ленин.

Борьба за власть между двумя этими целеустремленными людьми разыгралась в рамках Политбюро. В 1924 году существовало две точки зрения на то, как внедрять индустриализацию в стране. Первый подход состоял в том, чтобы постепенно, используя доходы от коллективизации крестьянских хозяйств, строить необходимую инфраструктуру. Второй, выдвинутый Троцким, подразумевал немедленные действия. Он хотел ввести пятилетний план, определить задачи и назначить ответственных

за выполнение каждого проекта, с полной отчетностью. Для членов Политбюро слова «полная отчетность» всегда звучали очень рискованно. Сталин сразу уловил это замешательство и решил его использовать. Привлекши на свою сторону Льва Каменева и Григория Зиновьева, он объявил проект Троцкого контрреволюционным. Вместо умеренности, Троцкий предлагал рискнуть самим существованием советского эксперимента в очень рискованной авантюре, которая при неудаче может разрушить саму систему, создаваемую Лениным. Сталин бросил перчатку, и теперь Троцкий оказался в позиции обороняющегося. Видя лидеров двух крупнейших советских городов, Москвы и Ленинграда, на стороне Сталина, Троцкий стал искать поддержки у других членов Политбюро. И тут его пренебрежительное, высокомерное отношение к другим соратникам погубило его. Постепенно он был исключен из Политбюро, затем из компартии и, наконец, отправлен в ссылку в Сибирь (это неточность — на самом деле в Алма-Ату. — *Прим. пер.*).

Успешно удалив главное препятствие на своем пути к абсолютной власти в Политбюро, Сталин стал маневрировать с целью избавиться от двух своих возможных соперников, Каменева и Зиновьева. Каждый из них про себя думал, что сам унаследует лидерство в Политбюро, раз уж Троцкого убрали. При поддержке Николая Бухарина и Алексея Рыкова Сталин снова поднял тему пятилетнего плана, придуманного Троцким для индустриализации Советского Союза. Как он и ожидал, Каменев и Зиновьев немедленно воспротивились этому, выдвигая все те аргументы, которыми Сталин сам пользовался в свое время.

Ответ Сталина состоял в том, что ситуация изменилась. Вместо подъема экономики она застыла. Ленинская новая экономическая политика исчерпала свои возможности. Сталин настаивал, что без решительной программы, принятой немедленно, саму идею об успешной социалистической экономике можно будет отбросить. Несмотря на то что два его оппонента возглавляли Советы в двух главных городах, у Сталина нашлось достаточно голосов в Политбюро, чтобы сместить их с постов. В отличие от Троцкого их не исключили из партии, но переместили на низовые посты в незаметных министерствах. С уходом этих двух потенциальных соперников у Сталина были развязаны руки для руководства созданием будущего страны.

Постоянные упреки американцев в адрес Сталина за его невероятные жестокости не принимают во внимание рациональное соображение, стоящее за депортациями и расстрелами. Среди множества отвратительных преступлений, приписываемых Сталину, наиболее масштабным было убийство и депортация миллионов кулаков с целью коллективизации сельского хозяйства. Если смотреть на дело с точки зрения социалистического государства, контролирующего все средства производства и равенство распределения, решение о коллективизации сельского хозяйства было необходимым. Хотя Маркс не затрагивал этот вопрос в своих трудах, Ленин предположил, что это неизбежно для построения настоящего социалистического государства. В поддержку такого тезиса говорил успех движения кибуцев в Палестине. Жители кибуцев были не только социалистами, они еще были и коммунистами. Хотя коммунистическая партия Марат была в меньшинстве и большинство кибуцев и промышленность контролировались Марай, социалистической партией труда, Марат оставалась значительным политическим фактором, особенно для ранних переселенцев, большинство из которых бежали из России под напором антисемитизма. В принятии решения о коллективизации в России специалисты по сельскому хозяйству ссылались на успешный опыт кибуцев, которые превратили пустыню в цветущий сад. Естественно, предположили, что на Украине, некогда кормившей Западную Европу, успех будет просто феноменальным.

Не учли один изъян этого плана. Пионеры, которые поселялись в Палестине, будь они социалистами, коммунистами или капиталистами, были сионистами, нацеленными на создание родины для евреев. Их политические или экономические взгляды на будущее этого государства были вторичными по отношению к этому главному факту. Независимые крестьяне-производители, взявшие сторону Советов во времена Гражданской войны, поступили так лишь потому, что рассчитывали, что земля сбежавших землевладельцев будет роздана крестьянам. К моменту, когда Сталин объявил о своем плане коллективизации советского сельского хозяйства, крестьяне провели уже около десяти лет относительно зажиточной жизни. Как в любой рыночной экономике, наиболее успешные из них расширили свои первоначальные земельные

владения. Из всех слоев советского общества 1920-х годов они зарабатывали, пожалуй, лучше всех.

Для приверженцев марксизма-ленинизма коллективизация сельского хозяйства должна была повысить производительность, поскольку можно было устроить все по научной системе. Та прибыль, которую получали кулаки, продавая свою продукцию государству, исчезала, а следовательно, цены для советского потребителя становились ниже. Среди членов Политбюро не было разногласий по этому вопросу. Никто из них никогда не занимался крестьянским трудом, и никто не понимал симбиотическую связь между фермером, его землей и его скотом. Если в промышленности рабочим можно было предоставить восьмичасовой рабочий день, крестьяне трудились от восхода до заката. Промышленное производство не зависело от погоды или нашествия насекомых-вредителей, способных уничтожить плоды труда за весь сезон. Сталин и другие члены Политбюро искренне считали, что крестьяне примут коллективизацию и подчинят свои личные интересы необходимости построения прекрасной социалистической мечты, где плоды труда каждого будут принадлежать всему обществу.

До сих пор Сталин подвергается нападкам за те безжалостные методы, которые он применял при коллективизации. Не принимается во внимание или вообще не упоминается реакция кулаков на коллективизацию. Полные решимости сохранить свою независимость, в ответ кулаки стали резать свой скот, выжигать свои поля или посыпать землю солью. Эти попытки саботажа вызвали ярость Сталина и привели к массовым казням и депортациям в Сибирь. Сталин воспринял эти попытки истощить советские почвы как попытку кулаков опрокинуть сами цели революции, что было изменой. Критики оплакивают судьбу кулаков, не принимая во внимание ситуацию, с которой столкнулось молодое государство. Без достаточного производства продовольствия власть бы рухнула. На самом деле истинная критика действий Сталина может состоять в том, что он не смог действовать достаточно быстро и подавить это сопротивление. Действия кулаков были не только контрреволюционными, но просто смертельными для страны. На протяжении 1930-х годов население Советского Союза было вынуждено жить на скудном пайке. Германское вторжение в 1941 году нанесло второй сокрушитель-

ный удар по сельскому хозяйству страны, которое восстановилось только к началу 1960-х годов.

Неудачи в коллективизации сельского хозяйства не удержали Сталина от продолжения его общей стратегии по созданию современного индустриального государства. Хотя были промахи и установленные планки заданий оказывались зачастую нереалистичными, был постоянный прогресс. Советские инженеры были ничуть не хуже, чем в других странах. Добыча угля и нефти постоянно росла. Строились металлургические предприятия. Вскоре были созданы гидроэлектростанции. Решение об электрификации всей страны, включая национальные окраины, было осуществлено. По существу, свершения Советского Союза — хотя в гораздо более широком масштабе — не отличались от тех мер, что предприняла рузвельтовская администрация при создании Теннесси-Воллей. Соединенные Штаты выделили капиталы и разработали планы, согласно которым плотины должны были уберечь от наводнений и заодно дать дешевую электроэнергию для миллионов домов. То самое было и с Законом о сельской электрификации. Поскольку плотность населения была слишком низкой, чтобы возратить вложенные капиталы для частных компаний, за дело взялось государство и за счет своих фондов разрешило проблему.

Конечно, размах пятилеток был громаден по сравнению с этими усилиями администрации Рузвельта. Все советская экономика должна была быть построена, причем во всех ее сферах и областях гражданской жизни. Задуманное дело было колоссальным. Хотя оставалось наследие старой экономики времен царизма, которое можно было использовать, социалистическая экономика намного превзошла это. Одной из тяжелейших проблем стал «жилищный вопрос», поскольку в результате индустриализации в города мигрировали множество людей, да еще сказывались последствия военных действий в ходе трехлетней Гражданской войны. Другой задачей было развитие производства текстиля и одежды. Больницы и госпитали, так же как школы, необходимо было построить на огромной территории, покрывающей семь часовых поясов. Для объединения всех национальностей или этнических групп, собранных на этих огромных пространствах, русский язык был объявлен первым языком.

Для молодых людей, растущих в этом социалистическом окружении, где успехи в образовании считались за достоинство, это было время великого воодушевления. Они были частью великого эксперимента, предназначенного принести материальную справедливость для всех. Хотя недостаток питания был основным недостатком, а жилищная проблема решалась дикими способами, в культурной жизни были достижения, которые перевешивали это. Это касается театра, кино, симфонической музыки, оперы, балета, местных танцевальных ансамблей. Московский цирк был знаменит на весь мир, как и русские и украинские танцевальные ансамбли. Почитание национального фольклора допускалось, хотя религиозные обряды — нет. И с успешным выполнением пятилетних планов страна становилась сильнее. Единственная проблема, которую Сталин не мог решить, — это сельское хозяйство. Не только кулаками был нанесен огромный ущерб земле и поголовью скота, но и самые образованные и смекалистые среди них были либо уничтожены, либо депортированы.

За исключением аграрного сектора, огромный прогресс был достигнут во всей экономике. И в то же время имелась и темная сторона, которая угрожала свести на нет эти успехи социалистического государства. В описании иерархии предполагаемой им системы Маркс позаимствовал фразу из французского сторонника социализма XVIII века, Габриеля Боннэ де Мабли: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Система в первые годы социалистического эксперимента действовала не так. Члены компартии имели льготы и большие вознаграждения. Непотизм (назначение родственников на выгодные места. — *Прим. пер.*) был распространен по всей Советской империи. В особенности в национальных областях, должности представлялись на основе семейных связей. Квалифицированные представители бывшей буржуазии, принявшие новый режим, стояли особняком для верных коммунистов. Ошибки в оценках и планировании прикрывались комиссарами с целью сохранить собственное положение в новой социальной иерархии.

Концепция карточной системы бумерангом ударила по контролю качества. Количество заменило качество. Это было особенно очевидно в секторе строительства. Если материалы не прибывали вовремя или были нестандартного качества,

это не задерживало строительства (или не должно было задерживать. — *Прим. пер.*). Главное было — произвести нужное количество единиц, если человек держался за свою должность и за те преимущества, которые она давала. Неэффективность и халатность проникли во все сферы советской экономики. Еще на ранней стадии развития государственный социализм вырабатывал характеристики, которые будут отличать его на всем протяжении жизни, — безразличие к качеству.

Одним из мрачных аспектов советской жизни было всеобщее присутствие секретной полиции, ЧК, которую Ленин основал в самом начале революции. Исходная функция ЧК была предотвратить саботаж нового режима. Основанием для образования секретной полиции во многом был собственный революционный опыт коммунистов. Все, кто был вовлечен в революционное движение, бывали арестованы и высылались в Сибирь (или сидели в тюрьмах). И для новой власти, когда страна находилась еще в шатком состоянии, угроза контрреволюции казалась преобладающей. Европейские государства еще не признали само существование новой страны. Британские и американские войска, которые воевали на стороне Белой армии, были выведены только в 1921 году. То, что некоторые могут назвать паранойей, было на самом деле здравомысленно. В первые годы ЧК сосредоточилась на оставшихся монархистах, буржуазии и инакомыслящих социал-демократах. Но всякая организация, получившая такую громадную власть, имеет тенденцию становиться самодвижущейся машиной, постоянно раскрывая все новые и новые заговоры против государства. Разве что в удалении Троцкого из Политбюро и его последующей ссылке ЧК сыграла лишь второстепенную роль.

Сталин боялся и саботажа внутри рядов самой компартии со стороны бывших приверженцев Троцкого. Призрак Троцкого и троцкистов, как внутри Советского Союза, так и за рубежом, всегда серьезно беспокоил Сталина, вплоть до убийства Троцкого в 1940 году в Мексике. У Сталина были основательные причины для беспокойства. В каком-то смысле он присвоил идею Троцкого о пятилетних планах, после чего выкинул его из партии и выдал идею за свою.

Репутация Сталина как кровавого диктатора росла вместе с репрессиями 1930-х годов. Оппоненты Сталина убеждали

большинство населения в том, что обвинения против Каменева и Зиновьева во время этих репрессий были ложными, что Сталин раздувал обвинения в измене и заговорах как отвлекающий маневр, чтобы объяснить неудачи его пятилетнего плана; что Каменев и Зиновьев были изгнаны из Политбюро за то, что их оппозиция пятилетнему плану была справедливой. С другой стороны, «чистосердечные» признания на суде могли быть просто попыткой спасти жизнь своим родным и близким.

Никоим образом, однако, все происходящее не исключало потенциальной возможности действительного заговора для свержения Сталина. Экономическая ситуация в Советском Союзе была вовсе не такой уж безнадежной. Несмотря на бюрократию, неудачные решения и ошибки, самонадеянность в стремлении построить социализм чуть ли не за день, был достигнут значительный прогресс. Состоялось праздничное открытие Московского метрополитена, самого современного в мире. За счет строительства гидроэлектростанций, а также линий электропередачи вся страна получила доступ к энергии. Если далеко не все шло гладко и порядочно, готовились уже и более широкие планы для будущего построения современной индустриальной страны. И если существовали заговоры с целью свержения единоличного режима Сталина, то действовать нужно было именно сейчас, прежде чем пятилетние планы дадут свои плоды. Если посмотреть на дело с такой позиции, возможность заговора кажется вполне резонной. Направлял ли их Троцкий — вопрос, однако ни Каменев, ни Зиновьев не обладали достаточной репутацией и сторонниками для замещения Сталина на посту главы государства.

Для Сталина признания в суде предоставили прекрасный повод перетряхнуть бюрократию и удалить оттуда реальных или потенциальных противников. По всей видимости, делая свои признания, оба давали показания и против тех, кто был с ними в связи. Существовал ли в действительности заговор против Сталина? Конечно, существовал. Доказательства, представленные прокурором Андреем Вышинским, не были сфабрикованы, как некоторым хочется верить. Были ли признания их подчиненных в заговоре получены с помощью пыток? Конечно. Сталин знал наверняка, что, если бы у Вышинского не было достоверных доказательств их измены, они ни за что не стали бы давать

признательных показаний публично. Западные наблюдатели, которые рассматривали их, стоящих у скамьи подсудимых, не заметили никаких признаков физических пыток, потому что их и не было. Что хотел Сталин получить от их признаний — это доказать советскому народу, что заговоры против власти зашли так далеко, что в них вовлеклись даже эти два человека, занимавшиеся некогда подготовкой революции. Другими словами, это давало Сталину лицензию на проведение массовой чистки существующей бюрократии. Никита Хрущев уверял, что заодно с виновными пострадали и невинные; он не смог понять замысла Сталина. Успех пятилетних планов зависел от энергии тех, кто стоял на нижних ступенях бюрократии и теперь боялся за жизнь свою и своих семей. Сталин был убежден, что только такой уровень страха обеспечит нужную мотивацию для выполнения амбициозных планов страны.

Никто из европейских социалистов не воспринял взлет к власти Адольфа Гитлера более серьезно, чем Сталин. За пределами Советского Союза самая многочисленная компартия была в Германии. Провал ее попытки захватить власть в 1923–1924 годах, когда германская экономика полностью рухнула, был расценен как упущенная возможность. Боязнь победы коммунистов в Германии заставила США, а также частный капитал, в том числе из Франции и Британии, включить Германию в план Дауэса и подпитать ее финансово. К тому времени из-за репараций, которые Германия выплачивала победившим союзникам, цена германской марки уже летела в пропасть. Вливание твердой валюты в германскую экономику по плану Дауэса не было бескорыстным даром. Это было специально задумано для предупреждения прихода к власти в Германии коммунистов. В дополнение к возвращению конвертируемости марки на международном рынке, план предусматривал также реструктуризацию репарационных выплат союзникам.

В 1924 году был разгромлен путч в Баварии под руководством Гитлера, к которому примкнули военизированные отряды Эрнста Рёма, основателя нацистской партии. Рём бежал в Боливию, чтобы избежать ареста. Гитлер попал в тюрьму на четыре года за свое участие в мятеже, там он написал книгу «Майн кампф» (Mein Kampf — «Моя борьба»). В 1928 году, когда стало ясно, что германская экономика все-таки не может выдержать

репарационных выплат, была предпринята вторая попытка стабилизировать ее. Это был план Янга, по которому еще раз была проведена реструктуризация и назначена более отдаленная дата полного погашения долга. Осенью 1929 года фондовый рынок США испытал первое сейсмическое потрясение, которое прокатилось по всему миру, сильнее всего ударив по и без того слабой германской экономике. Последовала массовая безработица, затронувшая все слои общества.

В то время Гитлер, уже вышедший из тюрьмы, взялся за реорганизацию нацистской партии в национальном масштабе. Основной группой, к которой адресовался Гитлер, были представители «нижней части среднего класса», квалифицированные рабочие — «белые воротнички». И вскоре боевики СА (так называли новые военизированные группы «коричневых рубашек» Рёма) вступили в уличные схватки с коммунистами. По мере того как депрессия углублялась, размеры этой частной армии выросли до миллионов человек. Далее, на выборах в рейхстаг количество нацистов увеличивалось. После выборов 1933 года нацистская партия во главе с Гитлером заняла наибольшее количество мест из всех партий. Тогда он потребовал от уже стареющего и больного президента Пауля фон Гинденбурга, чтобы формирование правительства было поручено его партии. По компартии вскоре прошла волна чисток — там уже было немало членов СА; в свое время они сделали нерасчетливую ставку на лидерство компартии при вступлении в ее ряды. Длительное противостояние между германскими социалистами и коммунистами также облегчало задачу. Когда в 1934 году Гитлер получил полную власть, ни социалисты, ни коммунисты уже не представляли угрозы для нацистской партии.

Сталин хорошо понимал, что первым пунктом в действиях Гитлера, когда он придет к власти, будет разгром социалистов и коммунистов, единственных политических сил, способных противостоять фашистскому режиму. Однако Сталин был лишен возможности повлиять на события. Советская власть все еще была изгоем для Англии, Франции и Соединенных Штатов из-за отказа покрыть долги, сделанные еще царским режимом. Вдобавок, компартии в этих европейских странах были открыто нацелены на победу в условиях сложившихся форм правления. За исключением Германии, им не удалось продвинуться ни на шаг.

К 1933 году советский режим был признан уже многими странами Европы и Азии, но не Соединенными Штатами. И Сталин решил, что будет целесообразно восстановить официальные отношения с США. В конечном счете, было бы гораздо легче руководить шпионской сетью, если советские агенты будут иметь официальное прикрытие. И когда в 1933 году к власти пришла Демократическая партия, Сталин направил в Вашингтон своего обходительного еврейского министра иностранных дел, Максима Литвинова. Когда Литвинов преуспел в своей миссии, стороны обменялись послами, советские консульства открылись в Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско. Хотя компартия не играла заметной роли в политической жизни Америки, некоторые члены партии все же продвинулись в федеральные правительственные структуры и промышленные профсоюзы. Был также обширный контингент лиц, членов партии или сочувствующих, в академических кругах, среди деятелей искусства, журналистов и книгоиздателей, в Голливуде и в театральной среде Нью-Йорка. Во время Гражданской войны в Испании американская компартия сумела организовать бригаду имени Авраама Линкольна, которая воевала на стороне лоялистов (сторонников республиканского правительства. — *Прим. пер.*). Во времена заключения советско-германского Пакта о ненападении компартия США и сочувствующие ей активно противодействовали принятию Закона об ограничении сотрудничества (Selective Service Act), выступали против ленд-лиза Британии 50 старых эсминцев Британии. Когда Гитлер напал на Советский Союз, коммунисты впали в возбуждение и призывали к скорейшему вступлению США в войну. Когда после Пёрл-Харбора Соединенные Штаты стали воевать, члены партии упрямо призывали открыть Второй фронт в Европе. Хотя некоторые члены компартии и сочувствующие служили советским интересам всю войну, как шпионажем, так и пропагандой, послевоенная эпоха оказалась разрушительной для советско-американских отношений. Идея о том, будто иностранная держава может влиять на внешнюю политику США, помогла в ответ развить антикоммунистическую кампанию преследования.

Хотя Сталину удалось установить дипломатические отношения с США, значительно менее эффективными были его усилия восстановить военный альянс с Францией. Пьер Лаваль, когда

стал премьер-министром в середине 1930-х, попробовал наладить более дружественные отношения с Советским Союзом, нанеся визит в Москву, но дело закончилось одними бессодержательными разговорами. Лаваль гораздо больше был заинтересован завлечь Бенито Муссолини. До 1935 года Франции удавалось избежать худших проявлений депрессии, которые сказались на экономиках Британии и Соединенных Штатов. Однако в 1935 году Франция также оказалась принуждена отказаться от золотого стандарта и столкнулась с теми же экономическими бедствиями, что и другие капиталистические страны. Депрессия с огромной силой ударила по Франции. Французский франк рухнул в свободное падение. Во всех отраслях промышленности вспыхивали забастовки, поскольку потребительский спрос резко упал, а вместе с ним и производство. Сотни тысяч рабочих были уволены, а у оставшихся существенно сократились зарплаты. Но еще до того, как во французской промышленности начались массовые увольнения под воздействием упавшего спроса, фашистские партии уже стали появляться во Франции, Бельгии, Голландии и Англии. Как ранние штурмовики Гитлера, они носили форму и были вооружены. Самыми известными стали французские «кажуляры» и «Британский союз фашистов» сэра Освальда Мосли. Большинство из них были яркими антисемитами и антикоммунистами. Отчасти причиной появления этих неонацистских партий был явный успех Муссолини в устранении итальянской компартии со сцены. Подпитывались эти фашистские партии в основном за счет растерявшегося «нижнего среднего класса», которые зачастую были скрытыми или открытыми антисемитами. Поэтому они охотно верили в нацистскую пропаганду, что все евреи — капиталисты, эксплуатирующие граждан среднего класса, или что коммунисты хотят низвести их до простых единичек среди аморфного рабочего класса.

В 1935 году Муссолини неожиданно вторгся в Эфиопию. Какие бы основания у него ни имелись для демонстрации военной мощи Италии, некоторые расценивали нападение на ни в чем не повинную страну как искру, из которой может разгореться желание применять силу против слабых и малых стран. Но неспособность сухопутной армии и авиации Муссолини достичь быстрой победы, применение отравляющих газов в нарушение

Женевской конвенции (которую Италия подписала), позорный провал неуклюжих экономических санкций, наложенных Лигой Наций, из которой Советский Союз был исключен, — все это убедило Сталина в том, что Советскому Союзу надо готовиться в военном отношении. Хотя построение и укрепление армии неизбежно задерживало бы развитие гражданской экономики, другой альтернативы не оставалось. Неспособность Британии и Франции вмешаться (в Эфиопской войне) показала, что Советский Союз должен рассчитывать только на собственные силы.

В 1936 году, когда Франция находилась в глубочайшей депрессии, французская Социалистическая партия впервые получила большинство в Национальной ассамблее и создала правящее правительство. Одновременно, в свете экономической катастрофы, перед которой стояла страна, Коммунистическая партия, которой еще предстояло стать политическим фактором, увеличила свое представительство в Ассамблее с 10 до 72 членов.

В результате этого сильного выступления на выборах и в стремлении расширить свое большинство в Национальной ассамблее Леон Блюм, глава Социалистической партии и первый еврей премьер-министр в истории Франции, пригласил депутатов-коммунистов присоединиться к социалистам и создать коалиционное правительство, которое будет называться Народным фронтом. Поскольку компартия Франции находилась под контролем Москвы, никакое серьезное решение не могло быть принято без одобрения Сталина. К глубокому удивлению многих членов партии, Сталин задумал фундаментальные изменения в философии Коммунистической партии Советского Союза. Войдя в резкое противоречие со своим покойным наставником, Лениным, он позволил французской компартии присоединиться к злейшим врагам коммунизма — социалистам, в качестве части правящего кабинета. Этот шаг нарушал базовые ленинские принципы об отказе от каких-либо политических действий совместно с социалистами.

Причинами такого отклонения от ленинских догм были, прежде всего, решение Гитлера увеличить германскую армию на 16 дивизий, в нарушение Версальского договора; а что важнее, реокупация Германией Рейнской области в 1936 году, что также было грубейшим нарушением условий договора. Французское

правительство призвало к немедленной мобилизации армии, а Гитлер предупредил своих генералов, чтобы те освободили регион без боя, если французская армия начнет выдвигаться туда. В то же время британское консервативное правительство Невилла Чемберлена предостерегло французов от каких-либо действий. Во всех своих речах и в книге «Майн кампф» Гитлер не уставал повторять, что самой опасной угрозой для европейской цивилизации является советский коммунизм. Отчасти эти его высказывания были искренними; но в 1936 году его целью было соблазнить Британию и Францию и заставить их поверить, что его целью является устранение коммунистического режима в Москве. И капиталистические лидеры обеих стран охотно проглотили эту пропаганду. Простой и очевидный факт, что для нападения на Советский Союз Гитлеру нужно будет сперва завоевать Польшу, благоразумно не рассматривался. У Сталина были надежды, что коммунисты, вошедшие в правительство Народного фронта, смогут оказать определенное влияние на проведение внешней политики. Но когда коммунистам предложили только номинальное присутствие в правительстве, без всяких рычагов воздействия на внешнюю политику они отказались участвовать в кабинете.

Если у Сталина сохранялись некоторые сомнения относительно подлой игры британской внешней политики против Франции, они вскоре рассеялись, с началом Гражданской войны в Испании в 1936 году. В Испании было избрано легальное социалистическое правительство, но генерал Франсиско Франко, командующий испанскими войсками в Марокко, двинулся на «большую землю» в стремлении свергнуть социалистов. Несмотря на существование социалистического правительства в соседней Франции, Британия снова убедила французского премьера Блюма присоединиться к британскому эмбарго на все поставки вооружений обоим воюющим сторонам. Как будто снова повторялась Эфиопия. Пока Германия и Италия снабжали Франко вооружениями для ведения войны, а Муссолини пошел даже дальше, послав туда войска и военно-воздушные силы, только Советский Союз выслал некоторое количество военных и инструкторов законному республиканскому правительству.

Гитлер, утвердившись в своей власти, перешел к созданию Пакта Антикоминтерна, сперва с Японией, затем с Италией.

Единственной причиной этому была пропаганда, адресованная консервативному британскому правительству и, в меньшей степени, Франции. Поскольку компартии были устранены и в Германии, и в Италии, а в Японии вообще не было коммунистов, это могло выглядеть как циничный ход со стороны Гитлера. По сути дела, Гитлер все еще изо всех сил старался обмануть Британию и Францию относительно будущих намерений Германии. Вскоре после того Советский Союз и Германия подписали Пакт о ненападении, который открыл путь и к торговому соглашению между двумя странами. Поскольку у Германии отсутствовал золотой запас, торговля велась на основе примитивного бартера. Германии нужна была нефть, а Советский Союз был заинтересован в современном индустриальном оборудовании. По мере того как Гражданская война в Испании разгоралась, русские военные советники вскоре увидели превосходство военной техники, поставляемой Франко. Встревоженный этим, Сталин теперь настаивал, чтобы поставки германского промышленного оборудования заменили поставки готовых продуктов. Германия была заинтересована в нефти, и Гитлер пошел на уступки требованиям Сталина. И если раньше в рейх приезжали для контактов инженеры, то теперь очередь дошла до офицеров Генштаба.

Сталин играл в опасную игру, но у него не было выбора. Советская военная машина нуждалась в обновлении. Поскольку советские генералы вели переговоры с германскими партнерами, у Сталина начали возникать естественные подозрения. Репрессии 1937–1938 годов не велись публично. За исключением Бухарина, Рыкова и Михаила Томского, другие влиятельные люди не осуждались публично. Однако военные представляли собой отдельный вопрос. Маршал Михаил Тухачевский, один из героев Красной Армии во времена Гражданской войны, а также некоторые связанные с ним люди в армии и авиации были казнены. Были расстреляны и ряд других офицеров, но основную часть сняли с постов и отправили в сибирские лагеря. Но главной добычей Сталина был второй уровень советской бюрократии. Почти две трети членов ЦК компартии были лишены своих постов. Но самый тяжкий удар пришелся на чиновников из национальных регионов, где до сих пор непотизм продолжал играть важную роль. Сталин, будучи грузином, хорошо представлял

себе изнутри проблему интеграции многих народов в единый Союз Советских Социалистических Республик. Чтобы Союз выжил, ему необходимы были всякие родственные и племенные связи в аппарате, которые тормозили интеграцию. Для Сталина наиболее быстрым и эффективным методом был террор и всеобщий страх. Одновременно Сталин поручил своему земляку-грузину Лаврентию Берии возглавить секретную полицию, теперь называвшуюся НКВД. Берия, однажды руководивший уже аналогичной службой в Грузии, был отличным администратором. Неутомимый работник, он в короткий срок вычистил из организации неэффективных работников; установил тотальную дисциплину; создал новые трудовые лагеря в Сибири для приема все новых потоков политических заключенных, которые попали под чистки.

Испанская война продолжалась, и стало удобным обвинять Советский Союз за военные дразги в отношениях между социалистами, коммунистами и анархистами. По мере того как войска Франко продвигались к Мадриду, Гитлер почувствовал, что Франция неразрывно привязана к Британии и ее политике умиротворения и что германская армия может действовать более беззастенчиво. В 1938 году, предварительно создав прочную базу из местных нацистов, Гитлер двинул свои войска в Австрию, сверг законное правительство и включил Австрию в образование, названное им Третьим рейхом. После того как Австрия была занята без единого выстрела, правительство Народного фронта во Франции во главе с Блюмом ушло в отставку, и было сформировано правоцентристское правительство под руководством премьер-министра Эдуарда Даладье. Сталин понял, что ситуация в Европе достигает точки кипения. В 1938 году, когда Гитлер дал знать о своем требовании включить немалую территорию Судетов в Чехословакии, населенную немцами, в состав Германии, Сталин направил русских генералов на консультации с их французскими коллегами, с предложением остановить Гитлера раз и навсегда. Ведь Франция в конечном счете предприняла усилия по окружению Германии, заключив альянсы с Чехословакией и Польшей, к которым присоединилась и Британия. Сохраняя свои подозрения относительно намерений британцев, он предполагал, что если уж Британия подписала соглашения (о взаимопомощи) с обеими странами

и это не остановило Гитлера, то остановить его — вообще очень серьезное дело.

Хотя Советский Союз в военном плане не был готов к большой войне, Сталин считал, что альянс между Францией, Англией и Советским Союзом удержит Гитлера от резких действий. По мере того как продвигались переговоры в Париже, Гитлер осознал, что единственный способ разрушить намечающийся альянс — это привлечь Британию в свой лагерь. Были и другие факторы. Чтобы соединиться с частями чешской армии, советским войскам нужно было бы пройти через южную часть Польши. Учитывая попытку присоединить Польшу после окончания Первой мировой войны, польское правительство отказалось от такого варианта. Но полякам пришлось заплатить страшную цену за этот отказ всего чуть более чем через год. Еще более прискорбную ошибку совершило французское правительство. Поскольку внешняя политика Франции подчинялась указаниям Британии, Франция не стала настаивать на том, чтобы Советский Союз был включен в число участников переговоров с Гитлером в Мюнхене. Вскоре после того, как Британия и Франция отдали Гитлеру Судеты, он захватил и всю оставшуюся Чехословакию, включая знаменитые военные заводы «Шкода».

Для Сталина «продажа» Чехословакии Британией и Францией стала своего рода моментом истины. Большой надеждой лидеров обеих стран было направить внимание Гитлера на Советский Союз, прежде чем атаковать их самих. Еще раз проигнорировали тот факт, что на пути стоит Польша. Проблема состояла в том, что у Британии и Франции был договор с Польшей, согласно которому они вступают в войну, если Германия нападет. Гитлер понимал, что у французской армии не существует физической возможности оказать такую помощь Польше. Проблема для Гитлера состояла в том, что, захватив Польшу, его армия окажется через границу от СССР. Предвидя угрозу войны на два фронта, что, как считал Гитлер, и было причиной поражения Германии в Первой мировой войне, он решил предпринять то, что военные разведки Британии и Франции считали просто невозможным. Он решил попытаться заменить исходный договор о ненападении с Советским Союзом полноценным договором о союзе между двумя странами,

что позволило бы ему сначала сосредоточиться на войне против Франции и Британии.

В определенном смысле, Сталин следовал за Лениным, когда тот неожиданно ввел НЭП. Он готов был сделать шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперед. Сталин принял германское предложение по разным причинам, две из которых базировались на ошибочных представлениях. Как и многие в мире, он полагал, что Франция и Германия ввяжутся в длительную войну, что даст Советскому Союзу отсрочку для перевооружения армии. Далее, он больше не доверял французам, раз Британия была старшим партнером и Франция следовала указаниям англичан. Сталин также был убежден, что британское консервативное правительство предпочтет даже Гитлера коммунизму. Эта ненависть к консервативному британскому режиму впоследствии заставит Сталина пропустить мимо ушей предупреждение премьер-министра Уинстона Черчилля о готовящемся нападении нацистов на СССР. Наконец, он точно распознал, что Гитлер в данном случае был просителем и что от договора о ненападении можно получить территориальные приобретения в виде трех Прибалтийских республик и еще кусок от польского пирога. Объявление о заключении пакта между Германией и Советским Союзом было полным сюрпризом для англичан и французов.

В отличие от финнов, которые были подготовлены к советскому вторжению в 1939 году и уступали один рубеж за другим, прежде чем наконец согласились на перемирие, ничего не подозревающие поляки были страшно удивлены вторжением русских с востока одновременно с нападением немцев с запада. За полтора месяца война была закончена, не считая небольших операций зачистки. Для германского командования Польша стала испытательным полигоном. Основной урок, который усвоили германские генералы из своей атаки на Польшу, состоял в эффективности летящих на бреющем полете самолетов против бегущих в панике жителей. В панике гражданские беженцы забивали дороги и затрудняли польской армии перестройку своих диспозиций. Кроме того, свою эффективность показали десантники-парашютисты, как неожиданное оружие. Это была лишь прелюдия к тому, что случится позже во Франции и Советском Союзе.

Эффективность германской военной машины, с четкой координацией между воздушными силами и наземными бронетанковыми войсками, заставила Сталина встревожиться о несовершенствах Советской армии. В ходе пятилеток Сталин сосредоточился на построении советской тяжелой индустрии и электрификации страны за счет всех остальных проектов. Но теперь выяснялось, что, хотя у Советской армии преобладающие людские ресурсы, она лишена мобильности, быстроты в действиях и способности к концентрации сил, необходимых для современной войны. Его новый Генштаб сообщил Сталину, что потребуется четыре года, прежде чем сила Советской армии станет сравнима с германской. Итак, политкаторжане, которых отправили в Сибирь во время чисток в армии, были наскоро реабилитированы и отправлены на работу в оборонную отрасль. Среди них был и Туполев, создатель истребителя, способного противостоять немцам и установить превосходство советской авиации в небе. Время было дорого, и Сталин надеялся, что линия Мажино (считавшаяся неприступной система заградительных укреплений на границе Франции с Германией. — *Прим. пер.*) способна обеспечить затяжной характер войны на западе. Хотя в ходе Первой мировой войны германская армия обогнула французские оборонительные рубежи через Бельгию и была уже недалеко от окончательной победы, и на сей раз французское правительство решило не продолжать линию Мажино до атлантического побережья, что предохранило бы франко-британские силы от обхода их с флангов. Авианалеты с зажигательными бомбами на бельгийские и голландские города, высадки парашютных десантов для захвата ключевых пунктов — все это было неприятным сюрпризом для высшего руководства французской и британской армий. Еще более шокирующей оказалась способность немцев пробить бреши в считавшейся непробиваемой линии Мажино. Как и в Польше, немцы эффективно использовали бомбежки беженцев на бреющем полете, в результате дороги были парализованы. Несмотря на то что генералы видели немецкую тактику, примененную при вторжении в Польшу, они действовали так, словно никогда в жизни не видели блицкриг. После падения Франции через полтора месяца Сталину должно было стать ясно, что следующей целью Гитлера на суше будет Советский Союз. Неспособность хваленной немецкой авиации Германа

Геринга посадить Британию за стол переговоров еще больше укрепила Сталина в его мнении.

Это поднимает вопрос: отчего Сталин не прислушался к информации своего агента в Японии, Рихарда Зорге, что немцы готовятся к нападению на Советский Союз? Общепринятый ответ гласит так: Сталин никак не мог поверить, что Гитлер вероломно готовится к войне. Те, кто ненавидит Сталина, готовы считать эту сказочку истиной, однако Сталин был каким угодно, только не наивным. Наиболее логичное объяснение — это зреющая измена среди генералов Советской армии и авиации. Чистки 1938 года озлобили высшее офицерство. Получили они плату за измену или просто желали падения сталинского режима — это несущественно. Учитывая размеры гитлеровской армии, вторгшейся в СССР, прежде чем удалось организовать воздушный и наземный ответ, было бы странным предполагать, что русские генералы могли не знать о скоплениях массивных германских частей у границы.

Реакция Сталина на то, с какой скоростью германская армия отбрасывала советские части, остается необъяснимой. Выглядело так, будто он был слеп и не видел успехов германской армии и авиации в Польше и Франции. Если принять во внимание полное господство германской авиации в воздухе, это было сродни дежавю. Точно так же гражданское население забивало дороги, задерживая передислокацию русских войск, отчего русские не могли перегруппироваться и вступить в бой; один за другим города сдавали наступающим немцам, до тех пор пока те не оказались в предместьях Ленинграда и Москвы. Только наступление ранней и крайне холодной русской зимы предотвратило захват этих городов немцами. Когда казалось, что все потеряно, Сталин жил в соответствии со своим революционным псевдонимом, который происходит от слова «сталь». Он взял на себя верховное командование русскими силами. Тем самым маршал Сталин взял на себя ответственность за успех или провал военных усилий советских войск. Его решение остаться в Москве и защищать столицу до последнего словно впрыснуло адреналин в советский народ. Несмотря на массовый голод, ни Москва, ни Ленинград не пали. А в то же время русские зимы собирали страшную жатву с германской военной машины, солдат и офицеров. Обморожения случались на каждом шагу; танки останавливались из-за

замерзания жидкостей. К зиме 1943 года ни Москва, ни Ленинград не были захвачены; с учетом замены многих частей германской армии солдатами из Венгрии, Болгарии, Румынии и Италии, с учетом истощения германской армии, вынужденной держать части в Греции и Югославии, с учетом поражения немцев в Северной Африке и вынужденной передислокации итальянских войск для защиты Италии — при всех этих обстоятельствах Гитлер и Верховное командование предприняли гигантский бросок на юг, в направлении нефтеносных полей Баку. Неудача при попытке взятия Сталинграда означала начало конца. Советские предприятия были разобраны и перемещены на Урал для безопасности, американская помощь поступала в СССР все в больших объемах. Приказ Гитлера не отступить закончился тем, что сдался 6-й корпус германской армии и около 600 тысяч офицеров и солдат попали в плен. Теперь русские самолеты доминировали в небе. Цена, в человеческих жизнях и поврежденном имуществе, была поистине ужасающей. Но Советский Союз, этот первый эксперимент по созданию государственного социализма, был сохранен.

К концу ноября 1943 года, на встрече «Большой тройки» в Тегеране, немцы принуждены были снять свою осаду Москвы и Ленинграда. По всему Восточному фронту германская армия со своими союзниками отступала. По сути дела, присутствие Черчилля было необязательным. Президент Франклин Рузвельт наложил вето на план Черчилля по вторжению в Европу через (как это назвал Черчилль) «мягкое подбрюшье», то есть через Балканы. Сталин не был глупцом. Он понимал, что задумал Черчилль. Успешное проникновение через Балканы создаст тормоз против советского продвижения в центр Европы. В то время части союзников замешкались в гористых местностях южной Италии. В отличие от многих американцев, которые и тогда, и сейчас видят в Черчилле героя, в одиночку вставшего против Гитлера, когда Британии пришлось в одиночку сражаться с Германией, Сталин расценивал его как обычного империалиста, основной заботой которого было сохранение далеких британских колоний и удержание Советского Союза в его границах. Сталинская оценка британского героического лидера была совершенно точной. В Ялте Черчилль приватно спросил Сталина, будет ли Греция включена в сталинскую послевоенную

Восточную Европу. Сталин заметил в ответ, что Советский Союз не имеет интересов на южных Балканах, поскольку это не советские войска их освобождали, и он сдержал свое слово.

Когда Рузвельт, Сталин и Черчилль впервые встретились в Тегеране, генерал Джордж Маршалл представил планы вторжения союзников в Западной Европе. Основная часть сил союзников будет высажена в Нормандии, вслед за чем через несколько месяцев последует вторая волна вторжения, уже через юг Франции. Сталин также не стал поднимать вопрос послевоенного будущего Польши. Сталин хорошо знал, что Рузвельт вполне учитывал ведущую роль Советской армии в перелаamyвании хребта вермахта. Сталин также распознал, что ни британцы, ни американцы не осознают той чудовищной цены, которую заплатил Советский Союз, или знают только о большой ослабленности экономики страны.

В то время как «тройка» встречалась в Тегеране, Гитлер приказал переместить часть потрепанных германских дивизий с Восточного фронта и подготовить их для отражения ожидаемого вторжения в Нормандии. Гитлер намерен был предотвратить высадку американцев и возможность настоящей войны на два фронта. Сталин был доволен первой встречей с Рузвельтом. Он был вдвойне доволен, что именно американский генерал возглавит вторжение, а другой американский генерал будет разрабатывать дальнейшее продвижение. Сталин наверняка был удивлен стараниями Рузвельта понравиться ему. Среди своих подчиненных Сталин не сталкивался с такими вызовами, на которые приходилось отвечать у себя дома президенту. Конгресс, в целом под контролем Демократической партии, тем не менее был в глубоких противоречиях между консервативными южанами и либеральными северянами. А положение Сталина «на домашнем фронте» никогда еще не было столь прочным. Его личное командование войсками привело к отступлению немцев и обеспечило невиданную популярность среди большинства советских людей, не говоря уже об армии. В конце 1943 года, когда стало ясно, что волна покатилаь назад, в сторону немцев на западе и японцев — на востоке, американцы все еще не понимали смысл пожертвования огромного числа жизней, ради покорения Германии и Японии. Сталин не имел таких проблем у себя в тылу. В отличие от населения США, которое осталось невредимым в ходе войны, число жертв

среди гражданских лиц в СССР, погибших от голода или от немецких зверств, почти сравнялось с фронтовыми потерями советских войск.

В 1947 году, когда республиканцы победили на выборах в конгресс после 14-летнего перерыва, в некоторых кругах вошло в моду убеждение, будто Рузвельт в Ялте все распродал или, еще возможнее, что Сталин сумел втереть очки болезненному президенту. Фактически, когда «тройка» собралась в Ялте 4–11 февраля 1945 года, ничего нового не было добавлено к той повестке дня, что была ранее в Тегеране, и президент только подтвердил свою позицию, кроме добавления Франции как четвертой оккупационной силы в Германии. Сталин в Тегеране не соглашался на проведение свободных выборов в Польше, и он только подтвердил свою позицию в Ялте и позже, при встрече с президентом Гарри Трумэном в Потсдаме. То, что Сталин призвал к свободным выборам в Болгарии, Румынии и Венгрии, которые воевали на стороне Германии, было примерно равнозначным свободным выборам в Германии или Австрии. Поскольку Прибалтийские республики были присоединены к Советскому Союзу в 1939 году, еще до германского вторжения в Россию, Сталин не видел причин, почему судьба этих стран вообще должна обсуждаться. Американцы и британцы не особенно возражали, поскольку главной проблемой для них была Польша. Сталин занял такую позицию: Советский Союз вынес основную тяжесть войны в Европе на своих плечах, понес самые большие потери, половина индустриальной инфраструктуры и сельского хозяйства была разрушена, поэтому ему полагались репарации свыше тех, которые получали бы другие союзные страны. По Сталину, все было именно так вот просто, и он не собирался уступать ни дюйма территории, уже находящейся под советским контролем.

Сегодня историки указывают на Сталина как на архитектора «холодной войны» — начиная с его отказа провести свободные выборы в Польше на встрече с Трумэном в Потсдаме, затем его нежелание освободить от войск северный Иран, как было обещано им в Ялте. Никаких разговоров об атомной бомбе не было, пока Трумэн не проинформировал его в Ялте (ошибка, на самом деле это произошло на Потсдамской конференции. — *Прим. пер.*), что США разработали невероятно мощное оружие, которое собираются использовать против Японии, чтобы закончить

войну. В хрониках записано, что Сталин остался безучастен к этому сообщению Трумэна. Сегодня мы знаем, что Сталин был осведомлен о совместных усилиях Америки и Британии по созданию супероружия массового разрушения, благодаря информации, переданной Клаусом Фуксом и Этель и Джулиусом Розенберг, и небрежное отношение Сталина к столь важной информации от Трумэна означало лишь подчеркивание его отношения к так называемым союзникам. Неудивительно, что Сталин посчитал забавными настойчивые заверения Рузвельта, что этот военный союз будет обязывающим.

Сталинское решение присоединиться к ООН было защитным действием — защитным в том смысле, что, будучи членом ООН, СССР получит достаточно времени для достижения паритета с США путем создания собственной атомной бомбы. Поскольку каждый из постоянных членов Совета Безопасности имел право вето, Советский Союз был бы в относительной безопасности относительно враждебных действий против него. Решение Соединенных Штатов не делиться атомными секретами с Советским Союзом, как это было сделано с Британией, убедило Сталина в том, что так называемый военный союз был не более чем «браком по расчету». Несмотря на все тосты, поднятые в Тегеране, Ялте и Потсдаме, Америка все еще смотрела на Советский Союз, с его коммунистической идеологией, как на врага. Сталин был близок к проигрышу Второй мировой войны, когда не принял во внимание предупреждения своего агента из Токио. Он не должен был повторить этой ошибки.

Фактически, США обсуждали возможность поделиться атомными секретами с СССР. При наличии сведений о том, какие масштабные разрушения нанесли удары первых двух бомб, серьезная дискуссия развернулась не только в правительстве, но и в научных кругах. Очевидный вопрос: началась бы «холодная война», если атомной информацией поделились бы с Советским Союзом? Здесь определенно можно сказать две вещи. Это успокоило бы многие страхи Сталина насчет превентивного удара от Соединенных Штатов. Это не изменило бы его убеждения, что коммунистическая система государственного социализма является лучшим вариантом будущего для человечества. Это не изменило бы его позиции по свободным выборам в Польше, и он не ослабил бы свою хватку на горле Восточной

Европы. Если он верил, что социализм — это будущее человечества, то чем больше стран будет охвачено этой системой, тем больше вероятности продвижения на запад, пока вся Европа не поймет свое предназначение. Революционер Сталин никогда не сомневался в эффективности коммунистической системы. Хотя он был готов жить в мире с Соединенными Штатами, но капитализм должен был пасть из-за собственных внутренних противоречий. В этом смысле он был марксистом; в защите Советского Союза он был ленинистом. Решающим вопросом для Сталина было будущее Германии. В результате войны США и их союзники были вознаграждены богатейшим сектором экономики этой страны. Советский Союз, который понес в войне основные потери, получил беднейший сектор страны и еще Берлин, который советские войска освободили ценой ужасающих людских потерь. На первой встрече с Трумэном и Черчиллем в Потсдаме, после безоговорочной капитуляции Германии, Сталин совершил первую ошибку. Озабоченный тем, чтобы умиротворить своих союзников из-за отказа проводить выборы в Польше, он предложил разделить оккупацию Берлина и Вены между союзниками, как символ единства. Те территории, которые заняты союзниками, достаются им; те, которые заняты советскими войсками, — Советскому Союзу. То же самое относилось и к Австрии, которая, однако, из-за своих размеров и индустриальной малозначимости была не так уж важна.

Сталин, который до войны держал СССР в изоляции от Запада, от капиталистического мира, отчасти для того, чтобы исключить возможность завистливого сравнения с западным образом жизни, теперь представил своим офицерам и солдатам, стоявшим в Берлине, именно это самое. Но сейчас это ничего не значило. Советские военные, не получавшие три года денег, тут стали получать жалованье в немецких марках. Поскольку Берлин был разрушен при захвате советскими войсками и отчаянном сопротивлении гитлеровских войск СС, не много добра можно было приобрести на эти деньги.

Без ответа остался вопрос: каким видится будущее Германии и четырех оккупационных зон? Останется ли она разделенной, или две части будут объединены? Решение по Германии было главным для администрации Трумэна. Сталин не торопился. Послевоенная Европа наполовину лежала в руинах. Германия

лишила Францию, Бельгию и Голландию значительной части их индустрии. То, что осталось, во многом было уничтожено во время боев при наступлении союзников. Вся Европа, включая Германию, находилась в беспомощном состоянии.

Коммунистические партии вели сопротивление во Франции и Италии. Поскольку советские войска не принимали участия в освобождении этих стран, никакого участия в их будущем они принять не могли, во всяком случае, не более, чем Соединенные Штаты — в судьбе стран под советской оккупацией. «Холодная война» в Европе началась со дня капитуляции Германии.

Было бы невозможно для любого президента, по данному поводу, как считает Джордж Кеннан, эксперт-советолог Госдепартамента и автор американской политики сдерживания, понять Сталина без того, чтобы отказаться от понятий добра и зла. Марксизм-ленинизм сам себя расценивал как продукт исторического детерминизма, неизбежности, основанной на принципе социоэтического экономического развития. Соединенные Штаты прошли 175-летнюю историю, и за это время экономика и нравы страны драматическим образом изменялись. Это была продолжающаяся работа, ведущая от республики к демократии. На протяжении веков экономика США развивалась от преимущественно сельскохозяйственной до совершенно индустриальной. В ходе этого процесса население перемещалось из сельскохозяйственных районов страны в крупные города.

Советский Союз еще тоже находился в стадии становления, его экономика также менялась в сторону индустриализации и урбанизации. Но этот проект был отброшен назад с германским вторжением. Фундаментальное различие между двумя этими процессами развития состояло в том, что Советский Союз определил свои цели при самом своем возникновении. Сталин и его наследники твердо верили, что экономическая система государственного социализма должна стать последней стадией общественного развития. Другими словами, никаких компромиссов здесь не могло быть, ни убавить ни прибавить. Как Ленин сообщил тем членам компартии, которые хотели включить русских социал-демократов в революцию: с радостью, но при том условии, что они будут следовать приказам и директивам руководства компартии.

Заголовок этой главы позаимствован у германского философа XIX века Фридриха Ницше, кто, как и Маркс, испытывал презрение к иудеохристианскому понятию добра и зла. В каком-то смысле мысль обоих была столь же точна, сколь может быть точно определение слов, которые люди придумывают тысячи лет. Считать деяния Сталина злом, когда он направлял их на создание и развитие жизнеспособного социалистического государства, которое он полагал наилучшим благом для своей страны, было бы абсурдным. Напротив, западный мир во многом недооценил этого человека. Если бы он не начал «холодную войну» с целью распространить коммунизм в мире, единственная жизнеспособная капиталистическая страна, Соединенные Штаты, не отвечала бы на эту угрозу, как ей на деле пришлось. Вызов, брошенный Сталиным капитализму, в результате привел к огромным и непредсказуемым изменениям этой системы. Коммунизм представлял угрозу не только для иудеохристианской концепции морали, но, что важнее, для интереса Запада в сохранении «святости» частной собственности, и это вело к борьбе не на жизнь, а на смерть — какая система победит. Называя это драматическое противостояние борьбой добра со злом, США и их союзники оправдывали все свои действия. Многие люди считают Сталина злом, но когда-то миллионы других людей считали его пророком, ведущим своих последователей в землю обетованную.

Сегодня общим местом стало объявлять Сталина тираном, чуть ли не сравнимым с Гитлером. С течением лет появляется все больше книг, написанных выжившими при репрессиях в Советском Союзе и описывающих все более подробно жестокости и безжалостность режима. И на то есть резон. В течение пятнадцати лет в одиночку он полностью переустроил бывшую царскую империю с 250 миллионами жителей (на самом деле, по оценкам, в момент революции население империи составляло около 200 миллионов. — *Прим. пер.*), население которой состояло из различных рас и народов, говорило на разных языках, исповедовало разные религии и культы, с различными бытовыми обычаями, и создал единую нацию, говорящую на одном языке. Он обеспечил эти разные народности, состоящие в основном из неграмотных крестьян, такими базовыми вещами, как образование и здравоохранение. Он заставил их строить новое индустри-

альное общество ради светлых лет будущей жизни, — пусть даже это светлое будущее выглядело вовсе не так, как у нас в Западной Европе. Если посмотреть с этой точки зрения, то свершенное им — почти чудо. Те, кто проклинают его за его методы, упускают из виду одну важную вещь. Если бы Сталину не удалось переделать царскую Россию в современное государство, то более чем вероятно, что Гитлер и его приспешники до сих пор властвовали бы над Европой, Ближним Востоком и, возможно, даже Азией.

«Холодная война», которая дала старт гонке вооружений, навсегда изменила концепцию капитализма, одновременно заставляя Советский Союз тратить не меньше четверти своего ВВП на вооружения. Что стало толчком? К концу Второй мировой войны Сталин был физически и умственно истощен. Вдобавок он испытал фрустрацию и разочарование, когда Пальмиро Тольятти и итальянские коммунисты не были избраны во власть в 1948 году — они бы дали коммунизму плацдарм на Западе. Кроме того, заполучив все страны Восточной Европы, он уже не мог контролировать все события. Берлинская блокада — первейший пример. Успех плана Маршалла и установление западногерманского правительства, а затем создание НАТО заставили его осознать, что Западная Европа потеряна для коммунизма. Окончательный удар он испытал, когда не смог выполнить своего обещания Мао Цзэду, что Китайская Народная Республика сменит националистический Китай в Совете Безопасности ООН. Вzbешенный и разочарованный, он позволил Ким Ил Сунгу из Северной Кореи вторгнуться в Южную Корею, думая тем самым обескуражить Соединенные Штаты. Он умер прежде, чем перемирие было заключено.

Глава 4.

Противоречия государственного социализма

По определению, государственный социализм или коммунизм является системой, где государство владеет всем — начиная от земли и капитала до средств производства, транспорта и распределения. Это единственный работодатель в стране. Технократы в своей иерархии принимают все решения. Правительственные лидеры и руководители, докладываящие им, размещают сырье, выделяют определенную землю под ту или иную культуру, устанавливают график производства и его объемы, определяют уровень зарплаты, которую будут получать управленческий персонал и рабочие. Они решают, какие потребительские товары должны быть произведены — по количеству, качеству и цене — и как они будут распределяться. Если посмотреть здраво, это невероятных масштабов работа, как для высших иерархов, так и для тех, кто должен проводить их решения в жизнь.

Целью советских лидеров было создание и развитие совершенно нового социального организма, в котором будут отброшены все пережитки прошлого режима. Это предполагало строгий контроль администрации за тем, чтобы не было колебаний и пустых трат. Геркулесов труд по изменению жизни 250-миллионной страны с разными обычаями и религиями должен был свершиться без той дисциплины, которую финансовая ответственность придает капиталистической системе. Поскольку коммунистическое государство не построено на мотивах извлечения прибыли, успех в любой области экономики может быть измерен лишь на том, достигнуты ли поставленные цели и проекты. В сущности, марксистские мыслители пытались рационализировать средства производства. Затем циклическая природа капитализма может быть устранена, будет обеспечена финансовая безопасность рабочих, а плоды индустриального общества

распределяться равномерно. Как следствие применения такой экономической системы рабочий день можно будет сократить до восьми часов; бесплатное образование и лечение будет предоставлено всем; будет запрещен детский труд; пожилым и инвалидам будет обеспечена достойная пенсия.

Маркс пришел к заключению, что капитализм невозможно реформировать и что для достижения настоящего коммунистического общества необходимо выкорчевать самый корень капитализма, мотив его существования — прибыль. Конечно, это звучало равнозначно понятию «зло» для бизнесменов ведущих капиталистических стран. А все-таки подобные цели были привлекательными и для американцев. Следовательно, вовсе не проiski зарубежных коммунистов в США, а именно это сходство целей и чаяний и привело к принятию Нового Курса Рузвельта.

Концепция социалистического сообщества витала в воздухе задолго до появления Маркса. Предпринимались попытки создания сельскохозяйственных коммун, не только во Франции, но и в США. В обеих странах эти усилия потерпели неудачу через несколько лет, потому что человеческая природа не готова еще была подчинить эгоистические желания индивидуума более высоким интересам сообщества. Маркс не считал эти первые провалившиеся эксперименты в сельскохозяйственном социализме обреченными из-за того, что время не настало. Но времена, когда сельское хозяйство было преобладающей экономической силой, прошли с развитием индустриальной революции. Это экономическая мощь буржуазии запустила революции 1848 года. Благодаря росту благосостояния и могущественности этого класса, он жаждал теперь не только представительства в парламенте и правительстве, но и участия в определении публичной политики государства. Общество поднялось на высшую экономическую стадию, когда индустриальный капитал мог определять и изменять экономику страны, да и политику тоже. По Марксу, это была предпоследняя стадия в эксплуатации человечеством своего окружающего мира — в широком смысле слова.

Когда буржуазия захватила власть, то, по диалектике Гегеля, немедленно стали прорастать семена саморазрушения капитализма. По своей глубинной тенденции расти и расширяться капитализм должен был притягивать в свою систему новых и новых обездоленных людей из низших классов. Эта предпосылка была

фундаментальным изъяном анализа капитализма Марксом. Сосредоточив свои исследования на средствах производства, он оставил в стороне неизбежно сопутствующий рост распределения. Для роста капитализма на внутреннем рынке необходимо было облегчать систему распределения. Презрительное замечание Маркса об англичанах как о нации мелких лавочников вполне приложимо и к французам. Рост мелкой буржуазии происходил в то же самое время, как шла эволюция индустриального производства. Распределение было важнейшим приводным ремнем капиталистической системы. Когда Маркс писал о капитализме, она была еще в начальной стадии развития. По мере роста она не только всасывала все больше и больше безземельных бедняков в индустриальное производство, но открывала также большие возможности для тех, кто решил заняться оптовой или розничной торговлей.

По мере становления капиталистического общества оно становилось все более сложно устроенным. Для сбора налогов федеральные и местные правительства увеличивали штат сборщиков налогов. С учетом потребности в хорошо обученных работниках стали создаваться возможности получения образования для все более широких слоев населения. Рост капитализма касался не только занятости на шахтах и фабриках, но простирался на все сферы растущей экономики. Это не рабочий класс поддержал приход к власти Муссолини или Гитлера, но именно мелкая буржуазия, состоящая из клерков и чиновников, которые теряли работу в условиях индустриального коллапса.

Наибольшая ошибка, совершенная Марксом в его прогнозе будущего капитализма, состояла в том, что он расценивал стремление к получению прибыли как отрицательную, а не положительную силу. Он также считал конкуренцию исключительно негативным фактором и не рассматривал его как положительный и дающий преимущества элемент капитализма. Фундаментальная слабость его аргументации была продемонстрирована неспособностью советской экономики к росту, когда средства производства были «рационализированы». Поскольку в СССР каждый сегмент экономики получал задание по производству, не оставалось побудительных мотивов для дальнейшего развития. Без конкуренции экономика оставалась застойной. Только

в области военных технологий и космоса, где СССР конкурировал с США, советская администрация считала важным введение новшеств и изменений. Когда к власти пришел президент Владимир Путин, он стал первым из бывших членов советской иерархии, который признал, что экономика Советского Союза аналогична таковой в странах третьего мира. И совершенно понятно, почему. Капитализм обычно нацелен на увеличение производительности, которая, в свою очередь, должна снизить торговые наценки. Однако при государственном социализме все было гарантированно обеспечено работой. Даже в США, где создание рабочих мест считается большим приоритетом, чем производительность, механизация и технологические достижения могут быть отодвинуты в сторону, и в результате себестоимость продукции остается выше, чем необходимо.

Но государственный социализм страдал и от других слабостей. Поскольку теория Маркса была сосредоточена на производстве, то и Сталин быстро расправился с темой распределения. В результате никто не задумывался, как донести продукт до потребителя, пока он (продукт) не сгнил или не устарел. Советское сельское хозяйство было ориентировано на производство злаковых культур, которые удовлетворяли главную потребность — в хлебе, а также кормовых культур для скотоводства. Все усилия были направлены на обеспечение основными пищевыми продуктами, например корнеплодами, которые способны пролежать всю зиму, и мало внимания уделялось всему остальному. Даже мясо считалось роскошью. К тому времени, как советское сельское хозяйство стало восстанавливаться после того урона в поголовье скота, понесенного в ходе властных усилий по коллективизации, и случилось германское вторжение. Единственной белковой пищей, и то доступной не всем, были куры и яйца. Легко критиковать советских правителей, но надо учитывать, что страна находилась еще в стадии развития. Да и немало времени потребовалось советским образовательным учреждениям на то, чтобы выпустить агрономов, способных применять современные научные методы для увеличения сельхозпродукции.

Вероятно, самая большая помеха, с которой столкнулся СССР, было то, что по всем направлениям и по всем отраслям советской экономики все решали партийные органы и партийные иерархии.

Знание марксистской идеологии зачастую уважалось больше, чем практический опыт. Ликвидация старой элиты — состоящей из буржуа, потенциальных контрреволюционеров — создала большую потребность в компетентных и опытных управленцах. В новом и совершенном обществе, которое должно было быть построено, марксистская доктрина стояла превыше прагматизма. Ни один из исходных членов Политбюро не был избран туда за заслуги и опыт в какой-то определенной области деятельности. Более того, руководящие посты всегда резервировались для членов партии, которые далеко не всегда оказывались компетентными. Помимо этих проблем, труднопреодолимых, была еще и базовая философия социализма, которая сосредоточивалась на эффективности труда и в то же время полной занятости. Для последователей марксизма здесь не было никакого противоречия. Они были убеждены, что, устранив прибыль как мотив, они разрешили коренное противоречие капитализма и это обеспечит всем изобилие. Их убежденность в правильном пути развития экономики позволяла им списывать все ошибки и неэффективность на «пережитки тяжелой истории» (иногда это называли «родимыми пятнами капитализма»). Был один элемент, имеющийся у советского народа в огромном избытке, — энтузиазм. Они собирались повести весь мир туда, где властвует экономическая справедливость. В отличие от капитализма, где рабочий был всего лишь песчинкой, которого можно было уволить с работы без всякой причины, поскольку прибыль была важнее, чем достоинство рабочего и нужды общества, при социализме всякий работающий человек трудился на благо создания нового общества, где все ресурсы будут распределяться справедливо и никакой класс не будет превыше другого. Точкой отсчета служила не успешность человека, как при капитализме; в советском обществе успех неразрывно связывался с принесением пользы всем гражданам.

Этот энтузиазм был заразительным и постоянно накачивался публичными пропагандистскими кампаниями государства. В 1930-е годы документальные ленты показывали длинные очереди за бесплатным супом в Соединенных Штатах; людей, стоящих на перекрестках и продающих с рук яблоки; грустных бродяг, сидящих на ящиках вокруг импровизированного костерка; и еще очень часто — линчевание негров. Была масса

доказательств тому, что капитализм — это провалившаяся система, в последних попытках выживания. Не менее важно, что советские рабочие поощрялись, если перевыполняли план, например, в угольных шахтах. Они не только получали повышенное обеспечение в те же 1930-е годы, — нет, их награждали орденами, а это было весьма почетно в полуграмотной стране, населенной в основном малоразвитыми крестьянами.

Согласно марксистской доктрине, переход к социалистическому государству возможен лишь в развитом буржуазном обществе. Однако в развитых буржуазных обществах промышленный рабочий класс никогда не составлял большинства, даже в таких высокоразвитых индустриальных странах, как Германия или США. Поскольку основной интерес при капитализме заключен в прибыли, основное направление развития — это снижение себестоимости за счет увеличения производительности. Индустриальный сектор не мог вдруг сменить свою систему. И лейбористы в Британии, и Народный фронт во Франции могли как-то реформировать капитализм из имеющегося материала, но они не могли заменить его на социалистическую экономику. Сочетание сельскохозяйственного сектора, мелких буржуа и настоящей буржуазии при демократическом правительстве создавало слишком прочный элемент общества, чтобы его можно было отбросить. Кроме того, социалистические доктрины препятствовали росту.

Не так было на ранних стадиях развития экономики в Советском Союзе. Поскольку имелось не так уж много инфраструктуры, то, когда Сталин приступил к своему первому пятилетнему плану, каждая следующая стадия экономического развития означала добавление к имеющимся средствам производства. Не было практически ни одной гидроэлектростанции, способной вырабатывать энергию. Больницы имелись только в крупных городах. В сельских районах нужно было обустраивать медпункты. Предстояло поднять начальную и среднюю школу, высшие образовательные учреждения, чтобы дать образование неграмотному населению. Русский язык должен был заменить местные языки в качестве главного средства общения (особенно — официального). Надо было воздвигнуть сталеплавильные и алюминиевые заводы. Необходимо было улучшить производство угля. Нужно было модернизировать заводы по очистке

нефти и развивать систему шоссейных и магистральных дорог. С точки зрения персонала, была острая нужда в медсестрах, врачах, инженерах, агрономах. Разноплеменное сообщество, в массе своей ведущее примитивное хозяйство, необходимо было приподнять и ввести в XX век. Это была дерзкая задача, которую невозможно было выполнить без строгой дисциплины для населения. Никто не знал этого лучше Сталина. Выросший в Грузии, он прекрасно сознавал, насколько отсталыми были многие нации и сколько неимоверных усилий потребуются для интеграции их в современное индустриальное общество. Те, кто критиковал его за репрессии среди национальных общностей, не понимали трудностей ломки культурных барьеров, которые задерживали прогресс. Если посмотреть объективно (что трудно для большинства западных людей из-за жестоких методов, которые применял Сталин), его достижения не были должным образом оценены. Перед германским вторжением он превратил примитивное население в современное индустриальное общество, с образовательной системой, которая почти полностью искоренила неграмотность. Современная система здравоохранения. Распространение электрификации на огромную территорию. Наряду с этим, как минус, Сталин не справился с проблемой адекватного питания многочисленного населения СССР и не способен был обеспечить сколько-нибудь достойные жилищные условия.

Несмотря на все свои ограничения, государственный социализм показал себя системой, способной создать структуру индустриального общества. Это было вызывающим примером для менее развитых стран. Тот факт, что удалось много достигнуть всего за пятнадцать лет, делало пример еще более ярким. Когда Хрущев на XX съезде компартии в 1956 году критиковал Сталина за его перегибы и эксцессы, то лидер Китая Мао Цзэдун напустился на него. Руководитель самого большого неразвитого социалистического государства, каким был Китай в 1956 году, видел в сталинских деяниях идеал, к которому нужно стремиться. И если Сталин использовал жесткие методы для достижения своих целей, Мао применял еще более жесткие и грубые. Это не замечалось в государственном социализме. Пусть менее эффективный, чем капитализм, он способен был использовать все необходимые элементы. Могло потребоваться больше времени на увеличение

продукции вдвое, но плотины и электростанции, разработанные американскими инженерами, давали те же возможности, что и советские ГЭС 1930-х годов. Вопросом оставалось: как это государственный социализм будет расти при наличии всей инфраструктуры? Лидерство Советского Союза оказалось весьма ограниченным, так же как и в Китае, до тех пор пока Дэн Сяопин не направил страну по Новому Курсу, ведущему к некой форме капитализма.

Когда экономика начинает строиться почти с нуля, основные товары могут производиться очень дешево, в большом количестве, чтобы удовлетворить базовые потребности. Далее она становится более сложной и менее эффективной, поскольку возрастают требования по новым и новым спецификациям товаров. В Советском Союзе гражданский сектор промышленности не был полноценно развит. Поскольку цены были фиксированными и не было нужды предлагать новые и новые привлекательные продукты, потребительские товары оставались на базовом уровне. Кроме того, после двух ужасающих войн создание инфраструктуры требовало огромных средств; очень немного оставалось на долю индивидуальных запросов потребителя. Люди из высших управленцев имели доступ в особые магазины и на склады, где имелись товары, произведенные в капиталистических странах, и эти чиновники могли наслаждаться почти тем же материальным комфортом, как и люди на Западе. В сущности, относительно массовых потребительских товаров не было толком ни спроса, ни предложения.

Поскольку царская Россия была наименее развитой из всех стран Европы, большинство населения такое положение устраивало. На Западе отказывались это понимать. В сравнении с США бывший Советский Союз выглядит как страна третьего мира; а в сравнении с жизнью еще двух поколений назад тут рай для рабочего человека. Хотя блага, привычные на Западе, здесь отсутствуют, но ведь все относительно. При прежних режимах население жило в гораздо худших условиях. Большинство людей ютились в трущобах, без водоснабжения, канализации, иногда без электричества и без возможности получить образование и лечение. И если при коммунизме нужно было стоять в длинной очереди за получением самого необходимого, то стоять в очереди все же было лучше, чем голодать.

Советский Союз рухнул не потому, что большинство населения было не удовлетворено существующими условиями, а потому, что прекрасная образовательная система создала зачатки среднего класса, который требовал перемен. Это вполне проглядывает в предвыборных призывах во время выборов в парламент (в наше время). Старшее поколение продолжает голосовать за коммунистов. Это также объясняет популярность Путина у большинства населения. После шестидесяти лет безопасности под руководством централизованного правительства и нескольких лет финансовой анархии при Ельцине значительный процент людей считает, что чувствовали себя комфортнее в прошлом. Раньше всегда все знали, чего примерно ожидать. Сейчас, при не оперившейся еще рыночной экономике и с попытками продвижения к демократии, большинство населения чувствует себя потерявшими ориентацию.

Как предсказывал Маркс, индивидуум подчиняется общему благу общества. Но через некоторое время неизбежно оказалось, что отсутствие личной заинтересованности и конкуренции, а также подчинение жесткой управленческой иерархии задерживают дальнейшее развитие экономики страны. В тех областях, где Советский Союз конкурировал с США, — в области обороны и освоения космоса из-за «холодной войны», — он вполне способен был выдерживать паритет.

Глава 5.

Начало «холодной войны» — президентство Трумэна

Когда Гарри Трумэн унаследовал президентство после неожиданной смерти Франклина Делано Рузвельта, он выдвинул три своих главных принципа: он был рожден и вырос демократом; он был приверженцем Нового Курса; он твердо верил в основы американской демократии. Это был человек, не изведавший прелестей высшего образования, и все же он нашел силы и время, чтобы глубоко изучить историю своей страны. Когда он неожиданно оказался в положении лидера некоммунистического мира, весь этот багаж — наряду с огромной долей здравого смысла — был его опорой при вселении в Белый дом. У него не было опыта в международных делах, и на пост госсекретаря он назначил Джеймса Бирнса, который хоть был и постарше президента, но такого опыта также не имел. Конечно, Трумэн мог рассчитывать на профессионалов в Госдепартаменте для обеспечения необходимой аппаратной работы и брифингов. Тем не менее предстоящая задача была осложнена многими нерешенными проблемами.

В августе 1945 года, когда Трумэн впервые встретился со Сталиным и Черчиллем, единственное облачко войны витало только над Японией. В соответствии с договоренностями, достигнутыми Сталиным и Рузвельтом в Ялте, русские войска вторглись в занятую японцами Маньчжурию, активно участвуя в стремлении союзников добиться безоговорочной капитуляции императора Японии. Трумэн сообщил Сталину об особом оружии, которым обладает Америка и которое может понудить Японию сдаться. Сталин уже знал об этом оружии из собственных источников. Советский Союз официально мог быть равноправным членом «тройки», но его равноправие было обставлено условиями и не являлось полноценным партнерством.

Сталин понимал, что истеблишмент США и Британии будет доверять Советскому Союзу лишь до определенной черты.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в администрации и внутри научного сообщества разгорелись серьезные споры, надо ли поделиться этой атомной технологией с русскими. Сторонники этого упирали на важность альянса в победе надизма, и ученые были уверены, что Советский Союз все равно сумеет повторить создание двойной команды американско-британских специалистов. Но американский истеблишмент все-таки решил, что лучше на обозримое будущее оставить эти секреты под замком в США.

Тогда ли началась «холодная война»? Или еще раньше, вслед за Бреттон-Вудскими соглашениями в июле 1944 года, когда Сталин отозвал согласие своего представителя на вступление во Всемирный банк и ВМФ? Или «холодная война» вообще была неизбежной, учитывая коренной конфликт идеологий — государственного социализма и капитализма? Но «холодная война» была явлением намного более значительным и масштабным, чем экономический и идеологический конфликт. Это была цепь мощных изменений и событий на протяжении сорока пяти лет, которые охватили жизнь двух поколений. Угроза опустошительной ядерной войны, которая уничтожит обе стороны, не оставляла сознание людей. Многие историки пришли к заключению, что действия одного человека, Иосифа Сталина, сдвинули колеса. Они указывают на его отказ от проведения свободных выборов в Польше, его нежелание провести окончательные переговоры по заключению мира с разделенной Германией, использование им местных компартий в западных странах для дестабилизации существующих правительств и, наконец, завесу секретности над всем, что происходит в Восточной Европе.

Все эти факторы сделали свой вклад в напряженность, да еще нежелание Сталина освободить нефтеносные поля северного Ирана, но все это вместе все-таки не определяло «холодную войну». Уродливость, как и красота, определяется взглядом наблюдателя. В Соединенных Штатах существовала мощная и влиятельная группа деятелей, которые категорически противились самому понятию социализма и коммунизма. Эти системы были генетически несовместимы с их интереса-

ми, и они расценивали альянс союзников как «брак по расчету». Эта политическая группа, которая придерживалась изоляционизма до войны, была готова защитить себя под прикрытием ядерного щита, атомной бомбы. Поддержанные республиканцами со Среднего Запада и англофобскими ирландскими католиками, они ошибочно принимали «холодную войну» за спасение, так это выглядело в их близорукое видении послевоенного мира. Они готовы были оставить Западную Европу на заслуженную ею участь, и даже от Британии, где к власти пришли лейбористы, Соединенным Штатам лучше было отдалиться. По-своему они участвовали в горячке «холодной войны». Противовесом этой антирузвельтовской коалиции были коммунисты и сочувствующие, а также доброжелатели-либералы, вращающиеся вокруг Элеоноры Рузвельт и Генри Уоллейса, бывшего вице-президентом при Рузвельте. Они были настроены просоветски и склонны были возлагать вину за растущую вражду между двумя странами на политику администрации Трумэна. Наконец, были интернационалисты, во главе с Трумэном и бывшими приверженцами Нового Курса, которые располагались где-то посередине этих двух крайностей. Они готовы были поддерживать сотруди́ческие отношения с Советским Союзом, но весьма скептически оценивали направление, куда вел страну Сталин.

Трумэн был наивен. Он верил, что Сталин будет верен другому соглашению, достигнутому в Ялте: о свободных выборах в Польше. Но это условие в Ялтинских соглашениях было составлено так туманно, чтобы косвенно склонить Сталина к войне с Японией. Сталин не имел ни малейшего желания допускать влияния англичан и американцев на тех территориях, которые были уже под властью Советской армии, и уж тем более в Польше, которая находилась между границами СССР и Восточной Германии. Черчилль мог бы восстановить довоенное польское правительство, живущее в изгнании в Англии, мог выделить солдат, флот и авиацию для поддержания своих усилий, но Сталин был тверд, как алмаз. Сталин знал, что ни Соединенные Штаты, ни Британия не готовы вступить в войну за Польшу. Затем Трумэн поставил в неловкое положение себя и Черчилля, призвав к свободным выборам в Румынии и Болгарии, двух странах, воевавших на стороне нацистов. Сталин подтвердил

условия Ялтинского соглашения, где говорилось о совместной четырехсторонней оккупации Берлина и Вены, причем обе зоны находились на территории, фактически занятой советскими войсками. Он также согласился принять Францию в качестве четвертой оккупационной силы.

С политической точки зрения встреча в Потсдаме оказалась провальной для Демократической партии. В 1946 году, на промежуточных выборах в конгресс, республиканцам удалось взять верх в обеих палатах! Большое количество этнических иммигрантов, прежде всего из Восточной Европы, которые поддерживали раньше Рузвельта, теперь решили, что Демократическая партия продала Сталину их историческую Родину. Многие из таких избирателей имели родственников, оставшихся там. И теперь, вместо того чтобы отправлять свою религию, их родные окажутся перед лицом атеистического режима.

Через шесть месяцев после Потсдама Сталин обратился к ЦК компартии Советского Союза. Тема его речи была мрачной и посвящена тяжким пророчествам. В непосредственный период после войны население Советского Союза не может ждать улучшения условий жизни. Правительство должно готовиться к тому, чтобы все средства и энергию бросить на подготовку к потенциальному нападению Соединенных Штатов. Анализируя события, которые привели к развязыванию Первой и Второй мировых войн, Сталин постановил, что Россия должна быть способна себя защищать. Сталинская интерпретация прошлого и недавней истории была вполне точной. Однако это не относилось только к послевоенному периоду, и это оказалось фатальной ошибкой. Многие экономисты в США предполагали, как и Сталин, что, как только пустые лакуны для потребительских товаров будут заполнены, американские производители столкнутся со стагнацией в экономике и станут искать выход в сокращении зарплат и/или увольнении рабочих, чтобы позволить предприятиям держаться на плаву. Как было в начале 1930-х годов, когда предложение превысило спрос, снова настанет экономическая депрессия. По иронии судьбы, именно действия Сталина, основанные на его теории, в результате вылились в феноменальный рост экономики США. Его жесткая позиция в отношении США заставила Америку вооружаться, чтобы предотвратить войну с СССР, и таким образом США избе-

жали предсказанной им депрессии. При участии сил, раскручивающих «холодную войну», Сталин спас экономику США.

В марте 1946 года в небольшом колледже в Фултоне, штат Миссури, Черчилль (вышедший уже в отставку) провозгласил первую звучную фразу о «холодной войне»: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике «железный занавес» опустился на континент». Будучи гостем Трумэна, Черчилль предварительно согласовал текст речи с президентом. Она взывала к западным демократиям, которым необходимо объединиться, чтобы совместно противостоять угрозе советского экспансионизма. Речь Черчилля отражала стратегию, разрабатываемую в Госдепартаменте в то время. За месяц до того госсекретарь получил длинную телеграмму от Джорджа Ф. Кеннана, заместителя главы миссии США в Москве, где подробно описывалось, какой должна быть внешняя политика США по отношению к СССР. Ничего другого, как вовлечь Советский Союз в войну, считал он, Соединенные Штаты не могут сделать для того, чтобы освободить страны, оказавшиеся под гегемонией Советов.

Годом позже события заставили Трумэна публично объявить о поддержке тезиса Черчилля и рекомендаций Кеннана. Но точка приложения силы находилась не в Западной Европе, а в Греции и Турции. В Ялте Сталин сказал Черчиллю, что Греция лежит вне послевоенных интересов Советского Союза; Советская армия не освобождала эту страну. Более того, Россия не возражала против возвращения конституционной монархии. Как и в случае многих других стран, правительство Греции в изгнании сидело в Лондоне. Когда король вернулся в страну, население разделилось в своих взглядах. Были те, кто воевал против немцев, а раньше — итальянцев, и те, которые пошли на сотрудничество с оккупантами. То же самое происходило во всех захваченных во время войны странах. В авангарде сопротивления находились коммунисты. Когда британские войска прибыли вместе с греческим королем и он начал восстанавливать порядок и собирать действующее правительство, то оказалось, что они могут столкнуться с полноценным восстанием. Местные коммунисты были полны решимости установить социалистическое правление. Но это не Советский Союз снабжал повстанцев оружием, а соседняя Югославия, где установился социалистический режим под руководством Иосипа Броз Тито. Послевоенный

лейбористский кабинет в Британии был на грани банкротства. Англия не могла позволить себе материально поддерживать Грецию и Турцию. В отчаянии, англичане обратились к Трумэну. Тот отреагировал незамедлительно. Уже 12 марта 1947 года он обратился к конгрессу и провозгласил политику сдерживания, которую позже назвали доктриной Трумэна. В сущности, доктрина устанавливала, что США готовы предоставить финансовую поддержку любому режиму, защищающемуся от коммунизма. Хотя перед ним был враждебный «республиканский» конгресс, но когда речь зашла о предотвращении коммунистической экспансии, конгресс охотно выделил 400 миллионов долларов, необходимые для поддержки данного антикоммунистического режима. Летом того же года журнал *Foreign Affairs* опубликовал анонимную статью Кеннана, где разрабатывалась американская политика сдерживания. Конечно, личность автора быстро всплыла. Поскольку Кеннан был теперь главой Отделения политического планирования Госдепартамента, статья была принята за высказывание официальной точки зрения. Послание к лидерам Советского Союза было совершенно ясным. Итак, политика США будет заключаться в предотвращении распространения коммунизма.

Демократическая партия, которую Трумэн унаследовал от Рузвельта, представляла собой вязкую смесь конфликтующих интересов, которые, однако, были связаны вместе своей причастностью к власти и контролю за государственной казной. Здесь были твердые демократы с Юга, которые выдерживали свою прямую линию еще с конца Восстановления. Здесь были боссы больших городов, все еще обладающие достаточной властью за счет иммигрантского населения, которое они туда напихали. Здесь были промышленные профсоюзы, которые были обязаны своим успехом в организации законов, проведенным демократами в период проведения Нового Курса. Наконец, оказались в этом лагере и либералы, сконцентрированные преимущественно на полоске побережья между Бостоном и Вашингтоном, и уж прежде всего — в Нью-Йорке. В своем подходе к либерализму они варьировали от коммунистов до троцкистов, от социалистов до последователей Кейнса, который считал, что правительство обязано накачивать экономику (деньгами) при первых признаках экономической стагнации. И либералы,

и профсоюзы были убеждены, что государство играет главную роль в дирижировании экономикой.

В результате многие профсоюзы, где лидерство захватили коммунисты, а также значительная часть либерального сообщества благосклонно смотрели на Советский Союз и на его послевоенную политику. За исключением коммунистов, которые строго придерживались линии, заданной Коминформом, некоторые действительно подумывали о том, не станет ли социализм лучшим путем прогресса для общества. Они указывали на тот факт, что во времена депрессии только в одном Советском Союзе существовала полная занятость. Многие из них предполагали, что уже через несколько лет Соединенные Штаты опять увязнут в послевоенной депрессии.

Республиканское большинство в обеих палатах конгресса смотрело на вещи иначе. Они сумели протащить через вето Трумэна так называемый Акт Тафта—Хартли, который не только ввел принцип открытости в отчетности, но и запрещал профсоюзам делать взносы в пользу политических партий, обязывал их раскрывать все финансовые расчеты для инспекции. В добавление они провели Закон о лояльности, который Трумэн подписал. Когда Америка вступила в войну в Европе в 1942 году, Рузвельт и конгресс издали аналогичный документ. В то время он был направлен против выходцев из Германии и Италии, которые могли в принципе служить интересам противника. Тогда поискам коммунистов в правительстве особого внимания не уделяли. Новое законодательство, принятое в мирное время, было обращено против крупнейшего врага в обозримом пространстве — коммунистов. За четыре года ФБР изучило досье более 3 миллионов государственных служащих. Хотя официального обвинения никому не предъявили, многие тысячи были оставлены без серьезного расследования, а 122 дела были прекращены. Это тоже было частью «холодной войны», которая все еще маячила на горизонте. Хотя профсоюзы и либералы считали это нарушением гражданских прав, большинство населения поддерживало эти меры.

В ретроспективе можно сказать, что доктрина Трумэна была первым ясным и открытым утверждением, что США противостоят коммунизму, как таковому. Хотя Сталин не проявил интереса к Греции, его непреклонность в отношении Польши и нежелание

вывести советские войска из северного Ирана сделали его поведение очень подозрительным в глазах администрации Трумэна и большей части американцев. Причиной была неуверенность в будущем. Несмотря на многие лишения и фронтовые потери во время конфликта, американцы боялись позабыть о войне. Они считали, что все противоречия послевоенного периода должны быть разрешены Соединенными Штатами. И когда воздвиглась Берлинская стена и началась блокада, американцы явно увидели, что, хотя Вторая мировая война закончена, назревает новый конфликт.

В карточной игре, предшествовавшей войне в Корее, у Сталина была серьезная помеха. Самыми крупными картами в его руке были компартии Франции и Италии, которые он подкармливал через только что организованный Коминформ. Ему достался контроль над Восточной Германией, но богатейшая Западная Германия, с Рурской областью и Сааром, была занята Америкой и ее союзниками. Его единственным козырем было плачевное состояние экономики Западной Европы. После германской оккупации и последующего вторжения союзников с запада промышленность была превращена в хлам. Хотя США продолжали настаивать на свободных выборах в Польше, для политиков в Вашингтоне гораздо большее значение имело объединение Германии. Для достижения этой цели между оккупирующими сторонами должен был быть заключен мирный договор (с Германией). Сталин не был идиотом. Без формально заключенного мирного договора Германия оставалась оккупированной и разделенной страной. Условия жизни по всей Западной Европе будут продолжать ухудшаться, что, в свою очередь, возбудит рост и повысит влияние компартий в западных странах.

Когда четыре страны по безоговорочной капитуляции оккупировали Германию, они оставили существующую германскую валюту, рейхмарку. Советские военные, которые перед тем не получали плату в течение трех лет, теперь задним числом были вознаграждены в марках. Но на них в полуразрушенном Берлине мало что можно было приобрести. Берлин, разделенный на четыре части, но без стен, был уникальным городом, где относительно просто можно было попасть из одной зоны оккупации в другую.

Ничто не передает язык и культуру, как визуальное изображение. В XX веке двумя самыми узнаваемыми изображениями стали кинообразы Чарли Чаплина и мультики Уолта Диснея. В любом уголке мира приключения Микки-Мауса привлекали миллионы зрителей. Хороший капиталист — это тот, кто не только чувствует возможности, но и умеет их эксплуатировать. Неизвестно, кто первый в Берлине додумался продавать наручные часы с изображением Микки-Мауса. Но здесь было все гениально просто. Нужно было съездить в Швейцарию, купить там часы по доллару за штуку (с Микки-Маусом), потом вернуться в Берлин и предложить эти часы в десятки раз дороже русским солдатам, не знающим, куда потратить их деньги.

Еще до возвращения солдат домой марка снова стала конвертироваться в доллар. Многие американские джи-ай сделали себе крупные состояния, продавая эти часы. До момента выпуска новой марки в американской зоне оккупации в 1948 году было обменено около 2 миллиардов марок в долларовом исчислении. Из этого можно заключить, насколько обширна была торговля Микки-Маусами и автоматическими ручками. Командующий генерал Дуайт Эйзенхауэр и его подчиненные проспали эту масштабную аферу. А в Японии генерал Дуглас Мак-Артур заменил старую иену на новую валюту в течение всего шести месяцев.

Тем временем переговоры о мирном договоре с Германией, ведущиеся между госсекретарем Бирнсом и русским министром иностранных дел Вячеславом Молотовым, шли в никуда. Задача Молотова состояла в затягивании времени. Бирнс был человеком прожженным, его характеристики как политика и администратора были выше, чем у кого-либо в Америке. Бывший губернатор, сенатор, судья Верховного суда, он был правой рукой Рузвельта во время войны, взяв на себя все заботы об экономике страны, тогда как Рузвельт сосредоточился на войне и иностранных делах. Трумэн доверял Бирнсу, но был недоволен затягиванием переговоров. Когда Бирнс вернулся в Штаты, между ними возникло взаимное непонимание, в результате чего Бирнс ушел в отставку.

Оставался лишь один человек, к которому Трумэн мог обратиться, кому он доверял и кто наверняка получил бы одобрение в сенате, — это генерал Джордж Маршалл. Маршалл руководил армией страны на обоих театрах военных действий — европейском

и азиатском. В 1946 году он был отозван из отставки Трумэнном, испытывающим последний приступ надежды организовать соединенное правительство китайских коммунистов во главе с Мао Цзэ-дунем и китайскими националистами во главе с Чан Кайши. Это была неблагодарная работа. Ничего не получалось разрулить. Оба лидера хотели непременно выйти победителем из гражданской войны, грохотавшей тогда в Китае. Помимо дара военного стратегического планирования, Маршалл обладал умением тонко наблюдать людей. Как глава Генштаба, он принял решение послать Эйзенхауэра поверх голов более старших по чину, для вторжения в Северную Африку и затем во Францию. Он принял это решение, основываясь на том, что здесь нужны и стратег, и хитроумный политик. Как командующий вторжением союзных войск в Нормандию, Эйзенхауэр превзошел несколько чрезмерно хвалимого британского генерала Бернарда Монтгомери, считавшего, что имеет все командирские полномочия, тогда как действовал всегда по указке Черчилля, который тоже возомнил себя военным экспертом. Кроме того, пришлось уламывать и де Голля, и генерала (военного, но совершенно не политика) Джорджа Паттона. Все это ему удалось, и это было подтверждением правильности выбора Маршалла.

Принимая должность госсекретаря, Маршалл провел консультации со своим предшественником и с президентом. Вместо того чтобы ждать встречи с Молотовым в Париже, он решил отправиться напрямик в Москву. Его переводчик, Чип Болен, также считавшийся человеком весьма осведомленным о внутренних делах Советского Союза, заметил ему, что лишь один человек в СССР может принимать решения — Сталин. Как бывшего командующего армией США, Маршалла принимали за ужинами и другими застольями советские генералы. Обе стороны понимали, что участвуют в какой-то громадной головоломке. Он приехал в Москву как новый госсекретарь и собирался говорить о Германии и о заключении окончательного мирного договора с бывшим врагом обеих стран. Как Болен и предупреждал, Маршаллу не удалось ничего добиться с Молотовым. Молотов всячески пытался препятствовать организации встречи Маршалла со Сталиным, но Маршалл держался твердо. Наконец Сталин согласился встретиться с ним. К концу встречи Маршалл пришел к заключению, что Сталин не наме-

рен обращаться к проблеме Германии, ни теперь, ни в будущем. Разделенная Германия соответствовала планам Сталина на будущее Западной Европы.

На обратном пути в США Маршалл сделал остановки в Берлине и Париже. В обоих городах он ознакомился с разрушениями, нанесенными войной экономике этих стран. Большой военный стратег должен был соизмерить свои силы с тем, что может противопоставить противник. Экономики стран Западной Европы, по их нынешнему виду, будут продолжать разрушаться. Были ограничения во всем, начиная от топочного угля зимой до пищи и электричества. Инфраструктура была в катастрофическом состоянии. Без немедленного вмешательства в положение массы населения могли повернуться к радикалам в надежде поменять статус-кво. Этим и объяснялось отношение Сталина к вопросу. Если ничего не будет сделано для облегчения существующей экономической ситуации, Западная Европа обратится к коммунизму как к последнему отчаянному средству. Но спасения нельзя было добиться и кредитами. Объем нужного финансирования был слишком велик для банков. С целью спасения капитализма в Западной Европе Казначейство Соединенных Штатов, конгресс и президент должны были предоставить громадные финансовые вливания, не связанные какими-либо обязательствами по возврату. Все европейские страны остро нуждались в такой подпитке, чтобы сделать свои экономики снова жизнеспособными.

Сумма денег, необходимая для внедрения плана Маршалла, была полной мелочью по нынешним стандартам. Но в 1948 году это была самая масштабная финансовая схема, когда-либо задуманная. Трумэн с энтузиазмом воспринял план, вот только республиканский сенат мог представлять проблему. Был ведь еще вопрос о невозвращенных долгах еще со времен Первой мировой войны, которые правительство Соединенных Штатов зачло (по умолчанию). А теперь, вместо предоставления кредитов, США должны будут сыграть вообще роль Санта-Клауса для стран, которые впоследствии станут конкурентами Соединенных Штатов. Помимо размера суммы, стоял вопрос и о том, какой именно стране и сколько предоставлять средств? В начале 1948 года предстоящая «холодная война» была уже совершенно очевидна. Если помощь будет предоставляться только западно-

европейским странам, такое решение обозначило бы негласно, что США формально признают советскую гегемонию над всей Восточной Европой. Кроме того, это решение может быть представлено Москвой как враждебный акт Америки. Но с другой стороны, трудно было себе представить, что республиканский конгресс согласится выделить большие фонды на обеспечение стабильности коммунизма. Даже без такого элемента, как помощь странам Восточной Европы, план Маршалла был товаром, который трудно продать конгрессу. Ключевым человеком при проведении закона через сенат стал Артур Ванденберг, председатель сенатского комитета по иностранным делам. И все-таки, останься демократ Бирнс госсекретарем, документ вообще не покинул бы пределов комитета и не попал бы на рассмотрение сената. Сила аргументов Маршалла была подчеркнута тем, что он вне политики.

Госдепартамент во главе с Маршаллом балансировал на тугом канате. Кеннан и другие советологи выдвинули план, который Сталин никогда бы не принял, как они сами считали. В марте 1948 года все страны Европы были приглашены в Париж, где Маршалл изложил детали своего плана. Соединенные Штаты будут помогать в финансировании восстановления инфраструктуры всей Европы. Было только два условия. Первое: все принимаемые проекты должны были быть согласованы со специалистами из США. Второе: американцы должны иметь возможность отслеживать целевое расходование средств и материалов, чтобы они не попали к другому конечному потребителю. Но было еще одно условие, которое относилось к сателлитам СССР в Восточной Европе: Советский Союз тоже будет помогать в субсидировании их проектов. Как и предсказывал Кеннан, дело было дохлым с самого начала. Меньше всего Сталину хотелось, чтобы американский капитализм вторгся в социалистическую экономику. Хотя некоторые страны-сателлиты очень хотели бы принять участие в программе, особенно Чехословакия, которая была почти под полным доминированием Советов, но все равно во всех случаях прозвучало твердое «нет».

План Маршалла, в котором не было коммунистических участников, прошел обе палаты конгресса. Конечно, первоначальная сумма в 6 миллиардов долларов разрослась до 17 миллиардов, что составляло около 10 процентов всех боевых затрат во

Второй мировой войне. Профсоюзы портовых рабочих во Франции и Бельгии попытались предотвратить разгрузку материалов, идущих из США. Хотя это и привело к задержкам, но профсоюзы социалистов и католиков обеспечили разгрузку и доставку грузов.

План Маршалла преследовал цель помочь Западной Европе подняться на ноги. Но одновременно он дал огромный толчок американской экономике. Благодаря плану Маршалла открылся гигантский рынок, никогда не возникший бы в ином случае. План Маршалла не только стимулировал восстановление Западной Европы, но и существенно прибавлял к ВВП в самих США. Вместо ожидаемых и предсказанных Сталиным (а также левыми экономистами в США) остановок производства и увольнений послевоенный экономический бум продолжался. Сталелитейные заводы работали на полную мощность. Европейские паровозы, локомотивы, грузовые и легковые автомобили нуждались в замене. Необходимы были пиломатериалы, электрооборудование. Вся инфраструктура, разрушенная пятилетней войной, должна была быть восстановлена. Надо было поднять угольную промышленность. Пройдет около четырех лет, пока план Маршалла не начнет давать первые положительные результаты для экономики западноевропейских стран. В то же время экономика Японии оживлялась под руководством Мак-Артура и при помощи США. Этой программе придавалось даже большее значение, поскольку соседний Китай пал в объятия коммунизма. В этих непредвиденных обстоятельствах Япония стала первой линией обороны Америки в Тихоокеанском регионе.

Прежде чем экономика Западной Европы могла снова плодоносить, случился крупный кризис в отношениях между США и СССР — Берлинская блокада. Она началась, когда верховный комиссар США по Германии пришел к заключению, что восстановление германской экономики в американской зоне оккупации требует осязаемой валюты, которая могла бы конвертироваться на международном валютном рынке. Начиная с Бреттон-Вудских соглашений 1944 года было решено, что все валюты привязываются к доллару США. Использовать старую рейхсмарку было смешно, пока у советских специалистов имелся доступ к штампам, чернилам и бумаге. Советскую валюту использовали

для печатания старой валюты. Раз уж администрация Трумэна, в союзе с Британией и Францией, решила восстановить западногерманскую экономику, необходимо было выпустить новую, привязанную к доллару валюту.

В XV веке сэр Томас Грешэм, хранитель английского Казначейства, сообщил английскому королю, что хорошие деньги вытесняют дешевые деньги. В XIX веке об этом вспомнили и обозначили формулу как «закон Грешэма» («Gresham's Law»). Поскольку доллар теперь был принят в качестве официальной мировой валюты, то привязка новой рейхмарки к доллару вызвала немедленное обесценивание старой марки. Пусть продажа часов с Микки-Маусом уже была невозможна, для советской зоны оккупации последствия введения новой валюты угрожали потерей цены старой марки, ведь между зонами велась свободная торговля, и на обменном рынке старая рейхмарка рухнула. Сработал закон Грешэма. Это воздействовало на всю экономику Восточной Германии. Торговля между советской и другими зонами встала. Возникла бешеная инфляция в Восточном Берлине и Восточной Германии. А если отрезать экономику Восточной Германии от Западного Берлина, она вообще впала бы в коллапс, пока в цене была только новая марка.

Командующий русской зоной в Берлине попросил о встрече с партнерами по альянсу. Он настаивал, чтобы новая марка была удалена и вновь заменена на старую. Но это было невозможно. Оккупационные зоны в Западной Германии торговали с зонами в Западном Берлине. Невозможно было вести расчеты в двух параллельных валютах. Сталин и его кремлевские советчики были посрамлены. По своему замыслу экономика СССР была изолирована от западной экономики. Торговля с гитлеровской Германией до войны происходила на основе бартера. Это позволяло Сталину скрывать истинную стоимость рубля. Единственным способом решить эту головоломку было удалить союзников из Берлина.

Для этого был избран такой метод: заставить правительство Восточной Германии ввести блокаду, которая прекратит всякую торговлю между Западной Германией и Берлином. Поскольку Берлин располагался внутри восточногерманской территории, все грузовики и поезда должны были проходить через суверенную территорию Восточной Германии. Восточной Германии на-

до было заставить три оккупационные силы либо покинуть Берлин, либо восстановить старую марку. А в результате требования России оказались прелюдией к объявлению войны. Перед союзниками встала дилемма: либо продолжать проводить бронепоезда по территории Восточной Германии и выяснить заодно, не блефуют ли русские; либо попытаться снабжать огромный город с 2,5 миллиона населения с помощью воздушной доставки. По странному совпадению, это был 1948 год, когда президентские выборы были уже на носу. Блокада означала определенные риски как для Советского Союза, так и США и их союзников. Если пустить бронепоезд, а русские его остановят, то сил союзников, размещенных в Западном Берлине, не хватит, чтобы справиться с советскими войсками, все еще стоящими в Восточной Германии. Далее, учитывая минимальную численность войск союзников в Европе, Советская армия могла смести все заслоны и выйти к атлантическому побережью. Для Советского Союза риск был большим, чем для США, которые имели уже достаточный запас атомных бомб. Москва и Ленинград могли быть стерты с лица земли.

Решение о войне и мире находилось в руках двух людей, Трумэна и Сталина. Ни один не знал, как станет реагировать другой. Однако Сталин был слишком хитроумен, чтобы бросать вызов Соединенным Штатам с их ядерным оружием. И это не Советский Союз действовал конфронтационно. Блокада была обусловлена суверенным статусом Восточной Германии. Как позже в Корее, Сталин склонен был использовать суррогаты, бросая вызов США. И США обычно закрывали глаза. Но если бронепоезд все же будет послан, Восточная Германия не остановит его. Сталин делал все по кальке Гитлера, когда тот занял Рейнскую область. Германским генералам было сказано, что если французы предпримут ответные телодвижения, то надо будет сразу отступить. В течение 14 месяцев, пока продолжалось воздушное снабжение блокированного Берлина, американские и британские самолеты нарушали воздушное пространство суверенной Восточной Германии. Если бы Сталин всерьез собирался воевать, то «воздушный мост» был бы невозможен.

В конечном счете блокада была снята правительством Восточной Германии. Отрезанная от Запада, экономика вошла в штопор, безработица возрастала. Это постепенно распространялось

и на другие страны — сателлиты СССР. Вплоть до построения Берлинской стены в 1961 году экономика Восточной Германии упорно боролась, даже при огромной разнице в цене новой и старой марки. Эти 14 месяцев стали проверкой на безумие. Советский Союз мог быть в принципе самодостаточен, а вот его сателлиты — нет. Сталин терпел неудачи на всех фронтах. План Маршалла набирал обороты. В 1949 году при участии 14 стран было создано НАТО, с четкой целью прийти на защиту любой стране, которая станет объектом агрессии Советского Союза. В том же году три оккупационные зоны Германии были объединены в Федеративную Республику Германию (ФРГ), и первым канцлером стал Конрад Аденауэр. Все надежды на то, что сотрудничество в рамках ООН позволит США и СССР действовать как миротворцам, улетучились. Благодаря Берлинской блокаде концепция «холодной войны» была наконец установлена. В то же время американцы не были готовы согласиться с возможностью новой войны. Трумэна превозносили за его долготерпение. Ну что ж, все хорошо, что хорошо кончается.

Утверждение Черчилля насчет «железного занавеса», опустившегося над Восточной Европой, стали воспринимать как нечто само собой разумеющееся. И тут, к удивлению многих, возникла трещина в «железном занавесе». Маршал Тито в Югославии принял решение сделать свою страну независимой от внешней политики СССР. Югославия продолжала развивать свою экономику в русле построения социалистического государства, но в иностранных вопросах больше не слушала инструкций из Кремля. Тито считал политику Сталина в отношении США невиданным авантюризмом. Тито был первым человеком, возразившим Сталину. Была угроза советского военного вторжения, но в результате все обошлось. Меньше всего Сталину хотелось войны между двумя социалистическими странами. Это, впрочем, не удержало Сталина от попыток разрушить режим Тито изнутри. Но у Тито была вышколенная секретная полиция, и всякий заговор пресекался в зародыше.

В том же 1949 году администрация Трумэна заполучила еще одну головную боль — вопрос о признании Государства Израиль. Хотя никто из членов Совета Безопасности не проголосовал против плана ООН разделить британский мандат на Палестину между двумя народами — арабским и еврейским, — но в админи-

страции Трумэна существовала сильная оппозиция политике признанию еврейского государства. Госсекретарь Маршалл и министр обороны Форрестол особенно громко выражали несогласие. Их видение геополитического мира измерялось достижением наилучшей выгоды для Америки, а не эмоциональной атмосферой, которая завихрялась вокруг создания дома для еврейского народа. Они были обеспокоены возможной реакцией арабских соседей, особенно нефтедобывающих стран, которые все как одна яростно противились созданию сионистского государства на Ближнем Востоке. К тому же влиятельные еврейские круги в Америке возражали против признания нового государства. Этими оппонентами возглавляли Генри Моргентау, секретарь Казначейства при Рузвельте, издатель солиднейшей New York Times, и Лессинг-Розенвальд, главный акционер Sears, Roebuck & Co, крупнейшей компании розничной торговли в США, и основатель Американско-еврейского комитета (созданного в противовес Американско-еврейскому конгрессу, который поддерживал создание в Палестине еврейского государства). Их мотивы были иными, нежели у Маршалла и Форрестала. Они опасались ответной вспышки антисемитизма в Америке. Большинство их сторонников были евреями, прибывшими в Америку задолго до тех ужасов нацизма (были истреблены миллионы евреев, как и цыган, славян и т.д.), которые вынудили евреев Восточной Европы (преимущественно). А вот те евреи, кто испытал это на себе, поддерживали сионистов щедрыми денежными вливаниями.

Трумэну нужно было учитывать и другой фактор. Это был год президентских выборов, и для их успешного проведения в Нью-Йорке необходимо было заручиться поддержкой еврейского населения в Нью-Йорке. Ему нужно было также выдерживать давление своего друга и старого партнера по бизнесу Эдди Якобсона, ярого сиониста. Во время войны Рузвельт завернул пароход с еврейскими беженцами из Германии назад, в Германию, где они погибли в концлагерях. В конце концов Трумэн поддержал признание Израиля, и тут же это сделал Советский Союз. Если бы США не признали Израиль, то это решение могло бы открыть дорогу Советскому Союзу на Ближний Восток, и история региона развивалась бы по иному сценарию, когда СССР стал бы главным покровителем родины для евреев. Это

могло поставить американское еврейство в сложное положение, поскольку Давид Бен-Гурион и другие лидеры сионистского движения в Израиле принимали военную и экономическую помощь от любой страны, вне зависимости от ее политической философии.

Три разных, но тесно связанных события привели к дальнейшему развитию «холодной войны» и изменили курс послевоенной истории Америки. Соединенные Штаты увидели, что советские ученые и инженеры овладели технологией создания атомной бомбы, и монопольное владение Америкой ядерным оружием ушло в прошлое. Это случилось в августе 1949 года, когда американский патрульный самолет зафиксировал над Тихим океаном пятна радиации в атмосфере, которые передвигались со стороны Сибири. Три месяца спустя последние остатки армии Чан Кайши отплыли на остров Формоза (он же Тайвань. — *Прим. пер.*), оставляя континентальный Китай в лапах коммунистов. Семь месяцев спустя войска Северной Кореи перешли 38-ю параллель и вторглись в Южную Корею.

Эти события, произошедшие менее чем в пять лет после окончания Второй мировой войны, повергли американское общество в шок. Казалось, только вчера война закончена; убитых похоронили; инвалиды пытались приспособиться к жизни; и большинство американцев надеялось на мирное будущее. А вместо этого страна сталкивается с кризисами — один за другим! Еще труднее это было понять на фоне того, что американская экономика чувствовала себя прекрасно. Что терзало души людей, так это не потеря Китая в пользу коммунистов, а то, что Советский Союз теперь обладал тем же смертоносным оружием, что и США! Два океана, отделявшие США от разрушительных мировых войн, теперь уже не казались надежной защитой. Это было начало новой изнурительной гонки, которая продлится еще почти полвека. Пугающие события компенсировались основным фактором — процветание, которое должно изменить жизнь большинства американцев. Ну да, так казалось.

К 1949 году появились первые признаки замедления американской экономики. Неуверенная победа Трумэна в 1948 году объяснялась бумом в экономике, таким бумом, какого еще не бывало в истории страны. Доходы от налогов были столь вели-

ки, что федеральный бюджет показывал профицит в 12 миллиардов долларов, больше, чем когда-либо. Однако уже в 1949 году профицит составил всего 850 миллионов, а в 1950 году стал дефицитным. Похоже, пророчества Сталина сбывались. Потребительский спрос был удовлетворен. Рост в базовых отраслях тяжелой промышленности, вызванный заказами в рамках плана Маршалла, стал спадать. Во многих отраслях начались увольнения и забастовки, и раздутая экономика США постепенно клонилась к спаду. Экономические показатели говорили о движении в сторону рецессии (сокращения производства), возможно, рецессия уже имела место.

В этот момент истории вступила в дело ирония судьбы. Сталин принялся выполнять собственное пророчество. Двинув на юг войска коммунистической Северной Кореи, он запустил маховик перманентной оборонной экономики в США. Ирония в том, что эта запланированная коммунистическая агрессия изменила саму концепцию капитализма и направила его в направлении, отличном от коренных исходных принципов и убеждений. На место сбалансированного бюджета, который считался необходимым для поддержания курса своей валюты, дефицит, невообразимый в 1950 году, стал стержнем роста американской экономики. Проклинаемый всеми Сталин сохранил капиталистическую систему, которую сам же намеревался заменить на социалистическую.

Когда армия Северной Кореи вступила в войну, мало кто из американцев представлял себе, где находится Корея. Разве что те солдаты из немногочисленных частей, которые еще оставались там. Вслед за капитуляцией Японии и ее умиротворением большинство американских войск были выведены из Кореи. Даже вашингтонская администрация не считала эту страну жизненно важной для американских интересов на Тихом океане.

До самого конца XIX века Корея была независимым государством под протекторатом династии Маньчжоу. Когда это королевство начало рушиться, фракционность корейской элиты привела к тому, что одна партия в одностороннем порядке призвала японцев, чтобы те помогли в обуздании оппозиции. Это была фатальная ошибка. У Японии появилась зацепка на этой земле, и больше они отсюда уходить не собирались. В результате Корея стала

первой колонией Японии на материке и позволила японцам отсюда повести дальнейшие завоевания внутренних областей Китая и Маньчжурии. Во время японского вторжения в Китай в 1930-х годах корейское правительство в изгнании было создано под опекой Чан Кайши в Шанхае. Когда этот город попал в руки японцам, то корейское правительство последовало за Чан Кайши в Чанкин.

По пути на свою первую встречу со Сталиным в Тегеране Рузвельт и Черчилль сделали остановку в Каире, где с ними встретился Чан Кайши. Было принято решение, что после поражения Японии Корея будет предоставлена независимость. В Ялте корейский вопрос снова был затронут, и Сталин не высказал возражений против освобождения Кореи. По сути, планировалась четырехсторонняя опека над Кореей, до тех пор пока страна не станет независимой. Назначенные четыре опекуна были: националистический Китай (Чан Кайши), Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания. В 1945 году китайский министр иностранных дел вылетел в Москву, чтобы подтвердить со Сталиным этот договор о четырехсторонней опеке после окончания войны. Поскольку Россия вступила в войну против Японии и вторглась в Маньчжурию, «Большая тройка» согласилась с тем, что после капитуляции Японии Советская армия разоружит японские войска в северном секторе Кореи. Соединенные Штаты сделают то же самое на юге полуострова. Произвольно провели линию, отделяющую север от юга, а именно по 38-й параллели.

Сингман Ри был природной аномалией во многих отношениях. Ярый националист с самого начала своей карьеры, он был заключен японцами в тюрьму. В конечном счете ему удалось попасть в США, где он стал первым корейцем, получившим докторскую степень в Америке, в Принстонском университете. Он свободно говорил по-английски и был христианином и еще в 1919 году на свой страх и риск поехал в Париж, в Версаль (на переговоры по итогам войны. — *Прим. пер.*), чтобы просить для Кореи независимость. Но так как Япония в Первую мировую войну сражалась на стороне союзников, его призыв не был услышан. Следующие тридцать лет он провел в Америке, лоббируя конгресс насчет независимости Кореи. Хотя он имел контакты с корейским правительством в изгнании, но не пре-

тендовал на роль лидера движения. А с другой стороны, живя в Америке, он завел множество друзей на высоких постах. В США предполагали, что он будет способствовать демократическому режиму в Корее.

У американской делегации Сингман Ри числился как возможный президент Кореи, когда период опеки закончится. Но когда четыре стороны встретились для составления опекунского договора по Корее, Ри был убежден, что его выпихнут на обочину процесса, как непричастного, ведь он всю войну просидел в Америке. Четыре стороны согласились на такое переходное правительство, и Советский Союз был против того, чтобы заранее усаживать за стол делегатов, которые не согласятся на принятые условия. А США настаивали на том, чтобы Ри был включен в какой-нибудь предварительный документ. В результате этого тупикового положения опекуны разошлись по сторонам и Корея была поделена на две страны, каждая со своей конституцией и с одним правителем. На севере правил Ким Ил Сунг, который воевал в России против нацистов и даже получил орден Ленина за храбрость в боях за Сталинград, и его утвердили в качестве главы государства. Он собирался строить государство, аналогичное Советскому Союзу. Большинство делегатов из корейского правительства в изгнании хотели установить социалистический режим на юге. Поскольку страну контролировали американские войска, вопрос был решен сам собой. Сингман Ри был назначен первым президентом Южной Кореи. Чтобы предотвратить формирование левацкого правительства, США посадили своего человека на правление. Инакомыслящие были либо уничтожены, либо заключены в тюрьмы. Хотя США предоставляли военную и финансовую поддержку правительству Ри, американские войска и большинство военных советников были эвакуированы оттуда, и примерно так же поступил Советский Союз в Северной Корее. Грубая политика Ри в отношении диссидентов не очень тревожила американских вершителей внешней политики. Он был «гнилым» антикоммунистом, и в данный исторический момент такого качества было достаточно, чтобы поддержать его режим.

В начале 1950 года Сталин пригласил Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других лидеров компартии Китая в Москву для празднования

их победы над националистами. Это был затруднительный момент для Сталина. Мао прекрасно знал, что, пока победа китайских коммунистов не стала очевидна, Сталин поддерживал Чан Кайши и его националистическое правительство. Но Сталин ничего не делал без основательной на то причины. После «предательского» поведения кулаков в Советском Союзе ненависть Сталина к крестьянскому классу не знала границ. Успех революции Мао во многом основывался на привлечении большого числа крестьян в ряды его армии. Главный призыв Мао состоял в реформации феодальной сельскохозяйственной системы в Китае. Путем уничтожения класса землевладельцев и раздачи их земель крестьянам он завоевал широкую популярность среди крестьян. Для Сталина, следующего марксистской доктрине, крестьяне были в принципе контрреволюционным классом. Тем не менее в крупнейшей стране мира установился социализм, и это соображение перевешивало внутреннее отторжение Сталиным крестьянского социалистического государства.

Для Мао двойственность поведения Сталина не играла роли в долговременной перспективе. Для успеха коммунистического режима Китай все равно должен был индустриализоваться. И Советский Союз мог оказать в этом огромную помощь. Мао также прекрасно знал о растущей враждебности в отношениях между СССР и США. Возможно, он готов был сыграть на любой стороне, лишь бы это шло на пользу Китаю. Для этого необходимо было признание Китайской Народной Республики со стороны США. Важным шагом здесь была замена «кресла» националистического Китая в Совете Безопасности ООН на «кресло» Китайской Народной Республики, поскольку де-факто его режим был правительством Китая. Но для Трумэна было бы невозможным столкнуться с таким фактом. Хотя логика говорила, что следует признать уже имеющееся де-факто правительство крупнейшей страны мира, домашние соображения играли не меньшую роль: поднимается вой и крик от республиканского меньшинства в конгрессе, дескать, демократы отдали Китай коммунистам, да еще на фоне осуждения Альгера Хисса как русского шпиона; признания Клауса Фукса (Британия) о том, что он передавал данные об атомной бомбе в Советский Союз; арест супругов Джулиуса

и Этель Розенберг, американских граждан, также обвиненных в передаче атомных секретов Советскому Союзу; сильное влияние китайского лобби¹.

Вот небольшой отрывок из перевода книги Грегори Дугласа «Дневники Мюллера», откуда переводчик этого симулякра для дополнительной иллюстрации приводит сведения ушедшего на Запад шефа гестапо Генриха Мюллера о сути шпионских связях Хисса и вообще о степени разветвленности сети советской разведки в Соединенных Штатах в послевоенные годы.

«Уиттакер Чамберс будет сегодня допрошен в суде. Я сам читал его показания против Хисса и не сомневаюсь, что он действительно был шпионом. У меня есть масса материалов о советских агентах в Америке, и Хисс с братьями там упоминается. Причем все эти сведения исключительно из советских же источников.

Чамберс установил прямой контакт между Хиссом и Быковым, одним из их главных резидентов в стране. Это в 1937 году. Хисс передавал сведения прямо Быкову и, насколько я понимаю, был секретно награжден Сталиным высшим советским орденом. Мы не можем это проверить, но я уверен, что это правда. [Для подтверждения см.: Higham, Charles. *Trading with the Enemy*, New York, 1983. P. 162–165.]

Бирнс, по предположению суда, препятствовал расследованию шпионской деятельности. Обычные опровержения от Бирнса.

А шпионом в данном случае был Шевченко, который есть в моих списках.

Узнаю все больше насчет мнения людей о коммунистах. Сенатор Джеймс, с которым я знаком и который кажется мне

¹ Гражданин США Альгер Хисс стал первым Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций. Он также был одним из основных составителей Устава ООН. Однако в 1948 году выяснилось, что, несмотря на занимаемую им должность, он сотрудничал с советской разведкой. Эти шокирующие материалы долго обсуждались в американской прессе и стали козырем в так называемой «охоте на ведьм», проходившей под флагом радикальных призывов сенатора Маккарти, который отличался также крайне смелым потреблением алкоголя. — *Прим. пер.*

человеком с твердым характером, публично переругивался с секретарем партии Уоллейса (Прогрессивная партия. — *Прим. пер.*)

Здесь можно встретить самые разнообразные мнения о процессах над коммунистами, которые развиваются в самом благоприятном направлении. Правоверные демократы не хотят пачкать светлый образ Франклина Рузвельта, правоверные республиканцы именно к этому стремятся. [...]

Был еще один разговор с Маккарти и моим другом о разных вещах. Надо просветить его [Маккарти] насчет определенных вещей, но только незаметно. Он может получить анонимный источник, а я, уж конечно, могу отрицать свое авторство [информации]. Маккарти всю хвастается своими подвигами во время войны, которых, собственно говоря, совсем не много, и когда он выяснил, что я как бы служил летчиком, он стал распространяться о своем военном опыте на Тихом океане. Его секретное досье, которое хранится у меня в верхнем ящике письменного стола, указывает на то, что Маккарти не очень дружен с истиной и что он готов говорить что угодно, лишь бы привлечь к себе внимание. [...]

Я много раз просматривал материалы по Хиссу и убежден, что он будет осужден. Обычно такие агенты бывают осторожнее. Хиссу следовало бы ликвидировать Чамберса при первой возможности. Чамберс говорил мне о своем страхе перед Хиссом и его людьми, и я вполне допускаю, что Хисс мог иметь основания опасаться [того, что Чамберс его предаст]. А теперь адвокаты Хисса пытаются представить Чамберса психом. Однако они не будут заикаться о его гомосексуализме (слишком много других известных людей тут — гомосексуалисты). [...]

Нанес визит в ЦРУ. [...] Должен сказать, что Трумэн абсолютно прав по поводу ЦРУ. [...] Это сборище псевдоинтеллектуальной элиты, в основном протестантов, выпускников Гарварда или Йельского университета, все юристы из одних и тех же фирм и абсолютно ничего не знают о реальной политике, словно школьница из Пазинга. Даллес прохаживается со своей трубкой, Визнер суетится, пытаюсь выглядеть очень важным.

Если эти идиоты кого-нибудь невзлюбят, они решают, как убить этого человека, с помощью яда или оружия; иногда они прикидывают, как совершить переворот в какой-нибудь маленькой, безобидной стране, которая в противном случае может завести флирт с русскими. И Трумэн не имеет над ними никакого контроля!

Церэушники недовольны, что мы придаем такую огласку разоблачению коммунистических агентов. Они бы хотели скорее их перевербовать, чем разоблачить. Они не понимают, что наша цель состояла в том, чтобы показать американцам, как опасна была инфильтрация коммунистов и на каком высоком уровне это происходило.

Если бы Уоллейс был вице-президентом, нет сомнений, что сейчас уже над «Народной Республикой Северной Америки» уже развевался бы красный флаг. Вполне реальная угроза, и, чтобы раздавить коммунистов, нам нужно получить одобрение населения. Мы достигнем этого лишь тогда, когда народ действительно осознает всю серьезность опасности. Она сохраняется и сегодня.

Коплон рассказывает разные небылицы про свои отношения с Г. [Губичевым]. Она заявила, что материалы ФБР, найденные у нее при аресте, она «собирала для своей книжки» и что своему любовнику-агенту она передавала только коробку с пирожными и галстук!

А я точно знаю, что ОН передавал ЕЙ, и это была далеко не коробка с пирожными. Эти простые отчаянные женщины (я думаю, что и мужчины тоже) такие легкие мишени, и Советы используют их сексуальные кульбиты вовсю. Хотя, конечно, иногда бывает просто неважно переспать с некрасивой женщиной. Но мне рассказывали, что несколько рюмок шнапса помогают. Мне бы потребовался бочонок шнапса, чтобы настроиться на жену Рузвельта.

Икис тоже выступал свидетелем, он говорил, что ФБР ошиблось и что Руфь Грубер «никогда не была» его секретаршей. Конечно, она не была. Она была только его любовницей под видом секретарши. Но об этом никто не желает говорить. Мне любопытно узнать: что такой испорченный старикашка может вытворять с этой молодой особой? Может быть, она порола его хлыстом, когда на нем была

женская одежда. Один британский дипломат здесь занимается именно этим, так мне сказал Гювер. Пожалуй, Икису надо было делать это с ним на пару, звуки шлепков были бы слышны на улице.

Правительственный процесс против Хисса еще не закончен. Судья не оставит это дело, и здесь бытует мнение, что Хисс кончит плохо. Он уже давно совершенно бесполезен, но госсекретарь [Дин Ачесон. — *Прим. пер.*] просто боготворит Хисса и приходит в ярость оттого, что Хисса подозревают в шпионаже. Если бы я занялся этим, то Ачесона давно уже слили бы в канализацию и забыли как политика навсегда».

Шансы Мао на успех были сомнительны, прежде чем Андрей Громыко, русский делегат в Совете Безопасности, не поднял вопрос. Соединенные Штаты использовали право вето, чтобы сокрушить советские претензии. Сталин потерял лицо не только перед Мао, но и в глазах всего коммунистического мира. Он отозвал своего делегата назад в Москву. Сталин должен был отыгаться, и США дорого придется заплатить за их отвержение коммунистического Китая. Когда посол США в Южной Корее позвонил в начале июня 1950 года в Вашингтон, информируя своих начальников о том, что силы Северной Кореи перешли 38-ю параллель и двигаются на Сеул, столицу Южной Кореи, трумэновскую администрацию охватил столбняк. Новости становились все хуже. Вот уже северные корейцы взяли Сеул. Армия Южной Кореи была в панике и дезорганизована, гражданское население забивало дороги, не давая южнокорейской армии толком использовать занятые позиции.

Трумэн переживал второй кризис за время своего президентства. Теперь, когда Китай оказался в руках у коммунистов, только США были способны уберечь Южную Корею от поглощения северным соседом. По мере ухудшения ситуации у президента оставалось две альтернативы, ни одна из коих не была приемлемой. Южная Корея не была в зоне американских интересов, и она разве что могла бы обратиться в ООН за помощью и вмешательством, или же США могли закрыть на все глаза и позволить Северной Корее поглотить более слабого южного соседа. Запрашивать конгресс об объявлении положения вой-

ны не имело смысла. Администрация уже заявляла о том, что Корея не представляет для Америки национального интереса. Но безучастно наблюдать за происходящим значило поощрить коммунистическую агрессию в других частях мира.

Прежде чем принять решение, было необходимо предотвратить полный распад армии Южной Кореи. Используя свою власть как Верховного главнокомандующего, Трумэн приказал генералу Мак-Артуру, командующему силами на Тихом океане, послать отряды из войск, дислоцированных в Японии, на помощь силам Южной Кореи. Не учитывая, что эти части были плохо подготовлены к жестким боевым условиям, Мак-Артур покорно выполнил приказ. Следующим шагом Трумэна было возбуждение вопроса о незаконном вторжении на заседании Совета Безопасности. Поскольку российский представитель находился в тот момент в Москве, Совбез единогласно осудил действия Северной Кореи и призвал к созданию содружества для отправки туда войск с целью поддержать усилия США по отражению агрессии Северной Кореи. Это был мудрый ход. Вместо того чтобы просить конгресс об объявлении войны, как записано в Конституции, что само по себе сложное и долгое дело, Трумэн ходатайствовал о посредничестве ООН. Корейская война стала первой военной катастрофой Америки. Во многих отношениях Корея была первым сигналом о неадекватности американских войск. И именно во время корейского конфликта министерство обороны стало доминировать при распределении госбюджета. В 1950 году расходы на оборону составляли 32,2 процента федерального бюджета. Уже через три года они выросли до 69,4 процента. Хотя этот процент снижался по мере общего роста экономики, даже во время войны во Вьетнаме национальная оборона оставалась главным приоритетом, пока продолжалась «холодная война». В начале конфликта в Корее американские части, наскоро переброшенные туда из Японии, не могли сдерживать ударов северокорейской армии и были вынуждены отступать до тех пор, пока не была установлена оборонительная линия в районе города Пусан. Тут, поскольку ни одна из сторон не имела сил для наступления, началась война на истощение.

Мак-Артур, главнокомандующий силами США и ООН в Корее, остается одним из самых загадочных генералов в военной

истории Соединенных Штатов. Как стратегу ему не было равных. Его армия несла наименьшие потери, чем какая-либо другая в ходе войны. Его одиночество даже среди близких было похоже на таковое у де Голля или Вашингтона. Даже от близких друзей он хотел обращения к себе: «генерал»... Он был смел, дерзок и, кроме того, немножко шоумен. Его легко узнавали по скошенной военной пилотке и неизменной трубке в зубах. Он и его сподвижники создали конституцию Японии и повернули эту страну к демократии.

Когда Мак-Артур принял командование войсками США и ООН, конгресс утвердил другую форму соподчиненности. Военная стратегия теперь была в руках министра обороны и командующего Объединенным штабом, представляющего все три ветви службы. Вдобавок президент, как главнокомандующий, должен был подписывать планы, которые одобрены (конгрессом). Если говорить просто, то Мак-Артур мог предпринять важные действия, только заручившись поддержкой этих пяти людей. Под этим предложением генерал сразу распознал план настолько дерзкий, что он был тотчас же отвергнут. Взамен сил, возглавляемых частями США, которые забились на узкую южную конечность полуострова, где не было места для маневра, Мак-Артур предложил десантирование с амфибий прямо за линией стояния противника, в районе порта Инчхон, что вызовет у неприятеля замешательство. Единственным подходящим моментом перед наступлением зимы были остающиеся дни октября, когда и приливы будут работать на дело, и морские пехотинцы смогут десантироваться через волноломы. Непосредственная реакция министра обороны и начальника штабов была отрицательной. Командиры морских пехотинцев, которые прошли с ним войну на Тихом океане, так же как и армейские и военно-воздушные командиры, не испытывали желания потакать красующемуся генералу. Однако реальной альтернативы не было, разве что оставить свои войска запертыми в узком пространстве, а потери тем временем росли с каждым днем.

Наконец все официальные лица подписали план Мак-Артура. Десантирование под Инчхоном прошло точно так, как и задумал Мак-Артур. Морские пехотинцы удерживали береговую полосу, пока высаживались основные войска. И за ночь картина войны изменилась. Схваченная в капкан посреди двух армий,

северокорейская армия запаниковала и рванулась на север. Для своего неудовлетворенного и со всех сторон порицаемого президента Мак-Артур сотворил чудо. Популярность Трумэна пострадала. Несколько недель спустя ведомые американскими частями войска сумели отвоевать часть полуострова и вернуть Сеул, находящийся примерно на той самой 38-й параллели между двумя Кореями.

Мандат, выданный ООН, был направлен не на разрушение Северной Кореи, а на восстановление Южной. Если войска США вторгались на территорию Северной Кореи, это будет превышением мандата.

Сингман Ри видел в поражении Северной Кореи возможность объединить страну — под своим руководством. Его войска прежде всего пересекли 38-ю параллель и вторглись в Северную Корею. Мак-Артур телеграфировал Трумэну, запрашивая разрешения на преследование отступающих северокорейских частей. Подступала зима, и возглавляемые армией США части продвигались вперед. Когда они подошли к границе с Маньчжурией, войска ООН собирались встать на границе с Китаем, чтобы не допустить ее перехода. Британия, которая быстро признала новый Китай, ради решения своей «аренды» Гонконга, послала в Вашингтон депешу, где говорилось о крайнем недовольствии Китая от приближения к ее границам неприятельских войск. Трумэн, возможно не вполне точно представляя себе важность этого предостережения, телеграфировал Мак-Артуру, чтобы тот воздержался от приближения к реке Ялу (Ялуцзян), которая отделяла Северную Корею от Маньчжурии. Мак-Артур оставил свои части стоять неподалеку от границы. Одновременно он приказал начальнику своей разведки постараться оценить количество китайских войск, стянутых по ту сторону границы. По отчетам выходило, что численность китайцев незначительная. Исходя из этой информации, Мак-Артур приказал своему полевому генералу продолжить преследование противника, однако держась поодаль от китайской границы.

Отряды американцев столкнулись с китайской армией численностью в 300 тысяч человек! Что поначалу казалось развлекательной операцией, вызвало мощный ответный удар со стороны Китая. Хотя бы исходя из теории чисел, ничто не могло

остановить их. Не было изобретено еще такой военной стратегии, которая позволяла бы справиться с такой ситуацией. Наступление зимы еще больше усилило муки войск под командованием США. Пулеметы замерзли на турелях, стыло масло в танках и автомобилях. Солдаты страдали от арктического холода, поскольку не имели должной экипировки. Мак-Артур вылетел из Токио на место, чтобы оценить ситуацию лично. Не видя возможности противодействовать наступлению китайцев, он призвал президента применить ядерное оружие. Трумэн категорически отказался, опасаясь, что и Россия может вмешаться в конфликт, используя свой запас атомных бомб, и тогда это неминуемо развяжет третью мировую войну. Мак-Артур, в бешенстве от своего бессилия, сорвал свою злость на Трумэне, критикуя его и его методы ведения войны.

Мак-Артур в конечном счете переступил грань, в письме к лидеру республиканского меньшинства в конгрессе, Джозефу Мартину, критикуя Трумэна. Вместо того чтобы сохранить письмо конфиденциальным, он зачитал его перед членами палаты. Одно дело было высмеивать китайцев, в то время как администрация пыталась вступить с ними в переговоры о перемирии; а другое дело, когда человек на военной службе вмешивается в политику государства. Либо уж президент был законно избранным главнокомандующим, либо Мак-Артур. И, несмотря на ожидаемое недовольство народа, Трумэн отправил генерала в отставку. Мак-Артур вместе с женой и сыном вернулись в Америку, где не жили уже почти пятнадцать лет. Его приветствовала огромная толпа поклонников на причале в Сан-Франциско, и далее он получал везде тот же восторженный прием. Вызванный произнести речь перед обеими палатами конгресса, он поверг часть аудитории в рыдания своей фразой: «Старые солдаты не умирают, они только угасают, как тени». Некоторые республиканцы считали, что он стал бы идеальным кандидатом в президенты на выборах 1952 года. В этом направлении были предприняты усилия, однако сама идея сделать американского политика из генерала казалась абсурдной. Мак-Артур был человеком сам по себе и вовсе не слуга народу. Как он сам обещал в своей прощальной речи, он скроется тенью в роскоши апартаментов «Уолдорф-Астория».

Впоследствии историки сделают его козлом отпущения за поход в Корею и многочисленные жертвы, которые последовали

из-за китайской контратаки. Это было больше чем оскорбление. Когда одна сторона конфликта владеет адским оружием и убеждена, что столкнулась с угрозой самому своему существованию, то приходит нужда расходовать жизни своих солдат без счета. И очень трудно остановить это. И все же, когда прибыло подкрепление из Америки, отлично дисциплинированное, 8-я армия уже пришла в себя. На протяжении двух последующих лет китайцы и северокорейцы оттеснялись на исходный рубеж 38-й параллели. Хотя груз ответственности был возложен на плечи Мак-Артура, но президент и руководители штабов были виноваты в войне не меньше. Это было их решение, а не Мак-Артура, пересечь 38-ю параллель и вторгнуться в Северную Корею. Это было решение Трумэна не признавать Китайскую Народную Республику как легитимного представителя китайского народа в ООН, тем самым внушив Мао Цзэду уверенность в том, что долговременная политика США состоит в свержении его режима. В этих обстоятельствах допустить возникновение враждебного режима на границах с Маньчжурией было неприемлемо. Люди, разрабатывавшие внешнюю политику США, видели мир в черно-белой окраске. Тем не менее Америке надо было приспособиться к существованию еще и Советов, поскольку Россия владела атомным оружием. Решение Трумэна отбросить северокорейские войска из Южной Кореи обозначило тот факт, что американская политика сдерживания проникновения коммунизма в Западную Европу теперь распространяется на весь мир, включая те страны, которые ранее не были в зоне жизненных интересов Америки. Без понимания долгосрочных последствий антикоммунистическая истерия в Америке, подогретая потерей Китая, изменила американскую политику до той степени, где эмоции перевешивают разумное поведение.

Вплоть до 1948 года для большинства американцев коммунистическое государство представлялось лишь как некая абстракция, а не что-то конкретное. Они верили, что Соединенные Штаты — это лучший из миров. Сама мысль о том, что некоторые американцы могут считать иначе, была попросту невообразимой. Ну, если там есть кучка несогласных, так это те иммигранты, кто не захотел интегрироваться в американское общество. Палата комитета антиамериканских действий (HUAC) исходно была создана для отсева симпатизирующих Германии, Италии

и Японии. Но когда война была закончена и республиканцы получили большинство в обеих палатах конгресса, НУАС сосредоточила свое внимание на лицах, сочувствующих коммунистам, или же настоящих членах компартии США, попавших во властные структуры.

Этот феномен вскоре стал известен как «маккартизм». На протяжении трех лет сенатор Джозеф Маккарти сумел убедить добрую половину американцев в том, что измена внутри Госдепартамента привела к потере Китая в пользу коммунистов, а закончилось все военной катастрофой в Корее. Если бы не проигранная корейская война, сенатор не смог бы обрести достаточный авторитет для того, чтобы терроризировать либералов, работников Госдепартамента, Демократической партии и армии. Сенатор начал сфабрикованные атаки на отдельных лиц и на Госдепартамент, которые со временем захлебнулись, когда он не смог представить внятных доказательств, а корейская война закончилась перемирием.

Маккарти был наименьшей проблемой из тех, которые Трумэн передал своему наследнику, Эйзенхауэру. Две более серьезные были: корейская война, которую еще как-то нужно было разрулить, и «холодная война», которая только разгоралась теперь, когда коммунистический Китай вошел в сотрудничество с Советским Союзом. С другим осложнением — что угрожало нефтяным интересам США на Ближнем Востоке, включая Иран, — нужно было решать вообще незамедлительно.

Современная история Ирана начинается в 1906 году, когда по сути спонтанная революция ударила по шаху и правящей элите, в результате чего была принята конституция и создан парламент из выборных представителей. Пользуясь внутренним расстройством дел в Иране, Британия и Россия постарались продвинуть туда свои колониальные интересы. Годом позже две страны подписали англо-российское соглашение о разделе Ирана на две сферы влияния. Россия получила контроль над северной частью, Британия — над восточной и южной, а центральная часть страны осталась вне этих зон влияния.

В 1908 году Иран приобрел большую значимость. Британские археологи, производившие раскопки древних поселений, наткнулись на слои, пропитанные нефтью, на самой поверхности. Британские геологи немедленно исследовали этот

район и обнаружили первое из крупнейших на Ближнем Востоке нефтяных полей. Была создана Англо-персидская нефтяная компания, причем права на разработку на севере страны получала Россия, а на остальной части Ирана — Англо-персидская нефтяная компания. Во время Первой мировой войны Британское морское ведомство, для обеспечения безопасности поступления нефти для нужд флота, выкупило контрольный пакет акций Англо-персидской нефтяной компании. С образованием после революции в России Советского Союза в результате свержения царского режима произошел отказ от всех прежних обязательств, и Англо-персидская нефтяная компания получила полный контроль за всей нефтью в Иране. (Англо-персидская нефтяная компания сменила название на Англо-иранская нефтяная компания в 1935 году, а с 1954 года стала называться «Бритиш Петролеум компани» (British Petroleum Company).)

В 1921 году, когда большая часть мира находилась в экономической рецессии после войны, Британия призвала на помощь Реза-Хана, лидера Персидской казачьей бригады, для защиты нефтяных интересов Британии. Хан покорил всю страну, подавляя все очаги сопротивления. Двумя годами позже Хан занял пост премьер-министра страны, с небольшой финансовой помощью англичан. В 1925 году, опять же при поддержке англичан, он восстановил королевскую династию Хаджар и сам был коронован как Его Императорское Величество Реза-Шах Пехлеви, годом позже. Вот в таких обстоятельствах режим Пехлеви пришел к власти. Новый шах, опять же при поддержке и консультациях англичан, не только модернизировал политическую и социальную систему Ирана и уменьшил влияние религиозных деятелей и племенных вождей, но также обеспечил свою базу поддержки путем расширения полномочий военных, которые были его сторожевыми псами и подавляли всякие проявления инакомыслия.

В результате шах стал диктатором при всех внешних атрибутах демократии: конституции и парламенте. Шах революционизировал иранское общество и буквально втащил его в XX век. Система образования была секуляризирована (отделена от церкви), и в 1935 году открылся первый университет европейского типа. Была расширена сеть дорог, промышленное производство

стимулировалось государственными субсидиями. Но прогрессивный шах на этом не остановился. Государственная система была реформирована и также секуляризирована — полностью выведена из-под контроля религиозных деятелей. Как и в Турции, женщины были освобождены, для населения стала принятой европейская форма одежды, а чадра оказалась под запретом.

После краха на нью-йоркской фондовой бирже в 1929 году и начала всемирной депрессии, что через два года дополнилось отменой Британией золотого стандарта, цены на нефть рухнули. В 1933 году, отчаянно нуждаясь в притоке доходов в казну для содержания большой армии, которая поддерживала его власть и поглощала заодно изрядную часть государственного бюджета, шах аннулировал старый контракт правительства с Англо-персидской компанией и договорился о новом. Согласно ему площади нефтеразработок сокращались, а правительство Ирана получало более высокий процент от нефтяных доходов. Через шестьдесят лет все нефтяные поля должны были вернуться в собственность Ирана. Конечно, этот договор никоим образом не улучшил положения большинства населения страны, а именно крестьян.

С усилением власти Гитлера и благодаря его повышенному вниманию к чистоте арийской расы и учитывая претензии персов на роль прародителей ариев, шахский режим стал перенимать некие внешние нацистские атрибуты. Появились антисемитские лозунги; весьма зажиточное еврейское население было напугано. Армия выучилась ходить по струнке, как и германская армия. В 1938 году была запрещена Туде, иранская компартия. По мере дальнейших успехов Гитлера внешняя политика Ирана повернулась от пробританской линии на прогерманскую. Хотя Иран объявил о своем нейтралитете с началом Второй мировой войны, но симпатии шаха были прогерманские. Когда Германия вторглась в Россию в 1941 году и был создан новый альянс Британии и Советского Союза, необходимо стало иметь дружественный режим в Иране, северные границы которого соприкасались с южными границами Советского Союза. В августе 1941 года британские и русские войска вторглись в Иран, опрокинули шахскую армию, сместили с престола шаха и посадили на трон его сына, Реза Шаха Пехлеви, а также восстановили центральную роль парламента во власти.

В 1951 году на обложке журнала Time в качестве изображения «человека года» была помещена бритая голова Мохаммеда Мосаддыка, премьер-министра Ирана. Недавно избранный на свою должность, он сделал немыслимое. Он национализировал активы Англо-иранской нефтяной компании, в нарушение договора 1933 года, подписанного отцом тогдашнего шаха. Подготовка этого радикального шага правительства Ирана началась еще по окончании Второй мировой войны в 1945 году. В 1945 году советские войска в северном Иране отказались эвакуироваться. Россия ссылалась на договор еще царской России с Британией, где право эксплуатации нефтяных полей на севере Ирана отдавалось России. Несмотря на давление со стороны США и Британии, советские войска не покинули Иран, пока Советский Союз не получил от Ирана права на концессию. Иран изначально предлагал эту концессию, но под нажимом Соединенных Штатов парламент проголосовал за отзыв концессии, 102 голоса против 2, и Мосаддык был в первых рядах противников концессии для СССР. Затем парламент провел закон, согласно которому все нефтяные концессии для зарубежных стран запрещались, а также поручил правительству разрабатывать новые нефтяные месторождения. Соединенные Штаты оказались изобретательны в понуждении Советского Союза все-таки освободить северный Иран, так что парламент заключил договор с США о предоставлении военной помощи и инструкторов. В том же году Англо-иранская нефтяная компания объявила о чистой прибыли в 112 миллионов долларов, из которых всего 19,6 миллиона было выделено иранскому правительству.

В 1949 году ведомый Мосаддыком парламент потребовал пересмотра контракта с Англо-иранской компанией с целью получить больший процент доли в прибылях. Твердая позиция Мосаддыка на переговорах с компанией и его роль лидера Народного фронта позволили ему занять кресло председателя Комитета парламента от нефти. Англо-иранская компания отказалась делить прибыли в отношении 50 на 50, что уже было стандартным условием для других стран Персидского залива. И вот новый премьер-министр предпринял беспрецедентный шаг по национализации компании, в которой основная часть активов принадлежала Британии. Прежде всего, Иранское государство взяло контроль над нефтепереработкой, крупнейшей

в мире, которая давала Западной Европе порядка 43 процентов от потребностей в топливе.

Если Иран оказался так удачлив при разрыве контракта, то что могло помешать другим странам зоны Персидского залива, где основные интересы контролировались Соединенными Штатами, сделать аналогичные шаги? Британское правительство отреагировало мгновенно. Оно призвало к всемирному бойкоту иранской нефти и призвало своих союзников к поддержке. Давление усилилось после замораживания банковских счетов Ирана в фунтах стерлингов и введения запрета на экспорт товаров в Иран. Администрация Трумэна поддержала своего союзника по войне и отказалась предоставить кредит Ирану до тех пор, пока спор не будет улажен. Британия подала иск в Международный совет ООН и в Международный суд в Гааге. В свою очередь, Мосаддык, получивший некогда докторскую степень по юриспруденции в университете Лозанны, вылетел в Нью-Йорк, а оттуда — в Гаагу, чтобы представлять свою страну в суде. Мосаддык успешно отстоял иранские действия тем, что они не относятся к юрисдикции суда и, следовательно, не могут им рассматриваться. Мосаддык возвращался на родину через Египет; в Каире его приветствовала огромная возбужденная толпа. Он стал первым лидером на Ближнем Востоке, кто сумел подкрутить хвост британскому льву. По возвращении в Тегеран его встречала еще большая восторженная толпа. Он стал героем иранского народа. Но когда страсти поутихли, на первый план выступила реальность. Всемирное эмбарго на поставки нефти из Ирана грозило подорвать экономику страны, несмотря на то что к бойкоту не присоединились Италия и Япония.

Имея слабую экономику и опасаясь путча со стороны сторонников шаха, в 1952 году Мосаддык попытался захватить контроль за министерством обороны. Когда шах отказал ему в его требованиях, Мосаддык подал в отставку. В результате началась широчайшая забастовка и прошли трехдневные беспорядки в столице, направляемые коммунистами и националистами. Шах уступил и снова призвал Мосаддыка на правление страной, позволив назначить своего министра обороны. Мосаддык взял дело в свои руки и стал постепенно заменять высших офицеров армии, лояльных шаху, на тех, кого выдвигали националисты. Через несколько недель парламент предоставил ему всю полно-

ту власти в стране на шесть месяцев, затем продлил этот срок еще на шесть месяцев. Мосаддык запустил реформу иранской системы налогов и сборов и приобрел контроль за расходами парламента. Он сумел провести через Ассамблею (нижнюю палату) закон, сокращающий срок пребывания сенаторов в должности с шести до двух лет, и все члены сената подали в отставку. В то же время Мосаддык предложил вступить в переговоры с Англо-иранской нефтяной компанией по поводу долгов, которые остались за компанией в результате ее национализации. Тут было два варианта условий. Компания должна была получить 1,4 миллиарда долларов, которые хранились замороженными на ее страховом счете, а Британия должна была отменить всемирное эмбарго на иранскую нефть. Британия и США вдвинули встречное предложение. Обе страны готовы были признать национализацию иранской нефти, если Мосаддык позволит Международному суду в Гааге определить размер компенсации, причитающейся Англо-иранской компании. Поскольку ни одна сторона не хотела принимать аргументы другой стороны, переговоры были сорваны.

Теперь Консервативная партия снова контролировала британский парламент, и старый боевой конь Уинстон Черчилль, опять на посту премьер-министра, решил, что сейчас самое время вернуться к обновленной версии дипломатии канонеров XIX века. Он приказал британской секретной службе разработать и осуществить план умерщвления Мосаддыка. Черчилль уведомил и Трумэна об этой операции, названной «Операция Аякс». Британия планировала провести ее самостоятельно. Мосаддык раскрыл заговор против него. Без колебаний Мосаддык приказал закрыть посольство Британии в Иране и выкинуть к черту всех британских дипломатов. И снова британское правительство не имело выбора, кроме как обратиться за помощью к Америке.

Но в Америке на выборах победил Эйзенхауэр, и администрация Трумэна, доживающая в своих кабинетах последние деньки, не стала вмешиваться. И только Эйзенхауэр спас британскую честь. Главное «наследие» Трумэна, которое он передал бывшему генералу, были «холодная война» и необходимость постоянно поддерживать свое военное превосходство, на случай будущей советской агрессии, исходящей либо от одного из

(советских) сателлитов, либо от самой России. Это было начало гонки вооружений и создания военно-промышленного комплекса, что означало колоссальный бюджетный дефицит — именно это изменит лицо капитализма и приведет страну к невиданному процветанию. Но в 1953 году американский народ еще не знал об этом будущем. Американцы устали от войн и выбрали генерала, чтобы он, как военный человек, положил войнам конец.

Глава 6.

«Холодная война» на нейтральной передаче — президентство Эйзенхауэра

Когда либеральное крыло Республиканской партии выдвинуло кандидатом в президенты генерала Дуайта Эйзенхауэра, можно было заранее предсказать, что именно его и изберут, учитывая неспособность администрации Трумэна уладить конфликт в Корее миром. И даже те члены партии, которые настойчиво убеждали Трумэна все же выдвигаться, — а это были дважды проигравший на президентских выборах Томас Дьюи и недавно проигравший свои сенатские выборы Генри Кэбот Лодж, — не могли одобрить и даже в точности оценить степень политических умений их кандидата. А взлет Эйзенхауэра от подполковника при штабе генерала Дугласа Мак-Артура на Филиппинах до командующего вторжением в Нормандию, которое стало самой крупной десантной операцией за всю историю войн, не мог быть результатом простой случайности.

Достигнув мира с правым крылом партии, за счет привлечения себе в «напарники» Ричарда Никсона, генерал стал планировать свою избирательную стратегию. Игнорируя советы старейшин партии, он решил показать свою независимость от политических пристрастий и обязательств и потому начал свою избирательную кампанию с поездки в традиционно «демократические» южные штаты, с выступлениями в маленьких городишках. Где бы ни останавливался агитационный поезд, везде Эйзенхауэра приветствовали огромные толпы, в которых было немало солдат и офицеров, воевавших под его началом в Северной Африке и Европе. Для этих ветеранов он оставался своим в доску, и прозвище у него было Айк, именно Айк вел их от победы к победе. Это был тот самый душевный

настрой, на который он рассчитывал. Он был больше чем кандидат в президенты от республиканцев; он добивался президентства, чтобы объединить американский народ. Он был выше той партизанщины, которая порой сопровождает политические кампании. Всякую грязную работу он оставлял на своего «вице», на Никсона. Этот оригинальный подход Эйзенхауэра оправдался. Впервые со времен Восстановления республиканский кандидат получал большинство в пяти южных штатах. На волне его популярности республиканцы сумели завоевать перевес в обеих палатах конгресса, пусть даже очень незначительный.

Прежний опыт Эйзенхауэра как управленца ограничивался годами его службы в армии в качестве начальника сил вторжения в Нормандию и главы НАТО. В первом случае его роль состояла в делегировании полномочий и наблюдении за тем, как выполняются его указания. В последнем случае хотя ему и удалось установить контроль за чисто военными действиями, но у него не могло быть контроля за политиками из 14 стран, составляющих альянс. Следовательно, и страной он собирался руководить, как военным штабом сборных сил альянса. Как у президента у него была другая роль, где у него не хватало опыта, на который можно опереться. Он был номинальным лидером Республиканской партии, и в этом качестве ему нужно было собрать «под одной крышей» разные фракции партии и привести их к одному знаменателю. Поскольку члены Республиканской партии строго разделялись между консервативным изоляционистским крылом и либералами, он обнаружил, что и в его деятельности как главы партии имеются ограничения. Вдобавок из-за крайне незначительного перевеса в сенате и нижней палате конгресса ему нужно было принимать во внимание возможность лидерства миноритарной партии — демократов. Не привыкший иметь дело с политиками, которые больше заботились о своих интересах, чем о благе нации, он обратил свое внимание на внешнюю политику.

Первоначально Эйзенхауэр предложил пост главы Госдепартамента Томасу Дьюи, который был последователен в выставлении и поддержке кандидатуры Эйзенхауэра на выборах. Дьюи колебался в сомнениях и предложил политического аналитика и наконец порекомендовал своего собственного политического

консультанта, Джона Фостера Даллеса, который обладал нужным набором личных качеств и опыта, необходимым для занятия столь высокого места. Близкая дружба, которая развилась между Даллесом и Эйзенхауэром, позволила президенту направить свою энергию на то, что он считал важнейшим для будущего страны, — борьбу с коммунизмом, расползающимся на весь мир, и одновременно ускорение гонки вооружений и, возможно, достижение некоего *modus vivendi*, способа сосуществования с Советским Союзом.

Учитывая совершенно разный жизненный путь, пройденный двумя этими людьми, они мало подходили друг другу. Айк выглядел жизнелюбом, со своей вечной улыбкой, которая так привлекала людей. Даллес был человеком сложным, замкнутым, с вечно суровым, непроницаемым лицом. Эйзенхауэр был посредственным учеником в военной академии Уэст-Пойнт; Даллес числился первым студентом на курсе в университете Принстона и выполнил свои исследования на факультете юриспруденции за два года вместо отпущенных трех. Айк был парнем из бедной семьи, который добился успеха в жизни через свою военную карьеру; Даллес родился и вырос в роскошном поместье. Он прекрасно говорил по-французски, немного владел также немецким и испанским языками. В 1950 году президент Трумэн призвал его для переговоров о заключении успешного мирного договора с Японией. Как и Эйзенхауэр, Даллес был убежденным интернационалистом, но еще более он был непреклонен в противодействии распространению коммунизма в мире. Как следствие, он все страны мира видел в черно-белых тонах. Он сразу отвергал те страны, которые настаивали, что хотят оставаться нейтральными в «холодной войне». Для Даллеса можно было быть только «за» или «против» в борьбе с Советским Союзом. Однако ему не удалось убедить президента использовать военные силы для достижения его целей.

Для Эйзенхауэра первым пунктом плана действий было выполнение предвыборных обещаний поехать в Корею. После консультаций с полевыми генералами, которых он всех знал лично, он пришел к выводу, что переговорам о перемирии по 38-й параллели мешает главным образом наличие двух руководителей в стране — в Северной и Южной Корее. Оба они желали продолжать войну до тех пор, пока страна не окажется под

властью одного из них. Но в марте 1953 года, со смертью Сталина, ситуация драматическим образом изменилась. Члены Политбюро вступили во внутренние схватки между собой, решая, кто станет наследником Сталина. Решение вторгнуться в Южную Корею было принято в свое время Сталиным. А теперь не было особых резонов поддерживать эту войну. Ким Ил Сунг, лидер Северной Кореи, получил из Кремля инструкцию вступить в переговоры для окончания вражды и достижения перемирия. Мао Цзэдун, лидер коммунистического Китая, получил такое же уведомление. И поздней весной того же года оказалось, что переговоры состоялись и достигли успеха. Обе Кореи возвращались к предвоенному статусу, разделению по 38-й параллели, как и было указано в первоначальном мандате ООН. Между Кореями устанавливается демилитаризованная зона, и будет произведен крайне важный для обеих сторон обмен военнопленными. Именно тогда Сингман Ри, президент Южной Кореи, все еще жаждущий продолжения войны до полного объединения двух Корей, принял самовольное решение освободить 25 тысяч северокорейских и китайских узников его тюрем, которые не выказывали, однако, ни малейшего желания вернуться на родину. Американское командование было в ярости. Да, бои прекратились, но не могло быть речи об освобождении военнопленных на Севере, пока не вернут военнопленных с Юга. Но все-таки к июлю обмен пленными наконец состоялся, и окончательные документы были подписаны.

Эйзенхауэр обращал особое внимание на внешнюю политику, во всяком случае в первые два года его правления, и возникло много возможностей для приложения его сил на этом поле. С разрешением конфликта в Корее оставался лишь один предмет, требующий особого внимания президента, — это Иран. Провал попыток хваленой британской разведки МИ-6 опрокинуть режим Мохаммеда Мосаддыка путем покушения на него привел к закрытию посольства Британии из Ирана. За этой топорной работой разведки последовала еще одна акция, организованная на сей раз шахом, однако она также провалилась. С приходом к власти Черчилля и Консервативной партии Британия снова стала искать друзей за океаном и обратилась за помощью к Вашингтону. В переговорах с Даллесом Иден делал упор на тот факт, что Народный фронт Мосаддыка имеет под-

держку от Туде, Иранской коммунистической партии. Даллес охотно воспринял тезис Идена о том, что за национализмом Мосаддыка стоят коммунисты. А тот факт, что Мосаддык заставил Советский Союз освободить североиранские нефтяные поля в 1946 году, вообще не принимался во внимание. Но госсекретарь (Даллес) был убежден, что Мосаддыку верить нельзя, поскольку он отстаивал право Ирана оставаться нейтральным в «холодной войне». Даллес посоветовал президенту выдать соответствующие полномочия ЦРУ, чтобы оно могло свергнуть режим Мосаддыка.

Был еще один важный фактор. С того времени, как правительство Мосаддыка национализировало Англо-иранскую нефтяную компанию и отказалось выплачивать компенсацию по решениям, принятым Международным судом в Гааге, было введено эмбарго на поставки нефти из Ирана. В результате самая крупная нефтеочистительная система в мире, которая некогда обеспечивала до 43 процентов потребления топлива в Европе, ныне находилась в простое. В 1951 году экономика стран Западной Европы все еще находилась в процессе восстановления после времен военной разрухи. К 1953 году экономика Западной Европы встала на ноги, и возник значительный спрос на очищенные продукты нефтеперегонки. Даллес, в прошлом старший партнер по бизнесу Салливана и Кромеля, знал многих высших менеджеров этих ведущих нефтяных компаний США. Это определенно добавляло энтузиазма в его стремление лишить Мосаддыка власти. Хотя его брат, Аллен Даллес, был директором ЦРУ, никаких акций нельзя было предпринимать без того, чтобы президент дал свою санкцию. Любая попытка ЦРУ свергнуть правительство суверенной страны требовала подписи президента. Когда конгресс учредил ЦРУ в 1947 году, это было единственным условием, способным обеспечить подконтрольность деятельности ЦРУ.

В то время как ЦРУ разрабатывало свои планы по устранению Мосаддыка, экономическая ситуация в Иране продолжала ухудшаться. Двухлетние потери от сократившегося нефтяного экспорта создали тяжкое давление на госбюджет. Иранские клерикалы, муллы, зависящие от государственных субсидий, заволновались. Вместе с другими фракциями Народного фронта они стали выступать за переговоры с Англо-иранской компанией по поводу ее последнего предложения — делить доходы от нефти

пополам. Они не понимали, что условия вовсе не так просты. Англо-иранская компания настаивала на возмещении своих потерь от двух лет запрещения продажи нефти, а также доходов от простаивавшей нефтеперерабатывающей промышленности. В этот момент, когда планы ЦРУ не были доработаны до конца и еще не представлены президенту для одобрения, генерал Фазлолла Захе́ди пришел в американское посольство в Тегеране и запросил о встрече с послом. Захе́ди сообщил послу, что военные под его руководством уже готовы совершить переворот и свергнуть Мосаддыка, при условии, что правительство США поддержит генерала. Когда посол передал эту информацию в Госдепартамент, там увидели в Захе́ди недостающее звено успешного переворота. ЦРУ решило поставить на Захе́ди взамен Мосаддыка. К июлю 1953 года план был разработан и одобрен Эйзенхауэром и Черчиллем.

План состоял из четырех стадий. Во-первых, на 1 миллион долларов должна была проводиться массивная пропаганда с двойной целью: подорвать популярность Мосаддыка и страшить угрозой коммунистического переворота в правительстве. Во-вторых, шах должен был отправить в отставку Мосаддыка с поста премьер-министра. Следующим шагом были организованные и проплаченные уличные беспорядки. Наконец, шах назначает Захе́ди премьер-министром. На бумаге этот план выглядел безупречным, так сказать, «фул пруф» («дуракозащищенный»). Однако ЦРУ недооценило Мосаддыка. Как министр обороны, он сместил офицеров, которые были верны шаху, и заменил их своими людьми. В результате всплыли обстоятельства заговора. Поскольку по конституции премьер-министр не мог занять свою должность без полного одобрения меджлиса (парламента), Мосаддык организовал референдум, где голосующие должны были выбирать между роспуском меджлиса и отставкой кабинета министров. Результаты голосования показали преобладающую поддержку кабинета Мосаддыка. Как только результаты референдума вступили в законную силу, Мосаддык распустил меджлис.

Поскольку первые три ступени «дуракозащищенного» плана ЦРУ уже были отстрелены, оставалось только попробовать четвертую — чтобы шах назначил Захе́ди премьер-министром. Шах сделал это. Но хитроумный замысел Мосаддыка сработал.

Без одобрения уже распущенного меджлиса премьер-министр не мог быть утвержден в своей должности. Несмотря на повторяющиеся срывы плана, один полковник Национальной гвардии попытался предъявить Мосаддыку декрет от шаха, который освобождал его от поста. Но так как планы заговорщиков в армейских кругах уже стали известны, полковник был арестован, а большинство офицеров остались верны Мосаддыку. На следующий день улицы Тегерана наводнила беснующаяся толпа. Опасаясь за жизнь свою и своей семьи, шах спешно вылетел в Багдад, а затем оттуда — в Рим. Офицеры, вовлеченные в заговор, были арестованы, но не Захеда, который успел бежать из столицы. И именно в этот момент, когда власть в стране была прочна как никогда, Мосаддык совершает крупный промах. Вместо того чтобы послать верные ему части для поисков и ареста Захеда, он приказал им вернуться в казармы. Только Захеда мог спасти любительский план, состряпанный в ЦРУ. Он выждал четыре дня, пока не убедился, что верные Мосаддыку части вернулись в казармы и находятся вне непосредственной досягаемости до столицы. Тогда, вместе с несколькими верными офицерами и армейскими частями, все еще лояльными ему, он окружил дом Мосаддыка и попытался арестовать его. Через тайный ход в своем жилище Мосаддык сумел ускользнуть. Когда население Тегерана узнало, что дом Мосаддыка в осаде, оно высыпало на улицы в стремлении спасти своего лидера. Захеда отдал приказ стрелять по толпе шквально. За короткий промежуток времени погибло 300 гражданских лиц и сотни были ранены. Видя, что без наличия верных ему подразделений будет продолжаться бесконтрольное уничтожение мирных жителей, Мосаддык решил сдаться на милость Захеда.

Захеда, опасаясь того, что гражданский суд оправдает и освобождает Мосаддыка, решил предать его военному трибуналу. Хотя премьер-министр выступал собственным адвокатом, приговор военного суда был вполне предсказуем. Мосаддык был признан виновным и приговорен к трем годам заключения в одиночной камере. По окончании этого срока он был помещен под домашний арест в своем деревенском поместье.

С 5 миллионами долларов кредитов, полученных от правительства США, Захеда смог сформировать переходное правительство. Поскольку улицы Тегерана жестко патрулировались,

шах вернулся из своего краткого изгнания. Поскольку сенаторы при правлении Мосаддыка предпочли уйти в отставку, нежели чем сократить срок своих полномочий с шести до двух лет, шах не видел причин восстанавливать этот институт власти. То же самое относилось и к меджлису, который Мосаддык распустил после референдума. С этого момента шах правил без прежних ограничений, которые предусматривала конституция. В конечном счете он установил абсолютную монархию, безопасность которой обеспечивала секретная полиция. Он также осознавал свои обязательства перед Соединенными Штатами, которые помогли ему сохранить трон. Он ответил на это тем, что прекратил монополию Англо-иранской нефтяной компании и передал половину квот иранской нефти американским компаниям. Иран стал единственной мусульманской страной на Ближнем Востоке, установившей нормальные коммерческие отношения с Израилем. Он поддерживал политику США в бурлящие 1970-е годы и использовал огромные прибыли от продажи нефти в рамках организации ОПЕК для закупки вооружений в США. Его секретная полиция, САВАК, внедряла своих агентов в Иранскую коммунистическую партию, частично устранила ее лидеров, а других вынудила уйти в подполье. Его усилия по «вестернизации» страны нашли свое отражение и в отторжении от власти мулл. Выступления студенчества в пользу восстановления конституции и возвращения меджлиса были шахом запрещены. Крах его режима в 1979 году будет обсуждаться ниже, в других главах.

В 1953 году, однако, колониализм в той или иной форме процветал; или так только казалось европейским колонизаторам? Для Британии, Франции, Голландии, Бельгии их колониальные владения остались последним призраком бывшего политического и экономического могущества. Будучи лишены всех этих владений, европейские страны вынуждены были бы полагаться лишь на свои ограниченные ресурсы для подъема экономики. До начала «холодной войны» Соединенные Штаты выступали против колониализма, поскольку он закрывал рынки для американского бизнеса. Однако с приходом «холодной войны» и угрозы коммунистической инфильтрации, а также с появлением новых стран на карте мира администрация Эйзенхауэра и Даллес подвергли пересмотру политику США. Страны, только что ос-

вободившиеся от европейского колониального господства, легко могли склониться в сторону коммунистического лагеря. А успех государственного социализма и успех Советского Союза был для них весьма привлекателен. Ныне, после окончания войны и распада прежнего альянса, Коминформ заменил собой предвоенный Коминтерн. Название поменялось, но суть осталась прежней — свергать существующие правительства и утверждать режимы, которые станут действовать по указке Москвы. Американское вмешательство в Иране было продиктовано стремлением не допустить такого ужаса.

В начале 1954 года угроза захвата власти коммунистами распространилась от Юго-Восточной Азии до Египта и Центральной Америки. В феврале того же года французское правительство обратилось к Эйзенхауэру с запросом об американском военном вмешательстве во Вьетнаме, чтобы предотвратить захват этой страны (бывшей тогда французской колонией. — *Прим. пер.*) коммунистическим режимом. Франция не первый раз обращалась за помощью для борьбы с коммунистическими повстанцами. Во время войны в Корее, где французские подразделения участвовали наряду с другими частями группы войск ООН под общим командованием армии США, американские транспортные самолеты совершали челночные рейсы для подвоза припасов французским силам во Вьетнаме. Сейчас запрос Франции включал и непосредственную интервенцию Америки с боевыми частями. Французская армия оказалась запертой в ущелье Дьен-бьен-фу, и ей оставалось либо погибнуть, либо сдаться в ужасный плен. Даллес считал, что в интересах Америки не допустить превращения Вьетнама в коммунистическую страну.

И тогда впервые возник термин «теория домино». Даллес хотел, чтобы объединенные американско-английские войска пришли на помощь запертой в ловушке французской армии генерала Анри Наварра. Но британцы отказались принимать участие в операции. Британцы объясняли различие между их собственной успешной кампанией против коммунистических повстанцев в Малайе и ситуацией во Вьетнаме — а именно, что у Малайи отсутствовала общая граница с Китаем. Без доступа к источнику пополнения боеприпасов коммунистические повстанцы в Малайе были в конце концов побеждены в ходе войны на истощение.

Такой же была ситуация и во Вьетнаме, но лишь до той поры, пока китайские коммунисты не вышвырнули из страны националистов с Юга.

Годом раньше Эйзенхауэр послал во Вьетнам американских военных советников, чтобы оценить возможности французских войск в этой стране. Советники отзывались весьма негативно. Как позже сами американцы поймут к полному своему ужасу, использование авиации для уничтожения противника было бессмысленным в условиях войны в джунглях. Так и французский генерал Наварр завел свою армию в ловушку у Дьен-бьен-фу. Хотя французская авиация господствовала в небе, современные артиллерийские орудия генерала Во Нгуен Гиапа, спрятанные в джунглях и постоянно передвигающиеся с одной точки на другую, могли беспрерывно сыпать бесчисленными снарядами. В мае 1954 года, не видя близкой помощи от США и с увеличивающимися день ото дня французскими потерями, генерал Наварр был вынужден пойти на безоговорочную капитуляцию генералу Гиапу. Известие о сдаче Наварра потрясли французское общество, как мощная приливная волна. Ровно четырнадцать лет назад, практически в тот же день, французская армия безоговорочно капитулировала перед натиском германской армии. Но тогда Франции противостояла самая мощная армия в мире. А теперь французы потерпели поражение от сборища полуголых и полуграмотных крестьян!

Вскоре после того в Женеве состоялась мирная конференция. Хотя условия мира обговаривались между двумя сторонами — Вьетминем, коммунистическим правительством Северного Вьетнама и Республикой Францией, — присутствовали также наблюдатели от заинтересованных сторон: США, Великобритании, СССР и Китая. По условиям договора Франция должна была эвакуировать весь свой военный и гражданский персонал из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Вьетнам должен был быть разделен на две части, причем Вьетминь, признаваемый как официальное правительство страны, управлял на территориях севернее 17-й параллели и до границы с Китаем. Временно территории южнее 17-й параллели возвращались под власть прежнего императора Вьетнама, Бао Даи. В следующие два года в южной части Вьетнама должен был пройти референдум, который позволил бы населению сделать свой выбор: присоеди-

ниться к Северному Вьетнаму и образовать единую страну или оставаться независимым государством. Свободное передвижение населения через 17-ю параллель с севера на юг и с юга на север обеспечивалось в течение следующих шести месяцев. Из всех участников, представленных на конференции, только США отказались поставить свою подпись под мирным договором. Даллес, представлявший Соединенные Штаты, был в такой ярости, что, когда другой делегат предложил познакомить его с Чжоу Эньлаем, представлявшим Китай, он демонстративно повернулся к тому спиной. Что же до Франции, то потеря Вьетнама стала лишь началом конца ее колониальной империи.

Даллесу сопутствовал большой успех, когда дело дошло до Гватемалы.

Доктрина Монро¹, предназначенная в свое время пресечь попытки Британии и Франции воспользоваться слабостью правительств в новых государствах Центральной и Южной Америки с постоянными сменами правящих клик, и развязывала руки США для действий в Западном полушарии.

¹ Что такое доктрина Монро? Случилось так, что 2 декабря 1823 года в ежегодном послании конгрессу президент США Джеймс Монро провозгласил Декларацию принципов внешней политики США, названную впоследствии доктриной Монро. «В послании отмечалось, что любая попытка европейских держав вмешаться в дела своих бывших колоний в Западном полушарии будет расцениваться как нарушение жизненных интересов США. Европейские державы призывались воздерживаться от создания новых колоний на Американском континенте. США брали на себя обязательство не вмешиваться в европейские дела. Доктрина доминировала во внешней политике США в течение столетия и фактически означала включение Латинской Америки в сферу жизненных интересов США. Ни одна из держав не бросала открытого вызова положениям этой доктрины, но споры о ее законности продолжаются до сих пор; сами США вмешивались в европейские дела и участвовали в мировых войнах» (англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа», 1991). Начав свое существование с тотального уничтожения коренного индейского населения, в 1836 году Америка добилась отторжения от Мексики Техаса, а в 1846–1848 годах оккупировала почти половину территории Мексики: в 1846 году был захвачен (формально выкуплен за ничтожную сумму) Орегон — огромная территория, заселенная индейскими племенами, которые вскоре были практически полностью уничтожены. Далее последовали Калифорния и Колорадо... — *Прим. пер.*

Хотя Америка изображала из себя «старшего брата» для маленьких и менее развитых стран, сами латиноамериканцы видели в Соединенных Штатах только империалистов янки. Особенно это отношение было ярко выражено в странах Центральной Америки, где бостонская торговая компания United Fruit Company (далее — «Юнайтед фрут компани») доминировала в национальных экономиках за счет выкупа огромных территорий, тем самым становясь главным работодателем во многих из этих стран, что и дало им насмешливое наименование «банановых республик». К концу XIX века и на протяжении всего XX века влияние этой компании становилось все более ощутимой. Правительства сменяли друг друга — то республиканские, то диктаторские, — но до тех пор, пока интересы американского бизнеса не были затронуты этими переменами, Вашингтон не выказывал особого любопытства в отношении внутреннего устройства этих стран. В 1931 году Хорхе Убичо был избран президентом Гватемалы, с обычным обещанием реформировать правительство. На старте правления он выполнил свои обещания. Он развил строительство дорог и усилил дисциплину по сбору налогов, вследствие чего госбюджет год от года оставался бездефицитным. Однако в то же время не строились школы; высшее образование практически исчезло; зарплата преподавателей приближалась к прожиточному минимуму. Его соображения сводились к тому, что излишнее образование плодит бунтовщиков и грозит нарушить статус-кво. Ничего не было также сделано для обширной популяции индейцев. Он был уверен, что за счет своей секретной полиции он сохраняет полный контроль за страной, однако в 1944 году рабочий класс, возмущенный растущей инфляцией, призвал к всеобщей забастовке. Все в стране встало. Опасаясь за свою жизнь, Убичо подписал свое отречение от должности и смылся из страны вместе с накопленными за долгие годы богатствами.

Вакуум власти быстро был заполнен генералом Федерико Понсе Вайдесом и его сподвижниками в армии. Его правление было недолгим. Продолжающаяся инфляция в экономике Гватемалы привела к возникновению трудовых профсоюзов. Всеобщая забастовка, дирижируемая профсоюзами, стала началом образования различных политических партий, в том числе

Коммунистической, каждая из которых имела свою собственную программу. В результате 30 октября 1944 года промежуточное правительство Вайдеса было свергнуто военной хунтой из молодых офицеров. При участии недавно образованных партий был создан проект новой конституции, которая предусматривала выборный представительный орган и прямые выборы президента народом. В результате избирательной кампании президентом был избран Хосе Хуан Алеваро с его программой перестройки гватемальского общества. Теперь приоритетом стало образование. Была реформирована система социального обеспечения, сделаны первые шаги в направлении земельной реформы. Но больше всего благ получил рабочий класс, который выступал главным сторонником Алеваро на выборах. Был введен в действие новый закон о труде, а к иностранным компаниям предъявили очень жесткие требования по повышению зарплат и премий. Стремление Алеваро улучшить жизнь рабочих позволило и Коммунистической партии появиться теперь в открытую. Именно эта партия стояла в главе организации всеобщей забастовки, которая позволила свергнуть режим Убичо и создать реформистские партии. Высокодисциплинированная, эта партия вскоре обрела контроль над простыми рабочими. Алеваро, который был антикоммунистом, отказал им в участии в правительстве.

В 1951 году, по окончании своего единственного шестилетнего срока правления, Алеваро ушел, и состоялись новые выборы. Кандидатом от народной партии, где основную роль играли рабочие, стал Яакобо Арбенс Гусман, сын швейцарского аптекаря, который иммигрировал в Гватемалу. Гусман учился в Национальной военной академии и был среди тех младотурок, которые свергли временное правительство Вайдеса. Гусмана в правительстве Алеваро назначили военным министром. Его оппонентом, представлявшим более консервативные круги гватемальского общества, был генерал Мигель Фуэнтес. При поддержке коммунистического рабочего движения Гусман был избран с огромным перевесом. Основное внимание правительство Гусмана сосредоточило не на вопросах труда или образовательной системе, а на судьбе лишенных земель, обездоленных индейцев, которые веками подвергались притеснениям. Как и в других республиках Центральной Америки, в Гватемале

основная часть земли принадлежала узкому кружку богатых гватемальцев, иностранным спекулянтам или вездесущей компании «Юнайтед фрут». Большая доля пригодных для земледелия территорий, принадлежащих этим трем группам владельцев, оставалась без всякого использования. Когда в свое время эта земля была скуплена, она обошлась инвесторам по совершенно ничтожной цене. Гусман полагал, что путем экспроприации части этих неиспользуемых земель он сможет решить проблемы индейцев, передав им эту землю для обработки. Для проведения такого радикального шага необходимо было провести закон через Национальную ассамблею. Гусман вывел корабль своей администрации в опасные воды. Его земельной реформе сопротивлялся бы не только местный гватемальский истеблишмент, но и всемогущая «Юнайтед фрут компани».

Для проведения закона через Национальную ассамблею требовалась поддержка всего левого крыла представителей от рабочих движений. Поскольку они не особенно интересовались бедами индейцев, нужно было применить правило *quid pro quo* (древнеримское выражение «кому — сколько», означающее необходимую степень уступок или размер взятки. — *Прим. пер.*) для получения необходимой поддержки. Гусман удовлетворил их требования по поводу различных постов в министерствах. Со стороны это выглядело так, будто он пытается создать первое коммунистическое правительство в Новом Свете. Лоббисты от «Юнайтед фрут компани» быстро привлекли внимание Госдепартамента и госсекретаря США к вопросу об экспроприации земель, принадлежащих американцам. Снова было принято решение использовать ЦРУ для ликвидации режима Гусмана. Прошли те времена, когда можно было попросту послать морских пехотинцев, игнорируя мнения остальных латиноамериканских стран. Даллес использовал Интер-Американскую конференцию в Каракасе в марте 1954 года, чтобы предъявить позицию США. Учитывая то обстоятельство, что многие страны появились на конференции в надежде получить американскую помощь, было несложно провести и принять резолюцию, осуждающую правительство Гватемалы как коммунистический режим. Было только два воздержавшихся участника — Аргентина и Мексика. Имея такой документ, Эйзенхауэр мог отдать приказ ЦРУ совершить переворот и свергнуть правительство Гусмана.

Гусман не собирался сдаваться. Он ссылался на Хартию ООН, которая призывала к невмешательству в дела суверенных стран. Когда его петиция попала на стол Совета Безопасности ООН, Даллес был ошеломлен тем, что союзники Америки — Британия и Франция — поддержали позицию Гусмана. Хотя США все еще собирались применить свое право вето, но сама мысль о том, что Франция и Британия могут занять позицию, отличную от американской, была невыносимой. Посол США при ООН, Генри Кэбот Лодж, получил инструкции попытаться изменить мнение европейских партнеров на противоположное. В конечном счете партнерам были сделаны точные и ясные намеки, и они сменили свое мнение, приняв линию старшего партнера.

Одновременно планы ЦРУ по устранению режима Гусмана уже ждали подписи президента Эйзенхауэра. Как и в Иране, операция должна была начаться с пропагандистской кампании, а затем уличных беспорядков, направленных против коммунистического режима Гусмана. Для замены Гусмана ЦРУ подыскало полковника гватемальской армии, Карлоса Кастильо Армаса. Получив финансирование от ЦРУ, Армас запланировал вторжение в Гватемалу со стороны соседнего Гондураса. Одновременно агенты, нанятые ЦРУ, передавали щедрые преподношения офицерам гватемальской армии. Гусман рассчитывал на верность этих офицеров, которые были обязаны ему своими погонами и должностями в бытность его военным министром. До самого конца он был уверен, что армия легко справится с Армасом. Но когда наемники Армаса вошли на территорию Гватемалы, ключевые офицеры, на которых полагался Гусман, сообщили ему, что теперь самое время оставить свой пост и уезжать из страны. Тут наконец Гусман осознал всю силу этого чудовища янки с севера. В очередной раз ЦРУ таскало каштаны из огня чужими руками за минимальную цену и без видимого вмешательства Америки в дела суверенного государства. Эйзенхауэр проникался верой в непобедимость ЦРУ и безошибочность его действий.

Третья операция Даллеса по сдерживанию распространения коммунизма в странах третьего мира пришлась на Египет и имела обратный результат. В результате его действий Советскому Союзу удалось проникнуть в мусульманскую страну на стратегически важном Ближнем Востоке. Современная история Египта началась с восхождением к власти полковника Гамалья Абделя Насера.

По окончании арабо-израильских войн 1948—1949 годов, завершившихся тяжкими поражениями многочисленной египетской армии от значительно меньшей по численности армии Израиля, группа офицеров образовала Ассоциацию свободных офицеров. Их первоначальной целью было разобраться в причинах неудач на полях сражений. Большинство предъявляли претензии по поводу низкого качества и неработоспособности вооружений, поставляемых министерством обороны. От этих дискуссий постепенно перешли к обсуждению египетского правительства, коррупции, которая поразила все части общества, начиная от правителя, короля Фарука, и Вафда, египетского парламента. Как часто бывает в случаях подготовки заговоров, один из офицеров оказался предателем и сообщил королю Фаруку, не называя, впрочем, имен. Он сместил министра обороны и назначил на его место своего сводного брата. Тот получил приказ выявить замешанных в заговоре офицеров и сокрушить смуту прежде, чем она разрастется. Насер, точно поняв смысл этой перестановки в правительстве, убедил своих товарищей по заговору, что настало время действовать, сейчас или никогда. И вот 23 июля 1952 года заговорщики вошли в апартаменты Фарука и объявили о его задержании и о том, что его место займет его сын-инфант, при их регентстве. Фарук со своим окружением был отправлен в изгнание.

Насер был достаточно проницателен и понимал, что ранг полковника обладает недостаточным престижем для главы правительства. Он заручился поддержкой генерала Мохаммеда Нагиба и поднял его до уровня лидера Революционного совета. Египетскому истеблишменту не потребовалось много времени, чтобы сообразить, что Насер готовит свержение законного правительства Египта. Первым шагом стало продвижение Нагиба на пост премьер-министра. Тут же последовал декрет о реформе земельного права. Большие землевладения должны были быть раздроблены, а хозяевам выплачена компенсация за утраченную собственность. Владения королевской фамилии были конфискованы в пользу государства. Все конфискованные земли предлагалось распределить между безземельным сельским населением по стандартной мерке в 100 акров (это около 40 соток. — *Прим. пер.*). Через три месяца конституция 1922 года была отменена. Еще спустя месяц все политические партии бы-

ли распущены, а их имущество конфисковано в пользу нового правительства. Взамен их появилась единственная партия, «Поход за свободу», с Насером во главе.

Теперь стало ясно, что Насер и его приближенные офицеры вознамерились изменить сами основы египетского общества. Но у революции была цель и помасштабнее. Прежде всего в повестке дня стояло освобождение Египта от британского присутствия и овладение контролем за Суэцким каналом. Вдобавок предполагалось, что Судан будет возвращен Египту. К февралю 1953 года Насер добился соглашения с британскими представителями в Египте, и те после консультаций получили одобрение из Лондона. Судан получал право создать свое традиционалистское правительство, а через три года страна могла решить, оставаться ли ей полностью независимой или снова стать (федеративной) частью Египта. Британия согласилась также вывести свои войска из зоны Суэцкого канала к 1955 году.

К июню 1953 года, меньше чем через год после смещения короля Фарука, Революционный совет объявил о создании новой республики. Нагиб получал двойные функции президента и премьер-министра. Насер становился его заместителем, а также министром внутренних дел. После роспуска политических партий, лидеры которых страшились теперь суда за коррупцию, единственной организацией с большим числом последователей было «Братство мусульман». «Братство» было основано в Египте в 1923 году учителем начальной школы, который заклинал вернуться к фундаментальным догматам мусульманской веры. На ранних стадиях становления «Братство» было аполитичным, но когда его влияние распространилось на Палестину, все изменилось. Из-за его непримиримой оппозиции созданию сионистского государства количество членов резко возросло не только в Палестине, но и в Египте. Основным тезисом этого движения стало превращение религии в доминирующую силу общества.

Поскольку другие политические партии полностью себя дискредитировали, а их лидеры попали в тюрьму, «Братство» расценило это как подходящий момент для захвата власти и учреждения религиозного (теократического) государства. Более того, некоторые руководители Революционного совета разделяли эту философию. Насер считал эту организацию контрреволюционной и, как министр внутренних дел, запретил ее. Те члены

Совета, которые поддерживали «Братство» и были близки к Нагибу, расценили такой шаг Насера как подготовку к личной диктаторской власти. К апрелю 1954 года Насер сплотил вокруг себя тех офицеров, которые предпочитали видеть в будущем гражданское светское общество, и был готов бросить вызов сторонникам «Братства». В поисках противовеса Насеру «Братство» стало заискивать перед Нагибом. Был достигнут временный компромисс: Нагиб оставался президентом, а Насер поднимался до позиции премьер-министра. В октябре это перемирие было нарушено, когда один из членов «Братства» совершил неудачное покушение на Насера. Этот инцидент дал Насеру и его сторонникам козырь, которого они ожидали. В ноябре Нагиб был помещен под домашний арест; лидеры «Братства» убиты; около 18 тысяч известных членов «Братства» арестованы и брошены в тюрьмы. Теперь у Насера была власть над Египтом. Менее чем за два года простой полковник стал лидером крупнейшей арабской страны. Как и в случае с Мосаддыком в 1951 году, журнал Time назвал теперь Насера Человеком года. У издателя были все резоны для такого выбора. За кратчайший период времени он очистил египетское общество от многослойной коррупции, которая нарастала с самого момента принятия конституции 1922 года. Он улучшил положение крестьян, передав им огромные территории бывших поместий богатых семей. Но он совершил также и ошибки. Его первоначальный антисионизм перерос в антисемитизм. Он вынудил покинуть страну значительное количество евреев, которые контролировали большие сегменты рынка и играли немалую роль в промышленном развитии Египта. Их прочные связи с другими еврейскими сообществами по всему миру ничем невозможно было заменить. Но самой главной оплошностью Насера было принятие нежданно-негаданно свалившейся помощи и поддержки от Соединенных Штатов. Теперь, когда он консолидировал власть в своих руках, его главной задачей было раздобыть финансы для строительства высотной Асуанской плотины. Хотя небольшая дамба была уже построена британцами в 1902 году, она способна была контролировать только самые низовья Нила для предупреждения ежегодных наводнений в период разлива реки. Но гораздо большую важность для египетской экономики представлял контроль над верховьями Нила, где ежегодные разливы подкашивали сельское хозяйство страны. Планы

строительства такой плотины были подготовлены уже много лет назад, однако Фарук и Националистическая партия не сделали ровно ничего для воплощения этого проекта в жизнь.

Насер обратился к Соединенным Штатам за кредитом для запуска строительства плотины. Как глава Госдепартамента, Даллес лично одобрил выдачу кредита. Он расценивал такой кредит как первый шаг в налаживании отношений с арабским миром, что помогло бы уравновесить быстрое признание Америкой Государства Израиль. На первую стадию строительства было выделено 274 миллиона долларов. После окончания работ высотная плотина в Асуане создавала резервуар в 133 миллиона куб. футов воды (примерно 4 миллиона куб. тонн), в сравнении со всего 4 миллионами куб. футов у старой плотины в нижнем течении. Плотина не только производила бы колоссальное количество электроэнергии, но и решила бы мучительную проблему египтян еще с незапамятных времен — ежегодный разлив Нила. Когда новости о получении кредита на плотину стали известны, популярность Насера в широких слоях населения была обеспечена. За короткое время правления он сумел обратить внимание на самые насущные нужды народы. Он укрепил свою репутацию в арабском мире, вынудив Британию вывести войска из зоны Суэцкого канала и отказавшись от притязаний на Судан. Насер стал важной политической фигурой на мировой сцене. Он приобрел уважение и у тех стран Юго-Восточной Азии, которые недавно получили независимость от Британии и Нидерландов. В 1955 году в Бандунге (Индонезия) прошла конференция по антиколониализму, нацеленная главным образом на владения Франции в Северной Африке. Спонсорами конференции стали пять стран, недавно добившиеся независимости от Британии и Нидерландов: Индия, Пакистан, Бирма, Цейлон и Индонезия. Приглашения были разосланы в 24 других страны, включая Насера в Египте и Тито в Югославии, который больше не ходил нога в ногу с внешней политикой Москвы. Важным пунктом был вопрос о трениях между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой по поводу принадлежности маленьких островов Хемой и Мацу. Были также немалые опасения насчет того, какую роль захочет играть Китай в своем регионе. Особо важным докладчиком на конференции стал Чжоу Эньлай, второй человек в руководстве Китая после Мао Цзэдуна.

В заключение был принят документ, где осуждался колониализм во всем мире, однако там не упоминались Советский Союз и Восточная Европа. Насер был одним из поставивших подпись под документом. Вдобавок в документе отмечалось, что социализм представляет собой наиболее жизнеспособную экономическую систему и что большинство стран—участниц конференции принимают эту концепцию для своих экономик.

Когда Даллес узнал о повестке конференции в Бандунге и ее результатах, он осознал, что Соединенные Штаты субсидируют режим, враждебный интересам Америки. Госдепартамент уведомил Насера, что Соединенные Штаты отзывают свое обещание кредита. Насер не мог понять, что все страны мира, хотя бы они того или нет, становятся участниками «холодной войны». Он излил свой гнев тем, что отменил остаток времени до завершения 99-летней аренды британцами Суэцкого канала. Он аргументировал эту акцию тем, что финансы на содержание британцев теперь необходимы для строительства Асуанской плотины. Чувствуя, что Египет теперь отрезан от Запада, Насер решил переориентировать страну на Советский Союз. Земельное законодательство было переделано еще раз, и теперь вводились ограничения на размер участка земли, которым может владеть один человек. Он пообещал крестьянам, что их доходы возрастут вдвое за следующие пять лет. Следуя примеру Советского Союза, он учредил первый египетский пятилетний план, направленный на дальнейшую индустриализацию страны. Для укрепления контроля за народом пресса теперь попала под контроль государства. Была образована секретная полиция, чтобы бороться с возможной оппозицией формирующемуся режиму. Согласовав свою политику с линией Советского Союза, Насер получил поток вооружений и кредитов. Позже Советский Союз предоставит и субсидии на строительство Асуанской плотины. Решение Даллеса обернулось против него. Своим нечутким и негибким отношением к мировым проблемам он сам распахнул двери в Египет и на Ближний Восток перед Советским Союзом. Недолго думая, он с кондачка изменил весь баланс сил в этом регионе мира. Советское влияние вскоре распространилось на Сирию и Ирак. Даллес не желал понять, что в постколониальном мире, где бывшие владения западноевропейских государств решили стать хозяевами своей судьбы, США не могут

больше оставаться единственным арбитром. Да, «холодная война» шла «на нейтральной передаче», но Советский Союз искал альтернативы диктату США. Более того, для большей части населения мира социализм представлялся наилучшим путем к достижению экономической независимости.

Восьмилетнее президентство Эйзенхауэра обсуждалось многими историками с весьма скептических позиций. Они указывают на его безразличие к законодательству о гражданских правах как на страшный грех его администрации. Но они не сумели должным образом учесть, что именно он мог совершить и что намеревался совершить. Президента можно судить по его поступкам, пока он в Белом доме; серьезные обвинения выдвигались против него уже после, из-за того что он не уделял внимания проблеме гражданских прав для негров. Но он понимал, что Югу Америки нужно время, чтобы приспособиться к решению Верховного суда, запрещающему раздельные, пусть даже равные возможности. И ведь его нельзя считать расистом. Чтобы понять его отношение к страданиям негров, следует принять во внимание другой фактор. Эйзенхауэр видел свою роль президента иначе, чем его предшественники и наследники. Он был близок обеим партиям и больше заслуживал названия демократа, чем республиканца. За исключением Джорджа Вашингтона, в американской истории нет другого подобного примера. Война в Корее, случившаяся всего через пять лет после крупнейшей войны в истории, очень непросто воспринималась народом, не только потому, что между двумя войнами прошло слишком уж мало времени, но прежде всего из-за того, что это была первая война, где американцы не стали победителями. Со своим большим перевесом в симпатиях у избирателей, Эйзенхауэр полагал, что это дает ему карт-бланш управлять страной так, как он посчитает лучшим. В свое время Франклин Делано Рузвельт решил точно так же после ошеломляющей победы при выборах на второй срок. Разница, однако, состояла в том, что Рузвельт всю сознательную жизнь был активным демократом, тогда как Эйзенхауэр всегда был аполитичным военным.

Главными заботами Эйзенхауэра на посту президента стали четыре предмета: поддерживать американское военное превосходство над Советским Союзом, что отвратит СССР от возможной агрессии; сдерживать распространение коммунизма

в любой части мира; выработать некий *modus vivendi*, способ сожительства с новым советским руководством; и, наконец, как следствие, приостановка гонки вооружений, сокращение военных расходов и приведение бюджета к балансу. Если бы он добился решения этих четырех задач, то выполнил бы свою миссию как президент. Все другие темы, как расовые конфликты и причуды сенатора Маккарти, могли лишь на короткое время отвлечь его от долговременных целей. И если рассуждать с этой точки зрения, он подошел очень близко к решению своих задач. Однако ему не удалось достичь соглашения с Советским Союзом о запрете испытаний атомного оружия, в результате неудачного пролета самолета-разведчика U-2, и он не сумел ограничить правительство в расходах на оборону. В течение всего его пребывания у руля страны, да и в прощальной речи, он постоянно подчеркивал опасность растущей силы военно-промышленного комплекса, который он считал главным пожирателем возрастающих расходов правительства.

По этому вопросу его взгляды не отличались от таковых у сенатора Роберта Тафта. Ни тот ни другой не сумели понять, что дефицит госбюджета субсидирует американскую экономику начиная с 1931 года, за два года до президентства Рузвельта и за три года до того, как он смог утвердить свой собственный бюджет. Многие республиканцы и демократы наивно верили, что снова вернутся счастливые деньки старых добрых 1920-х годов, раз уж война закончена, однако реальность состояла в том, что капитализм вошел в новую стадию своего развития, которая требовала бюджетного дефицита. Члены конгресса от округов и штатов, где население получило немалые барыши от этих скрытых субсидий, могли благосклонно и лицемерно улыбаться при разговорах о сбалансированном бюджете и в то же время сами ожидали выигрышей от желаемых и ожидаемых субвенций от финансируемых федеральным бюджетом проектов.

Быстрый рост оборонных расходов, от 13,7 миллиарда долларов в 1950 году до 49,2 миллиарда долларов в 1954 году, прямое следствие войны в Корее, открыл новый путь для правительственных расходов на продукты, хоть отчасти относящиеся к военной области. Еще более важным для роста американской экономики было решение Трумэна использовать ООН как средство для ведения войны. Используя ООН, он не только мог пре-

небрежью обращением в конгресс для объявления войны, но этот (корейский) конфликт велся вообще без всякого контроля за расходами и ценами. В результате ВВП Соединенных Штатов вырос почти на 100 миллиардов долларов, это небывалая для Америки величина. Почти весь этот прирост ВВП пришелся на период ведения войны. С 1953 до 1954 года ВВП вырос всего на 5 миллиардов долларов. Притом расходы на оборону испытали резкий спад в 1955 году, с 49 до 42 миллиардов долларов, упали доходы от налоговых сборов, и правительство допустило больший дефицит, чем в предыдущем году. В то время существовала прямая зависимость между правительственными расходами и экономическим процветанием. В 1956 и 1957 годах госбюджет оказался в приличном профиците, в результате возрастания налоговых сборов и даже вопреки некоторому повышению правительственных расходов. В предыдущем году, 1955-м, сборы и расходы снизились, последние — за счет уменьшения оборонных расходов. Но уже в 1958 году доходы правительства не увеличились, тогда как расходы продолжали расти.

В результате программы Эйзенхауэра по ужесточению налоговых сборов в 1958 году экономика впервые после окончания Второй мировой войны испытала спад. И снова, вовсе не намеренно, на помощь пришел Советский Союз. В первый раз это была война в Корее, затеянная Сталиным. А теперь спасение пришло в форме космического спутника, который явился явственным доказательством опережения Советским Союзом Соединенных Штатов в области ракетных технологий. Первый спутник вышел на орбиту 4 октября 1957 года. В серии следующих стартов на орбиту отправились животные, а также производились замеры температуры и радиации в космическом пространстве. В течение лет президент, которому американцы доверяли как на духу, сообщал им о превосходстве обороноспособности Соединенных Штатов над военным потенциалом СССР. И если нельзя верить Эйзенхауэру, то кому же тогда верить? Для демократов это было открытием политического сезона, чего они так долго ждали. Продолжая защищаться от обвинений Маккарти, что партия отдала Китай коммунистам, и от упреков по поводу ошибок лидеров партии в деле Альгера Хисса, они теперь контратаковали. Ответ президента о том, что обороноспособность Америки вполне обеспечивается современными технологиями

создания баллистических межконтинентальных ракет, мало кого удовлетворил: ни прессу, ни народ и, уж конечно, ни демократов.

Для Командования объединенных штабов и для Эйзенхауэра запуск советского спутника был черной меткой. И не в том дело, что у США не было технологии или научных разработок для вывода ракеты в открытый космос. Скорее, США остались позади из-за постоянных внутренних трений внутри Командования объединенных штабов по поводу распределения расходов между армией и флотом. Армия получила фонды на разработку межконтинентальной баллистической ракеты «Редстоун», а флоту поручили разрабатывать космическую программу — без учета того простого факта, что у флота не было опыта создания подобных аппаратов и пришлось начинать с нуля. Космический проект следовало бы отдать армии, которая уже использовала работы Вернера фон Брауна, германского ученого, в свое время создавшего ракеты F-1 и F-2, которые терроризировали население Великобритании в самом конце войны. Основанием для своего странного решения министр обороны назвал большую занятость фон Брауна в работе над созданием ракеты «Редстоун». Но теперь приходилось играть с русскими в догонялки, и работу все-таки передали фон Брауну. К началу 1958 года, когда начиналась американская космическая программа, США года на три отставали от русских. К тому моменту, как фон Браун со своей командой ученых и инженеров могли запустить в космос объект весом всего 3 фунта (чуть больше 1 килограмма), русские развили свою технологию до такой степени, что способны были отправлять в космос объекты массой 3 тысячи фунтов (больше 1 тонны).

Соперничество между двумя ведомствами создало существенный провал в возможностях Америки собирать разведданные. Преимущества космической техники сразу стали ясны военным. Придя на смену самолету-разведчику U-2 компании «Локхид», который мог достигать высоты полета в 70 тысяч футов над землей (около 20 километров) и фотографировать советские военные установки, спутники, оборачивающиеся вокруг Земли за 96 минут и снабженные чувствительным фотооборудованием, могли бы в сто раз увеличить возможности американской разведки вести наблюдение за советскими военными операциями. Стало ясно, что программа запуска спутников для Советского Союза имела именно это значение. Теперь конгрессу надо было выделять

финансирование на создание такой программы, которая позволила бы превзойти русских в космической технологии. Эйзенхауэр, обеспокоенный, как всегда, сбалансированностью бюджета, считал создание отдельного ведомства, полностью занятого космическими изысканиями, еще одним примером проявления чьих-то своекорыстных интересов и влияния военно-промышленного комплекса. Он приветствовал использование спутников для военной разведки, но, помимо этого, он считал это пустой тратой денег налогоплательщиков. Но, имея перед собой значительный перевес демократов в обеих палатах конгресса и публичные воззвания к немедленным действиям, он ничего не мог поделать против создания и финансирования НАСА (National Aeronautics and Space Administration, NASA). Поскольку спикером палаты представителей был Сэм Рэйберн, а лидером большинства в сенате — Линдон Джонсон, а оба они представляли Техас, то мощности для развития НАСА решено было разместить в Техасе. В результате спада 1958 года госбюджет снова был сведен с дефицитом, поскольку поступления от налогов оказались ниже запланированных. К 1959 году, за счет щедрого финансирования НАСА, дефицит предыдущего года вырос от 2,7 миллиарда до 12 миллиардов долларов. Но дополнительные деньги, влитые в экономику, дали свой эффект. В 1960 году налоговые доходы бюджета выросли до 92 миллиардов долларов (тогда как три предыдущих года держались на уровне примерно 79 миллиардов долларов), что отражало следствия бюджетного дефицита в 1959 году.

Эйзенхауэр был не одинок в своих призывах к строгости выполнения бюджета конгрессом. Оба его секретаря Казначейства, сперва Джордж Хэмфри, который работал в его первый президентский срок, а затем Роберт Андерсон — во время второго срока, все время настаивали на соблюдении финансовой и фискальной дисциплины правительством. Оба они, будучи ревностными приверженцами частного предпринимательства, также оба не желали или не способны были понять смысл финансовой поддержки, которую оказывали базовым отраслям американской индустрии государственные расходы. Военные контракты впоследствии расширялись до производства самолетов гражданской авиации, которые можно было использовать в коммерческих целях. «Большая тройка» автомобилестроителей в Детройте

также пользовалась выгодами оборонных заказов, так же как сталелитейная и алюминиевая промышленность. Сельскохозяйственный сектор вообще зависел весь с потрохами от государственных субсидий. Все эти государственные программы, частью перенесенные из времен Нового Курса, частью вызванные «холодной войной», обеспечивали такой дополнительный прирост экономики, который частный сектор просто не мог бы осилить. Однако Эйзенхауэр и оба его казначея надеялись на возвращение к капитализму образца «до депрессии», а ведь именно он-то и привел к Великой депрессии! Поскольку доллар возмещался золотом, они решили, что золотой стандарт времен «до Первой мировой» был восстановлен. Все эти трое жили словно во временной капсуле, которая не соответствовала реалиям «холодной войны». Точно так же не могли они понять и предвидеть те многочисленные приложения военных технологий и исследований в сфере гражданского производства. «Холодная война» все еще находилась в периоде своего младенчества. А в следующие два десятка лет в военных технологиях произошел такой взрыв идей и технологий, который революционизировал и гражданский сектор.

С самого начала своего президентства Эйзенхауэр считал, что лучший способ сократить расходы государства на оборону и привести бюджет к балансу — это покончить с гонкой вооружений против Советского Союза. Теперь, когда Сталина уже не было на свете и новые лидеры встали у штурвала власти, президент решил предпринять шаги в этом направлении. Используя заседание Генеральной Ассамблеи ООН как повод для своего обращения, Эйзенхауэр воззвал к Советскому Союзу с целью заключить с ним некое соглашение. Он осознавал, что новое советское руководство находится у власти чуть больше года и потому не следует ожидать драматических изменений в отношениях между двумя странами. Предложенная им Программа мирного атома была столь невинна и неагрессивна, что он рассчитывал на благосклонное к ней отношение. Он предложил, чтобы три страны, владеющие ядерным оружием — поскольку Великобритания также вошла в этот эксклюзивный клуб, — выделили бы долю своих радиоактивных изотопов новой организации в рамках ООН, для использования исключительно в мирных целях. Эта организация, составленная из ученых и инженеров любых стран мира,

действовала бы независимо от трех ядерных держав. Для подтверждения своих добрых намерений и поскольку Соединенные Штаты первые создали бомбу, они готовы были выделить свои изотопы из своего запаса в соотношении 5 к 1. Когда Эйзенхауэр закончил свою речь, все члены Генеральной Ассамблеи, включая делегата от Советского Союза, встали и приветствовали это предложение оглушительными аплодисментами. Если бы его речь была посвящена только Программе мирного атома, и все, то Кремль мог бы принять подобное предложение. Однако президент настаивал на наращивании потенциальной угрозы атомной войны, несколько раз подчеркнув, что Америка обладает самым мощным разрушительным потенциалом, имеющимся у нее в арсенале. С учетом сравнения с двумя бомбами, сброшенными Америкой на Хиросиму и Нагасаки, он пугал советских лидеров. Естественно, они решили, что Программа мирного атома — не что иное, как некая ловушка с подвохом для русских. И не только предложение было отвергнуто, но Советский Союз стал наращивать свои усилия в стремлении догнать Соединенные Штаты. В своем стремлении положить конец гонке вооружений Эйзенхауэр, так сказать, слишком сильно нажал на акселератор.

В начале 1955 года долгие переговоры между США и СССР наконец завершились мирным договором с Австрией. Мотивацией для русских в отношении вывода их войск и завершения периода четырехсторонней оккупации явилось то соображение, что Австрия не обладала заметной промышленностью, способной производить военные материалы и технику, которые могли бы угрожать советским сателлитам в Восточной Европе. Убежденный, что настал первый реальный перелом в «холодной войне», Эйзенхауэр выразил готовность встретиться с русскими. Вечный оптимист, Эйзенхауэр верил, что советское руководство наконец-то готово вступить в переговоры с Соединенными Штатами по большому кругу вопросов. Первым пунктом в повестке дня Эйзенхауэра стояло объединение двух Германий. Как только с этим будет решено, можно переходить и к взаимному сдерживанию гонки вооружений, вслед за чем произойдет освобождение народов Восточной Европы.

Даллес преследовал более реалистические цели. Перед вылетом в Женеву он сообщил президенту, что от переговоров ничего не следует ожидать. Даллес был твердо убежден, что, несмотря

на смерть Сталина, подходы нового руководства остаются прежними. И тогда, вместо обсуждения весьма противоречивого вопроса о двух Германиях, президент решил начать с проблемы устранения какого бы то ни было недоверия в отношениях двух стран. Чтобы подтвердить, что Соединенные Штаты не испытывают враждебности к бывшему союзнику по большой войне, он предложил совместную программу инспекций на воздухе. Никита Хрущев, который к тому моменту консолидировал власть в Политбюро в своих руках, просто остолбенел от дерзости такого предложения президента. Советский Союз, который еще со сталинских времен закрыл свои границы для любых несогласованных инспекций, в соответствии с предложением Эйзенхауэра должен был позволить размещение иностранных самолетов на своей территории, с позволением им обследовать любую часть Советского Союза. Взамен СССР получит те же возможности в США. Как и предсказывал Даллес, Хрущев с порога отмел это предложение. Эйзенхауэр, увлеченный идеей достичь некоего соглашения с Советским Союзом, чтобы закончить гонку вооружений, вынужден был обождать со своими мечтами. В последующие два года внимание Хрущева было занято событиями в Москве (очевидно, имеется в виду приснопамятный XX съезд. — *Прим. пер.*), а затем — разбирательствами со своими сателлитами в Восточной Европе (очевидно, имеется в виду восстание в Венгрии 1956 года. — *Прим. пер.*). В конечном счете все это привело ко второму Берлинскому кризису и к возникновению потенциальной угрозы самой крайней конфронтации между двумя державами.

С самого момента неожиданной смерти Сталина в Политбюро началась борьба за унаследование власти. Первый оппонент, с которым столкнулся Хрущев, был Лаврентий Берия, бывший глава НКВД, но главное — человек, курировавший ядерную программу СССР. Хрущевская клика избавилась от Берии незамысловатым способом — он был застрелен. (На самом деле Лаврентия Берия выводили из игры долго и сложно, и расстрелян он был по законам тогдашнего времени, как английский шпион, в казематах МГБ, но до этого сумел через верных людей переслать своему предполагаемому союзнику Георгию Маленкову несколько записок с отчаянными призывами о помощи. Ничего не помогло, но дело было вовсе не таким уж простым — дескать, застрелили, и все. — *Прим. пер.*). Хотя смерть Берии освобожда-

ла Хрущева от главного соперника в борьбе за власть, оставались и другие члены Политбюро, которые вовсе не готовы были принять Хрущева в качестве Первого секретаря ЦК КПСС. В следующие два года Хрущев провел прополку в рядах и постепенно на место своих противников посадил своих людей. К февралю 1956 года, на XX съезде Коммунистической партии в Москве (где присутствовали также делегаты от зарубежных компартий), Хрущев почувствовал себя достаточно уверенно для того, чтобы претендовать на роль лидера мирового коммунистического движения. Обращаясь к делегатам съезда, он объявил об эксцессах, имевших место при сталинских чистках, и объявил новую эру толерантности. Политические заключенные, высланные при Сталине в далекие уголки страны, были выпущены на свободу и вернулись полноправными членами советского общества. Хрущев полагал, что, смягчая политику своего предшественника, он сможет добиться наступления новой эры во взаимоотношениях России и ее сателлитов в Восточной Европе. В физике есть закон, утверждающий: всякое действие равно противодействию. Вслед за отказом Сталина провести свободные выборы в Польше в 1945 году в этой стране воцарился жесткий коммунистический режим. Владислав Гомулка, проверенный лидер коммунистического профсоюза, был назначен вице-президентом нового правительства. Как профсоюзный работник, Гомулка противился попыткам правительства ввести в Польше коммунизм советского типа, что лишало бы профсоюзов возможности торговаться за права рабочих. В 1948 году Гомулка поддержал маршала Иосипа Броз Тито в его усилиях по ведению независимой от Советов внешней политики и был уволен со своего поста. Тремя годами позже он был арестован и, если бы не смерть Сталина, был бы наверняка казнен.

В результате речи Хрущева, провозгласившего послабления относительно сталинской политики, в Восточной Европе, находившейся под советским господством, стал закипать национализм. В июне 1956 года вспыхнули спонтанные антиправительственные и антисоветские выступления в польском городе Познань. Причины, вызвавшие этот всплеск недовольства, были обычны для всей Польши. Жизненные стандарты поляков продолжали снижаться, как результат низких зарплат и высоких налогов. Советская армия, все еще стоявшая в Польше,

отреагировала незамедлительно. В Познань вошли советские танки; протестующих разогнали; порядок был восстановлен. Но использование военной силы не могло принести решения глубинных проблем. Хрущев осознал это, и в октябре того же года, при своем визите в Польшу, он предложил пост Первого секретаря Коммунистической партии Польши Гомулке, при условии, что польское правительство будет продолжать поддерживать советскую линию внешней политики. Во внутренних делах Хрущев дал Гомулке полную свободу рук в отношении экономической политики. Результатом стали драматические изменения в польской экономике. Лишь 10 процентов крестьянских хозяйств были коллективизированы, и Польша перенацеливала свою торговлю на Западную Европу, которой нужны были дешевый труд и продукты трудоемких производств. Таким образом, Польша получала доступ к валютам, обеспеченным долларом.

Именно это решение ослабить гайки в контроле за польской экономикой привело в движение венгерскую революцию, которая вспыхнула через несколько недель после возвращения Хрущева из Польши. Вести о том, что Хрущев предоставил Гомулке значительно большую свободу в управлении польской экономикой, сразу достигли Будапешта, столицы Венгрии. Полагая, что это есть первый этап освобождения Восточной Европы, 23 октября 1956 года студенты и рабочие вышли на улицы Будапешта, требуя вывода советских войск из страны и призывая к независимости Венгрии. В ту ночь Имре Надь, венгр, обучавшийся в Москве, был назначен премьер-министром. То, что сперва казалось небольшими беспорядками, день ото дня разрасталось до восстания. Офицеры и некоторые части венгерской армии присоединились к студентам и рабочим. В первые же несколько дней восстания Надь метался, не зная, к какой стороне примкнуть. Поскольку бунт все расширялся, Надь принял решение встать на сторону большинства народа. Он призвал к социальным и политическим реформам, к образованию альтернативных политических партий в стране и к выводу советских войск. Как глава государства, он объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора и обратился в ООН с просьбой поддержать независимость и нейтралитет Венгрии. Затем, 31 октября, показалось, что восстание достигает своих целей, поскольку в газете «Правда», официальном рупоре советского правительства, был

опубликован материал, где были обещаны заманчивые возможности в диалоге стран Восточной Европы с Советским Союзом, на основе большего равенства. Самый многозначительный абзац в этой статье звучал примерно так: «Советское правительство готово вступить в соответствующие переговоры с правительством Республики Венгрии».

В тот же день Хрущев послал Алексея Косыгина, члена Политбюро, для оценки обстановки. В те же дни, а именно 29 октября, Хрущев получил срочное послание из Египта от Насера, который был уже почти «клиентом» СССР, с просьбой о немедленной помощи. Совместные воинские подразделения Израиля, а также морские силы Британии и Франции продвигались в сторону Суэцкого канала, с целью свергнуть его (Насера) режим. Одновременно об этом стало известно и Эйзенхауэру. Президент пришел в бешенство по двум причинам. Во-первых, ближайшие союзники США действуют независимо от Вашингтона. Во-вторых, когда внимание всего мира было приковано к борьбе венгерского народа за независимость, интерес будет переключен на серьезные события, явно говорящие о неприкрытом британском и французском империализме. Советский представитель в ООН призвал к внеочередной сессии Совета Безопасности, а Москва уведомила британского и французского послов, что русские не намерены безучастно наблюдать за вторжением внешних сил на территорию ни в чем не повинной страны. Израилю предлагалось убрать свои войска с египетской территории и вернуться к естественным границам. Реакция Эйзенхауэра была похожей. Он вызвал премьер-министров Великобритании и Израиля и приказал им убрать свои воинские подразделения. Никто из трех сторон, участвовавших в этом заговорщицком броске, похоже, не осознавал серьезность ситуации. Хотя Соединенные Штаты проголосовали в Совете Безопасности согласно с Советским Союзом, осуждая агрессию трех государств и требуя немедленного отвода войск, план, задуманный тремя партнерами, продолжал свое естественное развитие. Уже моторизованная израильская армия, оснащенная к тому же новейшими французскими истребителями, бомбардировщиками и танками, легко сломила сопротивление египетской армии и вскоре заняла противоположный берег Суэцкого канала. В то же время британские и французские парашютисты десантировались

в зоне Суэцкого канала и овладели этим районом. Насер приказал затопить в канале груженное цементом судно, чтобы блокировать канал.

В это же время в Будапеште и по всей Венгрии восстание казалось все более близким к успеху, по мере того как люди осознавали происходящее. Вдохновленные информацией, поступающей с радиостанции «Свободная Европа», которая была пропагандистским рупором ЦРУ, слушатели получали полное впечатление того, что Соединенные Штаты и их союзники готовы вмешаться в происходящие события на стороне восставших. По радио поступали однозначные инструкции, как останавливать танки и нападать на советских солдат. В Кремле Хрущев ожидал оценки Косыгиным ситуации на местах. Косыгин наконец доложил, что если немедленно не предпринять акцию в столице, то потом с провинцией трудно будет управиться. Более того, если восстанию позволить развиваться, оно может перекинуться на другие страны Восточной Европы. Кроме того, Советскому Союзу надо было освободить себе руки для вмешательства в египетскую проблему. Через два дня Янош Кадар, сменивший Надя, был выслан в маленький спокойный городок в 100 километрах от столицы. И 4 ноября русские танки при поддержке моторизованной пехоты и артиллерии вошли в Будапешт. Надь выступил по радио с кратким обращением к венгерскому народу, призывая к сопротивлению вторжению. Далее он скрылся ради безопасности в здании посольства Югославии. Через три дня, 7 ноября, в праздник Октябрьской революции в России, порядок в Будапеште был восстановлен, так же как и в провинциях. В ходе этого усмирения были убиты и ранены тысячи венгерских борцов за свободу. Более 125 тысяч человек эмигрировали из страны в соседнюю Австрию. Западные интеллектуалы, которые ранее поддерживали Советский Союз, теперь увидели жестокость советского режима и испытали разочарование. «Железный занавес», можно сказать, сменил материал на бронебойную сталь.

Французские и британские парашютисты были принуждены покинуть зону Суэцкого канала; израильские войска вернулись к своим границам. И в марте 1957 года британский премьер-министр Энтони Иден, полностью опозоренный, ушел со своего поста и был заменен на Гарольда Макмиллана. Надь, которому обещали безопасный проезд до Югославии, был по пути захва-

чен советскими агентами и в конечном счете казнен. Янош Кадар сменил Надя на посту руководителя государства. Насер оказался еще больше в долгу перед Советским Союзом, чем до Суэцкого кризиса.

Итак, сбылся самый страшный ночной кошмар администрации Эйзенхауэра. Советский Союз прочно укрепился в арабском мире. С объявлением об объединении правительств Египта и Сирии и с образованием Объединенной Арабской Республики (ОАР) советское влияние на Ближнем Востоке распространилось уже и на Сирию. Вскоре Насер призвал и другие арабские государства присоединиться к усилиям его правительства по устранению западного влияния в их странах. Испуганная растущим авторитетом Насера в регионе, Британия сколотила альянс Иордании и Ирака в противовес. Всего через несколько дней переворот, организованный иракскими армейскими офицерами, сверж короля, и все члены семьи монарха были уничтожены. На посторонний взгляд, дело шло к тому, что вскоре Насер готов будет объединить все страны Ближнего Востока под своим общим контролем. Правители Саудовской Аравии, крупнейшего производителя нефти в мире, через своего делового партнера в США, компанию Agamco, оказали определенное давление на Госдепартамент, с целью побудить Америку вмешаться. Эйзенхауэр не хотел делать резких движений, до тех пор пока не получил послание Камиля Шамуна, президента Ливана, самого маленького государства региона (следует отметить, что Ливан, будучи маленьким государством, тем не менее контролировал банковские активы, сравнимые по объемам с активами Франции, именно за счет хранения там активов французских и британских банков. Эта темная история о перекройке указанных депозитов с помощью палестинских боевиков еще долго будет стучать, как пепел Клааса, в сердца банкиров многих стран, в том числе и советских, причем даже сумевших, подобно Гераклу, героически дожить до наших дней. Ливан был одной из первых офшорных зон. — *Прим. пер.*). Опасаясь сирийской агрессии, президент Ливана просил о размещении в стране американских войск. Эйзенхауэр теперь среагировал быстро. Большой контингент морских пехотинцев был послан на высадку в Ливане, и они могли получить поддержку еще большего числа морских пехотинцев при необходимости. Эйзенхауэр рекомендовал британскому премьеру

Макмиллану высадить парашютный десант на территорию их бывшей подмандатной страны, Иордании. Насер понял недвусмысленный намек, и пыл его речей сразу сошел на нет. Также и Советский Союз никак не отреагировал на присутствие в регионе войск США. Гораздо более серьезную проблему представлял собой Берлин. Экономика Федеративной Республики Германии развивалась и процветала, примерно то же самое происходило и в Западном Берлине. А результатом стало поразительное неравенство в жизненных стандартах между немцами, живущими в Восточном Берлине и в Западном Секторе. В Западном Берлине витрины пестрели всеми красками товаров со всего мира, здесь было полно потребительских товаров, продуктов, одежды и т.д. Возводились современные небоскребы. Одним словом, соревнование на индивидуально-потребительском уровне в двух разных секторах одного города было драматическим и изнурительным. Неудивительно, что наблюдался огромный отток жителей Восточного Сектора в Западный Берлин или в ФРГ. А главное, те, кто покидал Восток ради Запада, были зачастую самыми способными и ценными работниками в своих профессиональных сферах — ученые, инженеры, артисты, все они жаждали не только свободы, но и более достойного экономического существования. Не в силах остановить поток эмигрантов, правительство Восточной Германии обратилось за подмогой к Хрущеву.

В результате 18 ноября 1958 года, адресуясь к трем оккупационным силам, Москва заявила, что, поскольку ее бывшие союзники нарушили первоначальное соглашение с Россией от августа 1945 года о недопущении вооружения Германии, прошлая советская власть над Восточным Берлином должна перейти к Демократической Республике Германии. Берлин должен был превратиться в демилитаризованную зону под контролем правительства Восточной Германии. В отличие от Сталина, который всегда использовал суррогаты для противостояния с Соединенными Штатами, Хрущев шел на прямую конфронтацию между Советским Союзом и Соединенными Штатами. По сути, действия Хрущева напоминали поступки хитрого крестьянина. Он не был готов вовлечь Советский Союз в полномасштабную войну с Соединенными Штатами, но, если бы ему удалось добыть что-нибудь по дешевке и без риска, он бы попробовал. В соответствии с официальным пресс-релизом, встреча четы-

рех министров обороны должна была состояться в мае в Женеве. Конференция эта закончилась без малейших признаков на успех, но и шестимесячный срок моратория прошел без каких-либо действий со стороны СССР или Восточной Германии.

Поскольку вопрос о Берлине был отложен на некоторое время, Эйзенхауэр, как опытный игрок в бридж, пришел к выводу, что Хрущев разыгрывал свои карты исходя из позиции слабости, а не силы. Когда Хрущев объявил о своем появлении на открытии сессии ООН в сентябре 1959 года, президент США направил ему персональное приглашение погостить еще десять дней в Америке. Думая, как бы не оказаться невежливым, Хрущев в ответ пригласил президента с семьей посетить Москву в следующем году. Эйзенхауэр полагал, что если Хрущеву показать преимущества, которые дает капитализм для бытовой жизни американского гражданина, то Хрущев соблазнится идеей капитализма. Это были, конечно, пустые надежды. Когда Эйзенхауэр взял с собой Хрущева в поездку по Америке на вертолете и показал тысячи домов американских рабочих, с их автомобилями и прочим хозяйством, то в ответ получил от Первого секретаря мысль о том, что все эти машины — лишь пустая трата энергии и что советские люди предпочитают жить бок о бок друг с другом в многоквартирных домах (и пользоваться общественным транспортом, а также продовольственными заказами «с нагрузкой». — *Прим. пер.*). Он (Хрущев) видел в этом паразитическом благосостоянии простого американского народа лишь последний предсмертный выдох капиталистической системы. Когда он сообщил президенту, что его внуки (президента Эйзенхауэра) будут жить при социализме, и привел столь впечатляющие цифры в подтверждение своих слов, то впору было этому поверить не только ему, а и бывалым американским экономистам. Хрущев указал, что за последние два года советская экономика росла на 6 процентов в год, в то время как американская — на 1,5–2 процента. Но фактически это было всего лишь приближение советской экономики к довоенному уровню, и когда Россия достигла бы этой отметки, рост бы неизбежно замедлился.

Усилия президента по достижению договоренности о нераспространении ядерного оружия, где запрещались бы также испытания атомного оружия в атмосфере, ни к чему не привели. Однако как позитивную сторону можно отметить то обстоятельство,

что проблема Берлина так и не была затронута. Несмотря на все свое пренебрежительное отношение к тому высокому уровню жизни, которого достиг средний американский рабочий, Хрущев вернулся домой под большим впечатлением от благосостояния и динамизма американского общества. Знаменательным моментом его визита в Америку стала поездка в гости к фермеру в штате Айова. Видя своими глазами огромные комбайны, которые частный фермер применял для сбора своего урожая зерна, бывший министр сельского хозяйства был поражен производительностью работы. Смысл применения этих машин заключался в снижении трудозатрат и повышении прибыльности фермы. Банк предоставлял фермеру кредит, на который он покупает комбайн, фермер постепенно возвращает кредит, естественно, с процентами. Ни одна из этих реалий капитализма в США не была возможна по Конституции СССР. Поскольку все средства производства и продукция принадлежали государству, для индивида не было места для возможной прибыли; никакой индивид не мог создать свое частное предприятие; следовательно, не было нужды в кредитах и в получении ссудных процентов от них. И еще не было возможности сокращать рабочие места. Так что фундаментальные концепции, лежащие в основе двух этих экономик, не совпадали совершенно ни в чем. В течение десятидневной поездки Хрущева по Соединенным Штатам, после выезда из Вашингтона, его хозяином был сенатор Генри Кэбот Лодж, представитель США при ООН. Он предложил, чтобы перед отъездом на родину советский лидер посетил Диснейленд на юге Калифорнии. Для лидера второй мощнейшей державы мира это стало несравненным развлечением, примерно таким же, каким был обмен часов с Микки-Маусом у советских военных в Берлине. Так что мультяшные персонажи Уолта Диснея с легкостью переходили идеологические границы.

Несмотря на свою неспособность достичь какого-либо соглашения с новым лидером Советского Союза, Эйзенхауэр не оставлял своих попыток в этом направлении до тех пор, пока не закончился срок его президентства. Ему хотелось оставить после себя знатное наследство. В начале 1960 года он направил Хрущеву послание с предложением ввести мораторий на все виды атомных испытаний в атмосфере и в океане, а также на подземные испытания ядерных бомб с зарядом в многие тыся-

чи килотонн (к тому времени у Советского Союза имелись термоядерные (водородные) бомбы, мощность которых в тротиловом эквиваленте превышала 1 мегатонну, то есть равные более 100 бомб Хиросимы. — *Прим. пер.*). К приятному удивлению Эйзенхауэра, через месяц он получил ответное послание от советского руководителя, где предложение было принято, с мораторием на подземные испытания малокилотонновых бомб. И снова президент оказался настолько увлечен мечтаниями, что решил, будто такое соглашение приведет Советский Союз к открытию своих границ и разрешению иностранных (американских) инспекций. Он не ожидал оппозиции со стороны руководителей Объединенного штаба, научного сообщества, военно-промышленного комплекса, а также демократического большинства в обеих палатах конгресса. Помимо прочих соображений, им в голову могла прийти простая мысль о том, что если вдруг действительно случится небывалый прорыв в отношениях США и СССР, то Республиканская партия припишет целиком себе эту заслугу — что было немаловажно в преддверии выборов. Иначе говоря, такой расклад, по всей вероятности, привел бы к власти Ричарда Никсона, их (демократов) главную мишень для критики, после кончины сенатора Маккарти.

После смерти Даллеса Эйзенхауэр планировал повестку предстоящей встречи в верхах самостоятельно. Он уведомил союзников Америки, что, поскольку это первый шаг в сторону окончания «холодной войны», ни вопрос об окончательном мирном договоре с Германией, ни будущий статус Берлина не могут обсуждаться на этой встрече. После успешного завершения саммита Эйзенхауэр примет приглашение Хрущева приехать в Россию вместе с семьей. Чтобы избежать неприятных сюрпризов со стороны советского руководства, президент распорядился прекратить на время все полеты самолетов-разведчиков U-2 над Россией. До этого на протяжении ряда лет эти самолеты глубоко внедрялись в советское воздушное пространство, фотографируя военные установки русских. Советский Союз неоднократно энергично протестовал против таких полетов, обращаясь к правительству США, но делать было нечего. У Советского Союза не имелось таких средств ПВО, которые могли подбить самолет на такой огромной высоте, а Соединен-

ные Штаты отвергали сам факт существования этих самолетов, и Советскому Союзу с отвращением приходилось признать, что подобное наглое нарушение его воздушного пространства все еще возможно. Такова была ситуация, когда глава ЦРУ, который контролировал полеты U-2, запросил президента о еще одном полете — перед саммитом. Его резоны были совершенно основательны. Одним из условий, которые мог выставить Хрущев, был запрет всех этих полетов (для тестирования) в рамках моратория на испытания ядерного оружия. Эйзенхауэр неохотно, но согласился. Но в последующие две недели облачность над (интересующими областями) России не позволяла производить аэрофотосъемку.

Была доля иронии в том развитии событий, которое последовало. Первым днем, подходящим для успешного пролета над территорией СССР, было Первое мая, праздник, который отмечали в Европе и коммунисты и социалисты. В России это был вообще государственный праздник, члены Политбюро должны были присутствовать на трибуне Мавзолея, приветствуя парад советских вооруженных сил (это неточность — в советское время на 1 мая происходил парад трудящихся, а вот на 9 мая — военный парад. — *Прим. пер.*). В этот день в 1960 году самолет-шпион U-2 был сбит в 2 тысячах километрах внутри советской территории. Единственная информация, которую ЦРУ получило от летчика Гэри Пауэrsa, — это что двигатель самолета пробит и полыхает огнем. После этого — никаких сведений. В штаб-квартире ЦРУ посчитали, что самолет взорвался, а пилот погиб. Однако уже 5 мая оказалось, что это предположение далеко от истины. В своем обращении к советскому народу, которое транслировалось также на разных языках по всему миру, Хрущев объявил, что американский самолет-шпион был сбит при нарушении государственной воздушной границы СССР, а также что пилот и остатки самолета находятся в руках соответствующих советских служб. Хрущев также ясно дал понять, что это не Эйзенхауэр дал разрешение на полет, а некие люди в администрации, желающие разрушить намечающиеся дружественные отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Советский лидер был очень любезен с президентом и дал продолжить укрепление дружественных отношений на саммите, а переговорам по разоружению дал ход.

Не существовало способа отрицать полетов U-2 над территорией СССР, начавшихся еще с 1956 года. Имели значение не только многочисленные протесты советской стороны, но в курсе дела были и союзники США, а также правительства Турции и Норвегии, поскольку самолеты взлетали с территории последней, а приземлялись на территории первой из этих стран. Хрущев предоставил Эйзенхауэру прекрасный выход из некрасивого положения: найти козла отпущения и бросить его на съедение волкам. Единственным безупречным кандидатом на роль козла был, бесспорно, глава ЦРУ, которого можно было довольно легко сместить с поста, причем тот понимал бы, что смещен за дело. Но вместо этого Эйзенхауэр (гордившийся своей порядочностью) решил рассказать Хрущеву кучу сказок для детей, из чего Хрущев окончательно убедился об осведомленности Эйзенхауэра о пролетах над Россией.

Первая из таких сказок звучала так, будто метеорологический самолет, пролетая над территорией Турции, мог случайно отклониться от курса, внедриться в воздушное пространство СССР и там исчезнуть. Теперь Хрущев понял, что полет явно был одобрен Эйзенхауэром. Доверие, только что установленное Эйзенхауэром с лидером Советского Союза, пошатнулось. Более того, Хрущев представил отчет другим членам Политбюро. Теперь и его надежность как Первого секретаря была на кону. Если бы Хрущев вступил в переговоры с Эйзенхауэром сейчас, после разоблачения инцидента с Пауэрсом, то его сместили бы с поста руководителя СССР. Но президент Эйзенхауэр так стремился установить свой приоритет в деле заключения договора о нераспространении (атомного оружия), что оказался слеп к реалиям. А по-крестьянски хитрый Хрущев решил выставить Эйзенхауэра дурнем. Сперва он представил всему миру фотографию поврежденного самолета, который не слишком напоминал U-2. Президент клюнул на наживку, тут же во всеуслышание заявив о невиновности Америки. Тогда на следующий день было представлено уже настоящее фото разбитого самолета U-2 вместе с пилотом, Гэри Пауэрсом. Злокозненный русский передал еще один сердечный привет президенту. Поскольку Хрущев так и не указал в точности, что саммит отменен, Эйзенхауэр был весьма удивлен, ожидая его в Париже, куда он прилетел и где должны были пройти переговоры. Франция была принимающей страной,

и французский президент Шарль де Голль председательствовал на встрече. Этого момента Хрущев и ждал. Не дав вступить в дело де Голлю для объявления повестки встречи, в момент, когда все внимание мира было приковано к этой встрече, Хрущев поднялся и произнес гневную тираду, обвиняя Эйзенхауэра в двойной игре и пытаясь сорвать саммит еще до его начала. Он предъявил миру снимки разбитого самолета-шпиона U-2 и призвал весь мир убедиться в вероломстве правительства США. И наконец, вслед с Хрущевым поднялись и его сопровождающие лица, и все вместе они покинули зал переговоров. На этом саммит был закончен.

Эйзенхауэр оставил после себя наследство, только вовсе не то, которое хотел. Он оставил своему наследнику коммунистическую страну, Кубу, всего в 90 милях от побережья Флориды, возглавляемую Фиделем Кастро. Сегодня трудно понять, чего хотел добиться Эйзенхауэр, опытный военный командир, который планировал и провел крупнейшую в истории человечества десантную операцию вторжения, от кучки нанятых ЦРУ кубинских эмигрантов, которых ЦРУ собрало на побережья Гватемалы для вторжения на Кубу морским путем. Предыдущая попытка самого Кастро вторгнуться на Кубу закончилась тем, что выжило всего 12 из первоначально 82 человек, участвовавших в акции. Среди выживших были Фидель Кастро, его брат Рауль и Че Гевара, которым удалось скрыться в горах Сьерра-Маэстра. Именно возможность безопасного пребывания в этих горах и позволила Фиделю со временем собрать революционные силы, которые в конечном счете заставили бежать из страны диктатора Фульхенсио Батисту и его окружение.

С самого начала Эйзенхауэр был мало осведомлен о Кастро и силах повстанцев, которыми тот располагал. Он знал, что Че Гевара, врач из Аргентины, был ревностным коммунистом, но обзоры, публиковавшиеся в то время в *New York Times*, описывали Кастро и его соратников как своего рода Робин Гудов нашего времени, чьим стремлением было установить справедливые отношения в сельском хозяйстве Кубы. Эксплуатировали этих неграмотных крестьян иностранные корпорации, прежде всего американские. Америка вообще испытывала в некотором смысле симпатию к Кубе, и именно американские войска освободили остров от тиранического правления Испании. Особая

квота на импорт кубинского сахара была отменена, ради поддержки экономики острова. Вооруженные отряды Кастро вошли в Гавану 8 января 1959 года; через несколько дней Хосе Миро Кардона, знаменитый кубинский либерал, объявил о создании Революционного правительства Кубы. Вскоре после этого Соединенные Штаты признали новое кубинское правительство. Но через полтора месяца случился первый сюрприз — Кардона ушел со своего поста, а Фидель Кастро стал главой нового правительства и назначил себя главнокомандующим вооруженными силами Кубы.

Хотя Госдепартамент США признал новое правительство, Эйзенхауэр был сильно обескуражен названием этого правительства. По его убеждению, слово «революционный» непременно несло в себе намек на коммунистическое правительство. Первоначальное недоверие было усугублено в результате 12-часового неофициального визита Кастро в Соединенные Штаты. Кастро всячески пытался показать свое отвращение к американской (писаной и неписаной) политике дискриминации негритянского населения. Вместо того чтобы остановиться в приличном городском отеле, он вместе со своими приспешниками поселился в отеле Hotel Theresa в Гарлеме (негритянском гетто), чтобы показать свое презрение к негласной политике непредоставления жилища неграм. Он также демонстративно встретился с Малкольмом Эксом, революционером из группы «Черные мусульмане». При выступлении на сессии ООН он представил будущую политику Кубы в русле таковой у Джавахарлала Неру в Индии и Насера в Египте. В ответ, когда Кастро явился на встречу в Белом доме, Эйзенхауэр оказался как бы на своих занятиях гольфом и оставил вице-президента Ричарда Никсона замещать себя. Уже полная мрачных подозрений относительно планов Кастро, администрация ожидала услышать наконец подробное описание политического направления, в котором Кастро намерен двигаться. И вот вскоре после возвращения Кастро на Кубу там начался процесс национализации американских корпораций. Первой пала вездесущая «Юнайтед фрут компани», одна из крупнейших на Кубе. Как и в случае с Гватемалой и другими латиноамериканскими странами, «Юнайтед фрут» намеренно занижала стоимость своих активов, чтобы платить меньше налогов. Когда режим Кастро предложил компенсацию, основанную на

заявленной компанией балансовой оценке, компания возмутилась и потребовала переговоров. Ответ кубинского правительства сводился к следующему: берите что дадут или уходите как есть. Когда компания стала настаивать на переговорах, кубинские власти конфисковали земельные владения компании на Кубе. Тогда лоббисты убедили администрацию США снизить квоты на импорт кубинского сахара. Ответом Кастро стала национализация всех остальных американских корпораций на острове, стоимость которых оценивалась в 850 миллионов долларов.

Это было только начало. Следующим шагом стала национализация всех частных корпораций на острове, будь то иностранные или кубинские. Затем Кастро начал программу по коллективизации всего сельского хозяйства Кубы. Если бы Джон Фостер Даллес был еще жив, реакция американского правительства могла оказаться другой. Но его преемник, Кристиан Гертер, был намного более осторожным человеком. Он придерживался программы «наблюдать и выжидать», чтобы определить, станет ли Советский Союз вмешиваться в кубинские дела. Что касается Кастро, он все еще колебался в вопросе о кубинской политике в отношении Соединенных Штатов, крупнейшего потребителя кубинского экспорта (главным образом сахара). Сперва ему нужно было удостовериться, что власть сосредоточена в его руках. К июлю 1959 года он сместил условного президента Мануэля Лью и заменил его на своего пламенного поклонника, Освальдо Торрадо.

Массовый исход кубинцев в Соединенные Штаты состоял прежде всего из сторонников свергнутого Батисты, людей среднего класса и побогаче, которые потеряли свой бизнес, ныне национализированный. Либеральное деловое сообщество, которое первоначально поддерживало кастровскую революцию, теперь смотрело на него с ненавистью. Как они считали, Кастро предал их. Их жизнь и карьера оказались разрушенными. Предстояло заново начинать жизнь в стране, где испанский был лишь вторым языком и где бизнес велся теперь совсем иначе, нежели в эпоху до появления Кастро. Администрация Эйзенхауэра попыталась выступить с позиций противодействия Кастро. Однако снижение квот на импорт сахара не изменило политики Кастро. Он сумел договориться с Советским Союзом о поставке оттуда сырой нефти. Когда нефтепереработчики на

Кубе отказались работать с этим сырьем, Кастро экспроприировал эти предприятия. Администрация США ввела эмбарго на поставку любых товаров, доставляемых с Кубы. Жребий был брошен. Теперь перед Советским Союзом была широко распахнутая дверь для проникновения в Западное полушарие. Последовало несколько соглашений между двумя странами (Кубой и СССР), предусматривающих экономическую и военную помощь Кубе. Самый жуткий кошмар американских политиков стал реальностью: Советский Союз заполучил союзника в Америке, причем всего в 90 милях от побережья Флориды.

Реакция конгресса, прессы и американского общества была гневной. Везде по стране раздавались призывы послать морских пехотинцев, пока не поздно. За несколько дней Объединенный штаб разработал план и сообщил президенту, что флот готов выполнить задачу в самый короткий период времени. Эйзенхауэр все еще колебался — дать или нет приказ идти в бой. Основным недостатком такого решения был эффект подобного вторжения на отношения США с другими латиноамериканскими странами. Все они вечно думали о всесильных империалистах янки. С другой стороны, сохранять спокойствие означало в определенной степени импотенцию американской власти.

Эйзенхауэр принял решение использовать ЦРУ для свержения режима Кастро. Агентство показало свою результативность при действиях в Иране и Гватемале. С применением их тайных служб роль Дяди Сэма будет далеко не столь очевидна. Ричард Бисселл, в то время руководитель секретных операций, был назначен разработать план. Бисселл вытащил из архивов планы, подготовленные в свое время по поводу Ирана и Гватемалы. Они включали: образование правительства в изгнании; наводнение страны антикастровскими листовками с пропагандой; установление контакта с антикастровскими элементами на Кубе; подготовка военизированной группировки, готовой вторгнуться на остров. Сразу же возникли две проблемы. Не только среди эмигрантов был конфликт между сторонниками и противниками Батисты, но и внутри группы противников также существовали значительные расхождения. Обучать военизированные группы в предместьях Майами значило рассекретить операцию. В результате первые наемники были отправлены в зону Панамского канала, а оттуда в Гватемалу. Но шило в мешке не

утаишь. Кастро уже узнал о готовящемся вторжении на Кубу с участием кубинских эмигрантов. Для его сторонников не составило труда внедриться в группы подготовки вторжения. Главный факт, который не признавал никто, и прежде всего ЦРУ, состоял в том, что подобный план не имел шансов на успех без поддержки регулярных армейских подразделений США. Куба — это не Гватемала. Здесь не было соседнего Гондураса, где можно было собрать армию наемников перед вторжением. Необходимо была хорошо продуманная и скоординированная атака с полным господством в воздухе и месте высадки. Человек, в свое время руководивший крупнейшей десантной операцией в истории, вдруг осознал свою ошибку, а именно, что ЦРУ оказалось вовсе не подходящим средством для свержения режима Кастро. Он предвидел катастрофу в том случае, если не будут задействованы регулярные части армии США. Он попался в собой же вырытую яму. В свое время он заявлял, что все военные акции Америка будет предпринимать открыто. Он не мог отступить от своих слов. И Эйзенхауэр выбрал путь попроще. Сопротивляясь немедленному образованию кубинского правительства в изгнании под эгидой ЦРУ, он сумел затянуть кубинскую проблему до тех пор, чтобы передать ее своему наследнику на посту президента. Его репутация как военного осталась незапятнанной. Его имя никто не связывал с грядущей катастрофой в заливе Свиней (в русской литературе часто используется и другой вариант легендарного названия: бухта Кочинос, от испанского «кочино» — «свинья». — *Прим. пер.*).

Глава 7.

Расширение «холодной войны» — президентство Кеннеди

В течение сорока пяти лет, пока длилась «холодная война», девять президентов совершенно разного происхождения и разных взглядов пытались совладать с Советским Союзом, с различной степенью успеха. Когда Советский Союз обзавелся технологией производства собственного арсенала ядерного оружия, действия всех этих девяти человек и их противников в России были под напряжением одного простого факта о потенциальной угрозе обеим странам в случае, если ядерное оружие будет использовано снова. В результате в данный промежуток времени все конфликты, в которых участвовали Соединенные Штаты, велись для защиты суррогатных союзников, как Южная Корея и Южный Вьетнам. Во всех случаях Соединенные Штаты не имели ни непосредственного стратегического интереса, ни сиюминутного выигрыша в этих странах. Обе войны велись ожесточенно только с целью предотвратить распространение коммунизма, согласно стратегии, исходно разработанной для спасения Западной Европы.

Джон Фицджеральд Кеннеди, тридцать пятый президент США, происходил из весьма амбициозной и богатой семьи ирландских католиков. Только один из остальных восьми президентов, управлявших страной в период «холодной войны», был также из богатой семьи — это Джордж Герберт Уолкер Буш, и в его случае за ним стояли старые протестантские деньги первых англосаксонских поселенцев. Отношение к деньгам в его семье совершенно отличалось от такового у нуворишей. Так, Джордж Герберт Уолкер Буш (старший), окончив Йельский университет, принял решение заняться потенциально многообещающим нефтяным бизнесом, прежде чем обратить свой взор к политике. Безусловно, он не начинал с грошовых дел. Всегда

на помощь приходили старые связи семьи и необходимая финансовая подпитка.

Джон Ф. Кеннеди был самым молодым человеком, избранным президентом США, и единственным «парнем на плакатах» во всей американской истории. Его всегда окружал флер гламурного мира. Будучи избранным в сорок три года, он был высоким, красивым, интеллигентным, броским, женатым на очень красивой женщине, имел двоих прекрасных детей, его природное обаяние одинаково воздействовало и на женщин, и на мужчин. Он был уже автором двух книг в жанре нон-фикшн: *Why England Slept* («Отчего спала Англия») и *Profiles in Courage* («Портреты мужества»). За вторую книгу он был удостоен Пулицеровской премии (это самая престижная премия в США для журналистов и писателей-публицистов. — *Прим. пер.*). Пусть даже оба этих достижения были, по сути, подготовлены его отцом, Джозефом П. Кеннеди. В случае второй книги его отец, взяв за основу свою старую диссертацию в Гарвардском университете, прибег к услугам Артура Крока, ведущего рубрики в престижной газете *New York Times*, который проделал успешный рерайтинг (существенно переработал текст, как говорится), после чего книга была представлена издателю. А в первом случае написание и выстраивание текста было результатом усилий Теда Соренсена, главного спичрайтера Кеннеди как до его президентства, так и во время. И Артур Крок, который заседал в комитете по присуждению Пулицеровских премий, сумел устроить дела так, что премию присудили Кеннеди. Вероятно, знаменитый колумнист (Крок) был весьма обязан старшему Кеннеди за эти услуги, оказанные его сыну, поэтому после пришествия Джона Кеннеди в Белый дом Крок предоставил новоизбранному президенту своего персонального слугу-негра, в качестве личной obsługi (конечно, такая едкая ирония здесь казалась бы неуместной, если бы примерно те же отношения мы не видели сегодня в кругах российской правящей элиты. — *Прим. пер.*).

И вот Кеннеди-отец решил сделать своего сына Джона первым в истории Америки президентом-католиком, после безвременной гибели его старшего брата во время Второй мировой войны. С неограниченными финансовыми ресурсами и политическими связями с материнской стороны семьи, второй сын с легкостью продвинулся от конгрессмена до сенатора. Ему помо-

гали в этом личное обаяние и поддержка ближайших родственников. Джон Кеннеди был молодым человеком, который хотел всего сразу. Под руководством отца в 1956 году новоиспеченный сенатор уже решил баллотироваться как вице-президент. Это был продуманный и очевидный ход. Прекрасно понимая, что Адлайя Стивенсон, который выдвигался в президенты второй раз, не имел никаких шансов на победу над популярным Эйзенхауэром, Кеннеди рассчитывал, что в следующий раз, в 1960 году, он сможет уже сам выдвинуть свою кандидатуру в президенты от Демократической партии. Когда он уже подошел совсем близко к достижению этой цели, либеральное крыло демократов все еще видело в нем сына своего архиконсервативного отца, так что те выборы он уступил. Тем не менее теперь, когда Джон Кеннеди стал своего рода знаковой национальной фигурой, он воспользовался возможностью и провел кампанию в двадцати штатах. По совету отца он обрабатывал местных провинциальных политиков в том духе, чтобы они правильно готовились к выборам 1960 года. Эта стратегия сработала. Кеннеди стали считать авангардом либерального движения. Его отец, имевший проверенные политические связи с демократическими лидерами крупнейших городов, вовсю убеждал их, что его сын вполне может выиграть выборы.

Стивенсон, празднуя труса, отказался от третьей попытки, был еще Эстес Кефвер, представляющий южные штаты, но главным оппонентом Кеннеди в 1960 году стал либеральный сенатор из Миннесоты, Хьюберт Хэмфри. В отличие от Кеннеди Хэмфри считался безупречным либералом. Он находился на переднем крае борьбы за утверждение гражданских прав. Как мэр Миннеаполиса, он развивал прогрессивные программы. Он был ревностным сторонником Нового Курса и трумэновского Честного Курса. Раз Стивенсон выходил из борьбы, то замшелые либералы наверняка отдали бы свои предпочтения Хэмфри. Единственным другим возможным кандидатом для них был Линдон Джонсон, лидер большинства в сенате и представитель южного крыла партии. Поскольку либеральное крыло партии отвергало Джонсона с порога, единственным шансом для него оставалось джентльменское соглашение, когда партия повернется к нему, как к компромиссному кандидату. Основным возражением против кандидатуры

Кеннеди была его принадлежность к католической конфессии. Единственный кандидат-католик, которого партия выдвигала на пост президента, был Альфред Смит, мэр Нью-Йорка, и в результате в 1928 году упрямые демократы с Юга покинули партию именно из-за религиозных соображений. Снова стали раздаваться пугающие старые вопли о том, что если в Белом доме окажется президент-католик, то туда же сядет и римский папа. Однако во время Второй мировой люди разных религий бились плечом к плечу против общего врага, и для этих ветеранов подобные пропагандистские хлопушки были уже не страшны. После победы на трех предварительных выборах с большим отрывом своего единственного либерального оппонента, Хэмфри, теперь у Кеннеди мог возникнуть только один сильный соперник — это если бы в последнюю минуту на борьбу решился бы Стивенсон. Но тот продолжал изображать из себя обиженную девочку и старался находиться сбоку, наблюдая за борьбой и ожидая нужного момента, чтобы вступить в нее, — но так и не дождался.

Решение Кеннеди предложить пост вице-президента своему оппоненту Линдону Джонсону из Техаса стало первым примером политической изворотливости, которую ему настойчиво ввинчивал его отец — победа превыше всего остального. Тот факт, что проделки Джонсона ради номинации были подчас зловещими, был оставлен без внимания. Без Джонсона в прицепе Кеннеди не был бы избран. Очень слабая и сомнительная победа Кеннеди на предварительных выборах ничуть не обескуражила его. [...] В любом случае Никсон (кандидат от Республиканской партии. — *Прим. пер.*) не стал бы предъявлять существенных претензий, Кеннеди знал это. Страна не могла месяцами оставаться без президента. Да и Кеннеди снискал себе симпатии простого народа. Победа любой ценой — вот что настойчиво твердил его внутренний голос. Как она достигнута — несущественно.

Выиграв (кое-как) выборы, теперь он оказался перед задачей сформировать свой кабинет помощников в правлении. Его выбор на пост генерального прокурора собственного брата Роберта Кеннеди мог выглядеть неуместным, учитывая отсутствие у того практики в государственных и законодательных делах, однако на поверку это оказалось лучшим выбором. За свои три

года на президентском посту он пережил много кризисов и потому всегда нуждался в человеке, которому мог бы безраздельно довериться и на чье плечо опереться. Джон Кеннеди решил воскресить призрак Франклина Рузвельта, призвав в советники целый сонм профессоров и интеллектуалов, приглашенных преимущественно из его alma mater, Гарвардского университета.

В январе, за день до приведения Кеннеди к торжественной присяге в Белом доме, Эйзенхауэр пригласил его на прощальную встречу с тем, чтобы вкратце рассказать о внешнеполитических проблемах, с которыми столкнулись Соединенные Штаты. На встрече также присутствовали только что назначенные госсекретарь Дин Раск, министр обороны Роберт Макнамара и секретарь Казначейства Дуглас Диллон, а также их оставляющие пост коллеги Кристиан Гертер, Томас Гейтс и Роберт Андерсон соответственно. Кеннеди нуждался в поддержке уходящего президента, поскольку решил предпринять определенные шаги во внешней политике. И Кеннеди знал о большой популярности Эйзенхауэра в народе. Берлин, Куба и Лаос обсуждались в качестве серьезных проблем, но не был упомянут Вьетнам, как требующий пристального и оперативного внимания. Примерно так же отнеслись к Лаосу, маленькой стране, где путь к власти прокладывали себе коммунисты. А вот Куба была весомым приоритетом. Что же касается Берлина, то было сказано лишь о том, что поток эмигрантов из Восточного Берлина на Запад пока продолжается. Кеннеди предстояло ждать следующего шага от советского лидера, Никиты Хрущева.

На следующий день Кеннеди произнес свою знаменитую инаугурационную речь, которую закончил пафосными словами: «Не спрашивайте о том, что страна может сделать для вас; спрашивайте себя, что вы можете сделать для страны». Методы правления Кеннеди разительным образом отличались от таких у Эйзенхауэра. Поскольку у Кеннеди не было опыта руководящей работы, он боялся передавать полномочия кому-либо. И все же он не был «своевольным» президентом. Не чувствуя себя уверенным в своей новой роли руководителя нации, он добивался консенсуса среди своих советников, прежде чем принять решение. И даже после того он зачастую пользовался последним шансом изменить свое решение. Именно эта неспособность настоять на своем и неуверенность в своей правоте

и позволили случиться той катастрофе в заливе Свиней, затем Кубинскому ракетному кризису и наконец — вступлению Америки в войну во Вьетнаме. Он не мог принимать решения в одиночку. До тех пор, пока он вступил в Белый дом, все решения принимал за него его отец.

В первые дни правления Кеннеди встал вопрос о Вьетнаме. Он листал отчеты, предоставленные ЦРУ, вместе со своим помощником по национальной безопасности Уолтом Ростовом. Бригадный генерал Эдвард Лэнсдейл начинал свой отчет с того, что Вьетнам находится в кризисе и нуждается в немедленной поддержке, либо правительство Нго Динь Дьема может рухнуть. Лэнсдейл вернулся из Вьетнама всего за несколько дней до того и уже был приглашен на встречу с президентом, членами его кабинета и его советниками. Лэнсдейл получил свою генеральскую звезду за работу в авиации как службист разведки, но начинал он свою карьеру в годы Второй мировой войны в штабе OSS (Штаб стратегических служб), организации, позже реформированной в ЦРУ. Он служил на Филиппинах, борясь с прокоммунистическими повстанцами, и установил личные отношения с Рамоном Махсесе, в то время министром обороны Филиппин, а потом ставшим президентом страны. Аналогичную вербовку Лэнсдейл провел и в отношении Дьема, который стал резидентом ЦРУ в Сайгоне с 1954 года. Как и многие разведчики, работающие за рубежом страны, он испытывал полное презрение к вчерашним университетским ребятам в штанишках на помочах, происходящих из Госдепартамента. Он считал себя одним из немногих людей, которые понимают азиатскую душу. Его в карикатурном виде изобразили в двух удачных романах: *The Ugly American* («Уродливый американец») и *The Quiet American* («Тихий американец»). Он считал жизнь достаточно простой, как и большинство простых американцев, включая Эйзенхауэра и Кеннеди. Американцы были хорошими парнями, русские — соответственно, плохими. Кеннеди предложил Раску стать послом во Вьетнаме. Раск счел за благо пропустить это предложение мимо ушей, раз это не приказ, и подыскал на этот пост своего человека, Фреда Нолтинга. Но Раск и другие вскоре обнаружили, что Лэнсдейл собрался играть во Вьетнаме гораздо более значительную роль, чем посол.

Прежде чем уйти, администрация Эйзенхауэра выделила финансы на поддержку режима Дьема, и Кеннеди распорядился немедленно пустить в ход эти деньги, плюс деньги на пропаганду. Это тоже было частью американской стратегии борьбы с коммунизмом: убедить неграмотного, задавленного эксплуатацией вьетнамского крестьянина, что демократические ценности стоят выше идей коммунизма. Какой другой подход был возможен? Тактика, которую использовали вьетконговцы — вооруженные силы восставших из Вьетминя, — это террор и усмирение. Но такая оценка противника была наивна, более того, абсурдна. Популярность вьетконговцев среди простых крестьян являлась прямым следствием их нещадной эксплуатации проамериканским правительством Дьема. Президенту Кеннеди и его советникам потребовалось три года, чтобы понять этот очевидный факт, но было уже поздно. Кеннеди уже настроил свою страну на защиту Вьетнама от коммунизма.

Это Эйзенхауэр огласил «теорию домино» на январской встрече с Кеннеди и главными членами его кабинета. Эйзенхауэр предостерегал, что, если Лаос будет захвачен коммунистами, вся остальная Юго-Восточная Азия вскоре последует в этом же направлении, за исключением разве что Таиланда, члена СЕАТО (Военно-политическая организация. Ее создание было оформлено договором, подписанным в Маниле (Филиппины) 8 сентября 1954 года представителями США, Великобритании, Франции (с 1965 года ограничила свое участие), Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Пакистана (в 1973 году вышел из организации). Смысл деятельности этого альянса состоял в координации усилий различных государств, поддерживающих в той или иной степени политику США в регионе. В сентябре 1975 года было принято решение о роспуске организации, прежде всего из-за ее крайне низкой эффективности во время войны во Вьетнаме. В июне 1977 года СЕАТО прекратила свое существование. — *Прим. пер.*). Хотя Британия и Франция также были членами СЕАТО, как и Пакистан, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, ни одна из этих стран не горела желанием послать свои войска на материковую часть Азии. Поскольку Эйзенхауэр обозначил Лаос как наиболее критически важную точку в Азии, Кеннеди вызвал посла США в Лаосе, чтобы тот прояснил ситуацию.

Итак, Патет Лао¹, Народный фронт Коммунистической партии, контролировал почти половину страны. Лаосская армия была беспомощна, ее генералы не видели толком ни одного сражения. Единственный человек в правительстве, кто не был коррумпирован, — это принц Суванна Пума. Единственная причина, по которой французы продолжали удерживать эту колонию, состояла в поддержке национального достоинства Франции. Кеннеди был ошеломлен. Он запросил министерство обороны, чтобы ему представили примерную оценку количества солдат, необходимых для удержания Лаоса от захвата коммунистами. Поскольку военное ведомство не знало ситуации на местах, то ответ был столь же идиотским, как и вопрос: сухопутные войска численностью от 10 до 60 тысяч.

Одновременно был гораздо более важный вопрос: что делать с примерно полутора тысячами вооруженных и обученных кубинских эмигрантов в Гватемале, готовыми вторгнуться на Кубу и свергнуть режим Кастро. Аллен Даллес, глава ЦРУ, показал Кеннеди план, в свое время представленный им Эйзенхауэру. Даллес был убежден в «дуракоустойчивости» этого плана. Он даже подчеркнул, что предлагаемый план еще проще, чем тот, который был задуман в свое время для свержения правительства Гусмана в Гватемале. Но, вопреки уверенности Даллеса в успехе, было одно существенное обстоятельство, которое делало план рискованным. Вторжение намечалось с моря, а не с соседней территории, как в случае Гондураса и Гватемалы. Кеннеди показал план начальникам Объединенных штабов, и те оценили шансы на успех примерно в 30 процентов. Кеннеди возвратил план и дал указание Ричарду Бисселлу, командующему операцией, подготовить новый.

Кеннеди твердо настаивал на одном условии. Не должно быть ни малейшего следа участия США в этой операции. Если бы Бисселл или Даллес были откровенны в беседе с президентом, они сказали бы, что это совершенно невозможно. Полторы тысячи кубинских эмигрантов с оружием, организованные ЦРУ в партизанскую армию, базировались в Гватемале, и необходима была авиация, чтобы забросить их на Кубу. Но оба советника Кеннеди имели свои причины, чтобы содействовать

¹ Прокоммунистическая партия Южного Вьетнама. — *Прим. пер.*

продолжению операции. Первое и главное — бюджет секретных операций составлял 60 процентов от всего бюджета ЦРУ. Предыдущие успешные акции в Иране и в Гватемале послужили усилению значимости скрытных действий. Для нового президента жизненно важным было осознать роль ЦРУ в борьбе против коммунистических режимов. Попытка ЦРУ уничтожить Кастро, предпринятая при Эйзенхауэре, провалилась. Теперь, согласно рапортам из ЦРУ, только вторжение на остров могло привести к падению режима. По сообщениям агентов ЦРУ, посланных на Кубу, как только силы вторжения окажутся на кубинской земле, большинство кубинцев восстанут и режим Кастро моментально падет. И опять упускается из расчетов тот фактор, каким образом Кеннеди мог поверить в возможность успеха подобной операции без поддержки правительства США. Присутствие кубинских эмигрантов в Гватемале не только было известно всему миру, но Кастро также внедрил в ряды наемников своих агентов.

Несмотря на все эти очевидные факты, Кеннеди продолжал настаивать, что, прежде чем он даст «зеленый свет» началу операции, всем должно быть ясно показано, что США не участвуют ни в планировании, ни в осуществлении этой операции. Конечно, у президента имелись веские причины снизить уровень публичного освещения этих усилий по свержению режима Кастро. За месяц до планируемой даты высадки, 16 марта, он пригласил в Белый дом глав всех латиноамериканских государств, за исключением Кубы и Доминиканской Республики, где до сих пор правил Рафаэль Трухильо, чтобы подать гостям то блюдо, которое он считал главным в деятельности своей администрации, — план создания в Западном полушарии экономического альянса, по аналогии и в противовес строящемуся Европейскому общему рынку («Союз ради прогресса» (Alliance for Progress), внешнеполитическая программа США в отношении стран Латинской Америки, выдвинутая Дж. Ф. Кеннеди в ходе президентской предвыборной кампании в октябре 1960 в г. Тампа, штат Флорида).

Но предложенная программа из десяти пунктов заходила намного дальше, чем просто вопросы экономики. Она предусматривала поднятие жизненного уровня во всех задействованных странах путем земельной реформы, улучшения образования

и здравоохранения. План предусматривал расходы США в размере 20 миллиардов долларов за период в десять лет, которые состояли из прямых субвенций правительства США и частных инвестиций. По мере развития программы самые богатые страны Латинской Америки получили бы еще 60 миллиардов долларов.

Главным мотивом для создания альянса было осознание администрациями Эйзенхауэра и Кеннеди, говоря на дипломатическом языке, что наилучший способ противодействия коммунизму в Западном полушарии — это сделать более выгодное предложение, другими словами, поднять жизненный уровень этих стран. Эта затея «Союза ради прогресса» предназначалась для разрушения устойчивого стереотипа империалиста-янки в глазах латиноамериканцев.

«Союз ради прогресса» не возник сам собой из воздуха. В своей речи в 1956 году советский премьер Николай Булганин говорил о неудаче попыток Советского Союза завязать прочные торгово-экономические отношения со странами Центральной и Южной Америки. Он уведомил ЦК компартии, что деловые отношения существуют у СССР только с Мексикой, Аргентиной и Уругваем. Другими словами, проникновение коммунистов в правительство Гусмана, что привело к перевороту и свержению его режима, не может быть приписано действиям советских агентов, а было результатом усилий местных коммунистов. Президент Эйзенхауэр уже посылал своего брата Мильтона, президента университета Пенн, для проведения неформальной ознакомительной поездки по странам Латинской Америки — выяснить, как там относятся к Соединенным Штатам. Все отчеты, переданные президенту, имели негативную окраску: во всех странах отрицательно относились к политике США в регионе. И в 1957 году Ростов и Макс Милликан опубликовали книгу «Предложение: Ключ к эффективной внешней политике». Хотя два этих профессионала не упоминали Латинскую Америку, их тезис о том, что щедрая экономическая помощь бедным не даст распространиться коммунизму, мог быть легко приложен не только к странам Латинской Америки, но и к другим государствам мира.

Два не связанных между собой события встряхнули администрацию Эйзенхауэра и вывели ее из блаженного сна в отношении Латинской Америки. Первое произошло в 1958 году, когда

президент послал вице-президента Ричарда Никсона в поездку «доброй воли» по странам Южной Америки. Все шло, казалось бы, гладко, пока самолет с Никсоном и его женой не приземлился в аэропорту Каракаса, столицы Венесуэлы. В аэропорту на них напала группа агрессивных студентов, ведомых коммунистическими организаторами, и по дороге из аэропорта до посольства стало ясно, что и американское посольство не обеспечит безопасности. Хотя все это было спланированной и подготовленной акцией, но множество людей на улицах, выкрикивающих сакраментальную фразу «янки, гоу хоум», произвело живейшее впечатление на Никсона, а затем и на Эйзенхауэра. Они поняли, что пришла пора менять американскую политику в регионе. Но появление Фиделя Кастро и экспроприация американской собственности на Кубе без компенсации заставили администрацию Эйзенхауэра действовать. Под руководством Милтона Эйзенхауэра и Дугласа Диллона, тогда заместителя госсекретаря по экономическому развитию, были учреждена панамериканская организация и Межамериканский инвестиционный банк. Через несколько месяцев Акт Богота был одобрен советом Организации американских государств; в документе говорилось о необходимости разработать меры по улучшению экономических и социальных условий в Латинской Америке, в рамках панамериканского договора. Был создан особый интерактивный фонд, на который конгресс США выделил 500 миллионов долларов. Когда Эйзенхауэр перед самым своим уходом с поста совершил прощальный тур по Латинской Америке, его повсюду приветствовали радостные толпы. Именно на этой основе, заложенной администрацией Эйзенхауэра, и была создана расширенная программа «Союз ради прогресса». И Диллон, теперь уже секретарь Казначейства в администрации Кеннеди, и Ростов, заместитель Банди, главы Национального совета безопасности, сыграли важнейшую роль в становлении этого альянса.

В течение первых шестидесяти дней правления администрации Кеннеди президент следовал в рамках риторики, заявленной в его инаугурационной речи. Сразу же он принял предложение Хэмфри по формированию Корпуса мира. Молодые люди, вместо того чтобы служить два года в армии, могли по своему выбору отправиться исполнять свой долг как

посланники доброй воли в различных странах третьего мира, живя в тех же условиях, что и местные жители, и обучая их различным практическим вещам, таким как чередование посевных культур, здоровый образ жизни и — там, где это возможно, — давая необходимое образование. Программа предполагала показать миру Америку с ее самых лучших сторон. Американцы всегда щедро раздавали свои деньги, как на помощь иностранным государствам, так и в случае стихийных бедствий; а теперь США готовы были послать свою молодежь для работы рука об руку с обездоленными. Образование Корпуса мира и «Союза ради прогресса» обозначило основу взгляда Кеннеди на мир и его ответственность в нем. Он был первым примером таких молодых людей, которые уезжали на войну, видели ее ужасы и хотели бы навсегда прекратить несчастья, преследовавшие предыдущие поколения. Но его образ и популярность не ограничивались одними Соединенными Штатами. Как он скоро узнает, посетив Париж, Вену и Лондон, мистическое обаяние Кеннеди перешагнуло границы государств. Куда бы он ни приезжал, везде он становился главным источником новостей и объектом общественного внимания.

Но даже при этом полновесном успехе в первый год проблеме Кастро и Кубы все равно предстояло затронуть. Бисселл и Даллес обратились в Белый дом с альтернативным планом, после того как Кеннеди отверг первоначальный, который предусматривал высадку в городе Тринидад. Хотя казалось логичным, чтобы местом высадки был крупный город, где можно надеяться на поддержку местного населения, Кеннеди не пошел на это. Выбор в качестве места высадки заметного города немедленно привлек бы внимание к вторжению и к роли в этом Соединенных Штатов. Итак, вместо этого ЦРУ подобрало глухое местечко на юго-восточном побережье Кубы, известное как залив Свиной. Справа от места высадки располагалось большое непроходимое болото. План требовал проведения предварительной бомбардировки аэродромов, где располагалась авиация Кастро, после чего произойдет береговая атака. Все бомбардировщики В-26 должны будут нести опознавательные символы кубинских ВВС с целью маскировать вовлеченность Америки в конфликт (эта мысль с подобным детским обманом представляется совершенно абсурдной и малопри-

годной для того, чтобы обрести свое место в голове политика мирового уровня. — *Прим. пер.*). Никто не обращал внимания на негативные стороны плана. Учитывая расстояние от Гватемалы, откуда должны будут стартовать бомбардировщики В-26, и до залива Свиней, у пилотов хватит топлива только примерно на час для произведения рекогносцировки и бомбардировки предполагаемого места высадки. Но план не предусматривал, что в ряды штурмующих уже внедрены агенты режима Кастро, которые могут сообщить точное место высадки. При этом позитивная информация, собранная у недавних беглецов с Кубы, говорила о том, что на острове население разом поднимется и восстанет против режима, как только военизированные группы высадятся на берег и образуют там плацдарм на побережье. Хотя Кеннеди был подавлен необходимостью использования американских ВВС для помощи кубинцам-эмигрантам, его советники твердо настаивали, что в конечном счете, если вторжение потерпит неудачу, самолеты будут нужны для спасения сил десанта (еще одна абсурдная мысль, ведь в районе залива Свиней не существовало взлетно-посадочных полос достаточной длины, чтобы принять тяжелые военнотранспортные самолеты. Спасение сил десанта в подобных условиях либо не производится вообще — политика требует жертв! — либо осуществляется вертолетными эскадрильями, однако в те годы потребовалась бы сотня вертолетов для выполнения такой задачи! Даже значительно более поздняя операция по спасению американских заложников в Иране в 1980 году, с применением комбинированных сил военнотранспортных самолетов и далее — десантных вертолетов, потерпела полное фиаско. — *Прим. пер.*).

Стремясь замаскировать подготавливаемую атаку, Кеннеди предложил отменить вторую бомбардировку кубинских аэродромов с малой авиацией и сократить количество используемых для огневой подготовки бомбардировщиков с шестнадцати до восьми. Бисселл возражал, что президент готов пожертвовать успехом операции, но Кеннеди было не сдвинуть с места. Конечно, все в Гаване, как и в американской прессе, прекрасно были осведомлены о готовящемся вторжении. Итак, президент в своих попытках скрыть следы американского участия в операции никого не сумел обмануть и в то же время заранее готовил

провал вторжения. Кубинские войска готовились к атаке в составе 20 тысяч человек, прикрываемых танками. Информаторы, внедренные в среду кубинских эмигрантов, сообщали Кастро необходимые сведения. Предсказанное кубинскими эмигрантами восстание населения острова так и не материализовалось. В ООН кубинский делегат обвинил США в подготовке нападения. Он вопрошал: откуда кубинские эмигранты взяли корабли для высадки? Откуда они взяли самолеты и средства связи? Вторжение стало катастрофой, но Джону Кеннеди некого было винить, кроме себя самого.

Даже после неудавшегося вторжения рейтинги Кеннеди по опросам оставались довольно высокими. Он обладал редкой способностью излучать оптимизм и надежность. Телевидение словно специально было сделано для него, и он им умело пользовался. А еще важнее для Кеннеди были отношения с другими средствами массовой информации.

Кеннеди подготовил почву для грядущего ракетного кризиса. Когда он встретился с Никсоном вскоре после кубинской катастрофы, то в стремлении выразить свою поддержку Никсон, как сообщалось, посочувствовал Кеннеди, но выразил мнение, что от Кастро нужно избавиться теперь с помощью военной машины США. Конечно, легко говорить, не боясь последствий. Но Никсон считал, что важнее показать Советскому Союзу, что США не намерены пускать его в Западное полушарие, нежели беспокоиться о мировой реакции на атаку против Кубы. Нет сомнений, что в Кремле расценили нежелание Кеннеди напрямую использовать военную мощь США как признак слабости. Когда речь шла о венгерском восстании, Хрущев не колеблясь послал советские танки и артиллерию для полного подавления мятежа.

За время своего пребывания в Белом доме Кеннеди нашел способ обосновать свое нежелание применять силу для противодействия силе тем, что в этом и есть различие между демократическим и тоталитарным правлением. И в то же время он не задумываясь давал санкцию на применение напалма и отравляющих дефолиантов американскими войсками во Вьетнаме (дефолианты — группа химических веществ, вызывающих быстрое опадание лиственного покрова, применялись во Вьетнаме вплоть до начала 1970-х годов с целью расчистки гу-

стых джунглей от партизан. Однако не меньше пострадали и американские солдаты — от контакта с печально известным «эйджент орандж» (Agent Orange, или «оранжевое вещество»). — *Прим. пер.*

Кеннеди не имел достаточно времени для тщательного изучения этого вопроса. Перед ним все еще стояла проблема Лаоса. На сей раз он решил быть более осмотрительным. Он пришел к выводу, что необходимо выработать некий компромисс, который позволит сохранить в Лаосе статус-кво. Посол по особым поручениям Аверелл Гарриман вошел в контакт с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру, который, в свою очередь, передал послание в Москву. Соединенные Штаты оставляли Лаос с нынешним комбинированным составом правительства из коммунистов и принца Суванны Пумы, если Хрущеву удастся убедить Северный Вьетнам отказаться от открытой поддержки Патет Лао. К приятному удивлению Кеннеди, глава правительства Северного Вьетнама Хо Ши Мин согласился на эти условия! Он побеждал в Южном Вьетнаме, что было необходимо для его исходной цели — добиться окончательного объединения Вьетнама. Лаос в его планы не входил. Введение войск США в Юго-Восточную Азию прямо рядом с границами его страны могло только создать дополнительные препятствия в обозримом будущем. Лаос оставался бы нейтральным. Но если Кеннеди, Хрущев и Хо Ши Мин были удовлетворены новым соглашением, то твердые антикоммунисты в Соединенных Штатах — отнюдь нет. Снова зазвучали старые обвинения в том, что демократы продолжают оставаться слишком мягкими с коммунистами. Это был момент, когда Кеннеди пришел к заключению, что Южный Вьетнам нужно защищать любой ценой. Немедленно туда направили дополнительно большое количество военных советников, исключительно в штатском. Как и в случае с Кубой, он продолжал играть в прятки.

Госсекретарь Раск, возможно, рассчитывал, что положил президентским играм предел, когда отправил послом в Южный Вьетнам Нолтинга вместо генерала Лэнсдейла, но он ошибался. Кеннеди был заинтересован идеями, которые генерал изложил ему при первой встрече. Он был согласен с Лэнсдейлом,

что единственный путь борьбы с коммунизмом — это антиповстанческие силы. Более того, приняв личное решение о том, что именно Южный Вьетнам станет точкой остановки коммунистической агрессии в Юго-Восточной Азии, Кеннеди нуждался в человеке, который на месте применил бы свой опыт борьбы с повстанцами. Лэнсдейл успешно боролся с коммунистическими повстанцами на Филиппинах. Почему бы не использовать ту же тактику и во Вьетнаме? В конце концов, джунгли там и тут одинаковые. Он создал группу для разработки стратегии по действиям во Вьетнаме. Первый отчет группы говорил о необходимости привлечения большего числа военных советников, если Соединенные Штаты согласились с финансированием армии президента Южного Вьетнама Дьема, с мобилизацией еще 20 тысяч человек в добавление к уже воюющим 150 тысячам. Хотя это шло вразрез с соглашениями, достигнутыми в 1954 году в Женеве, однако это было намного меньшим нарушением, чем неспособность и Севера и Юга провести в 1956 году референдум о будущем статусе Южного Вьетнама. Но самая суть доклада Лэнсдейла состояла в описании растущей мощи вьетконговской армии по сравнению с предыдущим годом. Для подкрепления своего вывода он представил цифры, основанные на чистых домыслах о количестве воюющих вьетконговцев. В 1960 году, как говорилось в докладе, их было 4400 человек. Всего за пятнадцать месяцев это число выросло до 12 тысяч. Лэнсдейл пришел к выводу, что вьетконговцы, прямо или косвенно, контролируют более 58 процентов территории Южного Вьетнама, а потери с обеих сторон составили 4500 человек. Никто из сидящих в зале не поинтересовался источником этих статистических сведений или оснований для его утверждения, что Вьетконг предсказывал победу к концу 1961 года. Президент подписал предложение Лэнсдейла и вскоре после этого послал вице-президента Джонсона с персональным письмом к президенту Дьему. В этом письме Кеннеди заверял, что Дьем может твердо рассчитывать на полную поддержку Соединенных Штатов в борьбе с коммунистическими повстанцами. Это включало и экономическую, и военную помощь.

Мысли о заливе Свиней и о Лаосе все еще занимали мысли президента. Он не обретет уверенности до тех пор, пока позже

не разрулит успешно Кубинский ракетный кризис. Но к тому времени было уже поздно: американская политика во Вьетнаме уже утвердилась и заостенела.

Подталкиваемый своим первоначальным энтузиазмом, возбужденным болтовней генерала Лэнсдейла, Кеннеди гадал, не вступит ли он в очередную неудачную авантюру. Он обратился к Джону Гэлбрейту, послу США в Индии, с просьбой сделать остановку в Сайгоне на пути в Индию. Гэлбрейт, через несколько дней консультаций с послом Нолтингом, сообщил президенту, что посол уверен — проблема в самом Дьеме. Это противоречило данным, представленным Лэнсдейлом. И опять же, кем можно заменить Дьема и как это сделать? Нолтинг мог быть прав или ошибаться, но на тот момент проблема имела в большей степени военный, а не экономический характер. Между тем Дьем, зная, что ему нет альтернативы в обозримой близости, мог теперь использовать письмо Кеннеди, доставленное с Джонсоном, чтобы играть в свою пользу на собственной внутренней неуверенности Кеннеди. Получив финансирование и дополнительных военных советников, в целях увеличения армии на 20 тысяч человек, Дьем стал требовать увеличить последнюю цифру до 80 тысяч, с тем чтобы армия достигла численности в 250 тысяч человек. Он запросил также еще инструкторов и даже боевые подразделения США. Игра во Вьетнаме становилась все серьезнее. Но еще прежде, чем дело стало совсем круто, Раск и Макнамара решили разбавить плотность услуг Лэнсдейла. В скором времени Роберт Кеннеди сообщил Лэнсдейлу, что он возглавит новую группу, готовящуюся свергнуть Фиделя Кастро.

Семью месяцами раньше Кеннеди необходимо было иметь дело с новой фазой событий во Вьетнаме, он должен был сопротивляться напору Хрущева по вопросу о Берлине. С момента, как ушел Эйзенхауэр, вопрос о будущем статусе сил США в Берлине оставался подвешенным. Теперь Хрущев снова грозился подписать мирный договор с Восточной Германией и передать вопрос о статусе Берлина в руки восточногерманского правительства. Была организована частная встреча Кеннеди и Хрущева в Вене. Поскольку британцы и французы имели интересы в Берлине, будучи участниками первоначального соглашения со Сталиным в 1945 году, где говорилось о совместной

оккупации Берлина, Кеннеди известил их о предполагаемой встрече. Прежде чем прибыть в Вену, Кеннеди собирался сделать остановку в Париже, чтобы принять приглашение президента Франции Шарля де Голля. А на обратном пути Кеннеди собирался остановиться в Лондоне и встретиться с британским премьер-министром Гарольдом Макмилланом. Прием, который встретили Кеннеди и его супруга по прибытии в Париж, был выше всех ожиданий. Де Голль лично встретил их в аэропорту, а по пути следования в Париж вдоль улиц стояли огромные толпы людей, приветствующих Кеннеди и его супругу. (Почему-то в оригинале ничего не сказано об организованности этой акции государством, как это было в случае Латинской Америки. — *Прим. пер.*) [...] В приватной беседе французский президент проинформировал Кеннеди по двум вопросам. Что касается отношений Кеннеди с Советами, Франция будет на его стороне, что бы то ни было. Что же касается Юго-Восточной Азии, де Голль предостерег Кеннеди от ввязывания в сухопутную войну в Азии. Как сказал де Голль, в отличие от Запада, человеческая жизнь в той части мира считается практически ничего не стоящей. Это был почти тот же самый совет, что Кеннеди получил (в свое время) от генерала Дугласа Мак-Артура. Кеннеди понял логику двух этих сообщений. Но оба генерала позабыли о превратностях американской политики и о жажде Кеннеди оставить в истории значительный след. Это последнее больше всего владело его умом и превалировало над всеми прочими соображениями. Если Вьетнам окажется в руках коммунистов, то он навсегда запомнится как президент, отдавший всю Юго-Восточную Азию коммунистам. Ни один историк не впишет его имя золотыми буквами в книгу о героях, противопоставивших мужество своему противнику.

Когда Кеннеди встретился с Хрущевым в Вене в июне 1961 года для обсуждения будущего Берлина и — возможно — Лос-Анжелеса, американская разведка была не в состоянии обеспечить президента какой-либо информацией о степени влиятельности Хрущева в Политбюро. Пока был жив Сталин, и Рузвельт и Трумэн знали, что диктатура пролетариата подразумевает одного человека. Перед тем как начать наступление против венгерских повстанцев, Хрущев послал Алексея Косыгина в Будапешт, по настоянию других членов Политбюро, чтобы решить, нужно

ли военное вмешательство. И только когда Косыгин вернулся с сообщением, что введение танков и моторизованной пехоты необходимо, были предприняты соответствующие действия. Конечно, в то время в США об этом не знали. Точно так же и Хрущев, встретившись с Эйзенхауэром, никак не дал тому понять, что его положение в Политбюро вовсе не аналогично положению Сталина. И значит, Кеннеди, встречаясь с Хрущевым в Вене, предполагал, что Хрущев обладает абсолютной властью в Советском Союзе. Точно так же Кеннеди не ожидал, что его личное обаяние, столь эффективное при контактах с людьми из обеих партий в США, будет потеряно при переводе на русский менталитет. Хрущев прибыл в Вену с единственной целью — унизить Кеннеди, который, как Хрущев решил после фиаско в заливе Свиней, показал себя непригодным к роли президента. В течение двух дней Хрущев осыпал Кеннеди длинными речами, на которые у президента не нашлось хороших ответов. Это был момент, когда его били, а он отсиживался в уголке ринга. Встреча, которой предназначалось стать началом разрядки, теперь, судя по всему, вела к войне по вопросу о Берлине. Хрущев выглядел твердым как алмаз. Он собирался подписать мирный договор с Восточной Германией, потому что США нарушили Потсдамские соглашения, вооружая Западную Германию (ФРГ). После визита к Макмиллану на обратном пути Кеннеди уже готовился к худшему, к войне с Советским Союзом. Ни США, ни союзники — Британия и Франция — не были готовы к «закрытию лавки».

Как и в случае с Эйзенхауэром в 1958 году, Хрущев блефовал. Но неопытный Кеннеди ни в чем не был уверен. Он увеличил число призывников и нарастил численность флота и морской пехоты. Он послал генерала Люсиуса Клея, командующего войсками США при Берлинской блокаде, снова в Берлин, чтобы подкрепить людей в Западном Берлине, часть которых уже стала гражданами Западной Германии. Соединенные Штаты обладали достаточным арсеналом вооружений, чтобы уничтожить Советский Союз, и другие члены Политбюро наверняка не дали бы Хрущеву развязать войну, в которой их страна погибла бы. Одним словом, у Хрущева была слабая позиция, и он мог добиться своего только путем блефа. Но блеф хорош до известной черты, где он перестает действовать. Ответом Политбюро

на «утечку мозгов» из Восточной Германии стало возведение Берлинской стены. За несколько последующих лет случались инциденты, когда казалось, будто власти Восточной Германии хотят установить (в результате провокации) контроль над всем городом, но в конечном счете статус-кво устоял. Почти четырехметровая стена с колючей проволокой поверху и шарящими во тьме прожекторами стала еще одним элементом «железного занавеса».

В первый год своего пребывания в Белом доме практически вся энергия Кеннеди расходовалась на внешнеполитические кризисы. Но в 1962 году, когда приближались выборы в конгресс, и по исторической традиции правящая партия на этих промежуточных выборах теряла места в конгрессе в пользу оппозиции. Если Кеннеди хотел сохранить существенное большинство в обеих палатах конгресса, ему следовало уделить больше внимания экономике. Руководитель его аппарата экономических советников, Уолтер Хеллер, был приверженцем теории Кейнса и хотел резко сократить налоги для стимулирования экономики. Ему возражал секретарь Казначейства Диллон, республиканец, который считал, что необходимо чин чинарем принять новое налоговое законодательство, прежде чем сокращать налоги. В то же время министр труда Артур Голдберг пытался договориться с крупными производителями стали и их рабочими профсоюзами о том, чтобы предотвратить какое-либо повышение цены на сталь — это привело бы к немедленной инфляции. Наконец, 31 марта 1962 года министр уведомил Кеннеди, что компания United States Steel, которая производила четверть всей стали США, пришла к согласию со своим профсоюзом. Это давало рабочим 10-процентную надбавку к зарплате без повышения отпускной цены на сталь. На следующий же день остальные крупнейшие сталелитейные компании Америки последовали этому примеру. Кеннеди считал это соглашением своей большой победой, поскольку теперь демократы были удовлетворены (а их избирательной базой во многом были промышленные рабочие), и в то же время инфляция сдерживалась. Окончательно контракт был подписан 6 апреля. Через четыре дня Роджер Блог, глава компании United States Steel, отступил от условий контракта и представил президенту четырехстраничное заявление, которое одновременно скопировал

и разослал в прессу. А в сущности, это заявление состояло лишь из одного содержательного суждения: с завтрашнего дня компания поднимает цены на свою сталь на 3,5 процента по всей ассортиментной линейке. Другие пять основных компаний быстро сообразили, что кто-то хочет перекрыть кислород братьям Кеннеди, в особенности Роберту. Он посчитал поступок United States Steel попыткой нагло оскандалить его брата. За несколько часов он смог подключить силы ФБР Эдгара Гувера, в результате чего все телефоны топ-менеджеров этих компаний были взяты на прослушку. Агенты звонили им поздно ночью и сообщали, что их могут вызвать в министерство юстиции для выяснения разнообразных вопросов, включая их отчеты по расходам, что могло стать основанием для расследования со стороны ФБР. На следующий день Кларк Клиффорд, знаменитый вашингтонский адвокат и один из главных лоббистов в стране, организовал встречу, где присутствовал глава компании Inland Steel. Чуть позже в течение дня глава этой компании заявил, что она отзывает свое заявление о повышении цен, и другие фирмы отрасли также последовали примеру.

Свертывание попыток поднять цену на сталь было, безусловно, победой для Кеннеди, пусть достигнутой незаконными методами. Однако главнейшим моментом президентства Кеннеди, на чем оказалась впоследствии основана его слава, был успешный исход урегулирования Кубинского ракетного кризиса. В этой леденящей кровь драме, когда весь мир балансировал чуть ли не на грани Армагеддона атомной войны, этот герой Свободного Мира встал своей грудью против русских и заставил их убрать опасные ракеты с Кубы. Факты говорят о том, что у него просто не было выбора. Как сам он заметил: «Если бы я не сделал ничего, меня подвергли бы импичменту». Доверяя ему, надо отметить, что все-таки было два варианта. Один предлагался военными из «ястребов» — массированная бомбардировка мест монтажа ракетных установок или уже готовых к пуску ракет, после чего — мощное вторжение американских войск. Другой выдвигали трезвомыслящие люди, предлагавшие ввести блокаду острова и не допускать к нему никакие советские суда, которые будут выгружать там военное оборудование. Согласно международному праву, последнее тоже означало фактически войну. Однако президент решил так:

если блокада не даст результатов и ракеты не будут удалены, то тогда уж следует передать дело в руки военных.

Все подготовительные действия для проведения военной операции уже были проведены, когда Хрущев сдал назад. Но это не Хрущев принимал решение, а другие члены Политбюро. Хрущев нарушил главное правило Сталина: никогда напрямую не бросать вызов Соединенным Штатам; использовать только суррогаты, отвлекающие маневры, чтобы не потерять лица. Для спасения своей собственной карьеры (или шкуры?) Хрущев постоянно должен был идти на обмены системы *quid pro quo* — «кому — сколько». Через посредника, который контактировал с Робертом Кеннеди, он предложил убрать все ракетные установки с Кубы в обмен на то, чтобы США разобрали свои системы «Юпитер», размещенные в Турции. Поскольку американские подлодки «Поларис» были оснащены теперь собственными ракетными системами, способными достигать Советского Союза, Кеннеди и его советники приняли предложение Хрущева, но с одним условием. Он может использовать свой принцип собственного спасения *quid pro quo* — «кому — сколько» только в узком кругу Политбюро, но не предавать достигнутые (с Америкой) договоренности немедленной огласке. А через шесть месяцев после окончания кризиса ракетные установки в Турции и в Италии будут разобраны.

Но в эйфории и клубах фимиама вокруг Кеннеди, которые обеспечивала пресса, да и обе политические партии, неясным остался вопрос, которым никто даже не обеспокоился. Почему администрации потребовалось 18 месяцев для того, чтобы понять, что же происходит на Кубе? Не ранее как 6 августа 1962 года, через полтора года после провала вторжения в заливе Свиней, новый глава ЦРУ Джон Мак-Кон заявил, что есть достаточные основания для исследования проблемы возрастающего количества русских военных советников на острове и большого количества грузов, которые доставляют туда морем и разгружают в потайных портах Кубы. Как могли ЦРУ и военная разведка не предположить, что Кастро обратится к Советскому Союзу за военной помощью в отражении агрессии Соединенных Штатов? В обеих палатах конгресса законодатели гневно призывали к военным действиям против коммунистической диктатуры у берегов Флориды. Еще менее объяснимо,

что Роберт Кеннеди собрал целевую группу под руководством генерала Лэнсдейла, под названием «Операция Мангуст», заявленной целью которой было устранение Кастро открытыми или тайными методами. Естественно, для выполнения такой задачи Лэнсдейлу потребовалось бы привлечь кубинцев, оставшихся на острове. Другими словами, администрация Кеннеди жила в сладкой дремоте.

Здесь лежит основная слабость президентства Кеннеди. Никто не был ни за что в ответе. Роберт Кеннеди и его группа были больше заняты планами мести, чем выяснением фактологии происходящего на Кубе при Кастро. Многочисленные службы, которым это было поручено, крепко спали за рабочими столами. Президент, чья роль в правительстве заключалась в принятии решения, полагался больше на консенсус своих помощников. Во время пика ракетного кризиса, когда в Овальном кабинете Белого дома собрались две дюжины его советников, президент предложил им проголосовать по вопросу: начинать или нет превентивную атаку на Кубу. Роберт Кеннеди, который не сомневался в надежности создаваемой группы по уничтожению Кастро, считал, что военное нападение было бы неправильным. Президент, похоже, согласился с таким мнением, а начальники Объединенных штабов сидели, словно воды в рот набрав. Это члены Политбюро урегулировали проблему, встретившись с Кеннеди и его советниками.

Тем временем ситуация во Вьетнаме то ухудшалась, то улучшалась, в зависимости от поставщика информации. К 1962 году присутствие США во Вьетнаме возросло от 2500 до 11 500 человек. И среди американцев были потери. Стратегическая программа развития деревни в «деревню-крепость» была принята во многих поселениях и считалась успешной, хотя некоторые называли ее созданием своего рода концлагерей. Из 2350 деревень в Южном Вьетнаме 1617 находились под контролем сил Южного Вьетнама, а 793 находились во власти вьетконговцев, в программу попало 25 от одной и 25 от другой стороны. Количество вьетконговцев, убитых в ходе боевых действий, и число до сих пор действующих все еще можно было оценить только на глазок. Бойцы Вьетконга больше не боялись американских вертолетов и часто подстреливали их. Единственное, в чем все были согласны, — это что Нго Динь Дьем

должен уйти. Кеннеди, по своему обыкновению, занял позицию где-то посередине. Его реакцией на ситуацию стала засылка еще большего количества советников, каждый из которых возвращался со своим видением ситуации и со своими предложениями, но никто не выдвинул удовлетворительного варианта решения. Если президент выводит войска США и советников из страны, то, по единодушному мнению всех его советников, вьетконговцы захватят власть месяца за три. Если войска останутся и продолжат войну до победы, постоянно увеличивая количество своих военных там, то и потери продолжают расти. И Кеннеди принял единственное решение, на которое был способен, — он согласился (возможно, в оригинале опечатка, поэтому следует читать не «complained» — «жаловался», а «complied» — «согласился». — *Прим. пер.*).

На домашнем фронте ему пришлось маневрировать с законодательством. Кеннеди мог в исполнительном порядке ввести Федеральный закон о размещении налогов, но если бы он так поступил, то вызвал бы гнев сенаторов с Юга, которые понадобились бы ему для принятия более важных законов. Его достижения в области гражданских прав оказались не лучше, чем у его предшественника Эйзенхауэра, хотя его брат Роберт был генеральным прокурором (сколько возможностей!).

Намерения Роберта заключались в том, чтобы обеспечить хорошее реноме брату Джону и не слишком раскачивать лодку. По поводу экономики советник Кеннеди по экономике продолжал подталкивать его к резкому снижению налогов ради подстегивания вялой экономики, и хотя президент мог провести такой закон через палату представителей осенью 1963 года, шансы на прохождение закона в сенате были ничтожны.

Хотя национальная оборона продолжала быть главнейшим вопросом, но в процентах от общего бюджета доля расходов на оборону снижалась. От почти 70 процентов в 1955 году до 48 процентов в 1963 году — вот каким было это относительное снижение приоритетности. Основной рост расходов бюджета приходился на космические программы, исходя из желания Джона Кеннеди обязательно обогнать русских в отправке человека на Луну, и на сельскохозяйственные дотации, которые поддерживали бесперебойное снабжение свининой все законодательные структуры на местах (это чисто американская

двусмысленная шутка, но деньги на сельское хозяйство разворывались всегда и везде. — *Прим. пер.*). В то же время дефицит госбюджета продолжал расти. За три года правления Кеннеди он увеличился на 17 миллиардов долларов, что почти равно 20 миллиардам долларов дефицита, созданного за время правления Трумэна и Эйзенхауэра. Краткая рецессия 1958 года во времена Эйзенхауэра закончилась еще до прихода в Белый дом Кеннеди. Так что проблему нужно целиком отнести на его счет. Отчасти это было вызвано большой занятостью Кеннеди в международных делах, что не позволяло ему уделить должного внимания домашним проблемам. Он видел свою роль президента в том, чтобы быть лидером свободного мира в борьбе против коммунизма, а вовсе не в том, чтобы кропотливо проталкивать через законодательные органы, которые очень ревниво относятся к своим прерогативам. Кроме того, как номинальный глава Демократической партии, он должен был поддерживать своих однопартийцев-демократов в их собственных устремлениях. [...]

Во внешнеполитических делах он был более-менее свободен от вмешательства конгресса в свои действия, но если ему хотелось увеличить финансирование космической программы, ему приходилось уступать в других областях. В Европе был де Голль, который блокировал вступление Великобритании в общий рынок и настаивал на проведении Францией собственной внешней политики, независимой от Соединенных Штатов. В Лаосе продолжался мятеж повстанческой организации Патет Лао, и, судя по всему, правительству той страны суждено вскоре стать коммунистическим. И еще Кеннеди сохранял надежду на договор с Советским Союзом о запрещении испытаний ядерного оружия. И последнее, но немаловажное: ему нужно было решить, что делать с Вьетнамом и с непоколебимым упрямством Дьема.

Первый успех, достигнутый администрацией Кеннеди, состоял в заключении договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, в результате засылки старого «волка» от Демократической партии, Аверелла Гарримана, на переговоры с Хрущевым. Ранее Гарриман передавал документы о ленд-лизе от Рузвельта, был его послом в России во время Второй мировой войны. Из своих контактов со Сталиным

и Молотовым Гарриман заключил, что никакие инспекции на местах будут невозможны. И вместо того чтобы добиваться полного запрета всех испытаний, включая подземные, он сосредоточился на тех видах испытаний, которые могли быть проверены и без всякой инспекции на месте — а именно: в атмосфере, космосе и под водой. В результате он получил договор, который мог быть ратифицирован необходимыми двумя третями сената США. Заполучив это важное для президента завоевание, он был награжден должностью заместителя госсекретаря по Дальнему Востоку, в надежде, что он сможет разрешить и проблему Вьетнама. Кеннеди также решил сместить Нолтинга, которого многие считали слишком сближающимся с Дьемом, и назначить на его место бывшего сенатора Генри Кэбота Лоджа из Массачусетса, которому Кеннеди проиграл в своей первой попытке попасть в сенат. Назначая на этот пост республиканца, Кеннеди надеялся, что, какие бы ни были предъявлены потом обвинения за проваленное дело, он всегда сможет разделить ответственность с Республиканской партией.

Политическая ситуация во Вьетнаме повернулась резко к худшему. Американские военные заявляли, что Вьетконг проигрывает войну; Госдепартамент и недавно назначенный посол Лодж призывали сместить Дьема; ЦРУ было убеждено, что программа «по деревенским крепостям» прекрасно действует; а Дьем настаивал, что все у него под контролем. В такой ситуации земля полнилась слухами. Самый распространенный заключался в том, что Дьем вошел в тайный сговор с французами, чтобы договориться с Хо Ши Мином и выкинуть из Вьетнама американцев. Только американские корреспонденты СМИ с места событий передавали более-менее точную картину происходящего. Вьетнамским крестьянам было непросто, они оказались зажаты между правительственными налоговиками и вооруженными неоплаченными (оттого злобными) солдатами, заставляющими их строить «деревни-крепости», и вылазками вьетконговцев, которые вполне могли проникать в эти так называемые крепости ночью. В Сайгоне коррупция была безудержной. Приток долларов на экономическую и военную помощь вспенивал основную экономику страны, как газировка в сифоне. Нгу (один из подручных диктатора Дьема. — *Прим. пер.*) использовал часть фондов на армию для создания своей

собственной преданной гвардии из 1100 человек. Некоторые генералы во вьетнамской армии были готовы свергнуть режим Дьема, но ждали одобрения и/или молчаливого согласия американских начальников в Сайгоне. Несмотря на заявления генерала Пола Харкина, командующего американскими силами во Вьетнаме, что к 1965 году война будет закончена и все 17 тысяч американских военнослужащих будут выведены из страны, это были не более чем благие пожелания. Не важно, о скольких убитых вьетконговцах каждый год сообщала армия Южного Вьетнама, на следующий год вместо погибших оказывалось еще больше живых и боеспособных. Кеннеди почувствовал себя в ловушке. С одной стороны, военные сообщали ему, что война движется в благоприятном направлении, пусть даже у власти остаются Дьем и Нгу, а с другой стороны — люди из Госдепартамента твердили, что, пока у власти остаются Дьем и Нгу, нет надежды на успешное завершение кампании.

Кеннеди решил, что единственные люди, способные предоставить ему точную оценку состояния дел во Вьетнаме, — это министр обороны Макнамара и генерал Максвелл Тейлор, начальник Объединенных штабов. Эти двое, вместе с Лоджем, провели длительную встречу с Дьемом.

В сопровождении Харкина Макнамара и Тейлор посетили некоторые места боев. Тейлор был впечатлен тем, как ведется война, но Макнамара начал разочаровываться в руководстве Дьема. Чем больше он видел и слышал, тем больше склонялся на сторону Лоджа и тех в Госдепартаменте, кто считал, что нет надежды на победу в войне, пока у власти остаются Дьем и Нгу, если только они не заручатся поддержкой буддистов, которые составляли около 80 процентов населения. Исходный пункт их оценки состоял в том, что и американская армия, и Госдепартамент рассматривали войну во Вьетнаме как идеологическую борьбу между силами коммунизма и демократии, тогда как истинная причина восстания крестьянского населения Южного Вьетнама состояла в нещадной экономической эксплуатации их существующим режимом. Хотя французские войска и гражданская администрация покинули страну, французские колонисты все еще контролировали огромные плантации каучукового дерева. Следовательно, Вьетконг представлял собой сугубо местное восстание. Значительная часть

их оружия досталась от дезертиров из армии Дьема. Явную ненависть к правлению Дьема и Нгу испытывали и военные, исключенные из рядов армии правящей клики.

Вскоре после того, как Макнамара и Тейлор вернулись в Вашингтон, подполковник Люсьен Конейн, завербованный ЦРУ в Сайгоне, имел беседу с генералом «Большим» Дуонг Ван Минем. Это была не первая их встреча. Минь хотел узнать от подполковника, как американцы могут отреагировать на события в случае военного переворота. На тот момент генерал не получил прямого ответа. Он не понимал, как функционирует Белый дом при Кеннеди. Будучи противоположностью диктатуре, это было управление спорящим обществом, где президент может поступить так или иначе, основываясь на мнениях людей. Роджер Хиллсман и Гарриман в Штатах, Лодж — из Сайгона, они убеждали Кеннеди избавиться от Дьема и Нгу, а Кеннеди настаивал на гарантиях, что сменившее их правительство будет в чем-то лучше. Поскольку никто не мог знать, какой генерал всплывет как новый глава правительства, ситуация во Вьетнаме продолжала затягиваться, переходя от плохой к худшей. Кроме того, президент Нго Динь Дьем и его брат, Нго Динь Нгу, не желали видеть американцев своими советчиками и руководителями их политики. Распространением слухов, что ими якобы ведутся переговоры с Хо Ши Мином, братья держали американцев в состоянии напряженного внимания к их персонам.

Для Кеннеди Вьетнам стал удавкой на шее. Увеличив военное присутствие США во Вьетнаме до 17 500 человек, Кеннеди тем самым сделал успех или провал в этой стране залогом оценки своей внешней политики. Что было еще хуже, вопрос широко обсуждался в прессе и в конгрессе. Если он бросил бы Вьетнам на произвол судьбы, вся Юго-Восточная Азия попала бы в руки коммунистов, и с таким президентским наследством — как жить? Если бы продолжал поддерживать полностью коррумпированный режим, то вынужден был делать это с помощью дополнительных войск, и эта трясина окончательно поглотила бы его. Еще более важным вопросом представлялась президентская кампания 1964 года. Он сказал брату и другим близким людям, что дождется своих перевыборов и тогда в 1965 году начнет вытаскивать Америку из Вьетнама и позволит событиям развиваться естественным путем. Но это был миф, призванный сохранить «бе-

лым» имидж Кеннеди. Фактически не существовало способа оставить Вьетнам на произвол судьбы, потому что это было бы потерей лица для Америки. Подход Кеннеди к ведению войны мог оказаться иным, чем у Линдона Джонсона, но, что бы ни говорили апологеты Кеннеди, именно он вверг Америку в постоянно расширяющееся присутствие во Вьетнаме, до той точки, когда Америке стало очень плохо там.

Генерал Минь встретился с полковником Конейном в начале октября и сообщил, что участники переворота уже определены и что все произойдет в самое ближайшее время. Он описал общую схему переворота, включая намерение умертвить Нгу и Нго Дин Кана, но оставить Дьема у власти. В конечном счете было принято решение продвигаться по этому плану.

Тогда как Кеннеди и его брат Роберт были обеспокоены только возможным провалом переворота, значительно меньшее внимание уделено было тому варианту, когда переворот удастся. Если администрация признает новое правительство и обеспечит его необходимыми средствами, то она и будет отвечать за дальнейший успех дела. По сути дела, Соединенные Штаты нежданно-негаданно оказались в положении, когда успех войны мог быть достигнут только путем свержения законного правительства.

Военный переворот оказался успешным, единственной непредвиденной деталью оказалось убийство Дьема. Генерал Минь был объявлен президентом, а бывший вице-президент Нгуен Нгок Тхо — премьер-министром. Национальная ассамблея была распущена, действие конституции приостановлено. Новое правительство было признано Соединенными Штатами 8 ноября 1963 года. Лодж немедленно заверил это новое правительство, что военная и экономическая помощь будет предоставляться для полного завершения войны.

Теперь, когда переворот состоялся, Кеннеди мог предаться своему обожаемому занятию — разъезжать с предвыборными выступлениями. Вместо того чтобы заняться внутренними и внешними кризисами, он с наслаждением купался в ликовании толпы, как удачливый дебютант в шоу-бизнесе. И на самом пике его славы раздались выстрелы, эхо от которых разнеслось по всему миру. Когда президент проезжал в открытом автомобиле с женой, 22 ноября 1963 года, его сразила пуля (на самом

деле пуль было несколько, как и подтвердила экспертиза, однако обстоятельства покушения на Кеннеди до сих пор остаются нерассекреченными. — *Прим. пер.*). Нация была в шоке, глубоком трауре и скорби. Со всех стран мира съехались лидеры государств, чтобы отдать дань памяти человеку и президенту на его похоронах. В некоторых органах прессы трагическую смерть Кеннеди сравнивали с гибелью Линкольна. Но Линкольн сумел управлять так, чтобы успешно завершить Гражданскую войну, которая грозила разделом страны на две части, а вот Кеннеди вверг правительство в войну далеко за морями, что в конечном счете разделило страну. Пусть ненамеренно, но он расширил и поддержал «холодную войну».

Глава 8.

«Великое общество» — президентство Линдона Джонсона

Любая оценка президентства Линдона Джонсона немедленно натывается на вопрос о том, в какой мере он ответственен за расширение вьетнамской войны. Некоторые историки и биографы считают его роль в той войне трагической, ведь это помешало заметить его достижения в области помощи бедным, старикам и чернокожим. Но Джонсон унаследовал от своего предшественника продолжающуюся войну. Это было не его решение расширить контингент из нескольких сотен военных советников до армии в 16 тысяч человек. Это не Джонсон давал согласие на проведение переворота, который, как ни суди, сверг законное правительство страны, с надеждой на то, что новое правительство будет выполнять указания США и наконец завоюет победу на поле боя. Это Кеннеди, а не Джонсон сделал Вьетнам самой американской войной. И, несмотря на все эти факты, вьетнамская война до сих пор приписывается исключительно «заслугам» Джонсона. Побудительным фактором для такого искажения исторической правды стал сам Джонсон. Крупный человек, с преувеличенным тщеславием, из Техаса, где все самое большое в мире, обремененный своими «южными» комплексами, без хорошего образования и культуры, так отчетливо контрастировал с учтивым, культурным и обаятельным Кеннеди, и это утоляло его тщеславие — вот, он сейчас неплохо управляет вместо Кеннеди. К Джонсону особых претензий нет: все, что вы слышали или видели, был он сам. Он не придурился. Дергая собаку за уши или шлепая женщину по ее мягким частям, он оставался все тем же грубоватым техасцем, который мог в зарубежных поездках раздавать в качестве подарков заколки для галстука или другие подобные сувениры, находясь в статусе вице-президента. Во всех аспектах своей жизни

он был полной противоположностью тем людям, которых Кеннеди привел за собой в Белый дом в качестве помощников в управлении. И тем не менее, когда Джонсон попросил всю команду Кеннеди остаться и дальше на своих постах, согласились все, кроме Артура Шлезингера-младшего и Теда Соренсена. Даже Роберт Кеннеди остался, хотя у них с Джонсоном была взаимная антипатия, если не сказать большего. Как позже заметил по этому поводу Генри Киссинджер, власть — величайший афродизиак (для справки: афродизиаки — химические органические вещества, обладающие свойством возбуждать половое влечение у различных животных и у человека. — *Прим. пер.*).

Некоторые мифы о Джонсоне и его разворачивании вьетнамской войны сегодня воспроизводятся в связи с войной в Ираке. Первый — это Резолюция по Тонкинскому заливу, принятая конгрессом почти единогласно 7 августа 1964 года, которая давала Джонсону полномочия увеличить американское присутствие во вьетнамской войне. А всего за четыре года до этого мысль о маленькой грязной войне в далеком Вьетнаме даже не возникала в сознании подавляющего большинства американцев. Конечно, ведь небольшое количество военных, которых Кеннеди послал туда, не вызывало и больших потерь среди них, так что ничто не тревожило общественного интереса. Новый вьетнамский режим — который захватил власть после того, как Кеннеди отдал приказания свергнуть Дьема, — оказался не лучше в сдерживании растущей мощи вьетконговских повстанцев. Вследствие этого в июне 1964 года министр обороны Роберт Макнамара вместе с начальником Объединенных штабов решил заменить генерала Пола Харкина на генерала Уильяма Вестморланда, в надежде, что новый командующий найдет способ справиться с ситуацией на месте. Вестморланд, который получил свои генеральские звезды не за просиживание штанов в кабинете, быстро сообразил, в чем суть проблемы. Вьетнамская армия в 250 тысяч человек, которую обучали посланные Кеннеди инструкторы, попросту не способна была справиться с противником. Коррупция пронизала всю армию сверху вниз, от генералов до младших офицеров, а крестьяне, записывающиеся в армию, зачастую вскоре дезертировали с оружием

и пополняли ряды бойцов Вьетконга. Если Вьетнам надо было спасти (любой ценой), командующий генерал мог запросить существенное увеличение американских сил, однако без одобрения министра обороны, Объединенного штаба и самого президента такой запрос практически ничего не значил (для конгресса). Другими словами, политика, начатая администрацией Кеннеди, продолжилась в том же ключе. Вместо 16 тысяч американских военнослужащих требовалось все больше и больше, чтобы отбивать (нападения) повстанцев и удерживать вьетнамское правительство у власти. Бомбардировки Северного Вьетнама, начатые еще при Кеннеди, становились все чаще. Применялась стратегия, которую уже безуспешно использовали французы, потерпевшие в конечном счете поражение; казалось, что нужно только усилить бомбардировки, чтобы прекратить снабжение южных повстанцев из коммунистического Вьетнама, — и дело в шляпе. Без подпитки с Севера вьетконговские повстанцы подохнут.

Главная трагедия вьетнамской войны и участия Америки в ней выразилась не только в 58 тысячах жизней американских военнослужащих, погибших там, но в глубинной неизбежности этой войны. Решение Кеннеди сперва поддержать, а потом сместить прогнивший коррумпированный режим Дьема было частью общей американской стратегии по предотвращению экспансии коммунизма на Дальнем Востоке. Эти усилия начались с отказа Трумэна признать существующее де-факто правительство Китайской Народной Республики, после изгнания националистов Чан Кайши с материковой части Китая, а продолжились при защите Эйзенхауэром маленьких островков Хемой и Мацу у побережья Китая. Следующей фазой стало создание СЕАТО. Исходно СЕАТО задумывалась как орудие защиты Таиланда от возможного коммунистического переворота. Южный Вьетнам не был членом организации. Учитывая все это, зачем понадобилось Джону Кеннеди защищать прогнивший вьетнамский режим?

Некоторые историки настаивают, что это был отголосок «теории домино», предложенной Эйзенхауэром, а именно, что если Южный Вьетнам попадет в руки коммунистов, то затем последует вся оставшаяся Юго-Восточная Азия, включая Лаос, Камбоджу и Таиланд. Теперь, раз Таиланд стал членом

СЕАТО, другие участники блока должны были прийти ему на помощь в случае угрозы. Следуя этой логике, лучше было бы защищать Южный Вьетнам с самого начала, не дожидаясь, пока в конфликт не вмешается коммунистический Китай.

Была и другая теория, настолько же подходящая. Трумэна и Демократическую партию постоянно обвинял сенатор Маккарти, который считал их ответственными за потерю Китая для американского влияния. Если бы Кеннеди и Джонсон позволили сделать то же самое с Южным Вьетнамом, это только нарастило бы вес упреков Маккарти в потворстве коммунизму. Исходя из этого, и Кеннеди, и Джонсон считали полезным для национальных интересов (Америки) сохранять и поддерживать правительство Южного Вьетнама.

Согласно Тонкинской резолюции число американских военнослужащих во Вьетнаме должно было продолжать нарастать, поскольку Вестморланду с самого начала было ясно, что армия Южного Вьетнама не способна самостоятельно вести боевые действия. Но здесь были джунгли, и война в таких условиях сводила на нет все огромное превосходство американской армии в вооружении и экипировке. Необходимо было выискивать вьетконговцев, чтобы уничтожить. В 1966 году, когда количество призывников возросло, Джонсон совершил роковую ошибку. Он собирался учредить своеобразный институт равенства в призыве — всякий молодой человек, независимо от рода занятий и происхождения, должен послужить своей стране. Это правило затрагивало молодых людей в возрасте от 19 до 26 лет. Разосланы по стране были 4100 запросов на мобилизацию, и в каждом случае решал вопрос (кого призывать, а кого — нет) обычно белый американец из истеблишмента. Чтобы решить эту проблему, Джонсон создал специальную систему, куда входили комиссары из разных слоев обществ и принадлежащие разным расам. [...] Именно этого хотел Джонсон. [...]

Одним словом, Джонсон сильно напугал американскую элиту, в особенности из-за судьбы сынков обеспеченных родителей, которые теперь, оказывается, легко могли попасть под призыв и мобилизацию в армию!

К 1963 году протесты распространились и на студенческие кампусы по всей стране. Репортажи о маленькой грязной войне за 15 тысяч километров от США занимали главное место

в вечерних новостях. Организовались марши протеста на Вашингтон. За оградой Белого дома студенты скандировали: «Хей, хей, Эл-Би-Джей, сколько сегодня убил ты детей?!» (LBJ (Эл-Би-Джей) — принятое в Америке сокращение имен президентов и некоторых других персон. В данном случае это обозначает инициалы Линдона Бейнса Джонсона. — *Прим. пер.*). В конечном счете Джонсон осознал свою ошибку и ввел некоторые ограничения. Но в целом он был твердо убежден, что каждый студент, окончивший колледж, должен быть в первых рядах призывников. В конечном счете Джонсон потерпел фиаско в этом своем порыве.

В то же время настоящая война во Вьетнаме только разгоралась с каждым днем, подстегиваемая генералом Вестморландом. За полтора года, как он принял командование, он пришел к выводу, что без наращивания численности американских войск справиться с повстанцами Вьетконга попросту невозможно. Следовательно, началось создание крупной группировки вооруженных сил США во Вьетнаме. Это означало увеличение численности призывников с 17 тысяч до 35 тысяч. К началу 1968 года количество американских военнослужащих во Вьетнаме достигло 525 тысяч, и в результате вьетконговцы постепенно теряли свои позиции в борьбе с превосходящими по силе войсками США.

Столкнувшись с нарастающими бомбардировками и увеличением численности американских войск, власти Северного Вьетнама решили изменить свою стратегию и начать крупные нападения на выбранные крупные города, такие как Сайгон, где были расквартированы войска США, а также их гражданский персонал и представители прессы. В то же время мощное нападение было подготовлено против базы морской пехоты США в Кхе-Сань. Пока армейская разведка США готовилась к отражению этой атаки, она проморгала возможность нападения на города. До того времени все военные действия вьетконговцев были рассредоточены по сельской местности. Неожиданная атака на Сайгон позволила средствам массовой информации во всех подробностях запечатлеть реальный бой. И это был вполне осязаемый фактор, который заставил прессу прийти к мысли, что эффективность военной машины США преувеличена, раз происходят такие акции. Временный захват

национальной радиостанции и проникновение внутрь ограждения комплекса американского посольства явно противоречили бодрым отчетам Вестморланда, что война ведется американцами как надо. В действительности нападение на Тет силами Вьетконга и двух дивизий Вьетминя, когда они буквально накануне объявили недельное перемирие из-за национального праздника, обернулось страшным несчастьем и для Вьетконга, и для Вьетминя. Когда противник открыл свое лицо, то американцы, оправившись после первоначального шока, превосходящим огнем причинили огромные потери и повстанцам, и армии Северного Вьетнама. Именно потому, что их силы были подорваны, сперва у Кхе-Сань, а затем у древней столицы Вьетнама Хуэ, в течение последующих четырех лет президенту Никсону удалось постепенно сократить количество американских военных в стране и в конечном счете закончить войну.

Вьетнам был и не был войной. Такая формулировка звучит странно, учитывая 58 тысяч погибших американских солдат, для родственников павших или для постоянных нытиков, но подобное противоречие имеет объяснение. Эта война была частью всеобщей «холодной войны» и служила цели предотвращения распространения коммунизма в тех странах, которые пока — как верилось — оставались независимыми от Москвы. Это не было войной в том смысле, что предполагаемым противником был коммунистический режим Северного Вьетнама, который, по твердому убеждению американцев, поддерживал повстанцев из Вьетконга. Если так, то для победы в войне следовало победить Северный Вьетнам. Но это было невозможно. Если произошло бы вторжение в Северный Вьетнам, это привело бы к вмешательству китайских коммунистов, как это уже ранее произошло при боевых действиях США в районе северной границы Кореи. Вместо этого американские войска занялись бомбардировками сельских районов страны, не трогая столицы, Ханоя, и крупнейшего портового города, Хайфона. Такое самоограничение сделало войну столь длительной. То, что эта война не была только войной, было заключено, лишь когда Никсон признал коммунистический Китай.

Если Джонсона попрекали вовлечением Америки во все более расширяющуюся вьетнамскую войну, то за два достижения

своего президентства он заслужил похвалу — это проведение законодательства о гражданских правах и избирательном праве. Эти изменения впервые устранили искусственные ограничения в отношении американских негров, особенно на Юге, и восстановили честь американского народа. Кроме того, это было введение законодательства, которое назвали «Великим обществом» и которое охватило практически все стороны жизни Америки.

Первым пунктом своей программы, после принесения клятвы в качестве президента страны, для Джонсона стало выражение признательности либеральному крылу Демократической партии. Ему надо было продемонстрировать им, что он способен продавить через сенат законодательство на платформе демократов, а в противном случае ему бы пришлось столкнуться с большими проблемами при выдвижении на пост президента в 1964 году. Сперва он взялся за закон о сокращении налогов, выдвинутый Кеннеди, который подвис в сенатском комитете по финансам, главой которого был Роберт Бирд. Работая с сенатом, Джонсон чувствовал себя как рыба в воде, ведь он раньше был лидером парламентского большинства. Когда Бирд настаивал, чтобы бюджет на 1965 год не превышал 100 миллиардов долларов, Джонсон принял предложенный бюджет в 97,4 миллиарда долларов, и этот шаг был одобрен и комитетом, и палатой представителей. В самый последний момент сенатор и лидер республиканского меньшинства, Эверетт Дирксен, предложил внести в закон о налогах изменения, которые сокращали бы выплаты за некоторые предметы роскоши. Если бы это было принято, то все дело пошло бы насмарку и в палате представителей возникли бы встречные возражения. Джонсон сдержал свое слово Бирду (насчет ограничения бюджета), и в ответ Бирд сделал то же самое. Голосование в комитете по вопросу о поправке Дирксена отклонило поправку девятью голосами против восьми, и тем девятым был сенатор Бирд. Вынесенный на голосование в весь сенат, закон был принят с большим успехом. Знание Джонсоном внутренних пружин работы сената и его личные связи с сенаторами сработали хорошо. По иронии судьбы, как случалось со всеми предыдущими бюджетами, сумма была увеличена до 118 миллиардов долларов. Ни у одной администрации не было способов

воздействовать на привычку конгресса раздувать расходы бюджета в преддверии выборов.

Но этот маневр был легкой частью работы Джонсона. Значительно труднее было убедить сенаторов из южных и пограничных штатов одобрить Акт о гражданских правах, который устранял бы всяческую (расовую) дискриминацию в общественных местах, включая рестораны и отели. Это было вызовом. Джонсон понимал, что единственным методом, доступным южанам для блокирования этого закона, было маневрирование на расхождение мнений в сенате и пиратское переманивание голосующих. В то время требовалось две трети голосов для окончания дебатов. Наконец, после голосования, и впервые закон гарантировал черным те же права, что и другим американцам, выдвижение Джонсона на президентский пост в 1964 году было обеспечено. Он добросовестно подтвердил свою репутацию как либерального президента.

Был еще один пункт в его «домашней» программе, предшествующей президентской кампании, — борьба с бедностью. Его советники предложили программу, названную «Офисом экономических возможностей». До сих пор чернокожих американцев не принимали на многие виды работ. Многие профсоюзы брезговали принимать негров в свои ряды. Этнические группы с большим опасением смотрели на негров как на возможную угрозу для их рабочих мест. Но самое главное для Джонсона было то, что данный закон, будь он принят, носил бы именно его имя, а не покойного Кеннеди, как в случае налогового законодательства и Акта о гражданских правах.

Джонсону трудно было бы подобрать в 1964 году более подходящего кандидата с другой стороны, чем сенатор Барри Голдуотер. Сенатор из Аризоны, позже признанный в качестве двигателя, поднявшего Республиканскую партию на уровень ведущей политической силы, он был, помимо прочего, честен до идиотизма. Он выступал за реконструкцию системы соцобеспечения путем ее приватизации, позволяя людям самим выбирать, обращаться к ней или нет; проводя свою кампанию в штате Теннесси, он сказал собравшимся, что выступает за превращение Долины Теннесси в частную собственность. Он взывал и к морали. Он критиковал Джонсона за его связь с Бобби Бейкером. Он протестовал против Акта о гражданских

правах, считая его нарушением прав государства. Голдуотер, сам не подозревая, возвращался к фундаментальным положениям отцов-основателей, к республиканской форме правления, где федеративная власть будет сведена к минимуму. Для консерваторов Новый Курс Рузвельта или трумэновский Курс Честного Дела были преданы анафеме. Для Голдуотера и консерваторов, согласных с ним, происходящие в стране изменения вели к социализму, который был для них равнозначен коммунизму. Они не хотели понимать, что депрессия изменила взгляды большинства американцев, которые ожидали помощи от федеральных органов, когда этой помощи не приходилось ждать от частного сектора. Люди ненасытны. Чем больше государство заботилось о них, тем большего они хотели.

В 1965 году Джонсон одержал сокрушительную победу над Голдуотером, собрав 61 процент голосов избирателей. Имея за собой эту силу народного волеизъявления, он привел подавляющее большинство в палату представителей и в сенат, что позволило ему провести через конгресс законы, предназначенные создать его мечту о «Великом обществе». Его главным пунктом стала забота о медицинской помощи для людей старше 65 лет, по социальному страхованию. Некоторые наблюдатели усмотрели в этом движение в сторону социальной медицины. Богатая и влиятельная Американская медицинская ассоциация (АМА) пыталась лоббировать против этого билля, потратив немало денег, однако все впустую. Тогда АМА применила иную стратегию. Поскольку первоначально предложенный билль затрагивал только госпитальную медпомощь, медицинское сообщество предложило включить в билль медицинские услуги на добровольной основе. Это заполняло пробел, существующий в первоначальной редакции билля. Большинство демократов видело в таком предложении попытку убить всю идею медицинского социального страхования. [...]

Как оказалось, закон о медицинской страховой помощи стал золотой жилой для врачей. Количество людей, обратившихся за этой формой страхования, резко возрастало, по мере того как люди стали обращать внимание на небольшие боли и дискомфорт, которых ранее попросту не замечали, и тем самым стали пополнять доход множества врачей. Вдобавок эта программа

вызвала необходимость создания новых больниц и клиник, которым нужны были дополнительные кадры не только врачей, но и медсестер и технического персонала. Но важнее всего была задача привлечь внимание общества к необходимости обеспечения здравоохранения. Либералы, естественно, требовали улучшения жизненных условий для всего населения. Работодатели теперь должны были в той или иной мере обеспечивать лечение своих наемных работников. Количество сотрудников организаций медицинского обеспечения взлетело, как птица. Здоровье стало частью большого бизнеса, не только для частнопрактикующей медицины, но и для органов власти на уровне федерации и штатов. Чтобы справиться с потоком обращений за медпомощью, необходимо было около 9 тысяч постоянных медицинских сотрудников только на федеральном уровне. Влияние этого законодательства далеко зашло — вплоть до маркировки на сигаретных пачках и введения соответствующих курсов в школах. Джонсон со своей концепцией «Великого общества» ввел в систему администрации государств такое понятие, как судьи, кому положено решать — что хорошо или плохо для общества.

Следующей ступенью «Великого общества» было образование. Это было своего рода его пропуском к успеху, и Джонсон расценивал образование как необходимый компонент в его борьбе против бедности. Как «образованцы» и либералы сегодня, он верил, что главные проблемы системы образования могут быть решены путем предоставления большего финансирования сельским и поселковым школам. Во всяком случае, так выглядит картина его понимания образования, если верить его биографам.

Акт о начальном и полном среднем школьном образовании от 1965 года предусматривал распределение фондов по колледжам и университетам, чтобы дать возможность обучаться бедным и инвалидам. Конечно, этот закон был принят демократическим большинством, как ранее им была принята общая демократическая платформа на съезде Демократической партии в 1960 году. Кеннеди пытался поставить ребром вопросы принятия данных законодательных актов, но столкнулся с проблемой, которую в конечном счете разрешил Джонсон: призыв к разделению церкви и государства. Католики, которых было больше, чем традиционных методистов, настаивали на том,

чтобы церковные школы получали часть финансирования, выделенного для общественных школ. Конгресс обошел это препятствие, выделив средства каждому студенту лично, а не школе. Несмотря на усилия конгрессменов внести те или иные изменения в билль, он был принят по настоянию Джонсона в своем первоизданном виде.

Когда результаты голосования по Акту о Гражданских правах от 1965 года были наконец признаны и одобрены, после долгой и сложной кампании Мартина Лютера Кинга-младшего, в телепередачах которого открыто транслировались страшные видеофакты подавления и унижения негров белыми американцами, Джонсон достиг своей цели. Теперь он мог с гордостью считать себя президентом всех граждан Соединенных Штатов. Только президент родом с Юга мог совершить то, что удалось ему. Теперь, с двумя частями закона о гражданских правах, негры легально и официально стали наравне с любым другим американским гражданином. Джонсон знал также, как и предупреждал его сенатор Ричард Рассел от штата Джорджия, что дни прежнего Юга сочтены. Юг никогда не простил бы и не забыл бы предательство «белого» Севера.

С политической точки зрения Рассел был прав. А с экономической и социальной точек зрения новое законодательство объединяло Юг со всей страной. Разделение нации на два региона было оформлено в Филадельфии еще при ратификации конституции. При составлении и принятии этого священного документа отцы-основатели вынужденно пришли к мнению, что нет иного способа сохранить рабовладельческие штаты на Юге в составе общего государства, как сохранить институт рабства. В тот момент рабство в той или иной степени существовало во всех 13 штатах. Разница, конечно, состояла в том, что на Юге рабы были интегрированы в хозяйственную жизнь значительно больше, чем только в одном этом отношении (рабство). Они были не только полевыми рабочими и домашними слугами, но также ремесленниками и рабочими. Они были плотниками и каменщиками, которые дали возможность Джефферсону постоянно достраивать свое поместье Монтичелло.

Краткая справка: Томас Джефферсон (1743–1826; президент США в 1801–1809 годах). В иерархии активных и популярных

президентов, о которых американские историки и политологи спорят полусерьезно-полусерьезно, до 1900 года Томас Джефферсон (1801–1809) стоит на третьем месте после Отца страны Джорджа Вашингтона (1789–1797) и «освободителя рабов» Авраама Линкольна (1861–1865). Национально-исторический эпос представляет портрет Джефферсона прежде всего как главного автора Декларации независимости 1776 года и Закона о свободе религии в Виргинии 1786 года. Его имя стало привычным определением в американской политической риторике: демократия Джефферсона или республиканизм Джефферсона и джефферсонизм обозначают сегодня соединение прав отдельных штатов и местного самоуправления, строгого соблюдения предписаний конституции (ограничивающих федеральное правительство), поощрения сельского хозяйства и сельской жизни, а не торговли и промышленности в городах, и, прежде всего, большой веры в умственные способности большинства избирателей (простых людей).

Он отвергал общественный строй Европы с его привилегиями царствующих фамилий и аристократов и государственной церковью как господство произвола во вред большинству населения. Но его собственное материальное существование покоилось до конца жизни на 200 рабах, работающих на унаследованной им плантации табака в Виргинии. Его противоречивость проявлялась в том, что, с одной стороны, он как вождь оппозиции предостерегал от опасности «монархических» и «аристократических» тенденций всесильного президента, а с другой стороны, полностью использовал заложенные в конституции компетенции президента, когда, например, в 1803 году, благодаря покупке Луизианы, увеличил территорию США раза в полтора. И в 1807 году законом эмбарго так урезал экономическую свободу отдельных штатов и отдельных граждан, как это не смог бы сделать ни один одержимый властью федералист. В 1785 году Джефферсон писал: «Те, кто обрабатывают землю, являются народом, избранным Богом, если таковой когда-либо существовал». Как президент он, однако, не препятствовал ранней индустриализации, а его политика эмбарго даже стимулировала ее. Признание норм

и ценностей в конкретных случаях расходилось с его политическими решениями.

Выборы президента и конгресса в 1800 году Джефферсон с удовольствием назвал «революцией», потому что сменил в Белом доме федералиста Джона Адамса, а его друзья по партии утвердили большинство в палате представителей и в сенате. Правильно то, что Джефферсон как первый партийный вождь, почти в современном смысле этого слова, провел мирным путем смену власти на федеральном уровне. При этом были соблюдены правила новой федеральной конституции и не потребовалось революции в смысле насильственного переворота, чтобы провести смену персонала и изменить программное направление федерального правительства.

Чтобы исследовать неизвестные европейцам земли между верхним течением Миссури и побережьем Тихого океана, Джефферсон тайно, еще до договора с Наполеоном, подготовил естественно-научную экспедицию под руководством Мериуэтера Луиса и Уильяма Кларка через Скалистые горы и заставил конгресс финансировать ее. Экспедиция Луиса и Кларка, состоявшая из почти 50 человек (1803–1806), подтвердила возможность сухопутного маршрута для американских торговцев пушниной и переселенцев до побережья Тихого океана в сегодняшнем Орегоне. Открытие западных земель по ту сторону Миссисипи было, по мнению Джефферсона, важно для Америки еще и потому, что он надеялся на мирное пространственное разделение рас. Он не мог себе представить длительное тесное сосуществование свободных афроамериканцев и евроамериканцев в одном обществе. В своих письмах выразил симпатии к маленьким объединениям коренных жителей, живущим по-деревенски, но как президент он не видел будущего для примерно 70 тысяч индейцев, живущих к востоку от Миссисипи. «Это в их собственных интересах уступить землю Соединенным Штатам, — заявлял он, — а в наших интересах предоставлять время от времени новую землю гражданам». Индейцы должны были стать гражданами и заниматься интенсивными формами сельского хозяйства. В 1806 году президент назначил суперинтендента для торговли индейцев и подписал

вместе со своим преемником Мэдисоном 53 договора с племенами об уступке земли. Таким образом, приобретенную землю федеральное правительство продавало фермерам, живущим на границе, по цене менее двух долларов за акр.

Нехватка обученных, умелых ремесленников и рабочих была вечной головной болью истеблишмента южан. Именно в этой почти всемерной опоре на рабский труд состояла главная слабость экономики Юга. Так что Гражданская война между штатами была продолжением того, что случилось в 1787 году. Интенсивное выращивание хлопка и табака истощило некогда плодородные земли. Со строго деловой точки зрения содержание, питание и воспроизводство постоянно растущего чернокожего населения не соответствовало встречным вложениям (инвестициям). По мере того как дешевел труд рабов, ухудшалось экономическое состояние их хозяев — крупных плантаторов. Прекращение этого положения было актом отчаяния. Не произойди этого и если бы Юг продолжал существовать в прежнем виде, это ничего бы не решило. Негры продолжали бы отлынивать, их труд продолжал бы обесцениваться. Как только негры оказались освобождены, южный истеблишмент обанкротился и оставался в таком униженном положении последующие 100 лет. А в результате негров назначили виноватыми за обнищание бывших плантаторов!

Теперь, когда негры обрели политическое равенство, с правом голосования, политическому истеблишменту белых пришлось столкнуться с нелицеприятной реальностью. Республиканская партия на Юге видела в этом свой заветный шанс вбить клин в политическую структуру и тем самым продержаться до конца Восстановления. Немногие либеральные демократы на Юге надеялись, что политическое разделение в электорате приведет к укреплению экономики Юга. Существующее благоденствие продолжало существовать лишь за счет дешевой земли, низких налогов и неорганизованной (в профсоюзы) рабочей силы. Поскольку северные промышленники поняли преимущества, которые мог предоставить Юг, они стали продвигать свою деятельность туда. В течение 1950–1960-х годов наблюдалось массовое перемещение текстильных фабрик с Севера на Юг. Фоллз-Ривер и Нью-Бедфорд в Массачусетсе стали

практически вымершими городами. Производители одежды старались размещать свое производство в небольших городках, где труд был дешев, на что очень хмуро смотрели профсоюзы. Местная полиция старалась держать профсоюзных лидеров подальше от настоящих дел. По мере того как спадало напряжение между двумя расами, все больше предпринимателей начали пользоваться преимуществами Юга перед Севером. Да, Юг продолжал зудеть, но теперь проклятые янки с Севера стали восприниматься уже как Божья благодать. Кроме того, с Севера шел не только капитал янки, но миграция оттуда сделала Юг самым динамично развивающимся регионом в стране. Теперь благосостояние той же Флориды зависело уже не столько от пожилых рантье, живущих на проценты, сколько от успехов бизнеса, который использовал любые климатические и демографические особенности штата. По мере того как росло население южных штатов, увеличивалось и их представительство в конгрессе. И это было самым существенным из всего наследия, оставленного Линдоном Джонсоном. Через введение законодательства о гражданских правах он завоевал конгресс и тем самым объединил страну в экономическом плане. Некогда твердый демократический Юг мог сравняться теперь с таким же твердым республиканским Севером. Но получилось так, что это произошло в результате экономической изоляции Юга. Только южанин, хорошо понимающий психологию южных политиков, мог добиться подобного успеха.

Проект «Великого общества» превзошел две другие важнейшие программы, которые в то время не казались столь значительными. Прежде всего, это радикально новая иммиграционная политика, а второе — это первые осторожные шаги в сторону улучшения среды обитания американцев, то есть экологии.

Соединенные Штаты давно и заслуженно гордились своей политикой «открытых дверей» для иммигрантов. Знаменитое изречение на статуе Свободы, гласящее: «Дай мне своих усталых, своих бедных...», может символизировать гуманистические настроения Америки, но существенная часть населения сочла этот порыв совершенно нежелательным. К середине 1880-х годов коктейль из иммигрантов поменял свой состав от преимущественно западных и северных европейцев на восточных

и южных, и компонентами этой взрывной смеси стали итальянцы (особенно южные), греки, поляки, венгры, украинцы, болгары, а также значительное количество евреев. Они были крайне бедны и в большинстве своем неграмотны. Многие покидали Российскую империю, чтобы избежать службы в царской армии. Эти первые иммигранты стали авангардом переселенцев, которые вскоре оказались в большинстве среди населения Соединенных Штатов. Большинство этих новых иммигрантов оседали в больших городах и близлежащих пригородах, особенно в Нью-Йорке и Чикаго, а не расселялись по сельскохозяйственным районам страны, как было с предыдущими волнами иммиграции. Конечно, они были на виду и выглядели подозрительно.

Появление этих явно не желающих ассимилироваться чужаков в конечном счете закончилось в 1892 году принятием конгрессом закона об ограничении всякой иммиграции. Депрессия 1892 года была невиданной для Америки и привела к потере работы более чем 100 тысяч рабочих. Это только усиливало ненависть к новоприезжим. Никто не думал о том, что принятые антииммиграционные законы бессмысленны. Конгресс призвали облегчить страдания американцев, и вот все, что он смог придумать. Гровер Кливленд, во втором сроке своего президентства, наложил вето на этот билль. Это был первый безуспешный билль, предназначенный ограничить иммиграцию. Первой нацией, выведенной в качестве исключения из общего списка, были китайцы. Их ввозили в большом количестве для работ по строительству Тихоокеанской железной дороги, но после завершения строительства их стали рассматривать как конкурентную угрозу для белых рабочих. В 1882 году конгресс принял закон «об исключительности китайцев», который не только запрещал китайцам въезжать в страну, но даже для уже приехавших отменял возможность обретения гражданства. Аналогичная проблема возникла и в начале XX века. На сей раз это были японцы, которые приобрели обширные участки земли на Западном побережье и стали возделывать их, при этом превосходили по мастерству и способностям к хозяйствованию своих китайских конкурентов. Чтобы сойтись с конгрессом, но без оскорбления японского парламента, президенту Теодору Рузвельту пришлось переговариваться о соглашении, по которому

Соединенные Штаты не будут дискриминировать японцев, но Япония взамен запретит эмиграцию (выезд) любых своих граждан в США. А результатом стал массовый въезд японцев на Гавайские острова.

Краткая справка (по: «Брокгауз и Ефрон», 1890): Гавайские или Сандвичевы острова — группа островов, лежащих в северной части Тихого океана. Первое название они получили по имени наибольшего из островов этой группы, второе дано было Куком в честь графа Сандвича — первого лорда адмиралтейства. Острова занимают пространство в 16 946 кв. км; наибольший из них, Гавайи, имеет площадь 11 356 кв. м. Поверхность островов гористая (самая высокая гора — 4200 м) и вулканического происхождения, но действующие вулканы находятся на одном Гавайи: вулканы других островов давно находятся в состоянии покоя. Климат жаркий, но очень здоровый; температура ровная, и небо, по большей части, ясное. Главные растительные произведения страны: сахарный тростник, на разведение которого американцы затратили большие капиталы и который родится здесь в изобилии везде, где почва достаточно влажна. Затем рис, кофе, аррорут — главная растительная пища туземцев, так как растение это дает обильнейший урожай; кукуруза, пшеница и самые разнообразные плоды: ананасы, манго, гуайява и т.п. Шелковистые волокна пулу (pulu), растущие на венчиках папоротника *Cibotium*, вывозятся в большом количестве в Соединенные Штаты, где идут для набивки подушек. Овцеводство составляет очень выгодный промысел; кожи служат одним из главных предметов вывоза. Горные богатства Гавайских островов незначительны и состоят из серы, пиритов, хризолитов, томсонитов, гипса, медного купороса, селитры, лабрадорита и известняка. Удобное географическое положение способствует развитию торговли Гавайских островов, сильный толчок которой был дан торговым договором, заключенным в 1876 году между Гавайскими островами и Соединенными Штатами (так называемый «трактат взаимности» — reciprocity treaty), по которому разрешен взаимный беспошлинный ввоз товаров. Главная торговля (91 процент) — с Соединенными Штатами, влияние которых вообще преобладает на островах.

Постоянной армии нет, кроме небольшой роты Национальной гвардии в 120 чел.; но в случае войны король имеет право призвать под знамена всех гавайцев, способных носить оружие. Население Гавайев (1890) состояло из 89 990 чел.; из них 34 436 гавайцев, 6186 метисов, 21 119 белых, 15 301 китаец, 12 360 японцев и 588 чел. разных других национальностей. Из белых преобладают португальцы, а за ними — американцы. Гавайцы, несмотря на лучшие условия жизни, вымирают; при открытии Гавайев Куком их было до 200 тыс. чел., но с тех пор каждая новая перепись указывает на уменьшение числа туземцев. Иностранный элемент быстро увеличивается в числе; из иммигрантов преобладают китайцы и японцы.

С начала XX века и до начала Первой мировой войны в 1914 году более миллиона иммигрантов прибывали ежегодно в Соединенные Штаты. Взятая в перспективе, эта иммиграция представляла уже около 20 процентов населения США. Этнический состав Соединенных Штатов подвергался драматическим изменениям. Чтобы как-то справиться с этим, в 1907 году конгресс учредил комиссию для изучения положения. В представленном через четыре года отчете указывались сложности нации (американской) при приеме и ассимиляции иммигрантов из южной и восточной Европы. Указывалось, что исходное население имело преимущественно происхождение из стран северо-западной Европы, и такая его структура должна быть в целом сохранена. Комиссия заключила, что иммиграционная политика правительства США должна основываться на системе квот, которая принимала бы во внимание национальность иммигранта. В 1917 году конгресс сумел провести Закон об иммиграции, преодолев вето президента Вудро Вильсона. В законе предусматривался тест на грамотность в качестве метода ограничения притока иммигрантов из стран южной и восточной Европы. Это также ставило существенный заслон на пути миграции из Азии. А насчет эмиграции не стоило особенно беспокоиться, пока война в Европе еще продолжалась.

Когда Соединенные Штаты вступили в войну против Германии в апреле 1917 года, скрытая ксенофобия, которую раньше малокультурные люди питали к ирландцам на протяжении бо-

лее сотни лет, теперь распространилась на новых иммигрантов из Германии, многие из которых посчитали за благо сменить имена и фамилии. Как считали некоторые американцы, в стране появился внутренний враг. Конгресс отреагировал на эти опасения принятием Закона о шпионаже. Учитывая боевые действия американских войск во Франции и продолжающиеся потери, в 1918 году конгресс пошел также на проведение Закона об агитации, который существенно ограничивал свободу слова в стране.

Большевистская революция 1917 года привела к новой волне атаки на политику неограниченной иммиграции. Американцы сталкивались с анархистами, в особенности с членами Международной рабочей организации и ее тактикой насилия при достижении целей — путем забастовок или действий Александра Беркмана, кто пытался убить Генри Фрика, главу компании United States Steel, — но они никак не ожидали, что у них под носом расцветет бомбизм, когда война уже, казалось бы, закончена. Почтовая служба конфисковала 38 посылок с бомбами, отправленных в адрес высокопоставленных и знаменитых в Америке людей, таких как сенатор от Джорджии Томас Хардвик, Джон Д. Рокфеллер, председатель Верховного суда Оливер Венделл Холмс и Дж. П. Морган. Еще до этих акций бомбистов конгресс в 1918 году принял Закон о депортации. Этот документ позволял депортировать из страны любого приезжего, который имел отношение к анархизму, или поддерживал свержение правительства насильственным путем, или принадлежал к организации, которая соответствовала этим критериям.

В июне 1919 года итальянский анархист погиб от взрыва бомбы (очевидно, не вовремя сработавшей) у подъезда резиденции генерального прокурора Александра Митчелла Палмера. По своей прошлой жизни Палмер был, казалось, последним человеком, которого можно было бы обвинить в нарушении гражданских прав и свобод. Во время своего пребывания в конгрессе он был горячим сторонником равенства женщин и права рабочих на создание своих организаций. Но когда насилие подошло к самому порогу его дома, Палмер решил начать крестовый поход против радикалов в Соединенных Штатах, законными или не совсем законными методами. Палмер объявил, что анархисты и коммунисты — звери одной стаи. В 1919 году

он взял на работу в качестве помощника 24-летнего юриста Эдгара Гувера. Гувер был назначен главой правительственного отдела расследований, недавно созданного подразделения министерства юстиции. Основной задачей Гувера было вербовать агентов, которые проникали бы в ряды подрывных организаций и выявляли бы их планы прежде, чем они могли бы осуществиться и причинить вред. Получив задание, Гувер принялся исполнять его прилежно и расторопно. К декабрю 1919 года агенты Гувера раскрыли около 3 тысяч человек, которые были членами либо Коммунистической партии, либо принадлежали к анархистам. Гувер распорядился провести силами агентов министерства юстиции серию рейдов и арестов 2 января 1920 года. В результате были депортированы 246 радикалов, среди которых — Эмма Голдман, любовница Беркмана; именно она убедила его совершить покушение на Генри Фрика, и, предположительно, она же склонила Леона Шолгоша убить президента Мак-Кинли. Она была в числе радикалов, депортированных в Советский Союз. Палмер убедил новоизбранный «республиканский» конгресс в том, что надо немедленно что-то делать с иммигрантами из восточной и южной Европы. Закон об иммиграции от 1921 года ограничивал въезд в страну на основе формулы национального происхождения, в соответствии с цензом 1910 года. Закон должен был действовать три года, после чего конгресс снова рассмотрит вопрос (точнее, эффективность действия законодательства. — *Прим. пер.*). В том же году наблюдался самый массовый приток мигрантов из этих частей Европы, Соединенные Штаты приняли оттуда более 805 тысяч человек.

Хотя крупный бизнес, главная опора Республиканской партии, энергично противился этому законодательству, доводы Палмера оказались более весомыми для членов конгресса. Прогремевшее на весь мир дело Сакко и Ванцетти добавило масла в огонь. Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти, два итальянских анархиста, приехавшие в США, были обвинены в убийстве кассира и работника охраны при ограблении кассы в Брейнтри, штат Массачусетс, 20 апреля 1920 года. Обоих признали виновными в убийстве, несмотря на доводы защиты о том, что людей обвинили не на основании улик, а лишь по той причине, что они являются убежденными анар-

хистами. Ничего из похищенных денег не было найдено в доме у подсудимых; и пока кассация переходила из одной судебной инстанции в другую, некий осужденный уголовник дал показания, что ограбление было совершено преступной группировкой под названием «банда Морелли». Комитет из трех человек, изучив все обстоятельства, пришел к выводу, что приговор справедлив. Поэтому губернатор Массачусетса отказался дать помилование. И 23 апреля 1927 года оба обвиняемых были казнены.

Широкое общественное внимание к делу Сакко—Ванцетти привело к тому, что, когда в 1924 году истек срок временного Закона об иммиграции от 1921 года, прошел Закон о происхождении. По этому документу все европейские страны подразделялись по квотам въезда, с общим допустимым числом въезжающих за год в 164 тысячи. Более того, эти квоты основывались не на цензе от 1910 года, когда массовая иммиграция из южной и восточной Европы уже набрала силу, а на цензе 1890 года, когда эта иммиграция только начиналась. В 1929 году число принимаемых иммигрантов подверглось еще большему сокращению. Ограничения в отношении азиатов, въезжающих в страну, оставались в силе. В течение первых лет депрессии иммиграция была очень низкой. Но с восхождением к власти Адольфа Гитлера и принятием антисемитских законов резко возросла эмиграция евреев из Германии. Несмотря на призывы американской еврейской общины к Рузвельту увеличить квоту для германо-еврейских детей до 20 тысяч, которых спонсировали богатые американские евреи, Рузвельт отвечал, что квота уже заполнена. Лишь к концу Второй мировой войны, когда стал ясен масштаб холокоста, были сделаны некоторые исключения. Ненавидимый многими Закон Мак-Каррана—Уолтера, принятый в 1952 году вопреки сопротивлению либералов, тоже не смог остановить послевоенный приток иммигрантов в США. Закон в основном был направлен на пресечение приезда коммунистов и фашистов. Когда 200 тысяч венгров бежали в Австрию, спасаясь от подавления советскими войсками венгерского восстания, президент Эйзенхауэр сделал исключение для их приема Соединенными Штатами. Такое же исключение было сделано для кубинских эмигрантов, как при Эйзенхауэре, так и при Кеннеди.

Когда Джонсон был избран президентом, он поднял значимость реформы иммиграции весьма высоко в общем списке программ «Великого общества». После обычных дебатов и пререканий по поводу ограничения или фиксирования лимита въезда в страну иммигрантов из Европы, Азии и Латинской Америки были достигнуты следующие общие цифры: всего 300 тысяч в год, при этом 120 тысяч из Западного полушария и 170 тысяч из Европы и Азии. Члены семьи получали преимущество по сравнению с людьми с профессиональными навыками. Законы, ограничивающие въезд из Азии и Тихоокеанского региона, были строже. Оставшаяся квота в 10 тысяч предназначалась для людей, бегущих из коммунистических стран, и беженцев с Ближнего Востока. Каждая страна автоматически получала свой минимум в 200 человек ежегодно. Однако в законодательстве имелось и условие, позволявшее въехать в страну легально значительно большему числу людей, чем 300 тысяч: ведь граждане и легальные иностранцы получали право ввезти в страну своих детей и супругов вне зависимости от выделенной квоты. Новый закон должен был вступить в силу в течение трех лет. В течение этого времени всякая неиспользованная квота должна быть «сложена в общий котел» и могла быть востребована каждой страной. Старая формула въезда, просуществовавшая около сорока лет, которая ограничивала иммиграцию на основе национальной принадлежности, была полностью отменена.

Как впоследствии подтвердилось и для других программ «Великого общества», это законодательство об иммиграции в будущем возымело значительно большее значение, чем это можно было предвидеть. Сенатор Роберт Кеннеди думал, что примерно 5 тысяч иммигрантов придут из Индии. Как же он ошибался! К середине 1990-х годов их в Америке было уже полтора миллиона, и число их неуклонно возрастало. Ужесточение условий иммиграции оказалось и спасением и проклятием для крупнейших американских мегаполисов. По мере того как американцы богатели, они переселялись в пригороды, а центральные части городов оставались обделенными трудовыми ресурсами. Новые иммигранты водили такси, работали официантами, носильщиками или мойщиками посуды в ресторанах. Они становились швейцарами и гувернантками. Они выполняли всю обслуживающую деятельность, необходимую для существования большого

города. Более образованные или более целеустремленные становились в конечном счете предпринимателями или «белыми воротничками» на интеллектуальной работе. Популяция испаноязычных — наиболее быстро растущий сегмент современного американского общества, опережая чернокожих, как главное «меньшинство» в нации. Другой крупный сегмент — это выходцы из Азии и Тихоокеанских островов. Если фундаментальная идея общего «плавильного котла» была освоена большинством приезжих из Европы, то другим национальностям и чернокожим с такой философией жизни еще только предстоит освоиться.

После публикации книги Рэчел Карсон «Молчание источников» (Silent Springs) в начале 1960-х годов проблема растущего загрязнения окружающей среды стала важной темой. В книге описывалось, как индустриальная революция привела к загрязнению вод и воздуха страны. Карсон, посвятившая свою жизнь исследованию водной среды, своей книгой донесла эту проблему до внимания истеблишмента США. Но если действовать, то это было уже делом администрации Джонсона и конгресса. Ведь здесь властям пришлось бы противодействовать интересам крупной индустрии и распространить власть правительства еще дальше, чем это предусматривалось в конституции.

Законы о регулировании чистого воздуха, чистой воды, биологических видов, находящихся под угрозой исчезновения, сохранения земли и воды и переработке твердых отходов в конечном счете прошли через конгресс и были подписаны президентом, но они вовсе не покрывали всей широты проблемы. Это было только начало столкновения между раскручивающимся колесом капитализма и правительством, ответственным в своих поступках перед людьми, действующим для людей и за счет усилий людей. Это противоречие было неразрешимо тогда, так же как оно неразрешимо сегодня.

Законодательство, принятое в правление Джонсона, не ограничивалось этими главными программами. Для приведения в действие маховика развития «Великого общества» требовалось намного большее: программа против бедности для района Аппалачей; резкое снижение налогов; новая программа по проблемам пожилых людей; расширенный контроль за наркотиками; доплаты за аренду жилья для малоимущих; программы развития регионов;

новое министерство по жилищно-городскому развитию (аналог российского ЖКХ. — *Прим. пер.*); новые национальные вложения в искусство и в гуманитарную область (в форме премий); и еще десятки других программ, которые были проведены через конгресс. В течение первого года после своего избрания президентом Джонсон показал, что опыт ничто не заменит. Годы, проведенные им в конгрессе и потом — лидером большинства в еще более задиристом сенате, не прошли даром. Некоторые из принятых законов были инициированы Кеннеди и его либеральными советниками, но «парень с плакатов» как президент не владел всей той внутренней (инсайдеровской, как сейчас принято выражаться) информацией, которая и составила основу успеха Джонсона.

Нет, в президентстве Линдона Джонсона не было ничего трагического, вопреки мнению некоторых биографов. Если бы он решил стоять до конца, он наверняка был бы выдвинут своей партией и победил бы Никсона. Мог ли он предвидеть коммунистический Китай — остается вопросом. Джонсон принял решение не выдвигаться на переизбрание, поскольку был физически и умственно истощен. Те, кто настаивают, что его отказ от дальнейшего руководства страной был вызван войной во Вьетнаме, не учитывают — по тем или иным причинам — тот факт, что война была им унаследована от Кеннеди. Но это была и не война Кеннеди за Вьетнам. Это просто оказалось еще одной личиной общей «холодной войны», которая привела к процветанию американского народа и поддержке им программы «Великого общества» Джонсона (здесь в оригинальном тексте присутствует определенный и довольно тонкий сарказм. — *Прим. пер.*).

Республиканец-отступник — президентство Никсона

Человек, известный под прозвищем Трики Дик для исследователей его жизни, обладал всеми достоинствами для того, чтобы стать величайшим американским президентом, за исключением одного изъяна: он не мог верить никому, кроме своей жены и детей. (Tricky Dick — в дословном переводе «Шутник Дик», или «Странный Дик», или «Непредсказуемый Дик», а Дик — панибратское сокращение имени Ричарда Никсона, в американском стиле. — *Прим. пер.*) И все-таки он стал первым президентом в современной истории США, которому удалось завоевать победу в 49 штатах из 50, при выборах на второй срок. Лучшим словом, которое подходит для описания Ричарда Никсона, могло бы стать французское *méfiance*. Трудное для перевода на другие языки, оно означает в буквальном смысле «недоверие к целям и мотивам действий других людей». Но если сутобо и грубо по-французски, то это слово может также означать: «достань этого парня прежде, чем он достанет меня». Недоверие Никсона к людям привело его к национальной славе и положило начало его политической карьере, когда он один был убежден, что Альгер Хисс лгал — проходя опрос перед антикоммунистическим комитетом конгресса в 1948 году, — когда сказал, что никогда не встречался с Уиттакером Чамберсом. Хисс, с его прекрасными рекомендациями, никак не мог (казалось бы) быть советским шпионом, но, по мнению Никсона, все эти рекомендации были лишь необходимым прикрытием для глубоко законспирированного агента (см. подробнее в гл. 5).

Никсон заслужил звание великого президента Америки, он оставил после себя весьма значительное наследие. Однако его политическая база была узкой и взгляды концентрировались на экономике и идеологии, что было во многом бессмысленным во второй половине XX века.

Взгляды Никсона на «холодную войну» отличались от таких у его приверженцев и помощников. Когда они воспринимали буквально его антикоммунистическую риторику, они не отдавали отчета в том, что Никсону это было нужно лишь ради политических целей. Он прекрасно понимал, что прямая конфронтация с Советским Союзом была просто вне обсуждения, пока СССР обладал эквивалентным ядерным оружием. Он был вторым президентом времен «холодной войны», кто понимал, что Советский Союз опасался американской военной мощи гораздо сильнее, чем полагало большинство американцев. Он пришел к такому пониманию за восемь лет работы в качестве вице-президента в офисе Дуайта Эйзенхауэра. И этот багаж был использован им при переговорах с советским лидером Леонидом Брежневым и вождем коммунистического Китая Мао Цзэдуном. Во всех контактах с этими лидерами двух крупнейших коммунистических стран Никсон выступал с позиции силы, а не как равный партнер. Он не был хвастлив, но не склонен был и оправдываться. Как опытный игрок в покер, прошедший службу на флоте в годы Второй мировой, он не пытался блефовать. Ему этого не требовалось. Когда он принял неожиданное решение о признании коммунистического Китая, он знал, что с этого момента Советскому Союзу остается только защищаться. Он использовал данное обстоятельство для завершения войны во Вьетнаме. Никсон понимал, что почетный мир с Северным Вьетнамом может быть достигнут лишь при условии, что военная и экономическая поддержка этой страны с севера будет прекращено. Он знал также, что президент Южного Вьетнама Нгуен Ван Тхьеу не согласится на мир до тех пор, пока не убедится, что Советский Союз и Китай тоже являются участниками окончательной договоренности.

Одним из любопытных аспектов президентства Никсона были его близкие отношения с Генри Киссинджером, — сначала тот был его советником по национальной безопасности, затем — госсекретарем. Из разговоров в Овальном кабинете, которые записывались на пленку и были обнародованы после того, как Никсон подал в отставку, следовало, что Никсон был злым антисемитом. Его постоянное очернение евреев и их роли в средствах массовой информации явно свидетельствовало

о том, что Никсон ненавидел и боялся евреев. Но не только близкие отношения с Киссинджером были связаны с обвинениями президента в антисемитизме, но и такие факты: Леонард Гармент, его личный помощник, также был евреем, как и Уильям Сэфайр, один из главных спичрайтеров еще со времен вице-президентства Никсона. Евреем из Калифорнии был и человек, поднявший Никсона из конгрессмена в сенаторы, Мэрри Чотинер (Хотинер). Отношение Никсона к евреям было столь же сложным, как и его отношение к консервативным членам Республиканской партии. Нет сомнений, что Никсон воспринимал евреев, особенно из средств массовой информации, не без учета их отношения к нему. Сразу взяв твердый курс в отношении коммунистов и сочувствующих им, он восстановил против себя немалое количество влиятельных евреев в Нью-Йорке и Голливуде, которые в целом поддерживали коммунистические цели, полагая, что это поможет положить конец антисемитизму. Они считали, что его преследование коммунистов в правительстве было легкой формой антисемитизма.

Евреи в средствах массовой информации были в первых рядах защитников Альгера Хисса. Для некоторых нееврейских читателей может показаться странной такая история: многие евреи, спасшиеся от уничтожения в нацистской Германии, перебравшиеся в США и достигшие там финансового успеха, яростно противились созданию Государства Израиль, поскольку опасались ответного всплеска антисемитизма — против американских евреев. Среди лидеров этого движения была и семья Очс, владевшая влиятельной газетой *The New York Times*. Хотя несколько сотен тысяч евреев упрямо стремились обрести землю обетованную в Израиле, газета в своих тенденциозно поданных новостях и редакционных материалах рассматривала создание сионистского государства как угрозу для их существования как американских патриотов. Если Никсон целиком стоял на стороне сионистов, эти полностью ассимилированные евреи предполагали, что существование еврейского государства может поставить под вопрос их лояльность Соединенным Штатам.

Раз Никсон был известен как член Комитета по антиамериканской деятельности, среди членов которого было немало антисемитов, то его автоматически причисляли ко всем прочим

(антисемитам). Первоначальные нападки Комитета на Голливуд — когда людей вызывали для дачи показаний в отношении себя и против коммунистов и сочувствующих в среде Голливуда, не давая права воспользоваться 5-й поправкой, — все-таки не привели к их судебному преследованию (5-я поправка в Конституции США гласит, что никто не может быть принужден к даче показаний против себя самого. Первоначально считалось, что это право защищает гражданина на суде и никак не ограничивает сотрудников правоохранительных органов при проведении допросов арестованных подозреваемых. Такое понимание смысла 5-й поправки позволяло полиции принуждать подозреваемых к признанию вины или свидетельствованию против себя. После того как в Верховный суд поступили многочисленные жалобы на нарушения этого права, он в решении по делу «Миранда против Аризоны» (1966) постановил, что сотрудники правоохранительных органов обязаны предупредить подозреваемых, что они могут ничего не говорить и имеют право на присутствие своего адвоката на допросе. Подозреваемые также должны быть информированы о том, что все, что может быть ими сказано, может и будет использовано против них на суде и, если они не имеют возможности нанять адвоката, им будет назначен государственный защитник. Эти слова получили название «предупреждение Миранды». — *Прим. пер.*). Знаменитая «Голливудская десятка» была уволена с работы самими же еврейскими управляющими (продюсерами и менеджерами), которые опасались всплеска антисемитизма в обществе, если люди, которым предъявлено обвинение, останутся на своих местах в киноиндустрии. А многие из «Голливудской десятки» и вовсе не были евреями. И все же многие либеральные евреи из Нью-Йорка считали, что Никсон в глубине души антисемит. Хотя они прекрасно освоились в Америке и стали восприниматься как американцы, они все равно сохранили в себе постоянное чувство тревоги в отношении возможных проявлений антисемитизма. В их понимании Никсон представлялся узколобым англосаксом, пусть не совсем антисемитом, но склонным воспринимать такие чувства. Они обвиняли Никсона за подъем маккартизма. Никсон же расценивал враждебность по отношению к себе как совершенно необоснованную. И во многом это было так. У Израиля

никогда не было лучшего друга в Белом доме, чем Никсон. А еврейские либералы доминировали буквально во всех сферах нью-йоркской жизни, начиная от газет и искусства и до поп-культуры с политикой. Мнение Никсона в отношении Государства Израиль вовсе не обязательно должно было совпадать с их взглядами (в смысле того, что существование Израиля пробуждает антисемитизм). Многие из этих либералов хотели бы, чтобы Израиль возвратил арабам земли, захваченные во время «Шестидневной войны». Иначе говоря, что бы делал или ни делал Никсон, он оставался для этих евреев врагом номер один, после смерти сенатора Маккарти.

Когда Никсон наконец воплотил в жизнь свою мечту о президентстве, одолев Хьюберта Хэмфри, его внимание сосредоточилось на вьетнамской войне, а точнее — как привести ее к достойному завершению. Не только северные вьетнамцы не желали вступать в переговоры на каких-либо иных условиях, чем их собственные (безоговорочная капитуляция противника), но и правительство Южного Вьетнама стояло намертво, не желая вводить реформы и изменения, которые смягчили бы жестокость режима и сделали его хотя бы немного более привлекательным в глазах американского народа, тем самым позволив хоть чем-то оправдать войну. Ведь если Южный Вьетнам представлял собой такую же диктатуру, как и Северный, то какой смысл был в поддержке режима Тхьеу?

Тхьеу был достаточно хитер и опытен, чтобы понять, что Никсон не может просто так бросить на произвол судьбы Южный Вьетнам без потери шансов на свое переизбрание президентом. Никсон же видел свою первоочередную задачу в сокращении количества американских войск во Вьетнаме. Он ошибочно полагал, что это снизит непосредственное давление на него перед выборами и позволит ему в той или иной форме организовать переговоры между Северным и Южным Вьетнамом. Но этот благостный проект полугодового «медового месяца» (в смысле прекращения критики) для новоизбранного президента не подошел Никсону, когда он занял Белый дом. Напротив, его избрание только озлобило его критиков. Кроме того, кремлевские лидеры долгое время изображали Никсона твердолобым антикоммунистом, который повел поход против Советского Союза и всего социалистического

лагеря. А в то же время потери американцев во Вьетнаме все возрастали, хотя их подразделения уже выводились оттуда. Вскоре стало ясно, что решающий и жестокий шаг просто необходим. Если бы он не сумел разрешить проблему вьетнамской войны, которая разделила американское общество напополам, весь груз продолжения этой бойни лег бы на плечи Никсона.

Трудно в точности определить тот момент, когда Никсон решил вступить в переговоры с Председателем Китайской Народной Республики. Военные действия велись на границе между Китаем и Советским Союзом. И была еще история с командой игроков в пинг-понг, когда они приехали в Токио, а затем были приглашены посетить Китай с целью провести турнир, — это была первая подвижка в замороженных отношениях между двумя странами (США и Китай). Намного более содержательными были намеки лидеров Пакистана, что Мао Цзэдун не прочь установить официальные отношения с Соединенными Штатами. Никсон, верный своему принципу *mefiance*, по-прежнему видел в этом потенциальном диалоге с Китаем необходимый первый шаг для ухода Соединенных Штатов из Вьетнама и в то же время весомый инструмент давления на Советский Союз с целью заключить договор о сокращении вооружений.

Он считал веру Киссинджера в «реальную политику» вполне соответствующей его собственным воззрениям. Единственный человек, которому Никсон доверился в деле доведения этого первоначального контакта до осязаемых результатов, был именно Киссинджер. Секретная командировка Киссинджера в Китай сейчас хорошо известна. Доверие Никсона оправдалось в полной мере. Триумфальный визит Никсона в Пекин в 1972 году, переданный телевидением по всему миру, стал блистательной вершиной его президентства. Никсону удалось то, на что не отваживался ни один президент США на протяжении 18 лет разрыва между США и Китаем. Хотя консерваторы, поддерживающие его, были обескуражены и многие из них обвиняли во всем происки Киссинджера, большинство американцев видело в Никсоне настоящего героя. Более того, этот первый шаг Никсона был тревожным сигналом для советского руководства. Впервые с начала «холодной войны» Советский Союз столкнулся с угрозой возникновения альянса между Со-

единенными Штатами и крупнейшей коммунистической державой мира. Позже в том же году Никсон и Брежнев подписали существенное соглашение о сокращении вооружений, ОСВ-1.

Никсон, презираемый демократами и либералами, совершил то, что не рискнул бы даже предположить ни один демократ. Путем признания коммунистического Китая он вынудил Советский Союз к серьезным переговорам с Соединенными Штатами. Гораздо более важным для Никсона было то, что путем воздействия на разные интересы двух союзников ему удастся положить конец войне во Вьетнаме. Обе страны (СССР и Китай) по различным собственным причинам были заинтересованы в укреплении отношений с США. И именно их давление привело лидеров Северного Вьетнама за стол переговоров для прекращения конфликта. Когда в последнюю минуту Северный Вьетнам взбунтовался и отказался подписывать финальные соглашения, Никсон не остановился перед тем, чтобы нанести бомбовый удар по Хайфону, зная, что бомбы могут попасть и в советские суда, стоящие на рейде. Хотя Советский Союз и выразил гневный протест, но ничего в ответ не предпринял. К Рождеству 1972 года, после триумфальной победы Никсона на выборах, Киссинджер сообщил, что северовьетнамцы готовы подписать соглашение, которое включает возвращение на родину американских военнопленных, окончание конфликта и разделение Вьетнама на две суверенных страны. Никсон был убежден, что сумеет поддерживать стабильность южно-вьетнамского правительства, когда последние американские военные покинут страну, и он — возможно — смог бы, если бы не Уотергейт и его вынужденная отставка. Киссинджер испытывал значительно большие сомнения и полагал, что правительство Тхьеу рухнет из-за своей полной коррумпированности и нежелания заниматься проблемами большинства населения страны — безземельных крестьян.

В рамках внутренней политики Никсон в качестве кандидата в президенты придерживался линии республиканцев, ведомых сенатором Тафтом, и ожидалось, что такой же подход сохранится и при его президентстве. Это был результат изображения прессой миротворца Никсона замшелым реакционером. Точно так же, как он шокировал консервативное крыло республиканцев и либералов (да и прессу) своим признанием коммунистического

Китай, теперь он неприятно удивил всех еще раз, уже в вопросах внутренней политики. У Никсона не было иной цели, как создать блестящий образ президента в своем лице. Пока он работал в конгрессе — два срока конгрессменом и два года сенатором, — прежде чем стал вице-президентом, он усвоил философию Республиканской партии, которая подразумевала достижение сбалансированного бюджета. Как и Эйзенхауэр, он полагал, что ответственность Америки в мире состоит в предотвращении советской агрессии в некоммунистических странах. Но в отличие от Эйзенхауэра он понимал популярность и привлекательность социальных программ Джонсона для американского народа. И потому многие члены «демократического» конгресса ожидали, что он свернет программы «Великого общества» Джонсона, как только станет президентом. Но, заняв Белый дом в январе 1969 года, Никсон всех удивил — и сторонников и оппонентов, как удивлял и на протяжении всей своей политической карьеры.

Приход Никсона в политику был совершенной случайностью. Уволившись из флота в чине лейтенанта-коммандора (аналогично капитану второго ранга или подполковнику. — *Прим. пер.*), он вернулся в Калифорнию, чтобы возобновить свою юридическую практику в маленькой фирме. И в поисках оппонента популярного демократического кандидата республиканская верхушка неожиданно выдернула на эту роль Никсона. После разоблачения Альгера Хисса как советского агента новенький конгрессмен Никсон вдруг вырос в глазах публики до масштабов национального героя. И при последующих выборах он прошел в конгресс беспрепятственно. И все же он вел свою кампанию так яростно, как будто бежал за уходящим поездом. Никсон нашел свое призвание. Внутренне пожиравшее его пламя стремления к славе и успеху, которое двигало его и в академической карьере, теперь оказалось востребовано на политической арене.

В деле Альгера Хисса Никсон еще до суда выразил верное мнение о его деятельности. После этого заявление демократического сенатора от Калифорнии, Шеридана Дауни, о своем отказе от перевыборов открывало Никсону широкие двери в сенат. Для республиканцев Никсон был очевидным кандидатом. Его соперницей стала Элен Гахаган Дуглас, протеже Элеоноры Рузвельт и жена звездного киноактера Мелвина Дугласа. В свое

время она была избрана в конгресс от округа, куда входил и Голливуд. Дауни отказался соревноваться с ней (в рамках выдвижения от одной партии). Это не Никсон впервые обвинил ее в симпатиях к коммунистам, но скорее сами ее однопартийцы-демократы на первичных выборах. И это именно лос-анджелесская газета впервые окрестила ее «розовой леди» (понятное дело, то означало намеки на лесбийские наклонности. — *Прим. пер.*). Несмотря на все эти нападки, она сумела одолеть своих оппонентов на первичных выборах (от партии). Но теперь перед ней предстала значительно более серьезная задача, а именно победить Никсона. Для либерального крыла Демократической партии, все еще убежденного в невинности Хисса, Никсон уже стал первым объектом для возмездия. Даже когда сенатор Маккарти заменил Никсона как главного *bete noire* («предмета ненависти» [*фр.*]) для Демократической партии, Никсон все равно рассматривался демократами как человек, породивший представление о том, будто демократы все питают слабость к коммунизму и коммунистам. В результате обычные выборы сенатора от Калифорнии превратились в шумный шабаш, чуть ли не в крестовый поход против Никсона. Либералы с Западного и Восточного побережья США жертвовали крупные суммы во имя поражения Никсона. Но он одержал победу с большим перевесом. Это была последняя его самостоятельная победа до тех пор, пока он не был переизбран повторно президентом в 1972 году.

Избирательная кампания Никсона в 1968 году во многом связана с участием в ней кандидата от третьей стороны, губернатора Джорджа Уоллейса, расистские взгляды которого на сегрегацию (с неграми) широко поощрялись не только южанами, но и теми на Севере, кто обычно поддерживал демократов. Но Никсон был не из тех, кто стал бы утруждать себя подобными скользкими вопросами. Он дежурно делал реверансы в сторону консерваторов из своей партии, но, придя к власти, он намерен был поступать по собственному разумению. Он был не только прагматиком, он был еще и оппортунистом. Он понимал, что, хотя наследие президента Джонсона подпорчено его развертыванием войны во Вьетнаме, его всегда будут почитать как создателя программ «Великого общества», которые очень изменили Америку за счет социальной направленности, а также

как президента, окончательно освободившего негров и давшего им равные права при своем первом президентском сроке, путем продавливания нового законодательства. Ведя инициативу Джонсона еще дальше, Никсон назначил Артура Флетчера помощником министра по труду. Флетчер, чернокожий американец и убежденный республиканец, намеревался разрушить барьеры для поступления негров на работу, созданные келейными соглашениями индустриальных профсоюзов. Он разработал правила, согласно которым федеральные фонды воздерживались от работы с подрядчиками (выполняющими федеральные проекты), не соблюдавшими справедливого равенства при приеме на работу и не выполнявшими некоторых особых условий для приема на работу меньшинств. Так называемый обновленный филадельфийский план Флетчера был первым случаем, когда подобные действия предпринимались на федеральном уровне.

Это был только первый шаг, предпринятый Никсоном для того, чтобы перехватить у демократов образ единственной партии, которая продвигает прогрессивное законодательство для большинства американцев. В ответ на угрозу инфляции из-за растущих доходов пожилых американцев, живущих на средства от программ социального страхования, он предложил — а конгресс одобрил — первое законодательство, привязывавшее индексированием уровень соцобеспечения к стоимости жизни, которая высчитывалась министерством коммерции. Эти стандарты прилагались не только к получателям средств по социальному страхованию, но и к военным и к прочим получателям государственных пенсий. Никсон пошел еще дальше. Он запросил конгресс о принятии Закона о дополнительном доходе обеспечения (SSI, Supplemental Security Income). Средства для обеспечения этого закона должны были выделяться трастовым фондом социального обеспечения, но поступали туда из федерального бюджета. Целью SSI было предоставление фондов на еду, одежду и жилище для пожилых и инвалидов, которые не могли прожить на ежемесячные чеки, предоставляемые органами соцобеспечения.

Но и на этом реформы социального законодательства Никсона не остановились. Его самым амбициозным мероприятием стало создание Агентства по защите окружающей среды. Хотя

цели этого начинания были благородны, возникли непредвиденные последствия: возросла стоимость ведения бизнеса в США, что находилось в полном противоречии с философией Республиканской партии. Никсон, однако, больше беспокоился о своем президентском наследии, чем о партийных догмах. Как ни странно это казалось многим либералам, именно Никсон первым предложил ввести контроль за продажей оружия и установить уровень минимального дохода для всех американцев. Это был также первый президент, начавший разрабатывать федеральную политику по наркотикам.

В то время как Никсон воспроизводил образ Джонсона, все добавляя и добавляя нового к программам «Великого общества», и был во многом погружен в достойное завершение вьетнамской войны, ни он, ни его помощники не оказались столь же успешны в управлении американской экономикой в целом. Когда Джонсон смог ввести в действие налоговые сокращения (предложенные Кеннеди) в 1964 году, бюджетный дефицит в 1965 году резко снизился за счет увеличившихся федеральных доходов (см. Приложение). Но в 1966 году, когда Джонсон начал военное строительство во Вьетнаме, несмотря на огромный приток бюджетных доходов в 14 миллиардов долларов, дефицит бюджета снова стал расти. В 1967 финансовом году, несмотря на увеличение поступлений в 18 миллиардов долларов, дефицит составил почти 9 миллиардов долларов! А в 1968 году, когда Джонсон уступил требованиям генерала Вестморланда об отправке более 500 тысяч военнослужащих во Вьетнам, дефицит бюджета превысил 25 миллиардов долларов. Рост инфляции от 2,9 процента в 1966 году до 4,2 процента в 1968 году испугал не привыкший к инфляции народ, который — естественно — считал, что Америка не может себе позволить и пушки и масло (см. Приложение). Но эти бюджетные дефициты как раз и доставляли масло к столу обывателя из среднего класса. В последнем бюджете, предложенном Джонсоном в 1969 году, предлагалось временное резкое увеличение налогов на 10 процентов для снижения бюджетного дефицита.

План Никсона по снижению численности американских войск во Вьетнаме стартовал в январе 1969 года, и на следующий год доходы бюджета возросли на 6 миллиардов долларов, и все-таки дефицит составил 2,8 миллиарда долларов. А с другой

стороны, уровень инфляции уже трудно было контролировать. В 1970 году он составил 5,7 процента, и, даже несмотря на продолжающийся вывод войск из Вьетнама в 1971 финансовом году, что повлекло сокращение бюджетных расходов на 3 миллиарда долларов, дефицит дошел все же до огромной суммы в 23 миллиарда долларов. Рабочие из профсоюзов, особенно те, у которых контракт был заключен на три года и не мог быть перезаключен на следующие два, осаждали Белый дом с требованиями, чтобы Никсон установил контроль за ценами и зарплатой, раз война во Вьетнаме все еще продолжается. Никсон призвал Артура Бэрнса, председателя Федерального резерва, и Джона Коннелли, старинного демократа, который перешел в стан республиканцев и был назначен Никсоном на должность секретаря Казначейства. Поскольку Коннелли понимал в финансах чуть больше школьника, пусть даже он успел побывать губернатором Техаса, а Никсон — как ни удивительно — понимал в этом деле еще меньше, именно Бэрнс предложил временное замораживание цен и зарплат на шесть месяцев, чтобы как-то пресечь инфляцию, уже выходящую из-под контроля. Выступая по национальному телевидению, Никсон объявил народу Фазу Первую своей программы по обузданию инфляции. Впрочем, Фазы Второй так и не случилось.

В то время как Никсон боролся с инфляцией, произошло событие, которое изменило экономическую систему Соединенных Штатов и всего некоммунистического мира. Как отмечалось ранее, это было вынужденное решение администрации Никсона отменить искусственный золотой стандарт, который существовал еще со времен Бреттон-Вудской конференции 1944 года. Теперь администрации Никсона пришлось проглотить горькую пилюлю и объявить всему миру, что доллар больше не обменивается на золото. Это сообщение произвело такое потрясение на финансовом рынке, которое можно сравнить только с землетрясением в 10 баллов по Рихтеру (для справки: в сейсмологии не наблюдалось землетрясений выше 9 баллов по шкале Рихтера, так что это горькая ирония. — *Прим. пер.*). И золото, с которым человечество жило с незапамятных времен как с универсальным средством обмена, было поглощено этим финансовым землетрясением и исчезло. Немедленно центробанки других стран стали поднимать курсы своих валют по отноше-

нию к доллару. Теперь стоимость доллара будет свободно колебаться на международном валютном рынке. Но, вопреки предсказаниям «кассандр», конец света не наступил. Свободная торговля между странами продолжалась, как и прежде. Реальные последствия этой встряски, которые уже не имели прямой связи ни с золотом, ни с долларом, были еще на два года впереди. Хотя в 1972 году инфляция снизилась с 4,4 процента до 3,2 процента, администрация Никсона все еще мучилась с никак не устранимым дефицитом федерального бюджета. Но в этом уже не были виноваты военные расходы; к 1972 году численность американского контингента во Вьетнаме была сокращена до 69 тысяч человек. В значительно большей степени причиной являлись непомерные расходы на социальные программы в рамках «Великого общества» и других, добавленных уже Никсоном. И не было особых расчетов на их снижение в ближайшие годы, поскольку все они были закреплены в законодательстве конгрессом.

Но все инициативы Никсона бледнеют в сравнении с тем фундаментальным изменением, которому он положил начало и провел через конгресс, — создание профессиональной армии взамен призыва. Исходно в основе этого решения Никсона лежал труд Мартина Андерсона, профессора экономики из Колумбийского университета и свободного экономического аналитика, сотрудничавшего с администрацией Никсона. По воспоминаниям Гэри Норта, который слышал о деталях этого дела от Андерсона, мысль о полностью добровольной армии на контрактной основе впервые возникла у Никсона во время избирательной кампании 1968 года. В ходе кампании Никсон спросил у Андерсона, есть ли какое-то политическое предложение, которое воздействует на ход дела. Тогда Андерсон ответил: «Полностью добровольная армия», а затем сопровождал эту рекомендацию отчетом на 17 страницах. Позже, когда репортер The New York Times спросил Никсона, что он собирается делать с призывом, президент ответил: «Думаю, нам надо избавиться от призыва и перейти на полностью добровольные вооруженные силы». И дальше, видя, какое большое внимание прессы привлекло его заявление, Никсон в передаче по радио обрисовал основные детали его предложений. Это было за две недели до выборов.

Всего через три месяца пребывания в Белом доме, в марте 1969 года, он назначил комиссию из пятнадцати человек для изучения возможности отказаться от всеобщего призыва без нанесения ущерба безопасности страны. Отчет комиссии Гейтса был подготовлен меньше чем через год. Вывод был однозначным — время покончить с всеобщим призывом. Как и следовало ожидать, немедленно последовала гневная реакция из Объединенных штатов. Отрицательно отозвались также Мелвин Лэйярд, министр обороны, и Генри Киссинджер, помощник по национальной безопасности. Но вот молодой конгрессмен из Иллинойса Дональд Рамсфельд немедленно предложил закон в поддержку этого предложения. Хотя и в палате представителей, и в сенате проводились слушания по данному вопросу, его инициативе ходу не дали. Но в мае 1973 года, перед очередным призывом, конгресс наконец принял закон, отменявший призыв в армию. Сегодня мы видим, что переход к полностью профессиональной и добровольной армии привел к созданию высокотехнологичной военной машины. В социальном смысле отмена призыва означала нечто более глубокое: она проложила некий водораздел между карьерными профессионалами и временными людьми, в основном выходцами из бедных слоев общества.

В 1970 году египетский президент Насер, кумир арабских масс, умер по естественным причинам. Его заменил на этом посту Анвар Садат. Еще со времен катастрофы «Шестидневной войны» 1967 года Советский Союз снабжал Египет самолетами и танками для замены вышедших из строя в ходе военных действий. Советские военные советники были повсюду в Египте. Садат, вместе с сирийским лидером Хафезом Асадом и при участии советских военных советников, запланировал через год масштабную атаку на Израиль. Для нанесения удара была выбрана самая священная дата для верующих евреев — день Иом-кипура («Искупления» или «Судного дня»). Атаки пошли по двум направлениям, в расчете на то, что израильские военнослужащие будут слегка расслаблены в связи с культовым днем и потеряют бдительность. Ракеты, наводящиеся на тепло двигателя, поражали израильские самолеты, стартующие с аэродромов. Израильские лидеры призвали Вашингтон возместить потерянную боевую технику — им надо было быть в этом

уверенными. То ли Никсон оказался под сильным давлением Киссинджера, то ли его здравый смысл затмился из-за расследования Уотергейтского дела, но он приказал министерству обороны организовать круглосуточное снабжение Израиля боеприпасами и техникой.

Для арабских стран, входящих в ОПЕК, это решение США возобновить вооружение Израиля изменило смысл войны. На экстренном заседании ОПЕК объявила бойкот поставкам нефти в Соединенные Штаты. Международные рынки нефти отреагировали моментально. Цена барреля нефти всего за ночь взлетела от 3 до 7 долларов (см. Приложение). Нефтяной кризис погрузил экономику всего западного мира, включая Соединенные Штаты, в затяжной период инфляции, который продлился до 1983 года. Уже к концу 1973 года инфляция выросла до 6,2 процента. К 1974 году, когда Никсон подал в отставку и президентом стал Джералд Форд, этот показатель дошел до 11 процентов, и впереди были еще худшие времена. Вместе с инфляцией нарастала и безработица.

В тот момент немногие увидели влияние отмены золотого стандарта доллара и нефтяного кризиса на изменения в экономике США и всего мира. Не будучи больше привязанной к некоей произвольной стоимости валюты, экономика Соединенных Штатов способна была справиться с нефтяным кризисом. И растущую мощь американской экономики президенту Рейгану впоследствии удалось употребить на то, чтобы заставить Советский Союз тратить все больше средств на оборону и в конечном счете обанкротить свою милитаризованную экономику. Валюта Соединенных Штатов была так широко распространена в мире, что ее невозможно было заменить ни на какую другую. Доллар был превыше всего, вне зависимости от того, сколько у страны набралось внешнего долга.

Уотергейт и события, приведшие к отставке Никсона, были уже крайне полно и всесторонне описаны во множестве книг. Единственная вещь, которую упускают из виду исследователи, — это его (Никсона) побуждения и соображения. Самая точная характеристика Никсона — его основательность и цельность. Когда в 1972 году все опросы показывали его огромное преимущество над любым демократическим кандидатом, он все равно вел свою президентскую кампанию с тем же упорством, как будто

молодой кандидат в конгрессмены на второй срок, тот самый Никсон, который упорно отстаивал свои позиции против практически несуществующего оппонента. Это было проявление того самого «недоверия», или «жесткости», или *meifiance*. Он стал настоящей звездой после разоблачения Хисса, и эта звезда привела его в конечном счете к Уотергейту. Никсон никогда никому не доверял, даже своим собственным помощникам (очевидно, имеется в виду предательство людей из команды Никсона, которые согласились сотрудничать со следствием по делу о тайном прослушивании в здании «Уотергейт» и дать показания на президента. — *Прим. пер.*).

Фрустрация — президентство Форда и Картера

Каждый президент США в XX веке оставлял своему преемнику в Белом доме в качестве наследства некую неразрешимую — или неразрешенную — проблему. В случае Гувера это была Великая депрессия. В случае Рузвельта — «холодная война» с Советским Союзом. Трумэн преподнес Эйзенхауэру войну в Корее. Эйзенхауэр, в свою очередь, предоставил Джону Кеннеди решать проблему Кастро и Кубы. Тот оставил Джонсону войну во Вьетнаме, которая затем перекочевала на стол к Никсону. Никсон передал своим наследникам — Форду и Картеру — нефтяной кризис 1970-х годов и галопирующую инфляцию, которая грозила погубить все сферы экономики страны.

Индекс Доу—Джонса на нью-йоркской бирже 14 ноября 1972 года перевалил магическую отметку в 1000, составив 1003. К концу того месяца вывод американских войск из Вьетнама был практически завершен, там оставалось около 16 тысяч военных советников и сотрудников администрации. Будущее выглядело в розовом свете. Ожидалось, что дефициты бюджета, вызванные войной, постепенно сойдут на нет и к 1975 году можно будет уже получать «дивиденды от мира». Так посчитал американский бизнес. При этом игнорировалась реальная основа экономического бума периода войны, а именно тот самый дефицит, который и поддерживал процветание. Бизнесмены полагали, что такой рай будет длиться вечно. Высшие менеджеры корпораций, всегда зорко следящие за запасами товара на складах, здесь вдруг словно потеряли голову. Им было важно показать на Уолл-стрит, каков рост продаж и прибыль, если цена на акции корпорации шла в гору. Крупные розничные торговцы, заботящиеся о цене на товар ровно так же, как бизнесмены во всем мире, увеличили размер своих запасов товара выше всякого разумного уровня.

В 1973 году они планировали рекордные продажи на Рождество. Но следующий день после Дня благодарения, обычно наиболее успешный для розничной торговли, вдруг оказался крайне неудачным! Рождественские продажи не только не оправдали радужных надежд, но и оказались ниже прошлогоднего уровня.

Розничные продажи являются самым чувствительным барометром в национальной экономике. В то время на их долю приходилось около двух третей ВВП страны. Как идет розница, так живут и поставщики розничного товара, а значит, и поставщики этих поставщиков. К весне 1974 года, когда внимание всей нации было приковано к вопросу об импичменте президента Никсона, экономика вошла в серьезный спад. Последовали масштабные увольнения на многих фирмах, которые пытались привести свои ресурсы в соответствие со спросом. Шахты и фабрики закрывались, чтобы снизить накладные расходы владельцев компаний.

Что же произошло? В 1973 году дефицит бюджета составил 14,9 миллиарда долларов, что было на 8,5 миллиарда меньше, чем в предыдущем году, а в 1974 году он сократился до 6,1 миллиарда долларов. Дефицит снижался, но и экономика затухала параллельно с ним. В 1973 году военные расходы были всего на 2,5 миллиона долларов меньше, чем в предыдущем году, а в 1974 году они выросли до 79,3 миллиона долларов, что отражало введение института платной контрактной армии. И все-таки в 1973 году корпорации были больше озабочены ценами на свои акции, чем запасами товара, который у них скопился, что усиливало спад.

К концу 1973 года рост цен на нефть в результате Войны Судного дня стал еще сильнее раскручивать спад экономики (см. Приложение). Это отразилось и на показателях инфляции. [...] Вот уже десять лет американцы жили в воображаемом мире экономической фантазии, сперва подпитываемой расходами на войну во Вьетнаме, затем — программами «Великого общества». В 1973 году и на протяжении последующих семи лет они испытали совершенно новый для них вид инфляции, на которую администрация никак не может воздействовать, — это было вызвано ростом цен на импортируемую нефть, без которой страна попросту не могла выжить.

Экономисты недоумевали. Алан Гринспен, впоследствии председатель совета по экономике при президенте Форде, был не одинок в своем призыве вернуть золотой стандарт. Но, вопреки всем экономическим теориям, мир не мог уже повернуться и встать на прежние рельсы. Если мировой экономике суждено было расширяться, она не могла основываться на ограниченных запасах золота (как меновой единицы). Возникновение доллара как мировой валюты для коммерческих отношений между странами позволило глобальной экономике расширяться в принципе до бесконечности. Благодаря доллару индустриально развитые страны смогли в конечном счете справиться с ростом цен на сырую нефть. Индекс Доу–Джонса взлетел на немыслимую ранее высоту. Это привело к укрупнению индустрии и стимулированию офшорной продукции, с целью получения преимущества от цены и роста (экономика в XX веке испытывала две внешне разнонаправленные, но содержательно друг друга взаимодополняющие тенденции: перенос производства в регионы с низкой ценой труда и приток дешевой рабочей силы из подобных регионов в развитые страны. — *Прим. пер.*). Это стало ключом к «рынку быков» 1980-х и 1990-х годов, да и в начале XXI века. Это стало и пропуском в новый мир для сегодняшних мультимиллионеров и миллиардеров.

В 1973 году вице-президент Спиро Агню был вынужден подать в отставку, чтобы избежать судебных преследований за «откаты», которые он получал от подрядчиков в Балтиморе. Согласно 25-й поправке Конституции, президент мог назначить другого человека на это место, если бы эта кандидатура была одобрена обеими палатами конгресса. Если нет, то это место доставалось спикеру от демократического большинства палаты представителей, Карлу Альберту. Никсон знал, что единственный человек — Джералд Форд, лидер республиканского меньшинства в палате, — имел шансы пройти голосование в конгрессе. Никсон отбивался, стоя спиной к стене, все понимая, но еще не готовый принять свою участь (отставка либо импичмент). Он призвал к себе Альберта и Майка Мансфилдов, последний из которых, лидер демократического большинства в сенате, подтвердил, что кандидатура Форда наверняка пройдет. Для избежания очевидно предстоящего импичмента 9 августа

1974 года Никсон подал в отставку и Джеральд Форд принес присягу в качестве следующего президента США. На протяжении восьми месяцев страна оставалась без руля и ветрил, а Никсон, погруженный в собственные проблемы, уделял мало внимания экономике страны.

Основной положительной характеристикой Форда стала его безупречная и честная работа в качестве конгрессмена на протяжении двадцати пяти лет, а следовательно — отличное знание внутреннего устройства этого института власти. Помимо этого, не отыскать было никаких разумных соображений насчет того, каким образом ему удастся справиться с новой ролью. Поскольку Форд не имел опыта в международных делах, то предполагалось, что он оставит на своем месте Генри Киссинджера, госсекретаря и советника по национальной безопасности при Никсоне. Киссинджер был одним из ближайших людей Никсона и знал в подробностях детали уотергейтского дела. Из-за постоянного мелькания Киссинджера на экране (прежде всего ТВ) многие американцы считали его скрытым архитектором проектов признания Китая и заключения мира с Вьетнамом, которое было подписано в Париже. Ну и ладно, внешняя политика должна быть в твердых руках, думали они. Ведь знаменитая «челночная дипломатия» Киссинджера помогла разрешить проблему Войны Судного дня и мирного отхода израильских войск, что помогло избежать прямого военного столкновения с русскими. Однако оставался самый главный вопрос: каким образом Форд намерен справиться с экономическим спадом, причиной которого было резкое возрастание цены на нефть и безработицы в США?

Большинство людей, добивающихся президентства, обладают колоссальным эго и уверенностью в своей избранности (великой судьбе). Форд, в отличие от этого стереотипа, принял президентство как рухнувшее на него бремя. Еще в период дискуссий с Никсоном по поводу его вице-президентства (с последующим, как предполагалось, проведением в президенты США. — *Прим. пер.*) Форд предполагал, что Никсон невиновен. Было бы нелепо предполагать, что опытный человек в ранге президента США разрушит свой образ из-за грубого и банального взлома с подглядыванием. Более того, Форд боготворил Никсона за все его свершения на посту президента. Через месяц по-

сле своего восхождения на пост президента Форд совершил неслыханное — отменил обвинения в адрес бывшего президента, Никсона. Он отмел все критические стрелы, направленные в него. А кроме того, Форд был просто порядочным человеком, на грани допустимого... А еще Форд рассказал парламентскому комитету, что к нему обратился Александр Хейг, тогдашний командующий Объединенными штабами, с вопросом: простит ли он Никсона, если сейчас ему предложат должность вице-президента? Форд сознался, что ему потребовалось несколько дней, чтобы ответить на этот вопрос. С другой стороны, он оказался достаточно наивен и согласился передать Никсону магнитофонную пленку с записью компрометирующих разговоров. К счастью, запрос Никсона был блокирован следователем по особо важным делам, Леоном Яровски, и пленка осталась в собственности федерального правительства. Форд объяснил свое прощение Никсона вполне разумным для честного человека образом: если бы Форд стал президентом, то Уотергейт остался бы позади и для него, и для американского народа, и остался бы лишь как предмет для изучения историками, но не повод для политических манипуляций. Но это неосмысленное поведение Форда не стало причиной его поражения на президентских выборах 1976 года. Нет, американцы гораздо больше были обеспокоены инфляцией, растущим дефицитом бюджета и спадом в экономике страны.

С момента, когда Форд произнес президентскую клятву, фактическим президентом США стал Хейг. [...] Хотя в первые месяцы президентства Хейг служил заданной цели, но задачи Форда отличались от таковых у Никсона. Новый президент не имел опыта исполнительной власти. Стил Никсона состоял в поддержании четкой исполнительной дисциплины, со строго ограниченным доступом к президенту. А Форд предпочитал передавать полномочия членам своего кабинета и экономическим советникам. В конечном счете он направил Хейга Верховным главнокомандующим объединенными силами НАТО, а на его место поставил молодого республиканца, бывшего конгрессмена Дональда Рамсфельда, который работал короткое время с Никсоном до его отставки. Рамсфельд обладал всеми достоинствами Хейга в отношении дисциплины, но без создания вокруг себя атмосферы военного лагеря. Как убедился мир

через тридцать лет, Рамсфельд умел сочетать совершенную уверенность в своем суждении с умением мило улыбаться (имеется в виду назначение Рамсфельда министром обороны США при президентстве Буша-младшего. — *Прим. пер.*).

Главной проблемой, стоящей перед Фордом в 1974 году, были не вопросы его коллектива, а все больше затягивающийся и усугубляющийся спад в экономике. Цены на нефть, жизненно необходимую для производственных и транспортных нужд, стремительно росли, что дополнительно тормозило и без того угнетенную экономику. Хуже того, главный советник Форда по экономике, Алан Гринспен, похоже, не имел ни малейшего представления (как, впрочем, и другие советники) о причинах скатывания экономики в спад, который становился все более угрожающим. Учебники по экономике не давали ответа, поскольку в истории еще не было случая, чтобы вся экономика огромной страны оказалась зависимой от одного-единственного вида природных ресурсов (нефти). Нефть была необходима по любым ценам, как воздух, и уже неважным казалась галоширующая из-за этих цен инфляция. Кроме того, Форд, как и его экономические советники, в упор не видел очевидной причины инфляции. Он не понимал, что инфляция увеличивается ровно вдвое против увеличения цены нефти (это становится ясно при учете расходов на энергию производства и транспортировку, которые закладываются в конечную цену каждого товара. — *Прим. пер.*). Первоначально его программой была сдержанность в расходах как средство борьбы с инфляцией. Он хотел прикрутить фитилек федеральному бюджету; добавить дополнительные 5 миллиардов долларов налога на корпорации; увеличить налоги на личные доходы. По его мнению, поддержанному его экономическими советниками, такие шаги могли убрать лишние деньги из обращения, что и стало причиной инфляции. Вместо того чтобы увеличить покупательную способность предпринимателей и потребителей, Форд решил снизить ее, что безусловно стимулировало безработицу.

Чтобы подстегнуть американцев, Форд затеял кампанию потребителя, которую назвал «Останови инфляцию сейчас!» (Whip Inflation Now), символом которой стал красно-белоголубой бант с надписью WIN (здесь аллюзия на сознание обыч-

ного американца, нацеленного на победительную жизнь, поскольку WIN означает по-английски «победи». — *Прим. пер.*). Эта кампания протянула недолго. Как консервативный республиканец, Форд был в ужасе от растущего бюджетного дефицита, который только добавлял и добавлял миллиардные суммы к общему государственному долгу страны. Главными виновниками были, конечно, социальные программы, предложенные Джонсоном и Никсоном и пропущенные конгрессом. С 1974 по 1976 год стоимость финансирования «Человеческих Ресурсов» выросла с 135 миллиардов до 256 миллиардов долларов. Соизмеримая сумма (52 миллиарда долларов) была потрачена на перенос даты начала нового финансового года с 1 июля на 1 октября, что автоматически увеличило финансовый 1976 год на три месяца.

Но эти расходы не были единственным виновником нарастания дефицита. [...] Другие социальные расходы также играли в этом немалую роль — медицина и фармацевтика обходились государству все дороже.

Очень скоро стало ясно, что банальные «панацеи» Форда никак не отвечают задаче преодоления спада в экономике. Массовые увольнения рабочих во всех отраслях промышленности только нарастали. Безработица оставалась главной общественной проблемой. Гринспен признал, что не имеет понятия, как далеко может зайти спад и сколько он может продлиться. Было очевидным, что экономика нуждается во «вливании» денежной массы, чтобы бизнес оживился, и что упрямая мысль Форда о необходимости затягивания поясов могла привести к решению проблемы. В январе 1975 года Форд сделал свое первое послание к конгрессу. Все экономические советники пришли на конференцию с президентом, включая председателя Федеральной резервной системы Артура Бэрнса. Снова был поднят вопрос о растущем бюджетном дефиците, но при отсутствии согласия между советниками решено было отложить вопрос до Нового года. Рамсфельд, как трудоголик, упорно пробивал свой путь к президентству (позже, в 1975 году, Рамсфельд убедил Форда назначить его министром обороны, убрав с этого поста назначенца Никсона, Джеймса Шлезингера).

Форд все откладывал окончательное решение по поводу мер, необходимых для прекращения экономического спада. Он был

человеком своих привычек. Для него чуть ли не полугодовые каникулы, которые он дважды проводил за игрой в гольф или на лыжных трассах, были священны. В это время он расслаблялся и отдыхал с женой и четырьмя детьми. Увеличение дефицита бюджета, как предлагали некоторые из его советников, не совпадало с его принципами, которые он настойчиво утверждал в годы своего пребывания в конгрессе. А с другой стороны, ему нравился весь тот антураж, который положен президенту: персональная обслуга, вертолет по заказу, приватное уединение в резиденции Кемп-Дэвид, честь осознавать себя самым важным человеком в некоммунистическом мире. Это был пьянящий коктейль, и Форду хотелось еще четыре года пить его.

Когда Форд вернулся в Вашингтон, Рамсфельд стал той движущей силой, которая побуждала президента принять решения, идущие вразрез с его воззрениями на экономику. В отличие от Форда, который просто ожидал момента произнесения речи перед американским народом со своей программой борьбы с инфляцией, безработицей и энергетическим кризисом, Рамсфельд предлагал, чтобы еще заранее президент поговорил с нацией в вольном стиле, на фоне библиотечных полок (по ТВ, конечно), что позволило бы отождествить его с интеллектуалом, день и ночь ищущим ответы на проклятые вопросы, и показать публике, что его решение будет выверенным и научно обоснованным.

Преамбула Форда была очень краткой и по делу. Он выразил решимость строить страну на трех кампаниях: против инфляции, безработицы и энергетической зависимости. Суть программы составляли несколько простых пунктов. Поднять налоги на импортируемую и отечественную нефть и природный газ, чтобы стимулировать консервацию ресурсов внутри страны. Возвратить доход от этих налогов бизнесу и правительствам на местном и федеральном уровне. Ускорить развитие ядерной, геотермальной и солнечной энергетики и увеличить мощности для добычи в стране большего количества нефти и угля. Сократить налоги на 16 миллиардов долларов с тем, чтобы предоставить налоговые льготы частным лицам и компаниям, которые строят больше заводов и нанимают больше работников. Наложить вето на трату денег правитель-

ством на другие нужды, нежели энергетические проекты, ограничить возрастание правительственных и военных пенсий, так же как и социальных выплат, до 5 процентов, чтобы бороться с инфляцией.

Поскольку все эти расходы и выплаты были узаконены конгрессом, слова президента означали только его стремление успокоить людей и вовсе не преследовали цель реального исполнения этих намерений по сокращению выплат. Это консерватор Никсон привязал все эти выплаты к показателю стоимости жизни. Предложения Форда явились мозаикой из кусочков Нового Курса и консервативной республиканской философии. Его государственное послание к конгрессу, последовавшее через два дня, во многом повторяло ту предварительную беседу с народом, с небольшими дополнениями, чтобы разве что продемонстрировать, что его слова были не пустым звуком.

Демократы усилили свое представительство в палате и в сенате, в результате вынужденной отставки Никсона, и они не склонны были поощрять введение (акцизных) налогов на бензин и топочный мазут, что нанесло бы ущерб их избирателям и «группам поддержки» в бизнесе. Единственной частью программы Форда, которая им импонировала, было снижение налогов. Да еще вдобавок к первоначально предложенным 16 миллиардам долларов сокращения конгресс предложил все 24,8 миллиарда. Первой реакцией Форда и его советников было наложить вето на закон, который увеличивал и без того раздутый дефицит госбюджета. Но по мере того как безработица продолжала нарастать, а снижение налогов, предложенное конгрессом, влияло лишь на малооплачиваемых работников, Форд решил, что честнее будет принять закон как есть. Однако, несмотря на сниженные налоги, экономика оставалась в стагнации в течение всего 1975 года, поскольку безработица все еще колебалась между 7 и 9 процентами. Хотя инфляция все еще оставалась большой проблемой, Совет Федеральной резервной системы наконец осознал, что ставка кредита в 12 процентов тормозит восстановление экономики. Постепенно ставку стали снижать, чтобы стимулировать бизнес. Президент тоже пришел к выводу, что накачивание экономики деньгами все-таки необходимо.

Он был также очень обеспокоен перспективами своего переизбрания. Все-таки основная проблема Форда, которую он так и смог преодолеть, была вера в фискальный консерватизм (то есть сдержанное расходование бюджетных средств). И он был не одинок в таких воззрениях. Так, когда он согласился на дальнейшее сокращение налоговых поступлений на 28 миллиардов долларов, он настаивал, чтобы конгресс ровно на такую же сумму сократил расходы правительства. Однако такое действие было равнозначно перекладыванию денег из одного кармана в другой и отменяло бы всякий стимулирующий эффект от налоговых льгот. Более того, многие федеральные программы требовали обязательных расходов по ним. Так что конгресс охотно сократил налоговые поступления на 28 миллиардов, а вот снизить государственные расходы отказался. Форд наложил вето на закон, но конгресс предложил его повторно, в комплекте со смутными обещаниями как-нибудь сократить государственные расходы. Угнетенный несговорчивостью конгресса, президент вынужден был признать свое поражение и подписал закон.

К маю 1976 года усилия совета Федеральной резервной системы по снижению кредитной ставки наконец стали оказывать стимулирующее влияние на экономику. Ставка в 12 процентов при начале президентства Форда теперь снизилась до 6 процентов. Это позволило бизнесу занимать деньги под разумный процент. Сокращение налогов на 28 миллиардов тоже достигло своей цели. Стали снова работать закрытые автомобильные фабрики, заработали и другие отрасли промышленности. Возрос уровень потребления и уверенности (в завтрашнем дне), однако безработица продолжала оставаться на уровне 7,7 процента. Это была тревожная цифра для президента, жаждущего избрания на следующий срок.

Ни Форд, ни его преемник на посту президента Джимми Картер не понимали, что экономика требует постоянных влияний свежих фондов, чтобы поддерживать движение. Это было нечто новое в экономическом мышлении и противоречило всем экономическим теориям прошлого. Не было способа остановить рост инфляции, пока цена на баррель нефти продолжала увеличиваться, а экономика не росла так быстро, чтобы поглотить и сгладить это противоречие. Даже после, при пре-

зидентстве Рейгана, когда дефициты бюджета были велики, но безработица сокращалась, многие экономисты считали, что в конечном счете все это приведет к экономической катастрофе. [...]

Форд, по собственному желанию, но также и по необходимости, сосредоточился на домашних делах. Однако ему удалось немало сделать и на внешнеполитическом поприще. Первое — это визит во Владивосток в ноябре 1974 года, где он встретился с советским лидером, генсеком ЦК КПСС Леонидом Брежневым. Лидеры двух стран заложили основы для соглашения по ОСВ-2 (ограничение стратегических вооружений). В 1975 году Форд также предпринял две важные поездки за рубеж. В августе он поехал в Хельсинки, чтобы подписать там знаменитые Хельсинкские соглашения. Позднее он объяснял: «Люди в США, которые критиковали Соглашения, не осознавали, что условия по правам человека закончатся, как только страны Балтики обретут свободу. Еще труднее было убедить скептиков Хельсинкских соглашений, что это огромный шаг вперед и что это настоящая бомба с замедленным действием для коммунизма». В декабре Форд на пять дней приехал в КНР. Хотя встреча носила сердечный и дружественный характер, никакого совместного коммюнике не последовало (как и очевидных результатов).

В октябре 1975-го, пробыв чуть больше года на посту президента, Форд решился на первые серьезные изменения в своей администрации. Подталкиваемый Рамсфельдом, он сместил Шлезингера с поста министра обороны, освободив место для Рамсфельда. Вдобавок пост начальника Штаба достался помощнику Форда Дику Чейни. Форд продвинул близкого к Киссинджеру человека, Брента Скоукрофта, на место советника по национальной безопасности, а Эллиота Ричардсона, посла в Великобритании, назначили главой Торговой палаты вместо Роджерса Мортонa. Далее, из-за вскрывшихся незаконных операций ЦРУ (с которыми сталкивались все президенты с момента основания этого ведомства), конгресс потребовал реформ в этом специфическом учреждении, и его директора, Уильяма Колби, попросили уйти в отставку. На его место пришел Джордж Буш-старший, бывший конгрессмен. Ранее Никсон назначил его представителем в КНР после неудачной попытки

Буша пройти в сенат. Однако самый большой сюрприз Форда был в удалении вице-президента Нельсона Рокфеллера из своей избирательной кампании 1976 года. Форд знал, что его главным оппонентом на предварительных праймериз внутри Республиканской партии будет популярный Рональд Рейган, бывший губернатор Калифорнии.

Рейган стал кумиром консервативного крыла республиканцев после своей вступительной речи на съезде партии в 1964 году, когда выдвинули Барри Голдуотера. Форд опасался противодействия со стороны консерваторов, если в его команде будет либеральный бывший губернатор штата Нью-Йорк, и Форд попросил Рокфеллера отступить. Но у Рейгана «вице» был либеральный республиканец. А бывший губернатор штата Нью-Йорк добавил бы голосов из стратегически важного Нью-Йорка в корзину Форда.

Форд оставил после себя то же, с чего и начинал. Инфляция, высокая безработица, неконтролируемый рост цен на нефть. Но люди, которых он назначал на разные посты в своей администрации, впоследствии были весьма вознаграждены в своей карьере — не только в политике, но и в бизнесе. Наиболее успешным оказался Джордж Буш, который стал впоследствии вице-президентом, а затем президентом (не считая того, что и сына устроил на эту должность. — *Прим. пер.*). Но и другие преуспели. Если президентство Форда не дало осязаемых результатов, но его непоколебимая честность дала основание многим считать, что это было «отмывание грехов» Никсона.

Человек, выигравший выборы у Форда, а именно Джеймс Эрл Картер-младший, впоследствии известный как Джимми Картер, состоял из клубка противоречий. Трудно объяснить его выдвижение от Демократической партии, никто из политических прорицателей не допускал такой возможности. Во всех 30 штатах, где проводились праймериз, он представал как «народный кандидат», а не как выдвиженец каких-то политических кукловодов. Эта реформа обычного предвыборного процесса у демократов, вызванная антивоенными выступлениями во время вьетнамской войны в 1972 году, привела к основательному изменению правил номинации «выдвиженцев». Если раньше победитель в штате получал голоса всех выборщиков от партии, то теперь стала действовать пропорциональная си-

стема. В результате, хотя Картер и не победил во всех праймериз, ему удалось собрать достаточное число голосов делегатов для выдвижения в президенты. Более того, в отличие от неудачника Джорджа Макговера, чья кампания завершилась сокрушительной победой Никсона, у Картера было преимущество как у южанина.

Важным фактором в успехе Картера была его воля к победе, иногда вопреки принципам. Он провел два срока в сенате Джорджии, где он показал себя либералом — посреди крайне электризованного Юга, — после чего решил выдвигаться в губернаторы. К его разочарованию и изумлению, он пришел только третьим, уступив ярому консерватору Лестеру Мэддоксу. И тут Картер словно испытал духовное перерождение. На следующих выборах он выступил как рьяный консерватор и был избран. Когда он стал губернатором, то вернулся к своим прежним взглядам о необходимости гармонии между двумя расами. Конечно, из этого следовало, что его не переизберут, поэтому он ничего не терял, рискнув начать вместо этого президентскую кампанию, пусть даже она была слишком дальним броском для него.

Подход Картера к президентским функциям резко отличался от таковых у его предшественников. С одной стороны, он был успешным бизнесменом и понимал необходимость фискальной ответственности; с другой стороны, он был глубоко религиозным человеком и твердо верил в свои принципы — что хорошо, а что плохо с моральной точки зрения.

В результате в первое время своего правления Картер оказался не в лучших отношениях с СССР, поскольку резко критиковал советское руководство за нарушения прав человека. Картер надеялся достичь согласия по договору ОСВ-2, который готовился еще при Форде. Хотя Брежнев тоже желал заключения этого соглашения после встреч с Фордом и Киссинджером, но лишь на тех условиях, которые устраивали бы Советский Союз. Когда госсекретарь Сайрус Вэнс приехал в Москву в марте 1977 года, его предложения вежливо не стали рассматривать. Одновременно Картер продолжал критиковать советских лидеров, и встреча закончилась без обсуждения предложений Вэнса.

В иностранных делах большой успех был достигнут в нормализации отношений с КНР. Хотя Никсон в свое время завоевал

доверие своим признанием Китая, старые коммунистические лидеры Китая, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай, отказывались формализовать дипломатические отношения путем обмена послов из-за остающегося вопроса Тайваня. Когда эти лидеры скончались, к власти вернулись многие бывшие члены партийной коммунистической иерархии, которых Мао в свое время снял со всех постов. Теперь, когда отношения с Советским Союзом были испорчены, новое руководство Китая во главе с Дэн Сяопином было готово формализовать отношения с Соединенными Штатами. Хотя вопрос Тайваня все еще оставался болезненной точкой, Дэн нанес визит в Соединенные Штаты в знак новых отношений двух правительств.

В ходе своей кампании Картер также обещал убрать американские войска из Южной Кореи, чтобы завоевать голоса ветеранов вьетнамской войны. Но протесты со стороны сенаторов и некоторых представителей прессы были столь яростными, что ему пришлось отступить. С другой стороны, несмотря на давление со стороны конгресса, он не отказался от своего плана вывести из состава вооружений бомбардировщик В-1, который уже прошел испытания и был готов к массовому производству. Конечно, за производством этого самолета стояли крупные промышленные и военные интересы, и в случае его запуска создавались бы десятки тысяч рабочих мест. Но экономическая политика Картера склонялась в сторону консерватизма. Когда его советник по внутренним вопросам, Стюарт Айзенштадт уведомил его, что если рост экономики составит те же 6 процентов в год, то сбалансированный бюджет может быть достигнут к 1981 году. И это стало политической целью Картера (поскольку это давало ему значительные шансы переизбрания на второй срок. — *Прим. пер.*). Он так сосредоточился на этом, что оставил без внимания различные сегменты экономики. Но подобная цель могла оставаться только идеалом, к которому можно стремиться, а не застывшим в камне монументом. На фоне нефтяного кризиса и неизбежной инфляции не проглядывалось надежных способов прогнозировать будущее экономики. [...]

Картер поставил свои реформы в зависимость от трех видов законодательства: реформа системы соцобеспечения; реформа принципов налогообложения; энергетический план, который

позволил бы справиться с растущими ценами на нефть и природный газ. Вдобавок, чтобы привести бюджет в порядок, сельскохозяйственные субсидии фермерам должны были быть снижены. Все эти законодательные инициативы были направлены на достижение сбалансированного бюджета к 1981 году.

Картер быстро понял, что проще предложить закон, чем ввести его в действие. Внутри Демократической партии существовали несколько групп «давления», все с разноречивыми целями. К своему ужасу, он обнаружил, что его советник Айзенштадт, который сначала (после 6,5-процентного роста в первом полугодии) был оптимистичен в отношении экономических прогнозов на вторую половину 1977 года, теперь снизил свои оценки на баланс всего года и на 1978 год. Только дефицит бюджета мог вытащить экономику из спада. А фермы имелись во всех 50 штатах, поэтому конгрессмены и сенаторы от каждого штата имели заинтересованность в поддержке субсидий для своих избирателей. Вопреки возражениям Картера, конгресс поднял суммы на поддержание цен на пшеницу, кукурузу и хлопок. Помня, что использование Фордом права вето на подобные законы привело к сокращению его избирательной базы, Картер все-таки подписал закон о выделении средств. Одним словом, как и социальный блок, аграрный сектор — это постоянный тормоз в американской внутренней политике. [...]

Администрация была также обеспокоена растущим отрицательным балансом внешней торговли, что снижало стоимость доллара на международных валютных рынках. Но у этой монеты было две стороны. Хотя не было способа избежать оттока долларов в нефтедобывающие страны, дешевый импорт (за счет дешевого доллара), особенно из Японии, помогал сдерживать инфляцию, а японские автомобили к тому же потребляли очень мало бензина, что снижало потребность США в нефти. Одним словом, пока цена на нефть оставалась относительно стабильной, за счет ввоза японских автомобилей, страна могла как-то выстоять против небольшого и медленного повышения цен на нефть. Либеральное крыло партии требовало прислушаться к нуждам бедных и неуспешных, тогда как для Картера во главе угла стояло снижение дефицита. Была также проблема сенатора Эдварда Кеннеди и его сторонников-либералов, продавливающих программу

медицинского страхования, которая покрывала бы 40 миллионов налогоплательщиков, не имевших никакой медицинской страховки. Кеннеди был потенциальным кандидатом в 1980 году, поэтому от него нельзя было просто отмахнуться. К концу 1978 года опросы показали, что Кеннеди опережает Картера по популярности, несмотря на успехи действующего президента. Картеру был преподнесен горький урок. Что бы он ни делал, американские потребители и пресса видели во всем лишь темную сторону.

К несчастью для Картера и опрокидывая все экономические прогнозы Айзенштадта, в Иране произошли события, которые вскоре повергли администрацию в полное расстройство. До того времени Иран был крупнейшей нефтедобывающей страной на Ближнем Востоке, которая сохраняла союзнические отношения с Соединенными Штатами. Близкие отношения Америки с Ираном продолжались еще с 1953 года, когда переворот, организованный ЦРУ, сверг националистическое правительство и вернул шаха на трон как полновластного властителя. Впервые в современной истории Ирана в стране не оказалось ни избранного парламента, ни сената, которые могли бы служить противовесом политике шаха. Шах задолжал огромную сумму Соединенным Штатам, и за прошедшие годы он вполне ее отработал. Иран был не только последовательным союзником Америки в ОПЕК, но еще и одним из крупнейших покупателей военной техники США. Американские военные советники работали рука об руку с иранскими генералами. Шах также решил модернизировать и «вестернизировать» свой режим. Были отменены законы, запрещавшие женщинам обнажать голову в общественных местах, что привело к враждебности исламских фундаменталистов по отношению к режиму. Вдобавок Иран стал единственной мусульманской страной, признавшей Израиль. Попытки иранской компартии обрести в Иране почву под ногами подавлялись секретной полицией шаха, САВАК. Иран, как и его соседи по региону, был тоталитарным государством. Основной опорой режима были вооруженные силы и секретная полиция. Но в своем стремлении переустроить страну на западный манер шах столкнулся с сопротивлением мулл, шиитских религиозных лидеров, единственной открытой оппозицией его абсолютистскому правлению. Вzbешенный публичными выступ-

лениями против его политики, он ответил сокращением государственных субсидий на религиозные нужды. В результате создавалась мощная группировка врагов, готовых свергнуть его режим.

Восстание началось с пожара в кинотеатре, где погибло 377 человек. Поскольку поджигатель не был найден, муллы стали распространять слухи, что якобы пожар был устроен агентами САВАК по приказанию самого шаха. По стране прокатились демонстрации против шаха, подстрекаемые муллами и членами иранской компартии. В Тегеране около 100 тысяч человек вышли на манифестацию против шаха и его режима. В ответ шах ввел смертную казнь и запретил всякие демонстрации. А муллы собрали массу народа в центральном парке Тегерана. Шах вызвал войска. Демонстрацию силами армии смяли и рассеяли, около 700 гражданских протестантов были убиты и ранены. Впервые с 1953 года в столице появились призывы к отставке шаха или к его убийству. Более того, протесты продолжались и в последующие месяцы поздней осенью 1978-го и ранней зимой 1979 года. Никто в разведывательных службах США не знал, что мятеж готовился и направлялся из Парижа аятоллой Хомейни, до тех пор пока тот не издал открытый манифест с призывом к всеобщей забастовке и свержению шаха. Вдохновленные указаниями своего духовного лидера, муллы потребовали от своих сторонников закрыть добычу на нефтеносных полях и приостановить нефтепереработку, тогда одну из крупнейших в мире.

Шах, не в силах справиться с ситуацией, назначил одного из своих оппонентов, Шамура Бахтара, главой партии Народный фронт, чтобы тот образовал новое правительство и как-нибудь уладил дело. Это действие шах сопровождал посланием к народу Ирана о том, что он временно покидает страну, а по своем возвращении установит конституционную монархию. В его защиту можно сказать, что он страдал от рака и уехал в Египет для прохождения более полного лечения.

При известии о бегстве шаха улицы наводнили толпы, веденные муллами. Бахтар был бессилен. В феврале 1979 года 78-летний аятолла Хомейни возвратился в Иран из Парижа и возглавил восстание. Единственная серьезная оппозиция, с которой ему пришлось столкнуться, — это военные, которые получили много благ от шаха и сохраняли ему верность.

Администрация Картера словно впала в столбняк от этих событий. Единственным источником информации был посол Уолтер Салливан со своими сотрудниками. Картер вместе с госсекретарем Сайрусом Вэнсом решили принять нейтральную позицию и выждать, как повернутся дела. Хомейни сменил Бахтара на своего премьера, Мехди Барзагана. Вскоре после этого иранские студенты ворвались в американское посольство и поддержали его обитателей в заложниках два часа. За этим последовало официальное извинение аятоллы в адрес США. В начале ноября 1979 года другая группа фанатичных студентов захватила посольство США; на сей раз они отказались отпустить захваченных дипломатов до тех пор, пока шах не вернется в Иран и не предстанет перед судом за совершенные злодеяния. Единственным противовесом аятолле были иранские военные, которые имели дружеские отношения с американскими военными, из-за многолетнего снабжения Ирана американским вооружением при шахе. Высшие военные чины готовы были выступить и действовать на стороне Америки. Но Картер предпринял усилия для устройства переговоров через третью сторону об освобождении заложников. Прошло шесть месяцев с момента прихода власти аятоллы, когда Картер послал американского генерала переговорить с иранскими военными. Но было слишком поздно. Именно тогда отчаявшийся Картер дал приказ о силовой акции по освобождению заложников, которая бесславно провалилась.

До 1979 года, несмотря на растущие мировые цены на нефть, США были способны сдерживать инфляционное давление на экономику, поскольку Соединенные Штаты производили у себя 52 процента нефти, необходимой для внутреннего потребления — в отличие от Европы и Японии. Помогал сдерживать рост цен и закон о сбережении энергоресурсов (ЕРСА), принятый конгрессом еще в 1975 году, при администрации Форда. В соответствии с ЕРСА, была создана трехуровневая система ценообразования. Из старых скважин, которые действовали еще до начала нефтяного кризиса, нефть стоила по 5,5 доллара за баррель; из новых американских скважин, открытых или задействованных после 1975 года, — 12,5 доллара; импортная нефть, покрывающая около 48 процентов потребностей США, продавалась по 15,2 доллара.

Однако с временным закрытием иранских нефтяных промыслов, в результате революции, приведшей к власти Хомейни, цена импортной нефти возросла еще на 17 процентов, усиливая инфляционное давление на экономику. Цены на нефть влияли не только на транспорт и отопление, но и на промышленность и сельское хозяйство. Пластик и искусственные волокна изготавливались из нефтепродуктов, и это неизбежно двигало вверх цены и в промышленности. Фермеры столкнулись с возросшей ценой на пестициды и на топливо для сельхозтехники, что привело к повышению цен на пищевые продукты (на 18 процентов), а индекс потребительских цен (который часто называют инфляцией) вырос с 7,6 процента до 11,3 процента в 1979 году. Поскольку по закону все социальные выплаты были привязаны к показателю потребительских цен, это добавило напряжения в экономике. Словно всех этих несчастий было недостаточно, глава Фонда социального страхования объявил, что его финансы находятся в минусе, и если конгресс не поднимет налог с продаж, то Фонд не сможет выполнить свои обязательства перед пенсионерами и безработными.

На трехдневной конференции руководства Демократической партии произошел бунт либералов во главе с сенатором Кеннеди. Все основные силы демократов — рабочие, чернокожие, защитники окружающей среды — воспротивились консервативной философии президента Картера. Стали ходить слухи, что сенатор Кеннеди уже готов бросить вызов Картеру при номинации в президенты от демократов. Хотя сам Кеннеди это отрицал, от прессы так просто не отделаешься. По опросам, проведенным прессой, Кеннеди намного опережал Картера среди потенциально демократических избирателей и легко мог одолеть республиканцев Рейгана с его «вице» Джорджем Бушем.

Но весной 1979 года опросами интересовалась только пресса. Народ больше беспокоился о росте инфляции. [...] ОПЕК продолжала повышать цену на нефть, и конгресс наконец принял чрезвычайный план Картера по радикальному снижению налогов на 60 процентов, что должно было принести 227 миллиардов долларов доходов (частным компаниям). Конечно, этому не суждено было осуществиться. Конгресс также провел закон о нормировании распределения

газа, одновременно с утверждением Совета по мобилизации энергии, в чьи функции входило содействие созданию новых энергетических объектов. [...] Наконец, чтобы предотвратить полный крах корпорации «Крайслер», конгресс предоставил кренящемуся набок автомобильному гиганту гарантированный (обеспеченный государством) кредит в более чем 1 миллиард долларов.

Решение Картера отменить регулирование деятельности отечественных нефтяных компаний только усилило инфляцию, хотя принесло немалые барыши самим компаниям. Весь Техас кипел от крокодильей борьбы желающих ухватиться за этот лакомый кусочек — нефтепромыслы. Хотя добыча внутри США немного возросла, это не повлияло на инфляцию, поскольку отечественная нефть стоила столько же, сколько и от стран ОПЕК, — то есть более чем 20 долларов за баррель.

Возникли и другие проблемы — во внешней политике. Поддерживаемые Кастро сандинисты в Никарагуа одолели войска Сомосы и вынудили диктатора бежать из страны. В Никарагуа установился марксистский режим (сомнительно, чтобы количество сандинистов, читавших Маркса, превышало два с половиной человека, но режим действительно позиционировал себя как просоветский, эта формулировка точнее. — *Прим. пер.*). Оказавшись у власти, сандинисты стали экспортировать вооружения в соседние Сальвадор, Гватемалу и Гондурас. А вскоре последовало решение Советского Союза покрепче утвердиться в Афганистане, с каковой целью туда были введен ограниченный военный контингент из 85 тысяч человек. Им предстояло усмирить повстанцев, которые свергали одного премьера за другим. Бездействие Америки (а потом еще проваленная операция по спасению заложников) создало у Москвы и у многих других впечатление, что теперь можно действовать безнаказанно.

Казалось, единственным бесспорным достижением Картера стало заключение Договора ОСВ-2 о сокращении количества ядерных ракет. Однако этот договор не был ратифицирован сенатом, поскольку вскоре после его заключения Советский Союз вторгся в Афганистан. Картер почувствовал, что его предали (если «предал» его СССР, то это звучит нелепо, поскольку стратегические противники Соединенных Штатов легкой жизни

Картеру никогда не обещали, а Афганистан в сферу действия Договора ОСВ-2 не входил. — *Прим. пер.*). Картер в истерике приказал прекратить поставки зерна в СССР и попросил своих европейских союзников сделать то же самое. Он угрожал отменой участия команды США в олимпийских играх 1980 года в Москве. Он потребовал (от конгресса) предоставить помощь Пакистану в размере 400 миллионов долларов. Чтобы не потерять голоса фермеров на выборах 1980 года, он пообещал возместить фермерам потери, которые они понесли из-за отмены поставок зерна в СССР. Он предоставил Китаю режим наибольшего благоприятствования в торговле, который никогда не одобрял Советский Союз. Он также согласился продать Китаю высокотехнологичное военное оборудование. Он увеличил расходы на оборону от 3 до 5 процентов от всего бюджета. Он предложил, чтобы все мужчины в возрасте от 18 до 26 лет регистрировались для возможного призыва в армию, хотя в Америке отменили призыв в пользу профессиональной армии. Теперь Картеру пришлось позабыть о своей цели сократить бюджетный дефицит до 30 миллиардов долларов в 1980 финансовом году.

С учетом угрозы возможного вторжения американцев в Иран и реальной войны Ирака с Ираном, цены на нефть на международных рынках взлетели до небес. День за днем шла борьба, страны толпились у нефтяной кормушки, желая обеспечить каждая себе необходимый энергетический ресурс и поддержать свою экономику. Еще до того, как стало ясно, что ирано-иракская война не повлияет существенно на нефтяной рынок, цены на нефть взлетели от 20 до не слыханных никогда в истории 38 долларов за баррель. Большинство экономических прогнозистов рассуждали о том, что цифра в 80 долларов за баррель вполне реальна.

Недавно назначенный глава Федеральной резервной системы Пол Волкер решил, что для обуздания инфляции настал подходящий момент. Но лекарство, прописанное Волкером, чуть не убило пациента. Он не мог снизить цену на нефть, но мог поднять цену на кредит, что уменьшило бы избыток денег в обращении. Ему пришлось поднять процент кредитной ставки до 13 процентов, что вынудило бизнес искать пути для применения своих капиталов за пределами США. Этим удалось снизить инфляцию в 1982 году до 6,2 процента. Действительно,

в 1982 году инфляция составила уже 6,2 процента, по сравнению с 13,5 процента в 1980 году. Далее, каждый год рынок труда наполнялся людьми, а бизнес не имел возможностей к расширению, и уровень безработицы продолжал расти и составил: в 1979 году — 5,8 процента, в 1980 — 7,1 процента, в 1981 — 7,6 процента, в 1982 — 9,7 процента. Так что не политика Волкера снизила инфляцию, а, скорее, кризис в картеле ОПЕК (из-за ограничений на импорт нефти в США) и новые ограничительные стандарты на потребление, введенные конгрессом.

В конечном счете Картер отбил натиск сенатора Кеннеди в его стремлении номинироваться на президента в 1980 году. Кеннеди решил противостоять игре, где в дело вбросили давний скандал в Чаппаквиддике, случившийся в 1969 году, но ведь он должен был понимать, что и старый скандал при необходимости можно оживить (имеется в виду инцидент, когда машина, которую вел Эдвард Кеннеди, рухнула с моста в реку, и погибла его молодая спутница, а уцелевший сенатор не оказал ей необходимой помощи. — *Прим. пер.*).

Таким образом, победа над Кеннеди стала последней для Картера в этой кампании, где ему не удалось одолеть республиканца Рональда Рейгана. Но главным тут стало не воинственное отношение Рейгана к Советскому Союзу. Вопросы, которые задавали себе американцы: стали мы жить лучше, чем четыре года назад? Нет, не стали.

И победа Рейгана была сокрушительной. Более того, впервые за 28 лет республиканцы, на хвосте его популярности, завоевали большинство в сенате. Кроме того, республиканцы получили дополнительные 34 места в палате представителей и взяли под контроль несколько штатов.

Если историки были несправедливы к Картеру, то лишь по причине его собственного понимания справедливости, перенесенного на весь народ. А это означало обычно обвинение кого угодно, только не себя. Если бы он смог сразу освободить заложников (в посольстве в Иране), его увидели бы, возможно, в лучшем свете. Его первоначальный отказ пойти на их спасение (любой ценой) только подчеркивал его образ неудачника. Он, христианин, видел себя человеком предназначения. Только это предназначение, судя по всему, не предусматривало его избрание президентом.

Америка в наступлении — президентство Рейгана

Что такое был «рейганизм», что стояло за этим словом (в русскоязычной литературе того периода этот термин обычно звучал как «рейганомика». — *Прим. пер.*) и понятием? Удивительно, но факт: внимание Рейгана никогда не было сосредоточено на частном бизнесе; на снижении налогов; на сбалансированном бюджете. Главное, где только можно, ликвидировать государственные правила ведения дел. Иными словами: дайте свободной рыночной экономике жить по-своему и делать свое дело. И все же ни один из этих основных принципов (якобы описывающих рейганизм), за исключением снижения налогов, не был претворен в жизнь за восемь лет президентства Рейгана. Все законы, действовавшие на момент его вступления на пост, продолжали действовать и после окончания его второго срока. Если что и изменилось, то это численность бюрократии в Вашингтоне. Вместо сбалансированного бюджета при администрации Рейгана государственный долг страшно разбух и к концу срока его правления превышал в три раза ту цифру, с которой администрация начала работу (включая и все государственные долги, накопленные предыдущими администрациями). К концу его срока президентства все, что осталось от рейганизма, — это его 25-процентное сокращение налогов на личные доходы, да и то было сдержано необходимостью произвести платежи по социальному обеспечению.

Так был ли рейганизм мифом, созданным верными соратниками? Но ведь в период его правления экономика процветала так, как никогда раньше. Уровень жизни большинства американцев вырос до таких высот, какие раньше казались просто недостижимыми. Уровень инфляции снизился настолько, что увеличение зарплаток и цен смогло обеспечить реальный экономический рост. Прибыли были высоки как никогда. Индекс Доу—Джонса

впервые перевалил отметку в 2200. Хотя первоначальные цели Рейгана не были достигнуты, он оставил своим преемникам вполне приличное наследие в виде процветания отечественной экономики.

Намного более значительными оказались достижения во внешнеполитических делах. В своей риторике он был твердокаменным антикоммунистом, он не только рьяно поддерживал вьетнамскую войну, но и обвинял Ричарда Никсона в предательстве — из-за признания коммунистического Китая. Во время президентской кампании Картер, демократы и вообще либералы видели в Рейгане «отвязавшуюся пушку», и якобы он способен разрушить отношения с советским руководством до той степени, что грянет ядерная война с Россией («отвязавшаяся пушка» — loose cannon — английская идиома, возникавшая во времена пиратских сражений, когда при качке на корабле отвязавшаяся от борта пушка способна была сокрушить все на своем пути, неуправляемая и страшная. — *Прим. пер.*). Став президентом, он продолжал свою пламенную риторику, публично называя Советский Союз «империей зла». И все же ему удалось усадить русских за стол переговоров, и он сумел достичь первого значительного соглашения о сокращении вооружений. Хотя это и спорно, но его твердая вера в новые военные технологии и соответствующее вынужденное следование Советами логике гонки вооружений стали теми рычагами, которые перевернули в конечном счете Советский Союз. Непокколебимое отношение Рейгана к принятой доктрине, будь то «экономика предложения» (Supply Side economy) или Стратегическая оборонная инициатива (СОИ), обусловило его силу и его слабость. Невероятный успех двух его президентских сроков остается поистине значительным — и трудно объяснимым.

Каким был Рональд Рейган и дал ли он в действительности новую философию федеральному правительству? Или он играл роль в кино, вроде как в фильме «Мистер Смит едет в Вашингтон», где молодой конгрессмен пытается реформировать правительство? Даже Эдмунд Моррис, биограф Рейгана и лауреат Пулицеровской премии, был не в состоянии извлечь из человека настоящий его корень и в результате написал частично художественно и лишь частично документальную биографию. Даже две его жены и его дети не способны

были понять его до конца. И все-таки этот человек остался в истории как Великий Коммуникатор. На протяжении всей его жизни и карьеры его поступки были вереницей бесконечных противоречий.

Во многих случаях его критики считали, что он упрямствует в своих ошибках. Но его сокращение налогов в 1981 году, несмотря на яростное сопротивление конгресса, принесло нации в конечном счете процветание. Он не пошел тогда на компромисс с конгрессом. Не то чтобы Рейган был многомудрым человеком. Более значительную роль сыграли огромные дефициты бюджета, которые накопились за время его президентства. Все позиции, которые он отстаивал, вопреки мнению его оппонентов, что это путь к катастрофе, оказывались в конечном счете очень хороши и для внутренней, и для внешней политики страны. Может ли быть, что его успехи следует приписать только лишь слепому случаю, и ничему более?

Нет, не вера Рейгана в возможности свободной торговли привела к тому, что экономика Америки стала перестраиваться из преимущественно индустриальной в сервисную, где основное значение приобретает сфера услуг. Рейган не имел к этому отношения. Консолидация американских корпораций также началась задолго до эпохи Рейгана, в конце 1950-х годов, за счет привилегированных акций для высшего руководящего состава, и продолжалась на протяжении многих лет. То же самое касается переноса многих производств за рубеж ради приобретения конкурентного преимущества. В то же время программы «Великого общества» создавали много рабочих мест именно в индустрии обслуживания. К тому же появился персональный компьютер, который только усилил имеющиеся тенденции в экономике США.

То же самое можно сказать и о самом появлении Рейгана как заметного фактора на политической сцене. В том же 1964 году, когда Линдон Джонсон победил в Калифорнии с миллионом голосов перевеса, друг и коллега Рейгана, актер Джордж Мэрфи был избран там сенатором от Республиканской партии. Политические лидеры Республиканской партии смекнули, что широкая известность и популярность могут иметь большое значение на выборах. После сокрушительного поражения Голдуотера комитет из калифорнийской ячейки республиканцев обратился

к Рейгану с предложением стать их кандидатом в губернаторы Калифорнии на выборах 1966 года. Миллионеры из республиканцев согласились финансировать эту кампанию. Рейган позиционировал себя как средний, близкий к народу человек, намеренный искоренить политическую коррупцию в столице штата. Когда подсчитали голоса, то оказалось, что Рейган обогнал своего соперника, действующего губернатора Пэта Брауна, почти на миллион голосов. Восходила новая политическая звезда. И теперь Рейган решил добиваться поста президента.

Настоящая одиссея, которую претерпело мировоззрение Рейгана от убежденного сторонника Нового Курса и демократа до республиканца, продлилась много лет. И началась она даже раньше, чем Рейган покинул Голливуд и стал пресс-менеджером в General Electric Theater и пресс-секретарем компании («Дженерал Электрик» — одна из крупнейших в мире корпораций. — *Прим. пер.*). Когда Рейган был президентом Гильдии киноактеров, внутри организации образовалось ядро из нескольких членов, коммунистов и симпатизирующих Советскому Союзу, которые выступали за радикализацию деятельности Гильдии и более конфронтационные отношения со студиями. Рейган, воспитанный в традициях Среднего Запада, был патриотом Америки и верил, что его страна — не только величайшая в мире, но и ее ценности превыше любых других. Сама мысль о том, что Америка может (в каком-либо виде) поддерживать философию, распространяемую Советским Союзом, была ему противна. Это был тот самый момент его жизни, когда в нем сформировалось стойкое неприятие коммунизма. Когда в 1947 году он вместе с бывшим президентом Гильдии Робертом Монтгомери и Джорджем Мэрфи был допрошен Комитетом по антиамериканской деятельности, то он честно ответил, что внутри Гильдии существовала группа прокоммунистически настроенных людей, впрочем не называя имен. Рейган был весьма осмотрителен, ответственно утверждая, что 90 процентов членов Гильдии были хорошими американцами и вовсе никакими не коммунистами, а совсем наоборот. При этом он прекрасно понимал, что, если назовет даже несколько имен, это станет концом его актерской карьеры; как потом узнает страна после дела «Голливудской десятки», весьма существенное число управля-

ющих в Голливуде были либо коммунистами, либо сочувствующими. А ведь именно управляющие, директора играли главную роль в кастинге, отборе на роль. И Рейган знал также, что, пусть коммунистов и сочувствующих было процентов 10, значительно больше было тех, кто с симпатией относился к идеологии коммунизма.

При этом Рейган оставался верным приверженцем принципов программ Нового Курса. Выросший во времена Великой депрессии, он хорошо помнил длинные очереди безработных и людей, роющихся в мусорных баках в поисках пищи. У его отца работа была непостоянная. И впервые ему приоткрылся путь в иной мир (нежели тот, к которому он привык) только в результате его брака с Нэнси Дэвис в 1952 году, когда он познакомился с ее отчимом, весьма преуспевающим врачом. Впервые в своей жизни он столкнулся с экономическими взглядами, совершенно отличными от его собственных. Отчим Нэнси энергично критиковал программы рузвельтовского Нового Курса и трумэновского Курса Честного Дела, и он попытался убедить своего нового «приемного зятя», что все эти инициативы тормозили инициативу индивидуумов, частных лиц. Но Рейган не поддался этим доводам.

На протяжении всей своей политической карьеры он демонстрировал упорство и убежденность, и его собственное мнение о чем-либо не так-то просто было переменить. Это случилось, когда он поступил работать в «Дженерал Электрик» и вынужден был искать альтернативы своим прежним взглядам на жизнь. Ему надо было разъезжать по стране и произносить речи перед оптовиками и розничными торговцами о преимуществах продукции компании. Поскольку его знали как актера кино, то везде встречали как знаменитость. С его огромным репертуаром анекдотов и всяких шуток, да еще рассказывая истории из «тайной» жизни звезд Голливуда, он всегда привлекал внимание аудитории, где бы ни выступал. Впервые в своей жизни он столкнулся с проблемами владельцев малого бизнеса, от которых он узнал, что их душат федеральные налоги. Это было открытием для бывшего актера, он стал смотреть на жизнь более широко. Именно тогда, во время поездок по стране, он завел обычай делать заметки в своих записных книжках о пришедших в голову мыслях — что же мешает экономике? Эти разрозненные записи,

ставшие доступными при открытии Библиотеки Рейгана, подтвердили, что Рейган вовсе не был легковесным и бездумным человеком, как его описывали в прессе и каковым считали высококолобые интеллектуалы. Очень глубокие размышления предшествовали формированию его теории правительства страны. Бюрократы и политики не имели кредита доверия; у них не было беспокойства об «уровне рентабельности», о котором постоянно приходится думать мелкому бизнесмену, и они не боялись потерять работу (всегда найдется запасной «аэродром»). Это не свои деньги они вкладывали в правительственные программы, а деньги налогоплательщиков. И когда он полностью осмыслил это свое новое видение роли правительства (государства), он стал придерживаться его с присущими ему последовательностью и упрямством.

Как губернатор Рейган показал себя с лучшей стороны. Он увеличил доходы бюджета штата, а также провел программу реформы соцобеспечения, с тем чтобы инвалидов и престарелых, уложенных вповалку в огромных узловых больницах, рассредоточили по местным медицинским центрам. Во время своего второго срока губернаторства он представил бюджет в 258 миллиардов долларов, причем профицит составлял 1,1 миллиарда долларов. В прошлом, поскольку конституция штата предписывала придерживаться сбалансированного бюджета, губернаторы и правительство прибегали к тактике выпуска государственных облигаций (для покрытия дефицита), и эта практика была обычной для многих штатов. Когда студенты университета Беркли в Калифорнии закрыли здание факультета в знак протеста против войны во Вьетнаме, причем к ним присоединились некоторые преподаватели, Рейган призвал 2 тысячи бойцов Национальной гвардии, вооруженных слезоточивым газом, чтобы рассеять демонстрантов и восстановить порядок в студенческом кампусе. Хотя его обтекаемо критиковали законодатели-демократы, народ был в восторге и рукоплескал его действиям. Он стал лидером консерваторов в Республиканской партии благодаря своим достижениям. К концу своего второго срока Рейган стал общенациональной харизматической фигурой и символом закона и порядка. После того как Никсон одержал внушительную победу на выборах 1972 года, Рейган стал и сам готовить планы на президентство.

Неожиданная история с отставкой Никсона и восхождением на пост президента Джералда Форда отсрочила возвышение Рейгана. Хотя он был близок к номинированию в 1976 году, Форда нелегко было переломить. В 1980 году Рейган победил Джимми Картера и в возрасте 69 лет стал самым пожилым в истории США избранным президентом.

Когда Рейган пришел в Белый дом, экономика страны разваливалась на клочья. Все еще оставалась страшной проблемой инфляция, а также массовая и растущая безработица. При продолжающейся ирано-иракской войне цена барреля нефти дошла до 38 долларов, а многие предрекали повышение до 80 долларов. Для этого пессимизма имелись достаточные основания. Иран и Ирак были соответственно второй и третьей по величине нефтедобывающими странами Ближнего Востока. Если они уничтожат нефтеразработки друг друга, это может обернуться катастрофой! И прежде всего для Соединенных Штатов и ведущих индустриальных стран мира. Пол Волкер предлагал негодные схемы. [...] Без деятельного вмешательства Рейгана его президентство оказалось бы перед лицом экономического кошмара.

Силы, пущенные в ход: принятие закона о консервации энергии в 1975 году, спасли экономику. Стандарты CAFE по этому закону ограничивали пробег и потребление легковых авто и пикапов с 1978 года, и эти ограничения возрастали вплоть до 1981 года. Это резко снизило потребление бензина в США, что привело к временному избытку нефти на мировом рынке. Соединенные Штаты потребляли четверть мирового производства нефти, и треть от этого количества уходило на автомобили и тракторы, а также грузовики и пикапы. Монополия ОПЕК закончилась, когда отдельные члены организации стали снижать цены на свое топливо в расчете на завоевание новых сегментов рынка. Здесь следует отметить, что американская автомобильная промышленность оказалась очень неповоротливой в своем ответе на вопросы времени и вовремя не учла возрастание цен на бензин, тогда как японские малолитражки, максимально эффективные в потреблении бензина из расчета на милю пробега, завоевали 20 процентов американского автомобильного рынка.

Рейган вступил в должность президента со своими устоявшимися идеями, одни были лучше, другие хуже. Он, как и большинство

экономистов, не распознал то невероятное воздействие, которое оказал на американскую экономику рост цен на нефть. [...] Вера Рейгана в сбалансированный бюджет как в необходимое условие успешной экономики, которую он унаследовал от своих предшественников, оказалась безусловным анахронизмом, поскольку золотой стандарт доллара был отменен. И его решение резко сократить налоги в 1981 году стало средством оживить парализованную восьмилетней инфляцией экономику, и это средство сработало. [...]

Экономисты недооценивали колоссальные изменения в мировой экономике в результате утверждения доллара как валюты, которая есть обменный эквивалент всех прочих валют. Инфляция, порожденная ОПЕК путем повышения цен на нефть, наводнила мировой валютный рынок долларами. Ценность любого ресурса стала измеряться в долларах. Более того, возрастал отрицательный внешнеторговый баланс США и параллельно нарастал вал обесценивающихся долларов. Экономике (западных стран) попали в жернова, от которых не было спасения. Если бы они не покупали облигации Казначейства США для оплаты дефицита внешнего долга, то их собственная экономика рухнула бы в одночасье, поскольку основная часть их финансовых депозитов хранилась как раз в долларах. Именно это было основной причиной продолжающегося роста американской экономики, вопреки мнению некоторых экономистов, которые считали, что дефицит вредит внешней торговле.

Рейган тоже относился к убежденным приверженцам свободной торговли. Он считал, что конкуренция есть суть капитализма. Всего один раз он отступил от этих своих принципов, когда пригрозил поднять таможенные пошлины на ввозимые в США японские автомобили, если японцы не согласятся ограничить свой импорт до некой фиксированной величины, примерно 20 процентов от всего американского автомобильного рынка. Мотивация у Рейгана была простая: да, свободная торговля при низких пошлинах способствует развитию международного рынка и дает стимул потребителю больше тратить и, соответственно, производить больше отечественных продуктов. Но разница в стоимости труда и себестоимости товара привела к урезанию отечественного (американского) производства, особенно в об-

ласти тяжелой промышленности, и к закономерному обеднению центральновосточных и среднезападных штатов, экономика которых основывалась на производстве стали, автомобилей и угля. В результате крупнейшая корпорация мира начала XX века, US Steel, превратилась в бледный призрак.

Но не только разница в цене труда привела к потере внутреннего рынка для отечественной промышленности США. Гораздо большее значение имело нежелание высшего менеджмента компаний вкладывать средства в обновление оборудования и технологий.

В конечном счете правительство согласилось, чтобы только 50 процентов продукции производилось внутри страны (это исключало таможенные сборы). С целью дать фору американским производителям, им позволили закупать различные комплектующие части в странах с дешевым трудом. Но в результате конкуренция с японскими малолитражками привела к перестройке всей американской индустрии, которая также переориентировалась на тот же тип автомобилей, — и снова стали возникать рабочие места. Убеждение Рейгана в том, что свободная конкуренция снижает цену торговой надбавки и расширяет потребительский рынок, было верным. Но это также вело к неожиданным эффектам на рынке неорганизованной рабочей силы.

Первым примером этого эффекта стала трудоемкая швейная и обувная промышленность. Все больше этих производств переносилось в страны Дальнего Востока, с целью приобрести конкурентные преимущества за счет дешевого труда, другим приходилось либо следовать этому примеру, либо уходить из бизнеса. То, что начиналось как уловка, переросло в громадное явление. Не в силах противиться давлению профсоюзов, стали исчезать с розничного рынка старинные респектабельные марки одежды. Решающий удар по этой сфере американской индустрии был нанесен, когда лидеры китайской компартии объявили об открытии экономики Китая для частного предпринимательства. Сегодня Китай — первый по масштабам (долларовых авуаров) кредитор США, за ним следует Япония. Китай — не только крупнейший поставщик одежды и обуви в США, но и важнейший участник рынка в сегментах игрушек, сумок и чемоданов, электроники. В 2005 году отрицательный баланс в торговле

с Китаем составил более 200 миллиардов долларов и продолжает расти. Сегодня Китай, наряду с Японией, Южной Кореей и другими, поддерживает растущий национальный долг США путем покупки обязательств Казначейства.

Рейган, конечно, не был напрямую в ответе за драматические изменения в экономике США, которая перестроилась из преимущественно промышленной в преимущественно сервисную, ориентированную на сферу услуг. Единственное, за что он отвечает, — так это за свою упорную защиту принципов свободной торговли как средства роста мировой экономики. На экономических встречах «Большой семерки» он неизменно настаивал на этом пункте. Его единственным союзником на этих конференциях была «железная леди», премьер-министр Маргарет Тэтчер, которая, сломав хребет влиятельным английским профсоюзам, прочертила для экономики Британии Новый Курс. [...]

Ни один сегмент экономики не пострадал так сильно от растущей инфляции, как кредитно-сберегательная сфера. Еще в 1960-е годы, в результате начавшейся из-за вьетнамской войны инфляции, ощущалась высокая цена выдачи кредитов под залог. Но в конце 1970-х годов их положение стало совсем опасным. Последний удар нанесло решение Волкера увеличить ссудный процент до 13. Поскольку большая часть долгов за тридцать лет были оформлены под значительно меньший процент, вся эта сфера оказалась на грани банкротства. [...]

В воздухе явственно пахло «керосином» нерегулируемости, что переплеталось с рейгановской концепцией экономики свободного рынка, которая предусматривала снижение цен на товары и услуги и стимулирование экономики. В 1978 году конгресс отменил регулирование цен на природный газ и авиационную промышленность, что нанесло неслабый удар по конечным потребителям. Еще через два года то же самое произошло с кредитной сферой и грузоперевозками. Закон об отмене регуляции в финансовой сфере начал процесс, который продолжался все восемь лет правления Рейгана. [...]

Во втором сроке своего президентства Рейган столкнулся с первым крупным кризисом в своей политической карьере. Это был скандал «Иран-контрас», который чуть было не привел к его импичменту. Поправка Боланда, принятая в 1983 го-

ду, запустила процесс развертывания этого позорного скандала. Поправка Боланда была реакцией на убийства эскадронами смерти контрас мирных жителей, сочувствующих сандинистам. А в результате средства, выделенные ЦРУ на поддержку контрас, выросли с 30 миллионов долларов в 1983 году до 50 миллионов в 1984 году. По сути дела, многие в конгрессе опасались, что деятельность контрас приведет ко второму Вьетнаму.

Именно в этот момент Кейси принял решение продолжать борьбу против режима сандинистов любыми средствами, законными или незаконными. Кейси, привыкший к вольнице в самостоятельных действиях OSS¹ во Франции, решил взять все дело в свои руки.

Помимо того, что Кейси был истовым католиком и ярым антикоммунистом, в качестве главы ЦРУ он чувствовал ответственность за защиту своих сотрудников. Хесболлах, террористическая организация в Ливане, финансируемая в то время Ираном, захватила (помимо прочих) резидента ЦРУ в этой стране. Кейси принял решение вызволить его любой ценой.

Ведущую роль в освобождении заложников в обмен на оружие сыграл Роберт Макфарлейн, в то время помощник госсекретаря Хейга. Через посредника было предложено, чтобы заложники из Ливана были возвращены в обмен на ракетные заряды, необходимые для ведения войны с Ираком. Поскольку все военное снаряжение Ирана во все время правления шаха поступало

¹ OSS — особое подразделение спецназа и военной разведки, созданное во время Второй мировой войны и действовавшее на территории оккупированных гитлеровской Германией территориях, прежде всего на побережьях Франции. OSS была недостаточно мощной организацией, чья разведывательная деятельность, в отличие от пришедшего ей на смену ЦРУ, основывалась почти исключительно на сборе информации. В январе 1946 года на основе OSS была создана Центральная разведывательная группа (CIG), в 1947 году переименованная в Центральное разведывательное управление (CIA). Вальтер Шелленберг подчеркивал в своих послевоенных мемуарах, что наиболее серьезными противниками, располагавшими разветвленной сетью агентурных организаций, укомплектованных высокопрофессиональными кадрами, в германском абвере считали советскую и британскую разведслужбы (до начала войны также польскую и югославскую). С американскими легкомысленными разведывательными организациями Шелленбергу и его коллегам даже не приходилось сталкиваться... — *Прим. пер.*

именно из США, у иранского правительства не было выхода. Удивительно, но сделку предложили посредники из иранского правительства. Макфарлейн сопровождал первую партию ракет из Израиля в Иран, но когда иранские посредники не смогли выполнить свою часть договора, а именно освобождение ВСЕХ заложников, Макфарлейн отказался сопровождать вторую партию ракетного груза. Когда в СМИ Ливана появилась разоблачающая статья, которая оказалась подтверждена фактами, Макфарлейна принудили подать в отставку.

А без содействия Израиля в деле по доставке вооружений в обмен на заложников операция была бы невозможной.

Правительство Израиля, которое само проявило инициативу в этом деле, имело два основных мотива для вмешательства. Во-первых, оно надеялось на ответное освобождение (выпуск на выезд за рубеж) всех иранских евреев. Во-вторых, израильтяне хотели проявить дружелюбие и преданность по отношению к администрации Рейгана. Если бы это была прямая сделка обмена, то скандал все равно мог бы выйти, но далеко не в таких масштабах, как получилось в результате. Часть денег, выплаченных иранским правительством за ракеты, была использована для поддержки контраст, сражающихся в Никарагуа. Но Рейган на протяжении всего разбирательства настаивал, что единственным его мотивом для отправки вооружений в Иран было желание нормализовать отношения с этой страной, а вовсе не обмен на заложников. Для прессы и конгресса было трудно поверить в эти утверждения, поскольку Рейган уже раздобывал незаконным путем деньги у некоторых богатых государств Персидского залива на вооружение контраст. Когда наконец все было распутано и схему представили его очам, он клялся, что просто потрясен. Кейси, ныне умерший, предал его. Остается только гадать, насколько много Рейган знал, а если не знал, то как ему удалось избежать того, чтобы его проинформировали о всей схеме. Одно ясно наверняка. Поскольку деньги на поддержку контраст проходили через счета швейцарского банка, только Кейси из всех участников тайной сделки был достаточно осведомлен для того, чтобы понять смысл использования подобных банковских операций.

В конце концов намерение Кейси победить сандинистов увенчалось успехом. Десятки миллионов долларов, потраченных на их поддержку, позволили контраст превратить свои отря-

ды из нескольких сотен человек в дисциплинированную армию в десятки тысяч бойцов. Пройдя тренировку и обучение под руководством ЦРУ, они смогли обустроить базы в Никарагуа и удерживать их против атак сандинистской армии. В результате разразившейся гражданской войны в Никарагуа другие центральноамериканские государства предложили провести в Никарагуа свободные выборы для решения вопроса о будущем правительстве страны. На выборах, прошедших под наблюдением (иностраннх) инспекторов, сандинисты проиграли, и страной стало править избранное большинством народа правительство. Угроза того, что просоветские режимы могут прийти к власти где-либо в Центральной Америке, была ликвидирована. Это стало первым успехом Рейгана в блокировании продвижения советского влияния в Западном полушарии.

Однако ему предстояло поохотиться за более крупной рыбой.

Те, кто жили в тот период «холодной войны», будь то граждане Советского Союза или США, мало понимали в мотивах и целях происходящего. Население обеих стран страдало от передозировки постоянной пропаганды по поводу целей противоположной стороны, так что была утеряна способность к здравомысленной оценке ситуации. Было ли это стремлением сдержать распространение коммунистической доктрины в мире путем использования открытой силы или пропаганды? Или же это была, как объяснили американцам, борьба добра со злом, свободы с тоталитаризмом — системой, где права человека подчинены немногим бюрократам, находящимся на вершине властной пирамиды? Для советских людей это была война против американского империализма и последняя попытка капиталистического мира, разрываемого своими внутренними противоречиями, разрушить своего исторического преемника — коммунизм. Это был также и конфликт между идеалом экономической справедливости для всех и эксплуатацией большинства во имя процветания немногих.

Ни руководство Советского Союза, ни различные администрации США на протяжении почти полувека не видели никакой возможности компромисса. Единственное, что удерживало обе стороны от нарушения шаткого статус-кво, — это была угроза гарантированного взаимного уничтожения в ядерной войне. Это была достаточно отталкивающая перспектива. И все же,

по иронии судьбы, обе страны продолжали наращивать количество ядерных вооружений и ракет в пусковых шахтах, как гарантию против внезапной атаки противника. Из-за своей риторики до и во время президентства Рейган выглядел таким рыцарем «холодной войны», кто своей волей способен повести Соединенные Штаты в горячую схватку с Советским Союзом, что закончится концом американской цивилизации. Ему противостояла загадочная фигура Михаила Горбачева.

В известном смысле Горбачев был самым трагическим персонажем, порожденным внутри концепции государственного социализма. Полный веры в экономическую справедливость, он не способен был осознать внутренние противоречия системы. Экономика Советского Союза была построена в форме пирамиды. И без того, чтобы пирамиду не скрыть и не построить на ее месте новую конструкцию, ничего бы не изменилось. На протяжении почти шестидесяти лет, с момента начала строительства Сталиным индустриального общества из обломков аграрного, желаемая цель никак не достигалась. Социальные условия улучшились в огромной степени; но пока все работало — бесплатное образование и лечение, пенсионное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство, полная занятость, — не было побудительных мотивов двигать систему дальше с риском разрушить то, что уже существовало. Государственный социализм дошел до своей крайней точки.

Когда Горбачев был наконец избран руководителем Советского Союза, он был самым молодым главой государства со времен Ленина и Сталина. Как и в случае этих своих предшественников, экономическая политика которых существенно изменила исходную экономику России, у Горбачева тоже имелся рецепт, как перенаправить и реформировать экономику, чтобы поднять ее производительность и повысить жизненный уровень средних россиян. Но система была непригодной к реформированию без полного слома. В обороне и в космосе шло ожесточенное соревнование с Соединенными Штатами, но внутри системы не существовало конкуренции (экономической). Термин «перестройка» означал, пожалуй, лишь то, что Горбачев не готов нырнуть в воду, не попробовав ее ногами. Первые усилия Горбачева по приватизации — разрешение создания частных кооперативов в сфере услуг, мелкого производства и внешней торговли и введение понятия лич-

ной прибыли — были обречены на неудачу еще до начала. Первые предприниматели столкнулись с очень высокими налогами на прибыль. Но главным препятствием, однако, была невозможность для предпринимателя уволить сотрудника, если это требовалось для увеличения продуктивности. К тому времени, как два года спустя закон был изменен, стало поздно склонять будущих предпринимателей к доверию к правительству. Горбачев был всецело во власти своей веры в фундаментальные принципы коммунистической доктрины, которые включали право любого человека на гарантированную трудовую занятость. В результате во многих случаях не было возможности внедрять эффективные машины для замены ручного труда. Это было одной из основных слабостей системы. Да, единственная догма коммунизма, которую нельзя было отменить, — это гарантия полной занятости (на самом деле вовсе не это было главной догмой, а властные полномочия, которые по 6-й статье Конституции СССР вплоть до 1990 года принадлежали Коммунистической партии. — *Прим. пер.*).

Администрация Рейгана и ее разведывательный аппарат, ЦРУ, явно не распознали в то время, что все действия Горбачева были направлены на оживление советской экономики. Его отступление от сталинской доктрины (а именно полный контроль над Восточной Европой, освобожденной Советской армией от нацистской Германии, что поддерживали и все преемники Сталина) — это всего лишь один из шагов, которые он предпринял ради решения своей главной проблемы. Он не воспринимал слова Рейгана: «Мистер Горбачев, сотрите эту стену», прежде чем не договорился с канцлером Германии Гельмутом Колем о 4 миллиардах долларов отступных. Его решение вывести войска из Афганистана остановило это финансовое кровопролитие собственной страны. Его решение позволить западным европейцам построить трубопровод из Сибири в Западную Европу для снабжения природным газом было обусловлено необходимостью найти новые источники для пополнения государственной казны.

Мотивацию всех этих радикальных шагов приписывают отчасти тому, что Рейган отказался отменить свою Стратегическую Оборонную Инициативу. Соответственно, как любой руководитель любой страны, Горбачев считал, что его первая и важнейшая роль состоит в защите государства от нападения.

Одновременно Рейган продолжал свои зажигательные речи, разоблачая внешнюю политику советского руководства. Учитывая военное превосходство США над СССР, такие выпады могли быть восприняты в Москве только как явная угроза Советскому Союзу. Когда Эдвард Теллер, отец американской водородной бомбы и убежденный антикоммунист, предложил Рейгану создать ядерную бомбу, создающую завесу из лазерных лучей, которая могла бы защитить США от ударов советских ракет, он потерпел фиаско. Ханс Бет, всемирно известный физик, работавший в свое время над атомной и потом над водородной бомбой, высказался весьма скептически в отношении этого проекта и его применимости. Но после встречи в Ливерморской лаборатории с Питером Хагельстейном, разработчиком теории, Бет вдруг изменил мнение и провозгласил проект «великолепной идеей». В отличие от «манхэттенского проекта» по разработке атомной бомбы во время Второй мировой войны в обстановке строжайшей секретности, этот проект был объявлен всему миру в обращении к нации 23 марта 1983 года.

У советского Министерства обороны и членов Политбюро это заявление вызвало потрясение. Наличие у США подобного щита против баллистических ракет означало, что все усилия советских стратегов по разработке превентивного удара по США становятся бессмысленными. Но если проект все еще находился на стадии разработки, то превентивный удар мог бы помешать созданию действующей системы. В преддверии выборов 1984 года конгресс пригласил экспертов, которые утверждали, что система пока неприменима на практике. Так советские лидеры поняли, что у них есть время для разработки своей собственной системы.

Одновременно теория, разработанная Хагельстейном, столкнулась с трудностями при попытке испытания на практике. Ничуть не смущенные, ученые из Ливермора разработали вторую систему — Brilliant Pebbles («Сверкающие пузырьки»). В этой системе базирующиеся на спутниках мини-ракеты могли атаковать подлетающие баллистические ракеты и разрушать их в воздухе. Было проведено много испытаний этой системы, и хотя некоторые были успешны, другие оказались провалены. Поскольку данная система была очень далека от совершенства и все-таки являлась нарушением Договора ОСВ-2, были разработаны раке-

ты-перехватчики наземного базирования; примером может служить ракетная система Patriot («Пэтриот»), успешно использованная во время войны в Персидском заливе.

Но когда к власти в 1985 году пришел Горбачев, он не мог знать, будет ли эта система внедрена и окажется ли она эффективной.

Поскольку советские ученые оказались не способны разработать что-либо подобное СОИ или «Сверкающим пузырькам» в ответ, Горбачев решил предпринять новый ход. Во-первых, он стал наращивать наступательные вооружения СССР; далее, он разместил ракеты средней дальности, способные уничтожить всю Западную Европу — для предупреждения попыток США нанести превентивный удар. В ответ Рейган разместил такое же количество ракет средней дальности в ФРГ.

Когда у Горбачева состоялась первая встреча с Рейганом в Рейкьявике (Исландия), на условно нейтральной территории, он заговорил о массовом сокращении стратегических вооружений обеих супердержав, с тем чтобы к 2000 году все наступательные вооружения были выведены из действующего состояния и в конце концов уничтожены. В обмен на это все работы по созданию СОИ должны были быть ограничены рамками лабораторных исследований. Рейган не отступал ни на пядь; он прекратил дискуссию через три дня и вернулся в Вашингтон. Далее последовали встречи в Женеве и Москве между Рейганом и госсекретарем Джорджем Шульцем с одной стороны и Горбачевым с его министром иностранных дел Шеварднадзе — с другой. Было достигнуто соглашение уничтожить все ракеты средней дальности с обеих сторон. Это было первое значимое соглашение, достигнутое между США и СССР, по принципу, озвученному Рейганом: «Доверяй, но проверяй». Ожидалось, что это станет первым шагом к взаимному разоружению.

Революция Рейгана сравнима с революцией Рузвельта, сделавшей Демократическую партию постоянным большинством на протяжении почти сорока лет. Штаты, верные Демократической партии, были сокрушены феноменом Рейгана. Эти южные и приграничные штаты, вместе с некоторыми западными и среднезападными штатами вроде Огайо, в конечном счете обеспечили перевес республиканцев в обеих палатах конгресса и нескольких президентов-республиканцев. (Избрание

Клинтона в 1992 году, как будет рассмотрено в следующей главе, было лишь аберрацией и во многом — результатом эксцентричного поведения независимого кандидата Росса Перо.)

Итак, после провала с вызволением американских заложников и последовавшим скандалом Рейган восстановил доверие к Америке как к супердержаве. Хотя национальный долг почти утроился за время правления Рейгана, в то же время ВВП (внутренний национальный продукт) вырос с 3 до 5 миллиардов долларов. После временного кризиса в 1987 году нью-йоркская фондовая биржа восстановила свои позиции и индекс акций снова превысил отметку в 2000 перед закрытием продаж. Но самое главное, что заразительная вера Рейгана в счастливое будущее страны вдохновляла и покоряла весь американский народ. Итак, Соединенные Штаты снова были лидером свободного мира.

Окончание «холодной войны» — президентство Джорджа Буша-старшего

Джордж Буш-старший был президентом в то время, когда Советский Союз развалился. Буш сумел создать коалицию государств для победы над Саддамом Хусейном и вытеснения его из захваченного Кувейта. Казалось, ему суждено было снова оказаться в роли президента, на второй срок в 1992 году. После убедительной операции «Буря в пустыне» он имел 91 процент рейтинга и обладал такой популярностью, которая заставила бы более умудренных кандидатов от Демократической партии отказаться от участия в выборах. Этот вакуум в рядах демократов заполнил относительно малоизвестный публике губернатор Арканзаса Уильям Джефферсон Клинтон, который, несмотря на сомнительную репутацию, смог посеять расстройство и смятение в рядах избирателей. Историки и умудренные политологи считали поражение Буша на тех выборах следствием двух странных причин. Первая — это экономический спад 1991 года, из которого страна стала выходить только во второй половине 1992 года, но это было слишком поздно для поддержки кампании; это повторялось в заклинании Клинтона: «Все дело в экономике, дурашка». Вторая заключалась в забвении Бушем своей клятвы, данной в 1988 году: «Читайте по моим губам: ни-ка-ких но-вых на-ло-гов!» — что сделало его чужаком для значительной части консервативного крыла Республиканской партии. И поэтому неудивительно, что спад в экономике и повышение налогов в какой-то мере попадали в унисон со сторонниками Росса Перо.

Да, эффект участия независимого кандидата Росса Перо в выборах был формально никаким, поскольку ни в одном штате он не набрал нужное количество выборщиков. Но если внимательно проанализировать результаты народного воле-

изъявления, то станет ясно, что Перо стал более чем определяющим фактором в поражении Буша на тех выборах. За Перо проголосовало 20 миллионов человек, за Буша — 39 миллионов, а за Клинтона — 45 миллионов. Если бы Перо остался в стороне от президентской гонки (он уже отказывался от участия в июне 1992 года, а потом через два месяца снова вступил в кампанию), то Буш вполне мог победить, ему отошли бы голоса Перо.

Перо был аномалией среди независимых кандидатов. Человек, сделавший себя сам (self-made), миллиардер, пробившийся из средних слоев, он выставлял себя как единственного человека, способного спасти нацию от грядущего финансового кризиса.

Программа Перо взывала к финансовой сдержанности и ограничению сроков переизбрания для членов конгресса. Через два года, в 1994-м, Ньют Гингрич, «вольный стрелок» среди республиканцев в конгрессе, принял программу Перо как возможный контракт между Америкой и Республиканской партией на большинство республиканцев в обеих палатах конгресса на сорок лет.

Кроме того, пока республиканцы оставались партией большинства, они пребывали при власти. Предложения Перо по сокращению правительственных расходов сломали бы хребет программам демократов. Буш уступил Перо голоса умеренных республиканцев и независимых избирателей, которые по окончании «холодной войны» оказались настолько наивны, чтобы поверить, что «дивиденды от мира» принесут им благо в виде снижения налогов. Гингрич оказался достаточно дальновидным, чтобы понять пользу предложений Перо и возможный урожай, который можно собрать с них. Иными словами, именно Перо, пусть сам того не желая, готов был завершить революцию Рейгана, которая сделала республиканцев партией большинства. [...]

Постоянное очернение деятельности Буша либералами в целом и в прессе в частности происходит еще от тех времен, когда на самих демократов возлагали всю ответственность за потерю Китая в пользу коммунистов и обвиняли в мягкотелости по отношению к коммунизму вообще. Попытки президентов Джона Кеннеди и Линдона Джонсона заретушировать этот образ (демократов) путем вовлечения США во вьетнам-

скую войну не только отозвались обратным эффектом, но и привели к избранию главного противника демократов, Никсона, который привел войну к успешному окончанию, путем признания коммунистического Китая. Именно вьетнамская война привела к глубокому расколу в стане Демократической партии, который продолжается и по сей день.

Президентство Джоржа Буша-старшего было обозначено его успехами во внешней политике. Хотя некоторые настаивают, что это «железная леди», Маргарет Тэтчер, подталкивала президента к решению выдворить Саддама Хусейна из Кувейта, при здравом размышлении именно президент (Буш-старший) выстроил членов ООН и, в частности, Михаила Горбачева для поддержки этого вторжения. По иронии судьбы, практически все страны, вошедшие в составленную Бушем коалицию, на протяжении восьмилетней ирано-иракской войны поддерживали именно Хусейна, и финансовыми и военными средствами. Но главную роль сыграли в той войне Соединенные Штаты. Первоначально поддержка Соединенными Штатами Ирака была обусловлена решением иранского правительства удерживать заложников в американском посольстве более года. Теперь, после неудачного завершения ирано-иракской войны, США нацелили коалицию на устранение иракской оккупации Кувейта.

Начиная с 1972 года, задолго до того, как Саддам пришел к власти, Ирак был дружественным Советскому Союзу государством. Россия не только продавала туда вооружения, но и посылала военных советников. Следовательно, Ирак задолжал Советскому Союзу десятки миллиардов долларов в результате войны с Ираном. Если бы Ирак был побежден силами коалиции, как ожидали советские военные руководители, то не было бы никакой возможности у Ирака собрать деньги на погашение долга. Саддам ошибочно полагал, что Советский Союз, как постоянный член Совета Безопасности ООН, вступит в дело в последний момент и отменит последний срок 15 января 1991 года для вывода войск Ирака из Кувейта. Даже президент Египта Хосни Мубарак, который призвал к созыву встречи членов Лиги арабских государств перед вторжением в Ирак, вдруг обнаружил, что его усилия отвергнуты иракским диктатором. Тогда Мубарак послал египетские войска в поддержку коалиции. Еще страннее было решение сирийского диктатора Хафеза Асада,

также приспешника Советского Союза и никоим образом не друга США, послать сирийские войска воевать плечом к плечу с египтянами. В своем последнем порыве убедить Советский Союз вмешаться, министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз полетел в Москву, но это тоже не дало результатов. Саддам отчаянно нуждался в деньгах — в этом вся подоплека кувейтской войны. В свое время Саддам одалживал крупные средства у стран Персидского залива, убеждая их (и себя), что спасает их от угрозы исламизации, исходящей от Ирана. У Кувейта он занял 30 миллиардов долларов. И он ожидал, что Кувейт спишет ему этот долг. В свое время британцы, покидая свою колонию, произвольно нарезали границы и отделили Ирак от доступа к морю. Все это в совокупности, как уже было описано выше, сыграло роль в возникновении Войны в Заливе. [...]

Безусловно, Саудовская Аравия, главный производитель нефти среди стран ОПЕК, была ответственна за удержание цен на нефть. Именно Саудовская Аравия предоставляла основную массу фондов, позволявших Ираку продолжать войну с Ираном. Эта противоречивая политика в стане нефтепроизводящих арабских государств была результатом глубокого недоверия их друг к другу и следствием их сугубо собственных интересов. [...]

Когда Саддам столкнулся с превосходящими военными силами, собравшимися у границы, он предложил вывести свои войска из Кувейта, если в ответ Израиль освободит все территории, захваченные во время «Шестидневной войны». Это была последняя попытка Саддама подключить арабские страны к своему предприятию, учитывая их антиссионистскую политику и наличие общего врага — Израиля. А главной тревогой Буша стало то, что если будут нанесены удары по Израилю, то Израиль может ответить. У Ирака имелись ракетные установки СКАД, способные поразить территорию Израиля. Хотя у власти было консервативное правительство Ликуд, Бушу удалось уговорить премьер-министра Израиля Ицхака Шамира воздержаться (от ответных ударов). В компенсацию отсутствия у Израиля достаточных оборонительных вооружений Америка предоставила ракетные установки «Пэтриот», способные сбивать подлетающие ракеты СКАД. Эти ракеты «Пэтриот» были по-

следней каплей усилий Рейгана по выдавливанию из американских ученых Стратегической Оборонной Инициативы.

В результате, хотя некоторые ракеты СКАД удалось перехватить, все же многие пролетели, и погиб 31 израильтянин, ранено было около 400 человек. Больше всего Израиль опасался, что Саддам применит отравляющие газы (как считается, именно так он поступил в случае с курдскими повстанцами в 1982 и 1989 годах. — *Прим. пер.*). Хотя каждого израильтянина снабдили противогазами, главная защита была обеспечена Бушем. Перед началом атаки сил коалиции на Ирак Буш предупредил Саддама, что, если тот применит химическое оружие, США могут в ответ использовать свое оружие массового уничтожения. Соединенные Штаты обладали арсеналом высокоточных ядерных зарядов, и этого было достаточно, чтобы убедить Саддама воздержаться от применения отравляющих газов.

Война закончилась еще до своего начала. Первые бомбардировки в середине января 1991 года уничтожили большую часть авиации Ирака прямо на аэродромах. Наступление на суше наконец началось 24 февраля. Сухопутная операция была столь же скорой и по сути односторонней, как и война в воздухе; 300 иракских танков были уничтожены без единого повреждения американских танков. Сказалось решение Рейгана вдвое увеличить военный бюджет в течение восьми лет его президентства.

Генерал Норман Шварцкопф планировал использовать часть сил США для выдавливания иракских частей из Кувейта, тогда как основная часть сил под руководством США должна была вторгнуться на территорию Ирака и тем самым окружить остальные иракские подразделения. Все прошло согласно плану, и продлись продвижение сил коалиции еще сутки, вся иракская армия оказалась бы в окружении. Но вместо этого Буш остановил армейскую операцию и согласился на переговоры с Саддамом, а не потребовал безоговорочной капитуляции.

В принятии такого решения Буша поддерживали начальник Объединенного штаба Колин Пауэлл, министр обороны Ричард Чейни и сам Шварцкопф. На то было две причины. Во-первых, дальнейшее продвижение вперед нарушало бы резолюцию ООН, которая призывала лишь к удалению иракских войск из Кувейта. Во-вторых, если бы американские войска вошли в Багдад с целью

сместить Саддама Хусейна, то им пришлось бы, возможно, участвовать в уличных боях и — соответственно — понести большие потери в личном составе.

Однако была еще одна, намного более важная причина, почему именно в этот момент Буш приостановил войну. Чтобы получить разрешение короля Саудовской Аравии Фахда на пребывание в этой стране полумиллионной армии, Буш обещал королю, что Хусейн останется у власти. Если бы режим Саддама был свергнут, в Ираке началась бы анархия; шиитская община Ирака могла бы вызвать на подмогу силы шиитского Ирана, установить еще одно теократическое государство, создав тем самым самую мощную страну в районе Персидского залива. Фахд, чей собственный режим пользовался еще меньшей поддержкой, чем режим Саддама, хотел оставить Саддама у власти. За исключением Ирана и шиитской общины Ирака, основная масса мусульманского населения региона исповедовала суннитский вариант ислама. А теперь, когда армия США разгромила иракскую армию и военно-воздушные силы, Саддам больше уже не представлял угрозы для соседних стран. Для Саудовской Аравии, главного союзника США среди нефтедобывающих стран, альянс с ослабленным Саддамом был намного предпочтительнее, чем с Ираном и шиитами Ирака.

Для Буша это был момент триумфа. Его рейтинг как президента вырос. Пораженческий вьетнамский синдром был переломлен. Соединенные Штаты вновь утвердили себя в качестве лидера свободного мира. Война была и на пользу Республиканской партии, поскольку многие из тех сенаторов-демократов, кто энергично возражал против войны, теперь были посрамлены и вряд ли были бы избраны на следующий срок.

Президенты зарабатывают доверие или обвинения, несмотря на то что происходящие события находятся вне их непосредственного контроля. Вплоть до последнего момента, когда Горбачев ушел в отставку с поста президента СССР, Буш предполагал (вероятно), что Горбачев сохраняет контроль над всем, происходящим в Москве. Буша ввела в заблуждение информация, поступавшая от ЦРУ, ведь на точной информации о намерениях Советского Союза и основывались решения всех президентов во времена «холодной войны». К несчастью, ЦРУ не разобралось в процессах, происходящих в России. Там

были самые современные и образованные аналитики, отслеживающие военную деятельность СССР, но неспособные разобраться в событиях, происходящих «на земле» и приведших к коллапсу советской экономики. Если сейчас Гласность и Перестройка расцениваются как признаки кризиса в экономике, то тогда аналитики полагали, что это сигналы к улучшению в советско-американских отношениях. Были явственные знаки того, что горбачевские реформы являются последней отчаянной попыткой спасти тонущий государственный корабль. Решение о выводе войск из Афганистана; строительство трубопровода для поставки газа в Восточную Европу; «продажа» Восточной Германии в пользу ФРГ за 4 миллиарда долларов; решение дать независимость Прибалтийским государствам; перетасовки в Политбюро — все публично освещаемые события свидетельствовали о падении советской системы государственного социализма. Но ЦРУ, которое предназначено было быть надежным источником точной информации, превратилось в систему засекреченной и ни на что не способной бюрократии.

Государственный социализм был организован как огромная иерархическая структура из множества уровней специалистов со своими функциями и ответственностью. В результате это стало жесткой конструкцией, в которой изменение в каждом отдельном секторе зависело от изменений в других. Удаление кого-либо из высших эшелонов власти за неспособность или коррупцию ничего не меняло в основной структуре. Горбачев, а до него Юрий Андропов поменяли 20 процентов губернаторов и высших руководителей на новых управленцев, но ничего не изменилось, основа оставалась прежней. И Горбачев искал решения на путях реформирования, а не замены структуры. Буш до самого конца поддерживал его.

«Дивиденды от мира», ожидавшиеся при окончании «холодной войны», так и не возникли. Да, оборонные расходы могли быть слегка сокращены, но это сокращение с лихвой перекрывалось раздуванием затрат на социальные программы. Худший момент президентства Буша наступил, когда он отступил от своего первоначального обещания (при кампании 1988 года) не повышать налоги. Попытки контролировать расходы и достичь сбалансированного бюджета предпринимались всеми

администрациями, начиная с Трумэна и по сей день. По мере того как «холодная война» продолжала расширяться, для каждой последующей администрации эта цель становилась все более трудно достижимой. Конечно, значительную роль сыграла стоимость вьетнамской войны и рост цен на сырую нефть. Поскольку действовали законы «Великого общества», конгресс не обращал внимания на то, как эти социальные расходы воздействуют на проблемы с балансом бюджета. Конгресс не понимал также, что именно постоянный и возрастающий бюджетный дефицит есть движущая сила процветания нации. И когда Рейган провел свое сокращение налогов, с последующим увеличением расходов на оборону, группа консервативно мыслящих республиканских и демократических сенаторов, во главе с Филом Грэммом и Уорреном Рудманом (республиканцы) и Эрнестом Холингсом от демократов, выдвинула в ответ Закон о контроле бюджетного дефицита. Закон был предназначен для приведения федерального бюджета к балансу за счет сокращения расходов. Объявленный Верховным судом неконституционным, закон был переписан несколько раз. В 1990 году приняли такую редакцию закона, в которой содержался только призыв к сокращению федеральных расходов. Ричард Дарман, помощник Буша по бюджету, и Джон Сунуну, шеф административного штата, тоже стояли за приведение бюджета к балансу, как и демократическое большинство в конгрессе. Поскольку не было возможности сократить расходы на обязательные программы или даже немного урезать социальные льготы, единственным выходом оставалось повышение налогов. Буш был очень разочарован в своих ожиданиях, что конгресс будет способен сдерживать государственные расходы. Благодаря решениям Верховного суда, установленные лимиты были заявлениями о намерениях, а вовсе не обязательны к исполнению. [...]

Пусть демократы в конгрессе радостно похлопывали друг друга по спине за свою стойкость в ограничении расходования бюджетных средств, но цифры говорили вовсе не в их пользу. Начать с обещания сократить оборонные расходы на 67 миллиардов долларов в течение трех лет. Но в 1991 финансовом году эти расходы составляли 273 миллиарда долларов, а в 1993 году они выросли до 291 миллиарда долларов. Можно было бы предположить, что такое превышение расходов вызвано «Бурей

в пустыне» и соответствующими издержками, но ведь эта война началась и кончилась в 1991 году. Не видно было «дивидендов мира», которые обещали американцам от краха Советского Союза. По программе «Человеческих Ресурсов», самой большой статье федеральных расходов, в 1991 году было потрачено 690 миллиардов долларов, а в 1993 году — уже 828 миллиардов. Каждая статья расходов в бюджете постоянно подрастала, и подпитывался этот рост, как со времен Джонсона в 1967 году, за счет средств из Фонда соцстрахования. Так делалось для того, чтобы скрыть от администрации действительный размер государственного долга. В 1990 году, прежде чем конгресс все же принял план по сокращению государственных расходов, федеральный долг составлял 3,3 триллиона долларов. В 1993 году эта цифра выросла до 4,4 триллиона долларов.

Джордж Буш-старший добился главенства в своей партии только в результате того, что был вице-президентом при Рейгане. Рейган подтолкнул его вверх, потому что Буш выглядел представителем умеренного крыла республиканцев. Но группа людей, составлявшая это самое «умеренное крыло» в Республиканской партии, не отражала взгляды всей партии. Буш был ни либерал, ни консерватор; ни техасец, ни янки из Коннектикута; ни волк, ни овца. Наиболее существенным был тот факт, что он не имел опыта эффективного управления администрацией — разве что во время своего срока как конгрессмена. Это стало его главной трудностью в президентстве. Буш видел себя скорее как чиновника, а не как политика, тогда как только политику дано понимать яростную борьбу между партиями во времена, когда «холодная война» закончилась. Но не только Буш не понимал этой драматической перемены (во внутренней политике страны). Эти перемены и эту борьбу даже почти не затрагивали в прессе. На сорок пять лет две политические партии отложили в сторону фундаментальные различия во взглядах на страну и мир, чтобы объединиться против угрозы, исходящей от внешнего врага — Советского Союза. Когда эта угроза миновала, на пепелище «холодной войны» вновь возгорелась открытая война между демократами и республиканцами.

Эпилог: Исчезнувший след

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин.
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

*«Эй, пошел, ямщик!» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело,
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
[...]*

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их? куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
[...]*

А.С. Пушкин. «Бесы». 1830

Эти строки величайшего русского поэта (использованные также Федором Достоевским в качестве предпослания к его

¹ Переводчик посчитал эпиграф из двух строф «Бесов» Пушкина в переводе на английский неизвестного переводчика совсем уж далеким от оригинала, поэтому приводится более полный текст пушкинского стихотворения, в части, относящейся к теме.

пророческому роману «Бесы») не только могут вызвать воспоминания о причинах гибели Советского Союза, но способны послужить также описанием недомыслия американских политиков и экономистов, когда они пытаются вообразить себе будущий мир без «холодной войны».

Реформы, начатые Михаилом Горбачевым с целью гальванизировать устаревшую экономическую систему, не только привели к гибели этой системы, но и были исходно предназначены для продолжения когда-то обозначенного пути. Государственный социализм, или советский коммунизм, был четко определенной, жесткой системой, которая скреплялась своим основным тезисом, а именно: государство контролирует все стороны экономической жизни своих граждан. Поскольку капитализм прибегал к методам социализма в тех случаях, когда это казалось необходимым, то полагал, что и социализм способен на подобный подход (подобные подходы были изложены в так называемой «теории конвергенции» академика А. Сахарова о сближении капиталистических и социалистических методов хозяйствования, которые, однако, не получили ни малейшего практического применения за полной отстраненностью от жизненных реалий. — *Прим. пер.*). Вместо реформ получился полный провал, поскольку Горбачев все еще оставался в путах основных принципов государственного социализма и ленинизма-сталинизма. Он не был готов к тому, что в Советском Союзе будет существовать экономика свободного рынка, которая нарушала основной принцип коммунизма — гарантированную полную занятость (конечно, вовсе не это есть главный принцип коммунизма, их много. — *Прим. пер.*). И не собирался Горбачев отменять полный контроль государства над экономикой. Горбачев был уверен, что сможет сохранить основные принципы советской экономики и в то же время допустить определенную степень экономической свободы. Гласность и перестройка были затеяны лишь для вливания некоторого количества свежей крови в атеросклеротические вены системы. Он был оптимистом и не предполагал, до какой степени этот атеросклероз воздействовал на настроение лидеров Советского Союза и на население. Ничто не может лучше проиллюстрировать эту его беспомощность лучше, чем неудавшийся путч августа 1991 года, среди организаторов которого были члены Политбюро. Изоли-

ровав Горбачева и его жену Раису в особняке на Форосе, никто из заговорщиков толком не знал, что же делать дальше. При старом режиме, до Горбачева, с этим вопросом долго не стали бы мешкать. Хрущева освободили с поста «первого среди равных», и он вернулся доживать свой век на даче. Но теперь произошли выборы (действительные, альтернативные и свободные), то есть нечто новое для старой системы. И, не найдя решения, они (имеются в виду члены ГКЧП. — *Прим. пер.*) выпустили его.

Было слишком поздно. Борис Ельцин, которого ранее Горбачев вывел из состава Политбюро, воспользовался возникшей брешью во власти. Мир в полном ошеломлении взирает на то, как Ельцин влезает на танк и произносит пламенную речь у стен Верховного Совета СССР. Это произвело желаемый эффект. Распустив руководящий состав ЦК, Ельцин, который еще недавно возглавлял Московский комитет компартии, самый крупный и влиятельный партийный орган во всей стране, не преминул воспользоваться вакуумом власти, образовавшимся при аресте Горбачева. Будучи невероятно популярным в массах москвичей и с учетом полного беспорядка в стране, Ельцин стал руководителем Российской Федерации, что стало, по сути дела, отменой самого понятия «Советский Союз». В начале декабря на Украине прошел референдум о независимости, и большинство проголосовавших высказались «за». А еще через несколько дней произошла встреча Ельцина, лидера Украины Кравчука и лидера Белоруссии Станислава Шушкевича. Три руководителя договорились о распаде Советского Союза и об утверждении вместо него добровольного Содружества Независимых Государств. Горбачев не только оказался в стороне от процесса, он практически вышел из игры. Поскольку три самые крупные и богатые республики бывшего Союза объявили о своей независимости, должность Горбачева как президента СССР перестала иметь какой-либо смысл. И 25 декабря 1991 года он согласился уйти в отставку. Советский Союз просуществовал чуть менее семидесяти лет, а «холодная война» продолжалась чуть меньше пятидесяти лет, и две эти истории закончились практически одновременно, без шума и пыли, без стонов и вздохов. Фантазия Карла Маркса, мечта Владимира Ленина и непрестанные усилия Иосифа Сталина по созданию первого в мире жизнеспособного социалистического

государства испарились. Президент Джордж Буш-старший и руководство конгресса поняли, что, поскольку Ельцин готов пойти на полноценное завершение «холодной войны» путем заключения договора об устранении угрозы ядерными ракетами, которые можно нацелить на любую страну, примирение наконец достигнуто.

Теперь, когда постоянная угроза взаимного уничтожения была снята с повестки дня, для России настало время перейти к другой системе ведения дел, а именно: конвертировать бывшую государственную собственность в частную и установить механизмы реализации демократии. Соединенные Штаты с охотой приготовились принять участие в этом процессе, силами своих советников из Гарвардского университета и других лучших научных учреждений, чтобы помочь в реформировании экономической и законодательной системы России.

Взяла верх анархия. Высшее руководство крупнейших предприятий стало энергично приватизировать те активы, которые оказались им доступны, как правило в пользу членов своих семей. Если в Москве и Ленинграде, крупнейших городах России, были предприняты усилия по (цивилизованной) приватизации части бизнеса, то в провинции народ был испуган и введен в полное недоумение быстро и внезапно меняющейся обстановкой в стране. Привыкшие к стабильности советской системы, при всех ее недостатках, люди не были подготовлены к тому неведомому, что их ожидало впереди. При новых формах демократического правления компартия не только выжила, но возникли также националистические партии, в том числе с антисемитским уклоном (компартия Советского Союза была запрещена в августе 1991 года, затем менее чем через год странным образом разрешена в форме компартии РФ; так называемые «антисемитские» организации вроде «Памяти» существовали еще до августовского путча 1991 года, а именно в 1988–1991 годах, после чего постепенно потеряли свою значимость для культурного контекста России; сохраняющаяся и жизнеспособная на сегодня организация «Российское национальное единство» не имеет представительства ни в одном выборном органе страны и не может считаться деятельной политической силой. — *Прим. пер.*).

В отличие от западных демократий в России не было президентской партии (президентской партии нет и в Великобрита-

нии, Японии, Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландах, Испании, за отсутствием там президента, и в Германии, где президент выполняет только протокольные мероприятия по введению в должность канцлера (представляющего обычно коалицию разных партий), а какие еще страны можно назвать образцовыми западными демократиями? Поэтому данное замечание автора в отношении России можно признать некорректным. — *Прим. пер.*). Президент Ельцин утверждал, что является президентом всего народа. После выбора в качестве своего преемника Владимира Путина, который смог совладать с чеченским кризисом, Ельцин решил окончательно отойти от дел и отдать бразды правления в руки Путина. Новый президент продолжал проложенную борозду и, как и Ельцин, правил, не являясь главой какой-либо партии.

Сегодня Россия являет собой воплощение идеалов чистой демократии ничуть не лучше и не хуже, чем Америка, и более прозрачна в своих устремлениях. Путин использовал свое президентство для усиления контроля над народом, и прежде всего через средства массовой информации и введение института назначаемых губернаторов областей. С другой стороны, Путин реалист. Когда он с горечью сказал, что экономику России можно сравнить с экономикой стран третьего мира, он не просто констатировал факт, но и сигнализировал о том, каковы будут его главные приоритеты. Продвижение России от полностью контролируемой экономики к свободному рынку не могло произойти в одночасье, и даже за десять лет. Новое поколение людей должно было подрасти не только в Москве и Ленинграде, но и на огромных пространствах великой страны, которая простиралась от Польши до Тихого океана. Он не испытывает желания слепо следовать курсу Соединенных Штатов во внешней политике, но и не хочет сделать Россию подпоркой Европейского союза по мере его продвижения на восток — эти усилия он считает направленными на экономическую изоляцию России. Сегодня, когда нефть поистине стала жидким золотом, Россия оказалась одарена этим сокровищем в большой степени, и страна может позволить себе жить за счет этого. Путь, которым следовала Россия семьдесят лет при коммунистах, ныне утерян. Можно только гадать, чем это сменится. Одно только совершенно ясно: ничто не может повернуться назад.

С гибелью Советского Союза, политики в США уверяли свой народ, что доходы от «мира» скоро придут в виде сниженных налогов и сбалансированного бюджета. Однако за те пятнадцать лет, что прошли с момента распада Советского Союза, национальный долг Америки увеличился с 3,6 триллиона долларов до 8 триллионов, причем нет никаких намеков на его возможное сокращение, учитывая (многозатратные) военные операции Америки в Афганистане и Ираке. А следовательно, растущий долг, оставаясь удавкой на шее экономики США, тем не менее продолжает быть источником растущего процветания США. Как Америка сможет съесть этот кусок и оставить его все же на тарелке, остается вопросом из вопросов и основной темой данного эпилога (здесь обыгрывается английский каламбур, точнее, даже два: «вам не съесть торт, оставив его на тарелке» и «вам не узнать вкуса пудинга, прежде вы его не попробовали». Выводы предоставляется сделать читателю. — *Прим. пер.*).

Удивительно, но Билл Клинтон ворвался в Белый дом со своим заклинанием на устах: «Экономика, экономика, идиоты». Для многих американцев эта тема имела значение, отличное от такового у Клинтона, на которое он напирал. Росс Перо, независимый кандидат, набрал на выборах около 19 процентов голосов и был всего лишь одним из множества успешных американских бизнесменов, которые были убеждены, что основная проблема экономики страны заключается не во временных спадах, а в постоянно растущей государственной задолженности. Они считали, что, если дефициту дать волю постоянно и бесконтрольно расти, он погубит капиталистическую систему или оставит эти долги на плечах детей и внуков (в лучшем случае). Все эти предприниматели сделали свои состояния на прочной основе деловой, практической деятельности. Они предполагали, что, как и предприятие не может год за годом функционировать, не подводя всякий раз свой баланс, так же не способна на это и целая страна.

Впрочем, эти беспокойства касались не только государственного долга. Торговый баланс страны все ухудшался в долларовом выражении (по ценам международного валютного рынка). Хотя у Клинтона и демократического большинства в конгрессе не было рецепта по поводу преодоления торгового дефицита, они

предлагали свой ответ на проблему растущего национального долга и приведения к балансу государственного бюджета. С окончанием «холодной войны» пришла пора слегка подстричь финансирование программ обороны, введенных администрацией Рейгана. Теперь программа Стратегической Оборонной Инициативы могла быть задвинута на второй план; точно такая же участь готовилась и для многих других сфер обороны. Самое главное, что сейчас, когда экономика преодолела период спада, можно было пойти на повышение налогов, что привело бы к равновесию доходов и расходов бюджета. Предложение Клинтона об увеличении налогов прошло, несмотря на яростное сопротивление республиканской оппозиции. Через два года, при промежуточных выборах 1994 года, избиратели выразили свою «благодарность» демократам тем, что отдали им большинство в обеих палатах конгресса. Впервые за последние сорок лет республиканцы добились такого положения. Даже продолжающиеся нападки на демократов означали, что это не кратковременное отклонение, а долговременная тенденция. И в последующие десять лет республиканцы не только сохраняли свой контроль над обеими палатами конгресса, но и увеличили свое преимущество над демократами. Следовательно, когда в 2004 году Республиканская партия снова заполучила Белый дом, надо было ожидать отмены высоких налогов, введенных администрацией Клинтона, и введения даже более существенных налоговых послаблений, чем это было при власти Рейгана. Клинтон объяснял мотивы повышения налогов тем, что страна уже вышла из периода спада. А президент Буш объяснил свое снижение налогов необходимостью подъема экономики страны и вывода ее из спада.

Спад 2001 года? Как это стало возможным? На протяжении последних трех лет второго срока Клинтона бюджет показывал все возрастающий профицит, превышение доходов над расходами. Даже в первый год президентства Буша бюджет все еще оставался в плюсе. Большинство американцев были уверены, что страна встала на верный путь развития экономики. И обвинения в массовом обвале курса акций были адресованы нью-йоркской фондовой бирже и NASDAQ, небольшой биржевой площадке, где торговались акции преимущественно компаний, развивающих высокие технологии. Акции на бирже

NYSE потеряли в цене около 30 процентов стоимости, а на бирже NASDAQ — практически 80 процентов. В результате обсуждения возникло такое объяснение падения цены активов: биржи пользовались тем, что цены на акции намеренно завышены, по каковым завышенным ценам их и покупали обычные инвесторы. Такое объяснение событий находится за границами логики. Поднятие цен на акции, которое началось в 1984 году, было связано с укреплением рынка «быков» в результате прихода на рынок профессиональных инвесторов, осознавших важность персонального компьютера для всемирного роста бизнеса. И несущественно, на какой бирже торговались эти акции — на большой площадке или на NASDAQ.

Некоторым (дилерам) с Уолл-стрит это показалось неким повторением, репликой того рынка «быков», который начался на заре 1960-х и продлился лет десять, до тех пор, когда США отменили золотой стандарт и начался нефтяной кризис. В том случае последовал бум после внедрения транзисторов и интегральных цепей, а потом этот оживляющий эффект был усилен системой опционных (льготных) акций и целой вереницей слияний (крупных компаний). Учреждение конгломератов и агломератов были придумано для увеличения цены акций, поскольку приобретения активов прибавляют компании объем и увеличивают ее прибыли. Но вышеупомянутый бум был цветочками по сравнению с теми ягодками, которые ожидали эти компании при наступлении революционной Эры Информации. Персональный компьютер и разнообразные способы его использования оказали глубокое воздействие на все отрасли промышленности и бизнеса во всем мире. Многие ожидали долговременного эффекта от этих изменений, сравнимого с таковым во времена Промышленной Революции.

Подпитываемый публичным интересом к акциям компаний, которые вели общество к Эре Информации, индекс Доу—Джонса к 1991 году превысил отметку в 3000. На протяжении следующих четырех лет Доу—Джонс продолжал расти, по мере того как на рынок заходили новые (случайные) инвесторы. В феврале 1995 года индекс перевалил точку в 4000. Видя, что рынок «быков» находится на взлете, опытные брокерские компании стали раздувать ажиотаж, заманивая в сети фондового рынка множество любителей, которые понятия не имели, как нужно

вкладывать деньги в акции. В результате к ноябрю 1995 года Доу—Джонс вырос до 5000; меньше чем через год — до 6000; еще через полгода — до 7000; в июле 1997 года он составил 8000 пунктов! По мере того как все новые и новые массы новоявленных инвесторов вкладывали деньги в акции, росли и доходы бюджета, за счет пропорциональных отчислений от налогов на их прибыль. Так что доходы бюджета росли за счет этого. Вовсе не из-за налоговых льгот Клинтона и сокращения правительственных расходов конгрессом бюджетный год 1998-й закончился в плюсе, но именно из-за этих новых «рантье».

К 1998 году, когда был впервые достигнут бюджетный профицит в 69 миллиардов долларов, возрастание правительственных расходов достигло 142 миллиардов. В 2000 бюджетном году, когда биржевое безумие дошло до своего апогея, когда Доу—Джонс превысил 11 000 и приближался к 12 000, а NASDAQ превысил 5000, федеральный бюджет был сведен с положительным сальдо в более чем 236 миллиардов долларов, хотя Казначейство планировало 175 миллиардов. Несмышленный бюджетный комитет конгресса уже проектировал бюджетные профициты аж на десять последующих лет.

Но в этом ажиотаже был утерян здравый аналитический рас­судок, который пытались привлечь для объяснения подоплеки этого невероятного профицита бюджета. Хотя в Казначейство поступали все новые доходы от прибылей жиреющих акционеров, но еще большее значение имел доход от Фонда социального страхования, средства из которого использовали для покрытия дефицита бюджета.

Линдон Джонсон был первым президентом, использовавшим профицит в Фонде социального страхования для финансирования легкой рукой бюджетного дефицита. В бюджете 1969 года, предложенного им, администрация добавила и налоги на покупки, предназначенные для Фонда, для общих расходов. И всякая последующая администрация поступала точно так же. Так, бюджетный профицит 1998 года в 69 миллиардов долларов включал в себя и взятые из Фонда соцстрахования 99 миллиардов долларов. Точно так же профицит в 125 миллиардов в 1999 году стал возможен лишь с учетом 124 миллиардов долларов, влитых из Фонда соцстрахования. В 2000 году профицит бюджета в 236 миллиардов долларов на 150 миллиардов состоял

из тех же социальных средств. А в 2001 году, когда профицит снизился до 127 миллиардов, привлеченные из Фонда средства составили 160 миллиардов долларов...

Искусственный характер профицитов бюджета в годы правления администрации Клинтона становится еще яснее, если проанализировать ВВП. За восемь лет правления Клинтона он вырос на 3 триллиона — против 2 триллионов при том же сроке правления Рейгана, цены на акции при Клинтоне были совершенно оторваны от возрастания ВВП. За годы Рейгана индекс Доу—Джонса вырос от 1000 до 2000, а за годы правления Клинтона увеличился в четыре раза, от 3000 до почти 12 000. А ведь ВВП был только на 50 процентов больше, чем при Рейгане. Другими словами, возрастающие доходы Казначейства не были результатом мощного роста экономики, а возникли в результате исступленной игры на курсе акций, а также за счет средств из Фонда соцстрахования. Число желающих быстро стать миллионерами на торговле акциями росло. Более того, когда рынок акций весной 2000 года показал достижение пика и произошло первое серьезное снижение котировок, федеральный бюджет на 2001 год имел профицит в 127 миллиардов долларов, хотя приток средств из Фонда был на 37 миллиардов меньше, чем в 2000 году. На бирже продолжались лихорадочные спекуляции. Финансовое сообщество взлетало к воображаемым небесам, и весь народ вынужден был поневоле следовать за ним. Если бы информационная завеса, которую предоставляли технологии Эры Информации, не скрывала бы контекст происходящей революции, профессиональные инвесторы не потеряли бы чувство реальности. Когда на рынок акций потянулись непрофессиональные инвесторы, убежденные, что покупка акций принесет им мгновенное богатство, всякая логика системы испарилась.

Позади всплеска безудержного оптимизма стояло странное убеждение, что новые средства Интернета смогут революционизировать розничные продажи. Компании онлайн-овых продаж не требовали вложений в складские и торговые помещения или найма продавцов. Далее, благодаря кредитным картам оплата покупок через Интернет упростилась. Но забыли про затраты на транспортировку и на продвижение товаров. В случае огромного книжного онлайн-магазина Amazon.com не было особых про-

блем, потому что книги продавались по консигнации. Если их не покупали, то возвращали издателю. Во многих других сферах индустрии что вы купили, то вы и имеете. Этот простой факт вызвал коллапс и свертывание многих начинающих бизнесов. Электронный бизнес стал успешным только у тех розничных торговцев, у которых был широкий выбор (запас) предложений и которые могли использовать свои запасы для выполнения заказов по Интернету.

Только оглядев в общем плане 1990-е годы, можно понять смысл и цель этого искусственного бума. Самым существенным событием, приведшим к этому безумию, было крушение Советского Союза в 1991 году. Это знаменовало рассвет новой эры. Средства массовой информации немедленно объявили, что теперь-то потекут «дивиденды от мира». Это ложное предположение основывалось на вере, что с исчезновением военной угрозы от Советского Союза расходы на оборону снизятся и обусловят тем самым сбалансированный бюджет. Но бюджетные дефициты создавались вовсе не военными расходами, а в значительно большей степени расходами на программы «Великого общества», которые раздувались, как было описано выше. Американцы хотели профессиональную армию, чтобы избежать обязательного призыва; в то же время они считали профессиональную армию слишком дорогостоящей.

Но ни крах Советского Союза, ни использование профессиональной армии не отвечали на вопрос: как правительству США удалось достигнуть сбалансированного бюджета? Временный рост курса цен на акции тоже не давал ответа. Более того, когда этот раздутый мыльный пузырь фондовой биржи лопнул, в 2001 году экономика испытала спад, очень выросла безработица, а дефициты бюджета стали больше, чем при Рейгане и даже при Буше-старшем. И если не рынок акций, то какие еще элементы экономики США могли обеспечить страну полной занятостью, низкой инфляцией и сбалансированным бюджетом? Или экономике США нужно было поддерживать постоянный бюджетный дефицит для одновременного поддержания глубоких стариков и молодых людей, ежегодно входящих на рынок труда? Наконец, и даже более важно, что случилось бы с экономикой США, если бы другие страны решили, что дальше не в их интересах покупать обязательства Казначейства США,

которыми оно оплачивало растущий федеральный дефицит? (Имеются в виду доллары США.)

Это затрагивает вторую проблему, поднятую Перо и другими мультимиллионерами (которые сами сделали свое состояние): постоянный торговый дефицит Америки с другими странами есть результат постоянного снижения (деградации) отечественных производительных сил и, следовательно, исчезновения рабочих мест для квалифицированного труда. Перо, как упоминалось ранее, работал в совете директоров «Дженерал моторс» и понимал философию высших руководителей бизнеса. Когда Клинтон и республиканский конгресс провели закон о Северо-Американском торговом соглашении (NAFTA), Перо предрекал, что произойдет массовый отток хороших рабочих мест из США в Мексику, где цена труда намного ниже, чем в Соединенных Штатах. Этот прогноз оказался не только точным, но и более того: если до образования NAFTA США имели с Мексикой положительное сальдо торгового баланса, то теперь баланс стал отрицательным.

Включение в систему свободной торговли Мексики и Канады было продолжением давней традиции, берущей начало со времен «холодной войны», что было зафиксировано 43 странами в Бреттон-Вудсе в 1944 году. Свободная торговля может быть жестокой, приводя к потере рабочих мест в компаниях, проигрывающих конкурентную борьбу, но может быть благотворной для страны в целом: большие рынки, более низкая цена для потребителя, увеличение занятости.

Нет лучшей иллюстрации того, как свободная торговля способна привести страны к процветанию, чем построение Европейского союза. В 1967 году Жан-Жак Серван-Шребер, основатель и издатель первого французского еженедельника новостей L'Express, опубликовал книгу *Le Defi Americain*, что в приблизительном переводе может означать «Американский вызов». Основной идеей книги, не без сильного влияния политики де Голля, было то соображение, что без устранения барьеров внутри Европы (в особенности между Францией и Германией) она не сможет конкурировать с экономикой Соединенных Штатов. Для многих, особенно в станах давно противостоящих друг другу народов, Германии и Франции, такой тезис Серван-Шребера выглядел оторванным от реальности. С другой стороны, совместные предпри-

ятия Франции, Германии и Бельгии в угольной и сталелитейной промышленности были весьма успешны. И на протяжении последующих тридцати лет таможенные и торговые барьеры постепенно снимались, развивалась общеевропейская интеграция, которая включала и Великобританию, затем возникла общая система законодательства и, наконец, общая валюта, евро, с 1 января 1999 года. За три года евро приняли почти все страны Евросоюза (ЕС). То, что казалось немыслимым тридцать лет назад, стало реальностью.

После ухода Советского Союза из Восточной Европы экономика этих стран стала энергично развиваться и во многих случаях достигла того уровня, чтобы эти страны были приняты в ЕС. В 1995 году общее население стран ЕС превышало население США, продукция — также. А покупательная способность евро была на 20 процентов выше, чем у доллара (к 2007 году — уже на 32 процента). Но жизненные стандарты в странах Европы оставались еще далеки от таковых в США.

Есть фундаментальная причина того, отчего более мощная экономика и более твердая валюта не превратились в более обеспеченную жизнь для европейцев. Хотя и в США существует Фонд соцобеспечения для пожилых и инвалидов, и такие же системы были созданы в европейских странах, но в Западной Европе выплаты оттуда оказались намного более щедрыми. Они включали не только бесплатную медицинскую и стоматологическую помощь, лекарства, но и пенсионную систему для постоянно неработающих. Для того чтобы оплачивать все эти прелести, европейцы облагаются тяжкими налогами, как на их личные доходы, так и на покупки. Налог на добавленную стоимость заставляет на каждом этапе переработки продукта увеличивать его цену в геометрической прогрессии. Соответственно, покупки в Европе намного дороже, чем в Америке, что снижает конкурентную способность Европы и сдерживает ее экономический рост, уменьшает покупательную способность ее граждан и жизненный уровень. Кроме того, поскольку Европа почти полностью зависит от импорта нефти и газа, оба этих продукта (и их производные) облагаются правительством высокими налогами, особенно бензин для потребителей.

Верить или нет, но ключ к успеху США в торговле с партнерами в том, что основную часть дефицита аккумулируют именно

партнеры (в форме долларовых запасов. — *Прим. пер.*). Несмотря на слабость доллара по отношению к евро или фунту стерлингов, у США сохраняется негативный баланс в торговле с Германией, Францией и Великобританией. Но это негативное сальдо бледнеет по сравнению с отрицательным балансом в торговле Соединенных Штатов с Китаем и Японией. И эта тенденция нарастает с каждым годом.

Самое главное в успехе экономики США — это что здесь крупнейший в мире потребительский рынок. Такая ситуация стала возможной лишь с помощью Всемогущего Доллара. Со времен Бреттон-Вудских соглашений он оставался главной мировой валютой. В результате со временем количество обращающихся в мире долларов превысило золотые запасы Форт-Нокса. Но после объявления отмены золотого обеспечения доллара по умолчанию (дефолт) на протяжении тридцати пяти лет не появилось еще валюты, которая могла бы заменить доллар в качестве мировой.

Если бы основные «кредиторы» США — Китай и Япония — отказались бы от поддержки доллара и никакая другая страна не встала бы на их место, правительство Соединенных Штатов оказалось бы в положении банкрота; сегодняшняя цена доллара рухнула бы и вместе с этим — все долларовые авуары других стран. Но без международной валюты, способной заменить доллар, торговые отношения между странами останутся и мир войдет в такую депрессию, по сравнению с которой кошмарное начало 1930-х годов покажется завтраком на траве. Иначе говоря, поскольку доллар обнаруживает колоссальное присутствие в экономике почти всех стран, он стал тем цементом, который спаивает страны вместе. Перефразируя слова доктора Панглоса из знаменитого сатирического романа Вольтера «Кандид», можно сказать так: «Для американцев это лучший из всех возможных миров». (Вольтеровская фраза, вложенная в сифилитические уста Панглоса, едко пародирует тезис Лейбница о разумности и наилучшей справедливости мироустройства, ведь мир очень далек от «лучшеести», а главное, не с чем сравнивать... — *Прим. пер.*) Пока не найдется замены доллару, американцы могут, вопреки пословице, съесть свой пирог и снова иметь его на тарелке.

И в то время, когда Америка переживает период своего невиданного процветания, возникло недовольство во многих стра-

нах мира, даже в Западной Европе. Это недовольство вызвано тем, что видится многим как надменность единственной мировой супердержавы. На протяжении полувека «холодной войны» некоммунистические страны видели в Соединенных Штатах своего защитника. По их мнению, только военная мощь США сдерживала Советский Союз от расширения. Но когда Россия перестала представлять военную угрозу, роль Соединенных Штатов как мирового лидера многим уже не кажется такой значимой. Огромный всплеск протестных выступлений, вызванных вторжением США в Ирак и другими международными интервенциями, есть также симптом гораздо более глубокого явления. К добру или нет, но большинство населения планеты больше не считает супердержавой ту страну, которая устанавливает свой авторитет силой. Вне зависимости от того, оправдана ли война в Ираке или нет, мы должны констатировать конец эпохи. Поминаем ли мы это или нет, но Соединенные Штаты больше не являются мировым лидером. Да, *«Хоть убей, следа не видно; / Сбились мы. Что делать нам! / В поле бес нас водит, видно, / Да кружит по сторонам...»*

И теряется путь...

Приложения

Таблица 1.

**Бреттон-Вудские соглашения: участие во взносах во Всемирный банк
(в млн долл.)**

Страна	Сумма	Страна	Сумма
Австралия	200	Иран	24
Бельгия	225	Ирак	6
Боливия	7	Либерия	5
Бразилия	105	Люксембург	10
Канада	325	Мексика	65
Чили	35	Нидерланды	275
Китай	600	Новая Зеландия	50
Колумбия	35	Никарагуа	8
Коста-Рика	2	Норвегия	50
Куба	35	Панама	2
Чехословакия	125	Парагвай	8
Дания	*	Перу	17,5
Доминиканская Республика	2	Филиппины	15
Эквадор	3,2	Польша	125
Египет	40	Южно-Африканская Республика	100
Сальвадор	1	СССР	1,200
Эфиопия	3	Соединенное Королевство	
Франция	450	(Великобритания)	1,300
Греция	25	Соединенные Штаты	3,175
Гватемала	2	Уругвай	10,5
Гаити	2	Венесуэла	10,5
Гондурас	1	Югославия	40
Исландия	1		
Индия	400	Всего	9,100

* Квота Дании должна была определяться Банком после принятия Данией членства в соответствии с условиями Соглашения.

Примечание: Депозиты состояли на 25% в золоте (в эквиваленте, где 1 унция золота приравнивалась к 35 долларам) или в долларах. Общий баланс составлялся для каждой страны в ее валюте, по определенному и установленному курсу к доллару.

Источник: Проект «Авалон» Йельского университета (Факультет права).

Таблица 2.

**Бреттон-Вудские соглашения:
участие во взносах в Международный валютный фонд**

Страна	Сумма	Страна	Сумма
Австралия	200	Иран	25
Бельгия	225	Ирак	8
Боливия	10	Либерия	5
Бразилия	150	Люксембург	10
Канада	300	Мексика	90
Чили	50	Нидерланды	275
Китай	550	Новая Зеландия	50
Колумбия	50	Никарагуа	2
Коста-Рика	5	Норвегия	50
Куба	50	Панама	5
Чехословакия	125	Парагвай	2
Дания	*	Перу	25
Доминиканская		Филиппины	15
Республика	5	Польша	125
Эквадор	5	Южно-Африканская	
Египет	45	Республика	100
Республика Сальвадор	2,5	СССР	1,200
Эфиопия	6	Соединенное Королевство (Великобритания)	1,300
Франция	450	Соединенные Штаты	2,750
Греция	40	Уругвай	15
Гватемала	5	Венесуэла	15
Гаити	5	Югославия	60
Гондурас	2,5		
Исландия	1		
Индия	400	Всего	8,800

* Квота Дании должна была определяться Банком после принятия Данией членства в соответствии с условиями Соглашения.

Примечание: Депозиты состояли на 25% в золоте (в эквиваленте, где 1 унция золота приравнивалась к 35 долларам) или в долларах. Общий баланс составлялся для каждой страны в ее валюте, по определенному и установленному курсу к доллару.

Источник: Проект «Авалон» Йельского университета (Факультет права).

Таблица 3.

Торговый баланс США в долларах по выплатам (в млн долларов)

Год	Торговый баланс	Процент изменения	Экспорт	Импорт
1960	4,892		19,650	14,758
1961	5,571	13,9	20,108	14,537
1962	4,521	-18,8	20,781	16,260
1963	5,224	15,5	22,272	17,048
1964	6,801	30,2	25,501	18,700
1965	4,951	-27,2	26,461	21,510
1966	3,817	-22,9	29,310	25,493
1967	3,800	-0,4	30,666	26,866
1968	635	-83,3	33,626	32,991
1969	607	-4,4	36,414	35,807
1970	2,603	328,8	42,469	39,866
1971	-2,260	-186,8	43,319	45,579
1972	-6,416	183,9	49,381	55,797
1973	911	-114,2	71,410	70,499
1974	-5,505	-704,3	98,306	103,811
1975	8,903	-261,7	107,088	98,185
1976	-9,483	-206,5	114,745	124,228
1977	-31,991	227,9	120,816	151,907
1978	-33,927	9,1	142,075	176,002
1979	-27,568	-18,7	184,439	212,007
1980	-25,500	-7,5	224,250	249,750
1981	-28,023	9,9	237,044	265,067
1982	-36,485	30,2	211,157	247,642
1983	-67,102	83,9	201,799	268,901
1984	-112,492	67,6	219,926	332,418
1985	-122,173	8,6	215,935	338,088
1986	-145,081	18,8	223,344	368,425
1987	-159,557	10,0	250,208	409,765
1988	-126,959	-20,4	320,230	447,189
1989	-117,749	-7,3	359,916	477,665
1990	-111,037	-5,7	387,401	498,438
1991	-76,937	-30,7	414,083	491,020

Окончание

Год	Торговый баланс	Процент изменения	Экспорт	Импорт
1992	-96,897	25,9	439,631	536,528
1993	-132,451	36,7	456,943	589,394
1994	-165,831	25,2	502,859	668,690
1995	-174,170	5,0	575,204	749,374
1996	-191,000	9,7	612,113	803,113
1997	-198,104	3,7	678,366	876,470
1998	-246,687	24,5	670,416	917,103
1999	-346,015	40,3	683,965	1,029,980
2000	-452,414	30,7	771,994	1,224,408
2001	-427,188	-5,6	718,712	1,145,900
2002	-482,297	12,9	682,422	1,164,720
2003	-547,296	13,5	713,421	1,260,717
2004	-665,390	21,6	807,536	1,472,926

Источник: Налоговое управление США, Департамент внешней торговли.

Таблица 4.

**Человеческие ресурсы в отношении
к оборонным расходам (в млн долларов)**

Год	Человеческие ресурсы*	Расходы на оборону**	Год	Человеческие ресурсы*	Расходы на оборону**
1960	26,184	48,130	1983	426,003	209,903
1961	29,838	49,601	1984	432,042	227,413
1962	31,630	52,345	1985	471,822	252,748
1963	33,522	53,400	1986	481,594	273,375
1964	35,294	54,757	1987	502,200	281,999
1965	36,576	50,620	1988	533,402	290,361
1966	43,257	58,111	1989	568,684	303,559
1967	51,272	71,417	1990	619,329	299,301
1968	59,375	81,926	1991	689,667	273,292
1969	66,410	82,497	1992	772,440	298,350
1970	75,349	81,692	1993	827,533	291,086
1971	91,901	78,872	1994	869,410	281,642
1972	107,211	79,174	1995	923,765	272,066
1973	119,522	76,681	1996	958,232	265,753
1974	135,783	79,347	1997	1,002,336	270,505
1975	173,245	86,509	1998	1,033,426	268,456
1976***	255,659	111,888	1999	1,057,717	274,873
1977	221,895	97,421	2000	1,115,481	294,495
1978	242,329	104,495	2001	1,194,409	305,500
1979	267,574	116,342	2002	1,317,437	348,555
1980	313,574	133,995	2003	1,417,707	404,920
1981	362,022	157,513	2004****	1,497,286	453,684
1982	388,681	185,309	2005****	1,566,477	450,586

* Человеческие ресурсы включают образование, обучение, трудовую занятость, социальные службы; здравоохранение включает медпомощь и лечение; социальные обеспечения; льготы ветеранам и другие социальные программы.

** Образование включает зарплату и льготы персоналу для содержания профессиональной армии, а также расходы на исследования, развитие и разведку.

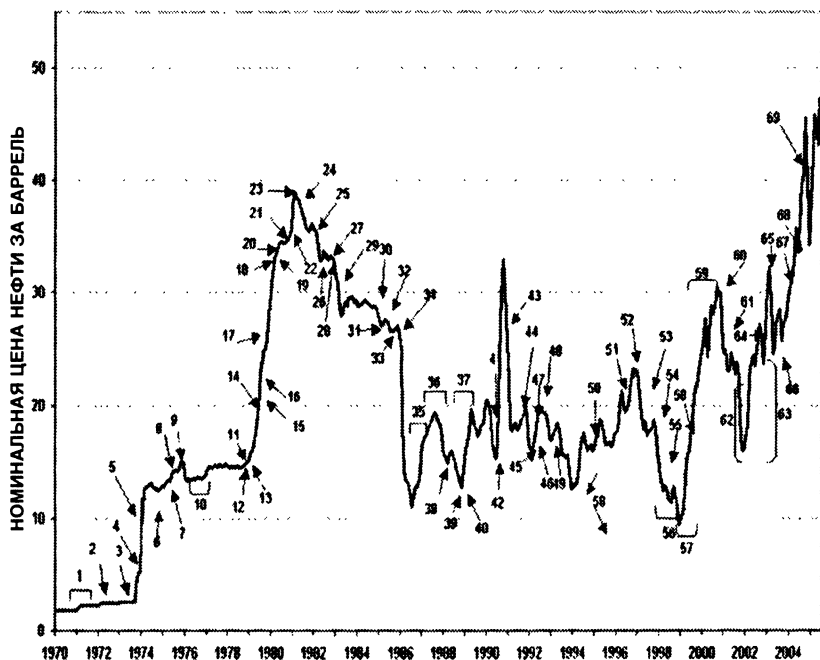
*** Отражает решение конгресса изменить финансовый год с 1 июля на 1 октября в 1976 году.

**** Приведены цифры по экспертной оценке.

Источник: Отдел управления и бюджета — «Исторические таблицы по финансовым годам, 2005».

Хронология изменения номинальной цены нефти в мире: 1970—2005

Впервые данная хронология была опубликована министерством энергетики США, дополнена за 1995—2000 годы Администрацией информации по энергии

Приведенные данные по ценам означают, что данные брались по стоимости доллара на момент оценки, а не на сегодняшний день, с учетом инфляции.

Таблица 5.

**Валовый национальный продукт (ВНП) в соотношении
с государственной задолженностью США (в млрд долларов)**

Год	ВНП	Долг	Год	ВНП	Долг
1940	96,8	50,696	1973	1,311,0	466,291
1941	114,1	57,531	1974	1,438,9	483,893
1942	144,3	79,200	1975	1,560,8	541,925
1943	180,3	142,648	1976*	2,198,4	643,561

Окончание

Год	ВНП	Долг	Год	ВНП	Долг
1944	209,2	204,079	1977	1,974,4	706,398
1945	221,4	260,123	1978	2,218,3	776,602
1946	222,7	270,991	1979	2,502,4	829,467
1947	233,2	257,149	1980	2,725,4	909,041
1948	256,7	252,031	1981	3,058,6	994,828
1949	271,3	252,610	1982	3,225,5	1,137,315
1950	273,2	256,853	1983	3,442,7	1,371,660
1951	320,3	255,288	1984	3,846,7	1,564,586
1952	348,7	259,097	1985	4,148,9	1,817,423
1953	372,6	265,963	1986	4,406,7	2,120,501
1954	377,1	270,812	1987	4,654,4	2,345,956
1955	395,9	274,366	1988	5,011,9	2,601,104
1956	427,0	272,693	1989	5,401,7	2,867,800
1957	450,9	272,252	1990	5,737,0	3,206,290
1958	460,0	279,666	1991	5,934,2	3,598,178
1959	490,2	287,465	1992	6,240,6	4,001,787
1960	518,9	290,525	1993	6,578,4	4,351,044
1961	529,9	292,648	1994	6,964,2	4,643,307
1962	567,8	302,928	1995	7,325,1	4,920,586
1963	599,2	310,324	1996	7,697,4	5,181,465
1964	641,4	316,059	1997	8,186,6	5,369,206
1965	687,5	322,318	1998	8,626,3	5,478,189
1966	755,8	328,498	1999	9,127,0	5,605,523
1967	810,2	340,445	2000	9,708,4	5,628,700
1968	868,5	368,685	2001	10,040,7	5,769,881
1969	948,3	365,769	2002	10,373,4	6,198,401
1970	1,012,9	380,921	2003**	10,828,3	6,760,014
1971	1,080,3	408,176	2004**	11,466,0	7,486,447
1972	1,176,9	435,936	2005**	12,042,4	8,132,945

* ВНП включал дополнительные доходы от 1 июля до 1 октября 1976 года, когда конгресс изменил сроки начала и конца финансового года.

** Сумма ВНП на 2003–2005 годы оценочная. Федеральные долги за период 2004–2005 годов также оценочные.

Источник: Отдел управления и бюджета – «Исторические таблицы по финансовым годам, 2005».

Таблица 6.

Бюджетный профицит/дефицит и ВВП (в млрд долларов)

Год	Всего			Внебюджетные*			ВВП
	Приход	Расход	Профицит/ дефицит	Приход**	Расход	Профицит/ дефицит	
1930	4,058	3,320	0,738				97,4
1931	3,116	3,577	-0,462				83,8
1932	1,924	4,659	-2,735				67,6
1933	1,997	4,598	-2,602				57,6
1934	2,995	6,541	-3,586				61,2
1935	3,609	6,412	-2,803				69,6
1936	3,923	8,228	-4,304				78,5
1937	5,387	7,580	-2,193	0,265	-0,2	0,267	87,8
1938	6,751	6,840	-0,089	0,387	-0,10	0,397	89,0
1939	6,295	9,141	-2,846	0,503	-0,13	0,516	89,1
1940	6,548	9,468	-2,920	0,550	-0,14	0,564	-96,8
1941	8,712	13,653	-4,941	0,688	0,35	0,653	114,1
1942	14,634	35,137	-20,503	0,896	0,66	0,830	144,3
1943	24,001	78,555	-54,554	1,130	0,89	1,041	180,3
1944	43,747	91,304	-47,557	1,292	0,114	1,178	209,2
1945	45,159	92,172	-47,553	1,310	0,143	1,167	221,4
1946	39,296	55,232	-15,936	1,238	0,210	1,028	222,7
1947	38,514	34,496	4,018	1,459	0,303	1,157	233,2
1948	41,560	29,764	11,796	1,616	0,368	1,248	256,7
1949	39,415	38,835	0,580	1,690	0,427	1,263	271,3
1950	39,443	42,562	-3,119	2,106	0,524	1,583	273,2
1951	51,616	45,514	6,102	3,120	1,277	1,843	320,3
1952	66,167	67,686	-1,519	3,594	1,730	1,864	348,7
1953	69,608	76,101	-6,493	4,097	2,330	1,766	372,6
1954	69,701	70,855	-1,154	4,589	2,912	1,677	377,1
1955	65,451	68,444	-2,993	5,081	3,983	1,098	395,9
1956	74,587	70,640	3,947	6,425	4,972	1,452	427,0
1957	79,990	76,578	3,412	6,789	6,016	0,773	450,9
1958	79,636	82,405	-2,769	8,049	7,503	0,546	460,0
1959	79,249	92,098	-12,849	8,296	8,996	-0,700	490,2
1960	92,492	92,191	0,301	10,641	10,850	-0,209	518,9

	Приход	Расход	Профицит/ дефицит	Приход	Расход	Профицит/ дефицит	
1961	94,388	97,723	-3,335	12,109	11,677	0,431	529,9
1962	99,676	106,821	-7,146	12,271	13,535	-1,265	567,8
1963	106,560	111,316	-4,756	14,175	14,964	-0,789	599,2
1964	112,613	118,228	-5,915	16,366	15,734	0,632	641,4
1965	116,817	118,228	-1,411	16,723	16,529	0,194	687,5
1966	130,835	134,532	-3,698	19,085	19,715	-0,630	755,8
1967	148,822	157,464	-8,643	24,401	20,424	3,975	810,2
1968	152,973	178,134	-25,161	24,917	22,336	2,581	868,5
1969	186,882	183,640	3,242	28,953	25,204	3,749	948,3
1970	192,807	195,649	-2,842	33,459	27,607	5,852	1,012,1
1971	187,139	210,172	-23,033	35,845	32,826	3,019	1,080,3
1972	207,309	230,681	-23,373	39,907	36,857	3,050	1,178,9
1973	230,799	245,707	-14,908	46,084	45,589	0,495	1,311,0
1974	263,224	269,359	6,135	53,925	52,089	1,836	1,438,9
1975	279,090	332,332	-53,242	62,458	60,440	2,018	1,560,8
1976***	379,292	467,767	-88,476	84,405	89,030	-4,625	2,198,4
1977	355,559	409,218	-53,659	76,817	80,716	-3,899	1,974,4
1978	399,561	458,746	-59,185	85,391	89,657	-4,266	2,218,3
1979	463,202	504,028	-40,726	97,994	99,978	-1,984	2,502,4
1980	517,112	590,941	-73,830	113,209	114,329	-1,120	2,725,4
1981	599,272	678,241	-78,698	130176	135196	-5,020	3,058,6
1982	617,766	745,743	-127,977	143,467	151,404	-7,937	3,225,5
1983	600,562	808,634	-207,802	147,320	147,108	0,212	3,442,7
1984	666,486	851,853	-185,367	166,075	165,813	0,262	3,846,7
1985	734,088	946,396	-212,308	186,171	176,807	9,363	4,148,9
1986	769,215	990,430	-221,215	200,228	183,498	16,731	4,406,7
1987	854,353	1,004,082	-149,728	213,402	193,832	19,570	4,654,4
1988	909,303	1,064,455	-155,152	241,491	202,691	38,800	5,011,9
1989	991,190	1,143,646	-152,456	263,666	210,911	52,754	5,401,7
1990	1,031,969	1,253,165	-221,195	281,656	225,065	56,590	5,737,0
1991	1,055,041	1,324,369	-269,328	293,885	241,687	52,198	5,934,2
1992	1,091,279	1,381,655	-290,376	302,426	252,339	50,087	6,240,6
1993	1,154,401	1,409,489	-255,087	311,934	266,587	45,347	6,578,4
1994	1,258,627	1,461,877	-203,250	335,026	279,372	55,654	6,964,2
1995	1,351,830	1,515,802	-163,972	351,079	288,664	62,415	7,325,1

Окончание

Приход	Расход	Профицит/ дефицит	Приход дефицит	Расход	Профицит/ дефицит	Расход	Профицит/ дефицит
1996	1,453,062	1,560,535	-107,473	367,492	300,904	66,588	7,697,4
1997	1,579,292	1,601,250	-221,958	391,990	310,626	81,364	8,186,6
1998	1,721,798	1,652,585	69,213	415,799	316,604	99,195	8,626,3
1999	1,827,454	1,701,891	125,563	444,468	320,778	123,690	9,127,0
2000	2,025,218	1,788,773	236,445	480,584	330,765	149,819	9,708,4
2001	1,991,194	1,863,770	127,424	507,519	346,838	160,681	10,040,7
2002	1,853,173	2,010,970	-157,797	515,321	355,652	159,659	10,373,4
2003	1,782,342	2,157,637	-375,295	523,842	363,009	160,833	10,828,3
2004****	1,880,279	2,293,006	-412,727	534,745	379,511	155,234	11,546,0
2005****	2,153,859	2,472,205	-318,346	577,476	402,211	175,265	12,290,4

* Фонд социального обеспечения.

** Доходы от налога на продажи.

*** Отражает решение конгресса изменить финансовый год с 1 июля на 1 октября в 1976 году.

**** Предполагаемая статистика.

Источник: Отдел управления и бюджета — «Исторические таблицы по финансовым годам, 2005».

Таблица 7.

Уровень безработицы в соотношении с инфляцией (в процентах)

Год	Уровень инфляции	Индекс потребительских цен*	Год	Уровень инфляции	Индекс потребительских цен*
1948	3,8	8,1	1977	7,1	6,5
1949	5,9	-1,2	1978	6,1	7,6
1950	5,3	1,3	1979	5,8	11,3
1951	3,3	7,9	1980	7,1	135
1952	3,0	1,9	1981	7,6	10,3
1953	2,9	0,8	1982	9,7	>6,2
1954	5,5	0,7	1983	9,6	3,2
1955	4,4	-0,4	1984	7,5	4,3
1956	4,1	1,5	1985	7,2	3,6
1957	4,3	3,3	1986	7,0	1,9
1958	6,8	2,8	1987	6,2	3,6
1959	5,5	0,7	1988	5,5	4,1
1960	5,5	1,7	1989	5,3	4,8
1961	6,7	1,0	1990	5,6	5,4
1962	5,5	1,0	1991	6,8	4,2
1963	5,7	1,3	1992	7,5	3,0
1964	5,2	1,3	1993	6,9	3,0
1965	4,5	1,6	1994	6,1	2,6
1966	3,8	2,9	1995	5,6	2,8
1967	3,8	3,1	1996	5,5	3,0
1968	3,6	4,2	1997	4,9	2,3
1969	3,5	5,5	1998	4,5	1,6
1970	4,9	5,7	1999	4,2	2,2
1971	5,9	4,4	2000	4,0	3,4
1972	5,6	3,2	2001	4,7	2,8
1973	4,9	6,2	2002	5,8	1,6
1974	5,6	11,0	2003	6,0	2,3
1975	8,5	9,1	2004	5,5	2,7
1976	7,7	5,8	2005	4,9	3,4

* Based on Consumer Price Index.

Источник: Департамент США по труду, Бюро по статистике занятости

Рекомендованная литература

Alter, Jonathan. Nixon, A Life, Washington, DC. Regnery Publishing, Inc. 1993.

Ambrose, Stephen E. Eisenhower Soldier and President, New York, Simon & Schuster, 1990.

Ambrose, Stephen. The Triumph of a Politician, 1962–1972, New York, Simon & Schuster, 1989.

Barnet, Herbert S. George Bush, the Life of a Lone Star Yankee, New York, A Lisa Drew Book, Scribner, 1997.

Bordo, Michael D. The Gold Standard, Bretton Woods and Other Monetary Regimes: an Historical Appraisal: tables and figures, Washington, D.C. National Bureau of Economic Research, 1993.

Bourne, Peter G. Jimmy Carter, New York, A Lisa Drew Book, Trademark of Simon & Schuster, 1997.

Brinkley, Douglas. The Unfinished Presidency, Jimmy Carter, New York, Viking, 1998.

Burns, James MacGregor. The Lion and the Fox, New York, Harcourt Brace & Company, 1956.

Buttinger, Joseph. Vietnam, a Political History, New York, Frederick A. Praeger. 1968.

Califano, Joseph A. Jr. The Triumph and Tragedy of Lyndon Johnson, New York, Simon & Schuster, 1991.

Cannon, James. Gerald Ford's Appointment with History, New York, Harper Collins Publishers, 1994.

Cannon, Lou. Governor Reagan, His Rise to Power, New York, Public Affairs, 2003.

Cassidy, John J. The Ford White House, Diary of a Speechwriter, Boulder, Co. Colorado Associated University Press, 1977.

Cummings, Bruce. Korea's Place in the Sun: a Modern History, New York, W.W. Norton, 1997.

Dallek, Robert. An Unfinished Life, John F. Kennedy, 1917–196. , Boston, Little Brown and Company, 2003.

Dallek, Robert. Flawed Giant, Lyndon Johnson and his Times, 1961–1973, New York, Oxford University Press, 1998.

Davidson, Phillip B. Vietnam at War, the History, 1946–1978, Novato, Ca. Presidio Press, 1988.

- Davis, Kenneth S. *FDR: The War President, 1940–1943*, New York, Random House, 2000.
- Deutscher, L. *A Political Biography*, New York, Oxford University Press, 1949.
- Dormani, Armand. *Bretton Woods, Birth of a Monetary System*, New York, Holmes & Meier, 1978.
- Dugger, Ronnie. *On Reagan, The Man and his Presidency*, New York, McGraw Hill Book Company, 1983.
- Ferrel, Robert H. *Harry S. Truman, A Life*, Columbia, Mo. University of Missouri Press, 1994.
- Freidel, Frank. *Franklin D. Roosevelt, A Rendezvous With Destiny*, Boston, Little Brown and Company, 1990.
- Goldman, Eric. *The Tragedy of Lyndon Johnson*, New York, Alfred A. Knopf, 1969.
- Gorbachev, Mikhail. *On My Country and the World*, New York, Columbia University Press, 2000.
- Hersh, Seymour. *The Dark Side of Camelot*, Boston, Little Brown and Company, 1997.
- Hoare, James and Pares, Seison. *Korea an Introduction*, Keegan Paul International, London, 1988.
- Hornby, Alonzo. *A Man of the People*, New York, Funk & Wagnalls, 1973.
- Jordan, Hamilton. *Crisis, The Last Year of the Carter Presidency*, New York, G. P. Putnam's Sons, 1982.
- Karsh, Efraim, and Rautsi, Inari. *Saddam Hussein, A Political Biography*, New York, The Free Press, 1991.
- Kearns, Doris. *Lyndon Johnson and the American Dream*, New York, Harper & Row, Publishers, 1976.
- Khrushchev, Nikita. *Khrushchev Remembers*, Boston, Little Brown and Company, 1970.
- Kotkin, Stephen. *Armageddon Averted, The Soviet Collapse, 1970–2000*, New York, Oxford University Press, 1989.
- Lasky, Victor. *J.F.K. The Man and the Myth, a Critical Biography*, New York, The MacMillan Company, 1963.
- Lasky, Victor. *Jimmy Carter The Man and the Myth*, New York, Richard Marek Publishers, 1979.
- Lyon, Peter. *Eisenhower, Portrait of the Hero*. Boston, Little Brown and Company, 1974.
- Mackay, Sandra. *The Iranianas, Persia, Islam and the Soul of a Nation*, New York, Dutton, 1996.
- Marx, Karl. *Das Kapital* 1872.

- Marx, Karl and Freidrich Engels. *The Communist Manifesto*, 1848.
- Mazo, Earl. *Richard Nixon: A Political and Personal Portrait*, New York, Harper & Brothers Publishers, 1959.
- McCullough, David. *Truman*, New York. Simon & Schuster, 1992.
- Medvedev, Roy. *Let History Judge, The Origins and Consequences of Stalinism*, New York, Columbia University Press, 1989.
- Metz, Helen Chapin (Editor). *Iran, a country study*, Washington, D.C., Federal Research Division, Library of Congress, 1989.
- Morris, Roger. *Richard Millions Nixon, The Rise of an American Politician*, New York, Henry Holt and Company, 1990.
- Nutting, Anthony. *Nasser*, New York, E. P. Dutton, 1972.
- O'Souza, Dinesh. *How and Ordinary Man Became an Extraordinary Leader*, New York, The Free Press, 1997.
- Pemberton William E. *Exit With Honor, The Life and Presidency of Ronald Reagan*, Armonk, N.Y. M. E. Sharpe, 1997.
- Perret, Geoffrey. *Eisenhower*, New York, Random House, 1999.
- Phillips, Kevin. *American Dynasty, Aristocracy, Fortunes, and the Politics of Deceit in the House of Bush*, New York, Viking, 2004.
- Reeves, Richard. *A Ford not a Lincoln*, New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1975.
- Reeves, Richard. *President Kennedy, Profile in Power*, New York, Simon & Schuster, 1993.
- Schweitzer, Peter and Rochelle. *The Bushes, Portrait of a Dynasty*, New York, Doubleday, a division of Random House, 2004.
- Simon Seborg Montefiore. *Stalin, the Court of the Red Tsar*, New York, Alfred A. Knopf, 2003.
- Simons, Geoff. *From Sumer to Saddam*, New York, St. Martins, 1994.
- Stephens, Robert. *Nasser, a Political Biography*, New York, Simon & Schuster, 1971.
- terHorst, Jerald F. *Gerald Ford and the Future of his Presidency*, New York, The Third Press, Joseph Opaka Publishing Company, Inc. 1974.
- Volkogonov, Dmitri. *Stalin's Triumph and Tragedy*, New York, Grove Weiden, 1988.
- Walleeson, Peter J. *The Power of Conviction and the Success of his Presidency*, Cambridge, Ma. Westview, a member of Perseus Books Group; 2003.
- Wicker, Tom. *George Herbert Walker Bush, A Penguin Life*, New York, A Liffer TM/ Viking Book, 2004.

Льюис Е. Каплан

СТАЛИН

Человек, который спас капитализм

Перевод с английского *Р. Оганяна*

Художник *Е. Амитон*

Редактор *Л. Миронова*

Корректор *Е. Иванова*

Верстка *Е. Щербакова*

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовых закупок обращаться:

тел./факс (495)788-72-10;

e-mail: bk@pokolenie.ru

ООО «Издательство «Поколение»

127549, Москва, ул. Пришвина, д. 8, корп. 2.

Тел./факс (495)788-72-10

www.pokolenie.ru

Подписано в печать 24.08.2007

Формат 60×90/16. Гарнитура «NewBaskerville»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,0.

Тираж 3000 экз. Заказ № 5761

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Как часто бывает с книгами, название не отражает в полной мере содержание. В глубокой, блистательной и шокирующей книге Льюиса Каплана рассмотрена не только ведущая роль **Иосифа Сталина** в создании современной политической карты, но изучен вклад экономических и политических мер, предпринятых президентами США, которые, по существу, дополняли именно сталинское видение будущего.

Самые страшные и великие люди обычно не ожидают, что власть преподнесут им на блюдечке с голубой каемочкой. Они берут ее сами и не останавливаются ни перед чем. Сталина назовут, пожалуй, самым значительным политиком своего времени. Книга Льюиса Каплана показывает читателю настоящий срез истории капитализма XX века, который выжил благодаря неординарным поступкам Сталина и вопреки его желанию.

Из этой книги читатель узнает не только о тайных политических хитросплетениях XX века, но и о приемах построения финансовых пирамид на несколько более сложных принципах, чем пресловутая «МММ», и как это в совокупности может воздействовать на судьбы наций и мира в целом.

Мы надеемся, что академическая свобода в оценке фактов, использованная автором **Льюисом Е. Капланом**, не только будет принята благосклонно, но и возбудит желание глубже изучить историю России, США и Британии на протяжении последних ста лет, чтобы самостоятельно составить свое мнение о тех головокружительных завихрениях, которым подвергся мир в последний век.

Эту книгу можно купить
в самом большом магазине
электронных книг

WWW.RUCARTA.RU

RUCARTA